

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Институт Конфуция
при Гомельском государственном университете
имени Франциска Скорины

ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ

Сборник научных статей

Основан в 2017 году

Выпуск 2

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 316.72(=161):316.72(=581)

Во втором выпуске сборника помещены статьи, посвященные рассмотрению мифологической картины мира восточных славян и китайцев, традициям семейной и календарной обрядности восточнославянских и китайского народов, а также восточнославянской и китайской народной педагогике и анализу основных духовно-нравственных ценностей в восточнославянской и китайской культурах. В ряде статей анализируются восточнославянские и китайский языки как носители культурной информации.

Адресуется специалистам в области лингвокультурологии, методики преподавания китайского языка как иностранного, преподавателям и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редколлегия:

В. И. Коваль (гл. ред.), Ван Лэй, И. Г. Гомонова,
Т. В. Сильченко, И. В. Крюкова

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
доктор филологических наук В. В. Шур

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-599-8

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2019

А. А. Аксёникова-Бирюкова

ОТРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «МУЖ – ЖЕНА» В КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются белорусские и китайские фразеологизмы, в которых нашло отражение отношение двух народов к семейным ценностям. Основное внимание уделено исследованию универсальной гендерной оппозиции «муж – жена». Выявляются сходства и различия фразеологизмов, связанные с особенностями истории, культуры, традиций и быта белорусов и китайцев.

В современном мире отношения между разными странами активно развиваются. В рамках сотрудничества Республики Беларусь и Китая возрастает интерес к изучению китайского языка. В процессе общения и сотрудничества могут появляться определенные трудности, связанные с межкультурными различиями. Для их преодоления важно знать особенности менталитета участников культурного диалога. Важнейшую роль при этом играет язык как средство общения и выражения мыслей.

У каждого народа есть свои устойчивые выражения – фразеологизмы, которые тесно связаны с его жизнью, историей, обычаями. Зная фразеологизмы, используемые в определенной стране, можно лучше понять ее национальные традиции и культуру. В белорусском и китайском языках существует большое количество выражений, в которых отражены многовековые традиции этих народов.

Важнейшим понятием, характеризующим отношение к жизни, как в белорусской, так и в русской культуре, является семья. Проанализируем фразеологизмы белорусского и китайского языков, в которых нашли отражение представления двух народов о семейных ценностях, и, в частности, о взаимоотношениях мужа и жены. Для этого воспользуемся словарями Д. Санько «Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем» [1] и Пэн Бо «新编成语谚语俗语歇后语手册» («Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок») [2].

На протяжении тысячелетий семья является самым прочным элементом общества у всех народов, так как именно в ней сохраняются и

передаются традиции, культура. В семье рождаются и воспитываются дети, а значит, продолжается человеческий род. Отсутствие семьи в Китае всегда считалось большой бедой: 男婚女嫁 (nán hūn nǚ jià) – *когда мужчина взрослеет, ему нужно жениться, а когда девушка взрослеет, ей нужно выйти замуж*. И в настоящее время в Китае женщина, не создавшая семью, каких бы высот она ни достигла в карьерной лестнице, является позором своей семьи. В представлении китайского народа, человек без семьи одинок и несчастен: 孤木难活 (gū mù nán huó) – *одно дерево тяжело растет*. Семья – это надежная поддержка для человека: 在家千日好, 出门半日难 (zài jiā qiān rì hào, chū mén bàn rì nán) – *хорошо и тысячу дней в своей семье, трудно половину дня вне семьи*.

Семья для белорусов всегда была и есть основой всей жизни, главным богатством: *Згода ды лад – у сям'і скарб; згодную сям'ю і гора не бярэ; у сям'і і смерць красна*. Одинокая жизнь при этом считается трагедией: *няма худшай кары, як жыць без пары*. Осуждается в белорусских фразеологизмах излишняя разборчивость при выборе спутника жизни: *З вялікіх перабораў засталіся толькі лапці і аборы*.

В древнем Китае верили, что женитьба является предначертанной. Старинная поговорка о браке гласит: 天作之合 (tiān zuò zhī hé) – *союз, совершённый небом*. Китайский народ считал, что брак – это соглашение между мужем и женой, в основе которого находятся доверие, привязанность и любовь на всю жизнь: 溺爱不明 (nì ài bù míng) – *любить так сильно, что не замечать недостатков*; 白头相守 (bái tóu xiāng shǒu) – *до седых волос*.

Кроме того, необходимо отметить, что отношения между членами семьи, и в первую очередь между мужем и женой, базировались в Китае на нормах конфуцианской морали, в основе которой лежит уважение: 唯命是从 (wéi mìng shì cóng) – *Муж слушается жену во всем*. Ли Юн, известный последователь конфуцианства, сказал: «Муж и жена, уважайте друг друга, как если другой был вашим почетным гостем». Считалось, что уважение может объединить и укрепить семью, а крепкая семья является залогом мира и гармонии общества.

Интересен китайский фразеологизм 举案齐眉 (jǔ àn qí méi) – *держат поднос на уровне бровей*. Он связан с преданием о министре Лян Хун и его жене Мэн Гуан, которые жили во времена династии Хань. Когда Мэн Гуан приносила обед своему мужу, она всегда поднимала поднос с едой на уровень своих бровей и доброжелательно его преподносила. Счастливый Лян принимал поднос, и они вместе ужина-

ли. Отсюда произошло выражение *поднять поднос с едой на уровень бровей*, которое используется для описания взаимоуважения и любви между мужем и женой.

В белорусской семье отношения между членами семьи регламентировались общехристианскими традициями. Муж и жена должны быть вместе всю свою жизнь, у них общая судьба: *Муж і жонка – найлепшая суполка; Муж – галава, жонка – душа*. В белорусских фразеологизмах подчеркивается, что только порядок и согласие в семье делают людей счастливыми: *У сям'ю, дзе лад, шчасце дарогу не забывае; Дружная сям'я не ведае смутку; сям'я моцная ладом*. Отмечается, что между мужем и женой должно быть взаимопонимание и уважение: *Там і Бог раюе, дзе жонка мужыка шануе*.

В китайских пословицах о семье говорится о реалиях, которые присущи именно китайскому народу. Например: 破镜重圆 (pò jìng chóng yuán) – *Два обломка зеркала совпали вместе* – в значении 'восстановление семьи'. В этом фразеологизме запечатлен классический китайский сюжет. В древности в Китае были супруги, которые разлучились в момент завоевания их страны другой династией. Они разломали зеркало на две части, одна часть досталась жене, другая – мужу. Супруги обещали, что найдут друг друга через год. И год спустя слуги помогли им найти друг друга с помощью обломков зеркал.

Во многих китайских фразеологизмах отмечается, что благополучие семьи напрямую связано с взаимоотношениями между супругами. Особо подчеркивается верность жены своему мужу, готовность заниматься совместным трудом: 糟糠之妻 (zāo kāng zhī qī) – *Жена, делящая с мужем все невзгоды*; 夫唱妇随 (fū chàng fù suí) – *Муж поет, жена подхватывает* – в значении 'жена всегда оказывает поддержку мужу'.

Процветание в семье в представлении китайского народа неразрывно связано с женщиной: 好妻子, 家庭兴旺 (hǎo qīzi, jiā tíng xīng wàng) – *хорошая жена, семейное благополучие*; 没有妻子, 没有家庭, 不支持、没有家 (méi yǒu qīzi, méi yǒu jiā tíng, bù zhī chí, méi yǒu jiā) – *Без жены нет семьи, без опоры нет дома*. Счастье мужчины также зависит от того, какую жену он имеет: 好妻子的丈夫有没有悲 (hǎo qīzi de zhàngfū yǒu méi yǒu bēi) – *Жена добрая – у мужа нет горя*; 笋好是有一半的收获, 一个好妻子有一半的幸福 (sǔn hǎo shì yǒu yī bàn de shōu huò, yī gè hǎo qīzi yǒu yī bàn de xìng fú) – *Всходы хороши –*

имеешь половину урожая, жена хороша – имеешь половину счастья;
采取坏的妻子–悲伤的所有我的生命、作物失败–饥饿的一年 (cǎi qǔ
huài de qīzi–bēi shāng de suǒ yǒu wǒ de shēng mìng, zuò wù shī bài jī è de
yī nián) – Возьмешь нехорошую жену – горюешь всю жизнь, неуро-
жай – голодаешь весь год.

Положение женщины в семье ярко представлено в белорусских фразеологизмах: *Замуж выйсці трэба знаць: позна легчы, а рана ўстаць*. Женщине отводится особая роль – она и хозяйка, и хранительница домашнего очага, именно от нее во многом зависит благополучие семьи: *У добрай гаспадыні і певень нясецца, свет у сям'і жонкай трымаецца; Мужык дзержыць адзін вугал у хаце, а жонка – тры; Без мужа, што без галавы, а без жонкі, што без розуму; хто добру жонку мае, той гора не знае*.

В то же время указывается, что на то, какой будет жена, во многом влияет муж: *За добрым мужам і жонка добрая; Які Хомка, такая і жонка*. Таким образом, подчеркивается взаимозависимость и единство мужа и жены.

Анализ китайских и белорусских фразеологизмов показал, что для китайского и белорусского народов семья является важнейшей ценностью. Ядром семьи являются муж и жена, которые должны жить в любви и согласии всю жизнь. Хорошая жена является залогом семейного благополучия и счастья. Многие китайские устойчивые выражения связаны с цитатой, притчей или легендой. В них говорится о таких китайских реалиях, которые присущи китайскому народу.

Таким образом, белорусские и китайские устойчивые выражения имеют как сходство, так и различие, обусловленные особенностями менталитета, национальных традиций и культуры белорусского и китайского народов. Их изучение помогает говорящим лучше понять друг друга и облегчает процесс коммуникации.

Список использованных источников

1. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slounik.org/sanko/> – Дата доступа : 10.09.2019.

2. Бо, Пэн. 新编成语谚语俗语歇后语手 Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок / Пэн Бо [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://twirpx.comfile/478391/> – Дата доступа : 14.09.2019.

С. Ю. Аксёничков-Бирюков

ТРАДИЦИИ ЧАЕПИТИЯ В КИТАЕ, РОССИИ И АНГЛИИ

В данной статье рассматриваются русские, китайские и английские фразеологизмы, в которых нашло отражение отношение трех народов к чаепитию. Выявляются сходства и различия фразеологизмов, связанные с особенностями истории, культуры, традиций и быта русских, англичан и китайцев.

Китай – это уникальная страна с древними обычаями, которые передаются из поколения в поколение. Одной из национальных традиций является чайная церемония. 茶道 chá dào – чайная церемония – дословно переводится как *искусство чаепития*. В древнем Китае чаепитие считалось изысканным времяпрепровождением. Поэты писали стихи, художники рисовали картины за чашкой чая, так как чай позволял им обрести особое душевное состояние, необходимое для творчества. Во времена эпох Сун и Тан, проводились «чайные соревнования», где определялся лучший чай. При вступлении в брак существовал обычай, когда при объявлении помолвки, родственники жениха должны были подарить родственникам невесты чай: 三茶六礼 sān chá liù – *3 вида чая и 6 подарков*.

В Китае известно огромное количество сортов чая: 不发酵茶 (即绿茶) bù fājiào chá – *зелёный чай*, 部分发酵茶 (白茶、黄茶) bùfēn fājiào chá – *белый и жёлтый чай*, 半发酵茶 (即乌龙茶) bàn fājiào chá – *чай улун*, 全发酵茶 (即红茶) quán fājiào chá – *красный чай*, 后发酵茶 (即普洱茶等) hòu fājiào chá – *чай пуэр*. Интересным является то, что в китайском языке существуют словосочетания, называющие подвиды данных сортов чая: 白毫乌龙 bái háo wūlóng – *байховый улун*, 剑片绿茶 jiàn piàn lǜchá – *зелёный чай формы меча*, 银针绿茶 yínzhēn lǜchá – *чай «серебряная игла»*, 熟茶 shú chá – *искусственно состаренный чай*.

В Китае традиционно чай заливают водой три раза, но перерывы при этом делают небольшие, чтобы он не остывал. Считается, что с каждым разом вкус чая становится лучше: 头茶香, 二茶苦, 三茶可口不可摘 tóu chá xiāng, èr chá kǔ, sān chá kě kǒu bù kě zhāi – *чай, налитый в первый раз, ароматный; чай, налитый во второй раз, горький; чай, налитый в третий раз, вкусный и неповторимый*.

В Китае сохранилось бесчисленное множество пословиц и поговорок, связанных с процессом чаепития [1]. Огромное внимание в них уделяется тому, в какое время необходимо собирать чай: 七掏金, 八掏银, 十月掏掏平平心 qī tao jīn, bā tao yín, shí yuè tao tao píng píng xīn – июльский чай – золотой, августовский – серебряный, октябрьский – хороший чай. 茶叶是时辰草, 早采三天是宝, 迟采三天是草 chá yè shì shí chén cǎo, zǎo cǎi sān tiān shì bǎo, chí sān tiān shì cǎo – лист чая – словно утренняя трава, если собрать в первые три дня – сокровище, а если собрать в последние три дня – просто трава.

Китайцам известны подробные рекомендации о том, как ухаживать за чайными кустами: 平地有好花, 高山有好茶, 云雾山中出名茶 píng dì yǒu hào chá, gāo shān yǒu hào chá, yún wú shān zhōng chū míng chá – на равнине растут хорошие цветы, в горах вырастает хороший чай, а в горах Юнву – знаменитый чай. 茶季施化肥, 冬季培生泥 chá jì shī huà fēi, dōng jì pēi shēng ní – удобряйте чайный куст летом, а зимой добавляйте глины. Не оставлен без внимания и процесс сбора чая: 茶树早采早发, 越采越发, 迟采迟发 chá shù zǎo cǎi zǎo fā, yuè cǎi yuè fā, chí cǎi chí fā – чем раньше собрать чай, тем быстрее на чайном кусте снова появятся листья. Важным также является его хранение: 酒越陈越香, 茶越存越差 jiǔ yuè chén yuè xiāng, chá yuè cún yuè chà – чем старше вино, тем оно лучше; чем старше чай, тем хуже.

В китайской культуре чай воспринимается как лекарственный напиток: 药为各病之药, 茶为万药之药 yào wéi gè bìng zhī yào, chá wéi wàn yào zhī yào – лекарство лечит от определенной болезни, чай – это лекарство от всех болезней. 烫茶伤五内, 温茶能益寿 dāng chá shāng wǔ nèi, wēn chá néng yì shòu – горячий чай вреден для организма, тёплый – продлевает жизнь. 夏季宜绿茶, 冬季宜红茶 xià jì yí lǜ chá, dōng jì yí hóng chá – зелёный чай нужно пить летом, а чёрный чай подходит для зимы. Чай, несомненно, является незаменимым продуктом: 宁可一日无食, 不可一日无茶 níng kě yì rì wú shí, bù kě yì rì wú chá – можно прожить день без еды, но нельзя прожить день без чая.

Ритуал чаепития в Китае связан с гостеприимством и проявлением уважения: 人要敬客人四碗茶, 四季平安 zhū rén yào jìng kè rén sì wǎn chá, sì jì píng ān – если хозяин уважает гостя, то должен предложить ему 4 чашки чая, для удачи в четырёх сезонах года.

Культура чаепития, заимствованная из Китая, изменилась в разных странах, приобретая национальный колорит, иногда при этом коренным образом отличаясь от принятой в Китае.

В русской культуре сформировались особые традиции, связанные с чаепитием – это обилие сладостей и выпечки на столе, душевные беседы. Поэтому чай в России, прежде всего, ассоциируется с гостеприимством. Он становится незаменимым атрибутом любого праздничного стола, что нашло отражение во многих фразеологизмах [2, с.573]. В гости можно звать просто *на чай (чашку чая)*. *Чаю не попьёте?* – это фраза, обращённая к зашедшему и собирающемуся сразу же уйти человеку.

Кроме того, в России процесс чаепития связан с отдыхом и приятным времяпрепровождением. Свидетельством того служат имеющиеся в русском языке словосочетания *распивать чай, прихлебывать чай*, которые подчеркивают долгую и неспешную манеру чаепития русского человека. При этом чаепитие может ассоциироваться с нежеланием работать: *баловаться чайком, гонять чай* (разг.) – в значении ‘приятно проводить время с кем-либо за чаепитием’.

В России чай обязательно пьют со всевозможными угощениями: *чай с сахаром, чай с вареньем, чай с мёдом, чай с пирогами, чай вприкуску*. Отсюда и существование словосочетания *пустой чай* – ‘чай без ничего’. Устойчивых словосочетаний, раскрывающих видовое разнообразие чая в русском языке немного: *зелёный чай, чёрный чай, байховый чай, китайский чай, индийский чай* [3, с.877]. Это объясняется тем, что производство чая в России не было распространено, и этот продукт завозился из других стран в готовом виде. С этим фактом связано и очень малое количество устойчивых словосочетаний в русском языке, связанных с процессом выращивания и производства чая: *сбор чая, плантации чая* [3, с. 877].

Чаепитие для англичан – это не просто привычка, это своеобразный ритуал со сложившимися традициями. К чаю обязательно подаётся большой выбор выпечки. Традиционно в Англии чай пьют с молоком. В этой стране для чаепития всегда было важно общение. Гости вели светские беседы на темы, предложенные хозяйкой дома, молодые люди учились выгодно представлять себя обществу. Для данного процесса необходимым считалось соблюдение норм этикета, выбор правильной темы беседы. В связи с особенностями английского чаепития как важного социального мероприятия, возникли следующие выражения: *not smb.'s cup of tea* – *не его чашка чаю* – в значении ‘не входить в чью-либо сферу интереса’; *to take tea with smb.* – *пить чай с кем-либо* – в значении ‘иметь с кем-либо деловые отношения’ [4].

Характерным признаком чаепития в Англии является проведение данного мероприятия в определённые часы. В связи с этим в англий-

ском языке возникло словосочетание: tea-time – *время пить чай*; время, обозначающее как чаепитие, так и время суток. Чай в английском обществе служил показателем социального статуса людей. Выражение high tea «*большой чай*», или *поздний чай*, т. е. плотный обед с чаем, или ранний ужин с чаем называет приём пищи, который до недавнего времени был характерен только для представителей среднего и низшего классов английского общества. В настоящее время это словосочетание раскрывает особенности английского характера и демонстрирует английские традиции.

В английском языке присутствуют различные устойчивые выражения, дающие представление о тех видах чая, которые пьют в Англии: green tea – *зелёный чай*, russian tea – *чай с лимоном*, iced tea – *чай со льдом*, white tea – *чай с молоком*. Для английской традиции чаепития не имеет значение сорт чая – важны добавления к нему и крепость: strong tea – *крепкий чай*, weak tea – *слабый чай*, жидкий чай. Есть даже особое шутливое выражение для плохо заваренного чая: husband's tea – «*мужнин чай*» – в значении 'очень слабый чай, «водичка»'.

Немаловажное значение для англичан имеет то действие, которое чай оказывает на организм человека: seven cups of tea make you up in the morning; nine cups will put you to sleep at night – *семь чашек чая разбудят тебя утром, девять чашек усыпят тебя вечером*; you are hot, tea will cool you off, and if you are cold, it will warm you up – *если тебе жарко, чай остудит тебя, если ты замерз, он согреет тебя*.

О популярности данного напитка в Англии свидетельствуют следующие выражения: three comforts of old age: fire, tea and tobacco – *три утешения старости: огонь, чай и табак*; not for all the teain China – *даже за весь чай Китая ('ни за что на свете')*; read the tea leaves – *читать по чайным листьям* [5].

Таким образом, можно сказать, что процесс чаепития в Китае, России и Англии, с одной стороны, имеет общие черты: связан с гостеприимством и приятным времяпрепровождением. С другой стороны, чайные традиции, существующие в трех странах, имеют свои особенности. В китайской культуре чаепитие сродни медитации, помогает зарядиться положительной энергетикой, достичь гармонии. При этом важно насладиться вкусом, ароматом и цветом напитка. В английской традиции чаепития важен процесс общения, интересен медицинский и бытовой аспект; в русской культуре процесс чаепития в большей степени является символом отдыха и приёма гостей, приятного времяпрепровождения.

Список использованных источников

1. Словарь пословиц и поговорок китайского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tmct.cn/chahua/chashi/201102/66.html>. – Дата доступа: 10.09.2019.
2. Степанова, М.И. Фразеологический словарь русского языка / М.И. Степанова – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 608 с.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.
4. Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1999 (COUBUILD) [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Дата доступа : 11.09.2019.
5. Oxford English Reference [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.xn--80aacc4bir7b>. – Дата доступа : 11.12.2018.

УДК 821.161.1-98:821.581-98:523.34

Е. Ф. Асенчик, А. В. Шарникова

ОБРАЗ ЛУНЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (на материале поэтических произведений)

В статье рассматривается концепт «Луна» в русской и китайской поэтических картинах мира, а также его репрезентация в художественных текстах русских и китайских поэтов, в частности, известного китайского поэта династии Тан Ли Бо.

Процесс концептуализации – один из базовых процессов когнитивной деятельности человека. Результатом её становится формирование представлений об окружающей действительности в виде ментальных единиц, которые в когнитивной лингвистике принято называть концептами. Несомненный интерес представляет исследование концептов, репрезентированных в художественных текстах, особенно возникших в культурах разных народов.

Одним из самых распространённых и уникальных концептуальных объектов мира можно считать Луну. Она доступна непосредственному наблюдению и описанию практически в любой точке Земли, поэтому слово, называющее ночное небесное светило, встречается во всех языках. Кроме того, Луна как объект является важной единицей культуры, так

как имеет богатую мифологическую традицию по всему миру, что сделало её одним из самых классических символов в литературе и искусстве. Нами предпринята попытка анализа культурных представлений о концепте «Луна», реализующем свои смысло-выразительные возможности в произведениях русских и китайских поэтов.

Толковые словари русского языка отмечают несколько значений лексемы *Луна*: 1. *ближайшее к земле небесное тело, спутник земли*; 2. *свет, идущий от такого небесного тела*; 3. *спутник любой планеты*; 4. *Период времени от новолунья до новолунья (поэт., устар.)*. [1, 2]. Наиболее широкое толкование предлагается в словаре В. Даля: там *Луна* – это не только «*свет, идущий от небесного тела*», но и ночной свет вообще, «*заревое, зарница, всякий отдаленный или слабый блеск на небе*». Также в словаре представлены несколько значений, которые в настоящее время полностью утратили актуальность: «*зык, звук, гул, отголосок, эхо*» и «*смерть, конец*» [3, с. 280].

Относительно этимологии лексемы исследователи сходятся во мнении, что слово *Луна* происходит от праслав. **luna*, от которого также произошли другие номинации: ст.-слав. *лоуна*, русск. *луна*, *лунить* «бросать тусклый отблеск», укр. *лунá*, *лúно* «отблеск, зарево», «эхо»; из **louksnā* «светила», лат. *lūna* «луна», греч. *λύχνος* м. «светильник», далее сюда же «луч», а также «свет, блеск» [4]. Стоит отметить, что именно толкования, зафиксированные в словаре В. И. Даля, наиболее полно отражают этимологию рассматриваемого слова.

Таким образом, основываясь на лексическом значении слова, можно выделить понятийное ядро концепта «Луна» в русском языке: 1. небесное тело (светило); 2. промежуток времени.

Данный концепт в русской культуре отличается своей амбивалентностью. Обратившись к славянской мифологии, можно обнаружить ряд устойчивых негативных ассоциаций. Сравн.: «Если с солнцем у славян специальные магические действия не связаны, то месяц (луна) иногда оказывается объектом чёрной магии, персонажем многих заговоров, местом обитания покойников» [5, с. 149]. Качественная трансформация образа Луны происходит под влиянием романтизма. Обращаясь к европейской традиции, русские поэты назначают Луну своим вечным спутником. Луна становится покровителем влюбленных и поэтов, источником вдохновения и любовного томления. *Ему луна сквозь тёмный бор / Лампадой таинственной светит; / И всё, что изумлённый взор / Младого путника ни встретит, / С его душою говорит / О чём-то горестно-ужасном, / О чём-то близком и прекрасном...* (В. А. Жуковский «Подробный отчет о луне») Однако и в

новой традиции светило остаётся таинственным, нередко сопровождающим негативные эмоции, знаменующим несчастье. Неоднозначное отношение к Луне отражается и в более поздних литературных произведениях, от поэзии серебряного века до наших дней.

На основании материалов Национального коопуса русского языка [6] можно сделать вывод, что для русской культуры основными значениями периферии концепта «Луна» являются: 1. символ любви: *Как ярко полная луна / Посеребрила эту крышу! / Мы здесь под тенью полотна, / Твое дыхание я слышу* (А. А. Фет. «Как ярко полная луна...»); 2. символ смерти: *Обиталище душ, отрешённых от тела, / Солнце мёртвых, нагая Луна...* (А. А. Кондратьев. «Обиталище душ, отрешённых от тела...»); 3. спутник: *Друзья, здесь светит нам луна, / Здесь кров небес над нами...* (В. А. Жуковский «Певец во стане русских воинов»); 4. недоступная возлюбленная: *Но та, которую не смею / Тревожить лирою моею, / Как величавая луна / Средь жён и дев блестит одна* (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»); 5. символ идеального мира и творчества: *Пойду в долины сна, / Там вкось растут цветы, / Там падает луна / С бездонной высоты* (К. Д. Бальмонт «Долины сна»); 6. символ тоски, печали: *И дальше некуда? Домой / Пришёл я в этот лунный холод?* (И. Анненский «Кипарисовый ларец»).

Образ Луны в китайской поэзии является весьма популярным и представлен в произведениях многих классических авторов. Наиболее полно этот образ раскрывается в поэзии Ли Бо, китайского поэта времён династии Тан [7]. Ли Бо принадлежит к числу самых почитаемых поэтов в истории китайской литературы и считается одним из крупнейших мировых поэтов. Он стремился выразить красоту мира, поэтому для его текстов характерны многочисленные описания природы, и одним из центральных образов поэзии Ли Бо является именно образ Луны.

Лексема *Луна* регулярно употребляется китайским автором в значении «небесное светило»: *Над горами Тяньша / Золотая восходит луна, / И плывёт в облака / Беспредельных, как море, она* («Луна над горной заставой»); *Уже над городом Чанъань / Сияет круглая луна; Отражался сияющий свет луны / В золочёном кубке моем.*

Однако сложно говорить о прямом значении слова, так как для Ли Бо характерно метафорическое осмысление окружающего мира. Поэтому *луна* всегда приобретает дополнительное оттеночное значение – «существо». На это указывает контекст: существительное *луна* в стихах поэта нередко сочетается с глаголами *глядит, колыхается, следует*: *А в кустарнике иволга / Песни лепечет свои, / В золотые бокалы / Глядит золотая луна* («За вином»); *Я начинаю петь – и в такт /*

Колышется луна; А луна – куда бы ты ни пошёл – / Последует за тобой («С кубком в руке вопрошаю луну»).

В ряде произведений Луна выступает собеседником героя, его другом и спутником, что в целом соотносится со значениями, представленным в русской традиции, но Ли Бо идёт дальше, и Луна становится даже его собутыльником: *Но в собутыльники луну / Позвал я в добрый час; С тех пор, как явилась в небе луна – / Сколько прошло лет? / Отставив кубок, спрошу её – / Может быть, даст ответ* («С кубком в руке вопрошаю луну»).

В китайской традиции до настоящего времени лунный календарь повсеместно используется для определения дат традиционных праздников. В период династии Тан он являлся единственным способом летоисчисления. Поэтому в текстах Ли Бо лексема *Луна* часто выступает средством для определения *поры года, времени*: *Осенний ветер весь день в саду / Опавшей шуршит листвою. / Восьмая луна – тускнеет всё* («У нашего дома твоих следов»); *К десятой луне / Проплывёт он три тысячи ли – / И скоро ль вернётся / К просторам родимой земли?* («Девушка из Сычуани»).

Заметное влияние на употребление лексемы в текстах Ли Бо оказала китайская мифология. Лунарные мифы в китайской культуре занимают большее место, чем в восточнославянской. В Китае Луна отображает сущность «инь» – женский природный принцип, пассивность и быстротечность жизни, а также бессмертие. Стоит отметить, что для китайских мифов не характерно негативное отношение к луне, несмотря на то, что солнце осмыслялось как светлая и горячая сила ян, действующая как мужское, положительное и активное начало, а Луна – как сила «инь», начало женское, пассивное, холодное [8].

Так, в стихотворении Ли Бо «С кубком в руке вопрошаю Луну» отражены сразу несколько лунарных мифов: *Ты увидишь, как восходит луна / На закате, в вечерний час. / А придёт рассвет – не заметишь ты, / Что уже её свет погас. / Белый заяц на ней лекарство толчёт, / И сменяет зиму весна. / И Чан Э в одиночестве там живёт – / И вечно так жить должна.* Луна выступает в значении местообитания мифологических существ. Считалось, что на луне живёт Белый Заяц, толкущий в ступе снадобье бессмертия. Другой миф связан с Чан Э – женой И, легендарного стрелка из лука. Воспользовавшись отсутствием мужа, она похитила эликсир бессмертия, подаренный ему богами, и бежала на Луну. Однако, став бессмертной, она вынуждена тосковать на Луне в одиночестве [8]. Поэтому вполне закономерно Луна в текстах Ли Бо высту-

пает в значении символа одиночества: *И одиноко пью вино, / И друга нет со мной. в собутельники луну / Позвал я в добрый час.*

Отличительной чертой употребления является использование данной лексемы в значении «тоска по родине»: *Не разберу: своя ли здесь, / Чужая ль сторона. / Под луной одиноко пью* («Среди чужих»); *Я голову поднимаю – / Гляжу на луну в окошко, / Я голову опускаю – / И родину вспоминаю* («Думы тихой ночью»).

Также характерным является употребление лексемы в значении «идеал»: *Есть в Чжао-Янь прелестница одна / В чертоге, что за облаками скрыт, / Глаза лучисты – что твоя луна; Кого по красоте / Поставлю рядом? / Одну луну – /И не смущусь нимало* («Подношу Сыма Пэю»).

Осмысление Луны как эстетического идеала подтверждает регулярное использование глагола **любоваться**: *Бессмертных нет среди нас, – / Но все они любовались луной, / Как я люблюсь сейчас* («С кубком в руке вопрошаю луну»); *Я стану в горах / Любоваться весенней луной* («Провожая друга, отправляющегося путешествовать в ущелья»). Это позволяет говорить о том, что Луна в китайской культуре осмысливается как символ красоты, гармонии.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «Луна» в русской и китайской культурах имеют множество точек соприкосновения. Однако в текстах Ли Бо наблюдается появление новых периферийных значений: местообитание мифологических существ, символ тоски по родине, эстетический идеал. Также важным отличием является отсутствие символики смерти (и негативных коннотаций вообще) концепта «Луна» в китайской культуре. Таким образом, мы можем наблюдать некоторое несоответствие русской и китайской картин мира, отражённых в поэтических текстах.

Список использованных источников

1. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru> – Дата доступа : 24.09.2019.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ushakovdictionary.ru> – Дата доступа : 24.09.2019.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Т. 2. – 566 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> – Дата доступа : 23.09.2019.
5. Очерки истории культуры славян. – М. : Индрик, 1996. – 494 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> – Дата доступа : 20.09.2019.

7. Ли Бо. Поэзия (в переводах А.И.Гитовича) / Ли Бо [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://lib.ru/POESCHIN/libo_git.txt – Дата доступа ; 24.09.2019.

8. Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980).

УДК 811.161.1'367

П. Е. Ахраменко

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЕЗЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются особенности семантики русских безличных предложений и способы передачи значений этих предложений в китайском языке. Делается вывод о зависимости структурных особенностей русского и китайского языков от мировосприятия их носителей.

Каждый язык по-своему обозначает, представляет, отражает мир, то есть концептуализирует его, создает свою языковую картину мира, представление о мире, которое и отражается, запечатлевается в языке. Язык, в свою очередь, отражает определенный образ восприятия и организации, т.е. «концептуализации» мира отдельным человеком и народом в целом. Общественный опыт, в том числе и культурный, закреплён в языке в виде понятий. Культура в целом, особенности мировосприятия и поведения людей разных народов находят отражение не только в общности их внешнего проявления (одежда, обычаи и т.д.), но и в их языке.

Отличительные языковые черты различных языков очевиднее всего проявляются на внешнем уровне – уровне лексики и фразеологии, синтаксические же отличия оказываются более сложными для восприятия, они не так заметны. Но именно они порой позволяют характеризовать особенности мировосприятия на уровне ментальности.

Для русского синтаксиса свойственны две основные модели отражения действительности: активная, когда субъект в форме именительного падежа является активным деятелем; и пассивная, когда субъект может быть обозначен как деятель, но деятель, который не является активным производителем действия.

Категория безличности в русском языке обозначается безличными синтаксическими единицами. Они в национальном сознании обо-

значают то, что человек просто является наблюдателем осуществляющегося действия или состояния, над которым человек не властен. Действия или состояния протекают как бы сами по себе. Субъект в таких конструкциях подчинен необъяснимой, стихийной силе, он сам может становиться орудием её действия [1, с.75].

Безличные предложения всегда представляли интерес для синтаксических исследований лингвистов.

В. В. Бабайцева обращает внимание на то, что безличные предложения по способу выражения и значению представляют самую «пеструю и разнообразную группу среди односоставных предложений» [2]

Е. М. Галкина-Федорук в своей докторской диссертации «Безличные предложения в современном русском языке», подготовленной на богатом иллюстративном материале, говорит о том, что сущность безличности в русском языке еще не изучена, и обращает внимание на многообразие и многоаспектность безличного предложения, на время и причины появления безличных предложений в речи [3].

Исследователь отмечает, что в лингвистической литературе общим свойством безличных предложений часто считается то, что в них «нет и не может быть подлежащего». В одних случаях это объясняется тем, что безличные предложения не допускают вопроса *кто?* или *что?*, а в других – что подлежащее отождествляется с производителем действия [3].

Определение «подлежащего нет и быть не может» стало признаком безличных предложений, поскольку в них степень связи действия с деятелем и связь признака с носителем граничит с отсутствием деятеля или носителя признака, но это характерно не для всех групп безличных предложений в равной мере. Безличные предложения образуют «сложную и пёструю гамму переходных типов от полной безличности до безличности мнимой или потенциальной», – замечала Е.М. Галкина-Федорук [3].

Однако следует обратить внимание на то, что безличность в предложении (высказывании) создаётся не только тем, что в предложение нельзя «вставить» подлежащее, а тем, что безличное предложение предполагается употребить для обозначения действия без активного участия деятеля.

С точки зрения коммуникативного синтаксиса семантической основой безличных предложений является отсутствие деятеля. Например: *Морозит. Снежит.* Е. М. Галкина-Федорук также отмечает, что указание на деятеля (или носителя признака) в предложении всё-таки может быть, однако в такой форме, которая не допускает грамматического подлежащего. Например: *Я грущу* и *Мне взгрустнулось*. В безличном предложении *Мне взгрустнулось* есть указание на действующее лицо (мне),

однако форма глагола-сказуемого не допускает именительного падежа, его нельзя установить по связи с другими словами [3].

В различных языках категория безличности развита неодинаково. Она не свойственна многим языкам, в том числе и китайскому. Например, в кандидатской диссертации «Категория безличности и безличные предложения в русской языковой картине мира» во второй главе «Грамматическая и лексико-фразеологическая основа категории безличности и ее лексикографическое представление» Суй Сюе Бэнь пишет, что общение между народами разных типов языков и культур, например, русской и китайской, предполагает усвоение образов сознания, из совокупности которых строится языковая картина мира, то есть познается мир [4, с. 48].

Национально-специфическим явлением русского языка на синтаксическом уровне считаются безличные предложения (Н.Д. Арутюнова). В китайском же мировосприятии безличность как самостоятельная отдельная синтаксическая категория при переводе с русского языка осуществляется посредством двусоставных активных конструкций. Поэтому, встречая безличное предложение, говорящий на китайском языке не просто заменяет безличную конструкцию личной, но и меняет образ своих мыслей. Действие без деятеля представляется в китайском языке чаще всего невозможным. Хотя определенные эквивалентные безличным предложениям конструкции здесь встречаются [4, с. 50].

Суй Сюе Бэнь в своей работе отмечает, что в китайском языке в основном существуют следующие способы передачи безличных русских предложений:

«1. Безличные предложения со сказуемым безличным глаголом 3-го лица в невозвратной форме. *Ах, в самом деле рассвело* (А. Грибоедов) – кит. *Ах, в самом деле небо стало светлым*. 2. Безличные предложения со сказуемым безличным возвратным глаголом. *Помутилось у него в глазах* (Л. Толстой) – кит. *Он почувствовал мутность в глазах*. 3. Безличные предложения, выраженные глаголом бытия, существования. *Познаний у меня нет* (К. Паустовский) – кит. *Познаний я не имею*. 4. Безличные предложения с главным членом кратким страдательным причастием. *О свадьбе Ленского у них уж было решено* (А. Пушкин) – в китайском языке нет причастия, поэтому данная ситуация передается страдательной конструкцией с глаголом. 5. Безличные предложения с безлично-предикативными словами в роли главного члена. *Но тихо было вокруг* (В. Солоухин) – кит. *Окружающая обстановка была тихой*. Безлично-предикативные слова, обозначающие состояние окружающей среды, состояние погоды, атмосферные явления (*туманно, темно, жарко, пусто, сыро*) считаются в китайских предложениях прилагательными; обычно

перед прилагательным, являющимся безличным предикативным словом в русском предложении, в китайском языке ставится подлежащее *небо, погода, климат* и т.д. Рус.: К ночи холодно, росисто. Кит.: *К ночи погода становится холодна и росиста*» [4, с. 48–77].

Приведенные примеры свидетельствуют о передаче русских безличных предложений в китайском языке личными конструкциями с обозначением деятеля – подлежащего.

Таким образом, мы видим, что передача нюансов мировосприятия на другой иностранный язык оказывается зависимой от особенностей строения того языка, на который осуществляется перевод.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
3. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. Серия: Лингвистическое наследие XX века / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Либроком, 2012. – 336 с.
4. Бэнь, Суй Сюе. Категория безличности и безличные предложения в русской языковой картине мира / Суй Сюэ Бэнь : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Уфа, 2004. – 194 с.

УДК 581'373.49:32

П. С. Бабкина

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена эвфемизмам, обозначающим общественные явления в китайском языке, а также причинам и особенностям обращения к эвфемизации названных явлений в китайском лингвокультурологическом пространстве.

Язык – это не только способ передачи информации, но и механизм воздействия на других людей, инструмент установления и поддержания контакта внутри социальных сообществ и между ними. Умение искусно «маневрировать» в том или ином социокультурном пространстве при помощи языка неразрывно связано с процессом

межкультурной коммуникации. В разных лингвокультурах существуют разные нормы поведения, культурные «сценарии» и сложившиеся формы выражения тех или иных интенций.

В китайском лингвокультурологическом пространстве не прямое выражение своих интенций считается более вежливым и эффективным. Именно завуалированное выражение своих намерений позволяет китайцам сохранять лицо, повышать эффективность воздействия на адресата, а также регулировать коммуникативное расстояние между адресантом и адресатом, что очень важно для китайского социума. Одним из не прямых способов выражения интенций в китайском языке являются эвфемизмы. С точки зрения Ю. А. Басковой, «эвфемизм – это замена любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрального или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности» [1, с. 58].

Если говорить об эвфемизмах, обозначающих общественные явления, то стоит отметить, что в китайском языке немаловажное место занимает эвфемизация войны. Например, для обозначения войны, а также проявления какой-либо агрессии с целью манипулирования сознанием людей и усыпления бдительности народных масс, используются такие эвфемизмы, как «刀兵» (‘меч и солдат’) вместо «战争» (‘война’), «政治行动» (‘политическая акция’) вместо «侵略» (‘агрессия’), 黄巾 (‘желтые повязки’) вместо «повстанцы», которые принимали участие в народном восстании в Китае 184–204 гг. Примером данного явления в китайском языке также может служить обозначение «对越南平民的杀戮则» (‘истребления простого вьетнамского народа’) «消耗敌人» (‘истощением врага’). В некоторых случаях использование эвфемизмов, обозначающих поражение, дает возможность смягчить масштаб проигрыша и вселить в людей надежду. Приведем в качестве примера заголовок новостной статьи на китайском сайте news.sina.cn:

日媒称美日贸易谈判日本已举白旗：美摩拳擦掌打起如意算盘。
Японские СМИ одобрили американо-японские торговые переговоры, Япония уже выбросила белый флаг: США не терпят строить радужные планы [3].

В данном примере эвфемизм *выбросить белый флаг*, обозначающий капитуляцию, смягчает истинное положение дел, а также позволяет утаить истинные последствия вышеуказанных событий.

Стоит отметить, что название ядерного оружия также нередко смягчается при помощи эвфемизмов. Например, в китайском языке ча-

сто вместо словосочетания 原子弹» (‘ядерная бомба’) используется выражение 辐射能增强装置 (‘прибор, усиливающий радиацию’).

Если затронуть такое социальное явление, как бедность, то для жизни стесненных в материальных средствах людей в китайском языке существует довольно нетипичный для представителя русской лингвокультуры эвфемизм «青灯» (‘зеленоватое пламя масляной лампы’). В Китае считалось, что если в семье горела одна лампа, она давала плохое освещение, следовательно, эта семья являлась бедной. И наоборот, если в семье все комнаты были хорошо освещены, то это обозначало богатство. Также примером эвфемизации бедности может служить китайское выражение «买猪肝» (‘покупать свиную печёнку’). Свиная печень стоит дешевле самой свинины, и те, кто не может позволить себе купить мясо, считаются бедными людьми.

Понятие убийства в китайском социуме также довольно часто эвфемизируется. Это прежде всего связано с негативным социальным восприятием данного явления, а также с желанием преступников скрыть совершенное преступление и избежать ответственности за него. Например, в китайском языке очень часто вместо «杀死» (‘убивать’) используется эвфемизм «干掉» (‘ликвидировать, расправиться’): 我把他干掉了。 *Я расправился с ним* [4].

В китайской лингвокультуре, кроме темы убийства, эвфемизации также подвергается самоубийство. Жизнь – это нечто дарованное свыше, поэтому попытка ее самолишения является грехом и, следовательно, данное явление желательно завуалировать. Пример эвфемизации самоубийства в китайском языке: 因感情纠纷欲跳海, 警唱救了轻生女孩。 *Из-за бытовой ссоры девушка собиралась броситься в море, полиция спасла девушку, не дорожившую жизнью* [5]. В данном примере для обозначения самоубийства используется распространенный в китайском языке эвфемизм «轻生» (‘не дорожить жизнью’).

Важное место в китайском обществе занимает эвфемизация супружеской измены. Это связано с менталитетом китайцев, а также с особенностями китайской культуры. Например, в китайском языке существует выражение «出轨» (‘сойти с рельсов’), которое означает измену. Примером употребления данного эвфемизма может служить интригующий заголовок статьи в китайской газете «人民日报» (‘газета «Женьминьжибао»’): 她怀疑丈夫出轨, 雇来私家侦探, 结果真相没查到, 自己却 ... *Она подозревала, что ее муж сошел с рельсов, и*

наняла частного детектива, в результате подлинная картина так и не выяснилась, однако она лично... [6]. В данном примере использование эвфемизма оправдано желанием снизить масштабы семейной проблемы, а также поставить под сомнение факт измены.

Кроме того, довольно нетипичным для представителя русской лингвокультуры эвфемизмом для обозначения измены является выражение 劈腿 ('сесть на шпагат'), а также «绿帽子» ('зеленая шапка'). Последнее выражение является символом супружеской неверности, что связано с фактами из истории Китая: в эпоху Тан головные уборы зеленого цвета служили для демонстрации позора преступников.

Если обратиться к сфере трудовой деятельности, то необходимо отметить, что такое явление, как безработица в китайском обществе часто подвергается эвфемизации. Для обозначения безработицы в китайском языке используются такие эвфемизмы, как «赋闲在家» ('сидеть дома'), «待业» ('ожидать трудоустройства'), 丢饭碗 ('потерять средства к существованию'). Безработные члены общества используют данные эвфемизмы с целью сохранить лицо в глазах других людей, а также с целью добавить оптимизма в отношении восприятия данной ситуации. Вместе с тем представители власти могут использовать эвфемизацию безработицы с целью приукрасить действительность, существующую в государстве. Например: 2018 年待业女性再就业, 公益扶贫项目持续开展。Ожидающие в 2018 году трудоустройства женщины были приняты на работу, благотворительный проект поддержки нищеты продолжает развиваться [7].

Данное высказывание представляет собой заголовок статьи в китайской газете «华西都市报» ('городская газета Западного Китая') и является иллюстрацией ситуации, когда эвфемизмы используются с целью смягчения реального положения дел, а также с желанием успокоить народные массы и вселить в них надежду в светлое будущее.

Наряду с понятием безработицы в китайском языке существует множество эвфемизмов, обозначающих увольнение. Это связано с желанием работодателя снять с себя вину и снизить свою ответственность за происходящее и за его последствия. В китайском лингвокультурологическом пространстве зачастую вместо «解雇» ('уволить') используются такие эвфемизмы, как «开除» ('исключать'), «解聘» ('освободить от должности'), «炒鱿鱼» ('жарить кальмары'). Например: 意大利全线, 坑惨欧洲 特朗普又要批量炒鱿鱼。Италия

по всем фронтам находится в яме, безжалостные Европа и Трамп снова будут массово жарить кальмары [8].

Таким образом, эвфемизация в китайском языке служит для регулирования социальных отношений в китайском обществе, сохранения лица адресанта и адресата, повышения эффективности воздействия на слушающего, а также для приукрашивания и смягчения негативных реалий. Непрямое выражение интенций в китайском языке при помощи эвфемизмов позволяет оказывать влияние на других членов социума, а также успешно устанавливать коммуникативные контакты в различных сферах жизни общества.

Список использованных источников

1. Баскова, Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) / Ю. С. Баскова // Библиофонд [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=62492>. – Дата доступа : 15.11.2018.
2. 张拱贵.汉语委婉语词典 / 张拱贵 //孔夫子旧书网 [Электронный ресурс]. – 1996. – Режим доступа : <http://book.kongfz.com/26203/296266333/>. – Дата доступа : 10.11.2018.
3. 日媒称美日贸易谈判日本已举白旗：美摩拳擦掌打起如意算盘 // Sina 新闻中心 [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://news.sina.com.cn/o/2018-09-29/doc-ihkmwytp8347040.shtml>. – Дата доступа : 24.10.2018.
4. 心在流浪. 夏天苏贝贝 /心在流浪 // 花羞落[Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.huaxiuluo.com/xs/226988/68436992>. – Дата доступа : 14.11.2018.
5. 因感情纠纷欲跳海，警唱救了轻生女孩 // 厦门网[Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://news.xmnn.cn/xmnn/2018/11/19/100456090.shtml>. – Дата доступа : 18.11.2018.
6. 她怀疑丈夫出轨，雇来私家侦探，结果真相没查到，自己却... //人民日报 [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.cankaoxiaoxi.com/society/20181120/2355248.shtml>. – Дата доступа : 20.11.2018.
7. 2018 年待业女性再就业，公益扶贫项目持续开展 // 华西都市报 [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://news.huaxi100.com/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=18&id=1006542>. – Дата доступа : 17.11.2018.
8. 意大利全线，坑惨欧洲 特朗普又要批量炒鱿鱼 // 搜狐[Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : http://www.sohu.com/a/276468967_119759. – Дата доступа : 20.11.2018.

В. А. Белодед

**ЗООМЕТАФОРА СЕРАЯ МЫШЬ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
СЕМАНТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ**

Статья посвящена описанию семантики зоонима мышь в русском и китайском языках с учётом культурно обусловленных коннотаций. В основу исследования положена интерпретация образной основы лексической семантики, представленной в этнокультурном пространстве русского и китайского языков.

Животный мир является одним из самых распространённых источников метафорических номинаций. В сознании каждого народа существуют представления, на протяжении веков выступающие в качестве устойчивых характеристик животных. Объектом нашего исследования является зоометафора «серая мышь» в языковом сознании русского и китайского народов. Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, в наивных картинах мира сопоставляемых языков образ мыши обнаруживает ассоциативную связь с женским началом.

Китайский толковый словарь 汉典 даёт следующую дефиницию зоонима *мышь*: 哺乳动物的一科，门齿终生持续生长，常借啮物以磨短，繁殖迅速，种类甚多，有的能传播鼠疫等病原，并为害农林草原，盗食粮食，破坏贮藏物、建筑物等（俗称“耗子”） – представитель млекопитающих, передние резцы которого растут до конца жизни, часто грызёт вещи и стирает резцы, быстро размножается, имеет очень много разновидностей, является разносчиком заболеваний, наносит вред земледелию и лесоводству, портит еду, запасы и постройки [1]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим более лаконичное определение: ‘небольшой грызун с острой мордочкой, усиками и длинным хвостом’ [2].

Обратим внимание на то, что китайская дефиниция обладает негативной коннотацией, а русское определение нейтрально. Китайский словарь предлагает всестороннюю характеристику мыши. В китайском языке понятия «мышь» и «крыса» практически равнозначны: *мышь* – это 鼠, а для номинации *крыса* обычно добавляется ещё один иероглиф впереди: 老鼠, что дословно переводится ‘старая мышь’.

Также возможен разговорный вариант номинации *крыса*: 耗子. Однако во всех известных нам словарях иероглиф, обозначающий мышь, имеет 3 варианта перевода:

1) мышь, крыса; родовая морфема в названиях мелких животных, живущих в дуплах или норах, к таковым относятся 田鼠 крот, 松鼠 белка и др.;

2) мышь (один из представителей китайского зодиака 生肖);

3) нечистое животное, вредитель, злодей, супостат.

Большой китайско-русский словарь предлагает дополнительное значение – ‘печальный, горестный’, ‘скорбеть, тосковать’. Как уже было отмечено [3], женщина в древнем Китае имела незавидное положение в обществе. К девочкам относились с крайним пренебрежением, в буквальном смысле слова их не считали за людей. Рождённых девочек продавали чаще, чем мальчиков, считая первых бесполезными. Более того, девочек могли закопать живьём, чтобы избавиться от ненужного бремени. Представительницы женского рода в Китае ранее не имели права голоса. Такой печальный статус женщины логически связывается со словами, заключающими в своей семантике компоненты ‘печаль, скорбь’. С другой стороны, женщина часто выступает и как существо хитрое, коварное, способное принести вред. Первородный грех на земле был совершён прародительницей Евой. Таким образом, значения ‘нечистое животное, вредитель, злодей, супостат’, а также ‘печальный, горестный’, ‘скорбеть, тосковать’, вполне соотносимы с образом женщины.

Рассмотрим подробнее выражение *серая мышь*. Обычно это высказывание применимо по отношению к человеку тихому, незаметному, заурядному. Однако в последнее время в литературе и в окружающем нас социуме наблюдается тенденция обращаться таким образом к лицам преимущественно женского пола, сравн.: *Что с причёской, что без причёски – один чёрт – Маруся Суркова была и осталась неинтересной серой мышью, сгорбившейся на задней парте* [4].

Перевод данного выражения на китайский язык – 沟鼠 – представляет для нас интерес, поскольку первый иероглиф – 沟 – означает ‘овраг’ или ‘пещера’, а также содержит ключ 氵 ‘вода’. С точки зрения сексуально-гендерного символизма женское начало ассоциативно связано с вогнутыми, овальными и круглыми предметами. Пещера символизирует женское начало, причём не только в анатомо-физиологическом смысле. Женские гениталии, согласно древним архетипам, представляются пассивным началом, впадиной, полым про-

странством (сравним общеизвестное наименование мыши в русских сказках – *мышка-норушка*, да и само жилище этих млекопитающих). Стихия воды также обладает исключительно женской символикой. Богиня красоты Афродита была рождена из морской пены. Русалками, как считалось, становились утонувшие или утопившиеся девушки, которые местом своего обитания выбирали водоёмы. Необходимо отметить, что составная часть иероглифа ‘мышь’ включает в себя компонент 𧰨, что означает ‘ступа’ или ‘толочь’. Сам процесс толчения, очевидно, связан с женщиной, чья историческая роль заключается в ведении домашнего быта, поддержания порядка и приготовления пищи. Носителями русской этнокультуры ступа может рассматриваться и как средство передвижения такого женского фольклорного персонажа, как Баба-яга.

Весьма примечательно также, что отдельно взятая номинация цвета *серый* имеет перевод 灰, где присутствует детерминатив ‘огонь’. Огонь выступает в качестве традиционной мужской стихии и оплодотворяющей силы. Неслучайно в словосочетании *серая мышь* 沟鼠 мы сталкиваемся с иероглифами, семантика которых связана с отображением женского начала, а в словосочетании *серый волк* 灰狼 слово *серый* несёт в себе черту, характерную для мужского пола. Так, в словосочетании *серая мышь* 沟鼠 присутствует детерминатив 氵 ‘вода’, который ассоциативно связан с отображением женского начала, а в словосочетании *серый волк* 灰狼 имеется ключ 火 ‘огонь’, который традиционно связывается с мужским началом. Отметим, что символика воды и огня амбивалентна. С одной стороны, эти стихии связаны с очищением, рождением (живая вода, свет и тепло, которые исходят от огня). С другой стороны, вода и огонь способны выступать как разрушительные стихии, несущие беды, смерть, уничтожение (мёртвая вода в сказках, разрушительная сила пожаров).

Обратим внимание на другие слова, имеющие отношение к мышам и содержащие соответствующий иероглиф, поскольку являются родовыми понятиями исследуемого нами объекта. В слове 松鼠 ‘белка’ первый иероглиф означает ‘слабый, изнеженный, рыхлый, неплотный’. Такое описание, несомненно, больше подходит женщине, чем мужчине. В наименовании крысы 老鼠 первый иероглиф имеет значение ‘старый’. Эта часть –老 – состоит из ключей 土 ‘земля’ и 匕 ‘ложка; при этом оба этих элемента неразрывно связаны с женской стихией. Любая женщина ассоциируется с материнством и детьми. В составе слова, называющего представителя китайского зодиака (子鼠 год крысы), элемент 子 означает ‘ребёнок, потомок, сын, семя, плод’.

В китайской культуре мышь вовсе не обязательно ассоциируется с трусливым зверьком и нечистым животным, каким она традиционно считается в славянской культуре. Мыши достаётся почётная миссия – открытие цикла китайского календаря. Согласно легенде, Будда однажды позвал всех зверей праздновать Новый Год, а мышь явилась на торжество самой первой. Всего же присутствовало 12 животных, которым и суждено было стать знаками восточного календаря. Существуют иные версии, в которых Будда позвал зверей для прощания перед тем, как он уйдёт в нирвану, но мышь была первым посетителем бога и здесь. Согласно другой версии этого мифа, Будда послал на землю своего слугу, чтобы тот выбрал и пригласил самых красивых животных [5]. Таким образом, образ мыши связан с божественным началом, а её первенствующее положение на страницах календаря является доказательством того, что именно с этого зверька начинается новый год, новая жизнь, равно как и женщина отвечает за эту функцию, будучи способной дать жизнь новому существу. Не только китайцы, но и жители Кореи, Японии, Вьетнама верят, что мышь – это символ богатства и достатка.

По предположениям ряда этимологов, происхождение русской лексики *мышь* связано с древнейшими табуистическими представлениями о животных: **mūs* ‘серая’ [6].

В славянской мифологии мышь осмысливается как отрицательный персонаж, несущий беды, болезни, голод. В народе мышей и крыс называют гадами. В китайской же традиции всё наоборот. Летучая мышь по своему фонетическому оформлению в китайском языке совпадает со словом *счастье* (fu), сравн.: 蝙蝠 и 福.

Мышь у славян связана с богиней Мокошью – единственным женским персонажем в славянском пантеоне богов. Если китайцы верили, что благополучие им принесёт обычная мышь, то у славян такая роль отводилась Мокоши. К ней также обращались за хорошим урожаем и семейным счастьем. Мокошь – покровительница девушек, брака, родов. Согласно одной из версий о происхождении имени богини, оно берёт своё начало от древнеславянского **mokos* ‘прядение’ (В. В. Иванов и В. Н. Топоров [7]). Известный российский историк Б. А. Рыбаков рассматривал происхождение имени *Мокошь* (вариантное *Макошь*) следующим образом: *ма* ‘мать’, *кошь* ‘жеребий, корзина’ [7]. Определяющим в образе Мокоши остаётся мотив прядения. Так, в русской народной сказке «Гуси-лебеди» на помощь главной героине приходит мышь, предлагая прясть кудель, за который усадила девочку Баба-яга, пока брат и сестра будут убегать. Вполне логично предположить, что сама богиня пришла детям на помощь, превратившись в мышь. Кроме того, согласно древне-

русским преданиям, Млечный Путь был создан из молока Мокоши. Отметим, что одно из названий Млечного Пути – Мышиная тропка. По народному поверью, Млечный Путь – это дорога, по которой душа отправляется на тот свет.

Несмотря на то, что мышь в китайском языке обладает положительной символикой, встречаются метафоры, не лишённые неодобрительной окраски, сравн.: 孤雏腐鼠 ‘брошенный цыплёнок и дохлая мышь’ (никуда не годный, никчёмный), 三蛇七鼠 ‘три змеи и семь мышей’ (‘причинять вред’), 鼠肝虫臂 ‘печень крысы, лапки насекомого’ (‘ничтожное существо, негодная вещь’), 獐头鼠目 ‘голова безрогого оленя и крысиные глаза’ (об отвратительной внешности).

Таким образом, зооним *мышь* в русском и китайском языках обладает как положительными, так и отрицательными коннотациями, отображая одновременно как существо, вредящее человеку, так и благоприятный символ, сопутствующий успеху. При этом рассматриваемый образ эксплицирует качества, которые на структурно-семантическом уровне связаны с женским началом.

Список использованных источников

1. Китайский толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.zdic.net/hans/%E9%BC%A0>. Дата обращения 19.09.2019.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.endic.ru/ozhegov/Mysh-16481.html>. Дата обращения 22.09.2019.
3. Белодед, В. А. Концепт «женщина» в китайской и русской фразеологии / В. А. Белодед // Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – Гомель, 2018. – С. 44–50.
4. Устинова, Татьяна. Большое зло и мелкие пакости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://libbooks.ru/?book=121021>. Дата обращения 20.09.2019.
5. Легенды возникновения китайского гороскопа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://podskazok.net/goroskop/kitayskiy-goroskop-legendyi-vozniknoveniya.html>. Дата обращения 19.09.2019.
6. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://libbooks.ru/?book=121021>. Дата обращения 20.09.2019.
7. Мокошь. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%88%D1%8C>. Дата обращения 20.09.2019.

Ван Имин

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАЗДНИК УРОЖАЯ В БЕЛАРУСИ И КИТАЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сравнению современного праздника урожая в Беларуси и в Китае. Праздник урожая в каждой стране имеет важное значение в народной духовной культуре. Так как со временем способы празднования изменились, рассмотрим аналогии и различия в проведении торжественных праздничных мероприятий двух стран.

Сельскохозяйственная культура существует во всех мире, и не важно, это восточный Китай или западная Беларусь: каждая из стран обладает своими особенностями. Стоит отметить, что они в некоторой степени совпадают в духовном аспекте, и самым убедительным доказательством этого служит праздник урожая. В древности и белорусский, и китайский праздники сопровождалась жертвоприношениями и другими обрядами, но по мере развития общества и науки этот праздник претерпел различные изменения, поэтому исследование его в контексте современности представляет научный интерес.

Смысл осенних обрядовых действий в Беларуси заключался в благодарности и признательности полевым духам и силам природы за богатый урожай, содействию дальнейшему благополучию на поле и в хозяйстве. Это полностью совпадает со смыслом обрядовых действий праздника урожая в Китае.

«В годы советской власти традиционный народный праздник, связанный с окончанием жатвы, — Дожинки, получил новое название — Праздник урожая и пополнился новыми социалистическими обрядами и традициями. Благодаря этому изменилась сама суть и значение праздника. Это стало днём празднования окончания уборки урожая, а также и днем подведения итогов коллективного труда, чествования победителей социалистического соревнования. Официально разрешив праздник урожая, советская власть, сама того не желая, поспособствовала сохранению традиционного народного праздника, связанного с окончанием жатвы, — Дожинок» [1].

Уже в 90-е годы XX в. в современной Беларуси обряд Дожинок возродился и стал значимым народным праздником, отмечаемым на

государственном уровне. Если раньше на Дожинках, или празднике урожая, преобладали социалистические призывы и было совсем мало проявлений традиционной народной культуры, дожиночных обрядов в неизменном, первоначальном виде, то с обретением Беларуси независимости именно точное исполнение старинных обычаев и обрядов стало одним из главных проявлений Дожинок на празднике.

С 1996 года Дожинки преобразовались в республиканский фестиваль-ярмарку работников сельского хозяйства. С 2015 года формат праздника изменен на локальный – фестиваль организуется в одном из районных центров Беларуси каждой областью самостоятельно. В современном формате Дожинки – это сельскохозяйственная фестиваль-ярмарка, которая является своего рода подведением итогов сельскохозяйственных работ. В 2019 году фестиваль Дожинки в Минской области проходил в агрогородке Петковичи Дзержинского района. Мероприятие включало в себя награждение лучших работников агропромышленного комплекса, парад сельскохозяйственной техники, выступления фольклорных коллективов и различные развлекательные мероприятия, как например, концерт районной самодеятельности, привлечение зрителей к изучению белорусских народных танцев («Гречаники»), хороводов, игра в «ручеек» и т. д. На фестивале-ярмарке также можно было приобрести различную празднично оформленную продукцию сельского хозяйства [2].

В Китае праздник Середины осени ранее включал в себя элементы праздника урожая. Приношения Луне и предкам сопровождалась просьбами о богатом урожае и благополучии. Вслед за стремительным развитием общества обычаи китайского праздника также претерпели определенные изменения. После основания Нового Китая 1949 года, в период Культурной революции, праздник Середины осени подвергся критике как один из «четырех пережитков» (кит. 四旧). Но праздник не исчез, имея сильный жизненный потенциал, он дошел до настоящего времени. В связи с развитием науки, техники и товарной экономики, к традиционным обычаям праздника постоянно добавляются новые черты. Правительство Китая придает большое значение традиционному фестивалю «Праздник Середины осени». Народный обычай является краеугольным камнем китайской национальной культуры. С развитием рыночной экономики праздник Середины осени все больше ценится людьми. Теперь собираются вместе не только друзья и родственники, различные предприятия и учреждения организуют мероприятия, посвященные празднику Середины осени, которые направлены на сплочение коллектива. В день праздника на телевизионных станциях и онлайн-площадках про-

ходят специальные программы и концерты, что создает праздничную атмосферу, которая удовлетворяет духовные потребности людей.

В 2018 году Китай официально учредил дату китайского праздника урожая (для крестьян). В 2019 году с 21 сентября по 7 октября в Пекине в районе Тунчжоу Сельскохозяйственная академия организовала проведение праздника урожая под общим девизом «Золотой Пекин. Пьянящая красота полей. Совместное наслаждение успехами. Торжество праздника урожая». Главная цель мероприятия – продемонстрировать сельскохозяйственную продукцию хорошего качества и местные лакомства. Сейчас этот праздник отмечается не только в деревне, но и городские жители тоже разделяют радость празднования.

Празднование включало в себя многочисленные мероприятия. Первый сектор – открытие, которое началось художественным представлением, в котором сочетались традиционные искусства, присущие району Тунчжоу, пение, танцы и обряды земледелия. Второй сектор: гости могли посетить Научно-технологический парк и ознакомиться с новейшими достижениями сельскохозяйственной техники. Третий сектор – это подиумная программа, в которой модели прошли в костюмах овощей и фруктов, демонстрируя художественную красоту и культурное наследие Тунчжоу, что представляет богатую культурную жизнь граждан. Четвертая секция – это специальное фольклорное представление, в котором представлена местная художественная культура Тунчжоу. В то же время ведущий задействовал публику, проведя викторину о сельском туризме. Пятая секция представляла собой выставку всех видов фольклора, который характерен для района Тунчжоу. Например, игра в кунджу (или бамбуковую катушку, кит.空竹制作技艺), резьба по старому дереву (кит.枯木陶制作), традиционное ткачество (кит.传统布艺), искусство традиционного грима (кит.传统脸谱艺术), искусство создания «Пекинской обезьянки» (кит.北京毛猴), искусство отливания мечей (кит.宝剑铸造艺术), резьба по кости (кит.骨雕制作), инкрустация тыквы горлянки (кит.葫芦镶嵌艺术), резьба по покрытому лаком изделию (кит.雕漆制作), искусство клоизонового фарфора (кит.景泰蓝艺术), искусство создания ветряных мельниц Тунчжоу (кит.通州大风车制作艺术), искусство создания фигурок из теста

(кит.面塑艺术) и т. д. [3]. Целью таких выставок является развитие местных видов искусства. Шестая секция – это конкурс навыков ведения сельского хозяйства, в котором участвуют городские жители. Цель конкурса заключается в том, чтобы городской житель мог на личном опыте постичь навыки сельскохозяйственного труда, прочувствовал, насколько непростой является жизнь крестьянина, и в то же время мог насладиться сельской идиллией. Седьмая секция – конкурс творчества живописи и каллиграфии на тему урожая. Последняя, восьмая, секция демонстрирует успешные результаты вклада науки в развитие сельского хозяйства. Здесь можно увидеть гигантскую тыкву, маленький арбуз размером с большой палец руки и еще пятьсот различных необычных плодов и растений, которые были выведены с помощью современных научных достижений. Кроме этого, была представлена новейшая техника и такие способы земледелия, как роторный культиватор, гидропоника, симбиозное выращивание рыбы и растительной продукции т. д.

Сравнивая праздники урожая Китая и Беларуси, можно увидеть, что существуют и аналогии, и различия. Китай находится в Азии, Беларусь – в Европе, и вследствие научно-технического прогресса в обоих регионах в отношении к празднику урожая произошли соответствующие изменения. Если ранее это было обращение и задабривание божеств, то сейчас акцент праздника делается на чувства человека. Проведение празднования тесно связано с различными видами искусств, что дает возможность установить более тесную связь между городом и деревней, а это в свою очередь способствует сохранению и развитию этого наследия. Важным аспектом современного праздника урожая в двух странах является демонстрация научных достижений сельскохозяйственного сектора. Очевидная разница в проведении торжеств состоит в масштабах праздника. Так как Китай – густонаселенная страна, праздник отмечается более грандиозно, длится несколько дней, что позволяет большому количеству человек посетить мероприятие. Разница заключается также в видах искусства, которые задействуются при проведении торжественных мероприятий. В Беларуси это народные танцы и песни, народные игры, разнообразные увеселения, демонстрация изделий декоративно-прикладного искусства на тему урожая и др. В Китае же преобладают местные традиционные ремесла.

Сравнение праздника урожая Китая и Беларуси может способствовать развитию двухсторонних культурных контактов и сохранению древних традиций двух стран.

Список использованных источников

1. Дожинки (фестиваль) // Википедия [Электронный ресурс]– Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дожинки_\(фестиваль\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дожинки_(фестиваль)). – Дата доступа : 12.09.2019
2. Агροгородок Петковичи приглашает на «Дожинки-2019». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://agronews.com/by/ru/news/breaking-news/> – Дата доступа : 11.01.2019
3. Праздник урожая – 2019 в районе Тончжоу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sohu.com/a/337419796_99906946 – Дата доступа : 18.09.2019.

УДК 378(476+510)(045)

М. М. Воінава-Страха

АДМЕТНАСЦІ БЕЛАРУСКА-КІТАЙСКІХ КУЛЬТУРНА-МОЎНЫХ УЗАЕМАСУВЯЗЕЙ У КАНТЭКСЦЕ ГЛАБАЛІЗАЦЫ

(з вопыту Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта)

У дадзеным артыкуле разглядаюцца кірункі развіцця сувязей з установамі вышэйшай адукацыі Кітайскай Народнай Рэспублікі ў адукацыйнай, навукова-даследчай і культурнай сферах дзейнасці: адметнасці функцыянавання цэнтраў вывучэння Беларусі, Цэнтра Якуба Коласа, спецыфіка выкладання беларускай мовы як замежнай, распрацоўка вучэбна-метадычных дапаможнікаў, акадэмічны абмен студэнтамі і выкладчыкамі.

Адметнае месца ў сучаснай міжнароднай прасторы належыць беларуска-кітайскім узаемасувязям. У Рэспубліцы Беларусь і Кітайскай Народнай Рэспубліцы праводзіцца плённая мэтанакіраваная дзейнасць па распрацоўцы буйных сумесных праектаў у адукацыйнай, навукова-даследчай і культурнай сферах дзейнасці.

Так, у рамках рэалізацыі ініцыятыў “Адзін пояс, адзін шлях”, Года адукацыі Беларусі ў Кітаі ўзрасла ўвага да вывучэння мовы, літаратуры, культуры і гісторыі Беларусі сярод насельніцтва КНР. У буйных універсітэтах Кітая ўсталёўваюцца помнікі класікам нацыянальнай літаратуры: у Цяньцзінскім універсітэце замежных моў – Якубу Коласу, у Сіанскім універсітэце замежных моў – Янку Купалу. У перспектыве запланавана адкрыццё помнікаў дзеячам культуры і мастацтва Беларусі і ў іншых гарадах КНР.

У шэрагу ўстаноў вышэйшай адукацыі Кітая адкрываюцца цэнтры вывучэння Беларусі. Сумесна з Мінскім дзяржаўным

лінгвістычным універсітэтам (далей – МДЛУ) такія цэнтры створаны ў Пекінскім універсітэце замежных моў, Другім Пекінскім універсітэце замежных моў, Усходне-Кітайскім педагагічным універсітэце. Акрамя таго, на пастаяннай аснове ажыццяўляецца ўсебаковая падтрымка МДЛУ дзейнасці цэнтраў вывучэння Беларусі ў Цяньцзінскім і Сіанскім універсітэтах замежных моў.

Сумесна з МДЛУ пры Цяньцзінскім універсітэце замежных моў створаны ўнікальны па сваёй сутнасці Цэнтр Якуба Коласа, функцыі якога прадугледжваюць папулярызацыю беларускай культуры, мовы і літаратуры ў Кітаі, ажыццяўленне прафесійнай падтрымкі педагогаў-беларусістаў, распрацоўку навуковай базы і вучэбна-метадычных комплексаў па выкладанні беларускай мовы як замежнай, правядзенне разнастайных асветніцкіх мерапрыемстваў, у тым ліку коласазнаўчых даследаванняў, пераклад з беларускай мовы на кітайскую і наадварот твораў мастацкай літаратуры і інш.

Дзякуючы падтрымцы кітайскіх партнёраў у МДЛУ створаны і эфектыўна дзейнічае факультэт кітайскай мовы і культуры, на якім ажыццяўляецца падрыхтоўка будучых выкладчыкаў, перакладчыкаў і спецыялістаў па міжкультурнай камунікацыі. Як засведчыў вопыт мінулай уступнай кампаніі, на дадзены факультэт паступалі лепшыя выпускнікі беларускіх школ, пераможцы рэспубліканскіх алімпіяд па замежных мовах. Падчас размеркавання студэнтаў пятага курса гэтага факультэта на першыя працоўныя месцы на кожнага выпускніка ў сярэднім было накіравана каля трох заявак ад арганізацый-заказчыкаў. Прыведзеныя факты сведчаць аб высокай запатрабаванасці спецыялістаў з веданнем кітайскай мовы.

У рэчышчы інтэнсіўнага развіцця двухбаковых узаемасувязей узрасла ўвага да вывучэння беларускай мовы як замежнай. Так, ва ўніверсітэцкія адукацыйныя праграмы КНР уводзіцца спецыяльнасць “Беларуская мова” (Пекінскі ўніверсітэт замежных моў, Другі Пекінскі ўніверсітэт замежных моў, Сіанскі ўніверсітэт замежных моў, Цяньцзінскі ўніверсітэт замежных моў), стымулюецца правядзенне нацыянальных і рэгіянальных даследаванняў. Студэнты вышэйакрэсленых устаноў вышэйшай адукацыі ўжо сёння вывучаюць беларускую мову як другую замежную на першай ступені вышэйшай адукацыі. Менавіта яны ў будучым змогуць рэалізаваць сябе як прафесійныя выкладчыкі, перакладчыкі, супрацоўнікі дыпламатычных структур.

Безумоўна, адным з самых эфектыўных спосабаў вывучэння замежных моў з’яўляюцца праграмы акадэмічнага абмену. Дзякуючы

існуючым шматлікім пагадненням з кітайскімі ўстановамі вышэйшай адукацыі штогод адбываецца актыўны студэнцкі абмен. Так, ужо традыцыйны характар набыло навучанне беларускіх студэнтаў ва ўніверсітэтах КНР. Цалкам жа новай з'явай у акадэмічным супрацоўніцтве стаў візіт у МДЛУ ў верасні 2019 года студэнтаў Цяньцзінскага ўніверсітэта замежных моў з мэтай вывучэння беларускай філалогіі. Кітайскія студэнты паспяхова інтэгрваліся ў адукацыйны працэс. Для іх распрацаваны асобны вучэбны план, які прадугледжвае вывучэнне ўсіх аспектаў беларускай мовы (фанетыкі, граматыкі, лексікі, аналітычнага чытання і г.д.), а таксама літаратуры і гісторыі нашай краіны.

Адначасова рэалізуецца і выкладчыцкі акадэмічны абмен. Так, у 2019–2020 навучальным годзе з мэтай вывучэння беларускай мовы ў МДЛУ прыбыла выкладчык Пекінскага ўніверсітэта замежных моў, кандыдат педагагічных навук Чжао Сінь. Пасля праходжання гэтай стажыроўкі і атрымання адпаведнай кваліфікацыі яна плануе самастойна выкладаць беларускую мову студэнтам дадзенай установы вышэйшай адукацыі.

У гэтым жа навучальным годзе для выкладання беларускай мовы як замежнай у Сіянскі ўніверсітэт замежных моў накіравана дацэнт кафедры беларускай мовы і літаратуры МДЛУ В. У. Барысенка. На працягу цэлага года яна будзе працаваць з групай кітайскіх студэнтаў, для якіх беларуская мова з'яўляецца асноўнай спецыяльнасцю.

Улічваючы, што вывучэнне беларускай мовы ў названых установах вышэйшай адукацыі знаходзіцца на стадыі развіцця, узнікла неабходнасць арганізацыі падрыхтоўкі кадравы, вучэбна-метадычнага і праграмнага забеспячэння для выкладчыкаў беларускай мовы.

Так, у сааўтарстве з дацэнтамі кафедры беларускай мовы і літаратуры МДЛУ В. У. Барысенка і Л. С. Кныш распрацаваны дыдактычныя матэрыялы па беларускай мове як замежнай: 1) Тэсты па беларускай мове як замежнай. Элементарны ўзровень (А 1). Агульнае валоданне. Базавы ўзровень (А 2). Агульнае валоданне [1]; 2) Тэсты па беларускай мове як замежнай. Сярэдні (парогавы) узровень (В 1). Агульнае валоданне. Сярэдні (павышаны) узровень (В 2). Агульнае валоданне [2]; 3) Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень (А 2). Агульнае валоданне [3]. Акрамя таго, непасрэдна нашымі спецыялістамі распрацаваны вучэбныя дапаможнікі: 1) Беларускі язык для стран СНГ [4]; 2) Беларуская мова для пачаткоўцаў: дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі [5].

Канцэцыя вышэйзгаданых падручнікаў зыходзіць з найноўшых тэарэтычных палажэнняў міжкультурнай камунікацыі, абапіраецца на існуючыя еўрапейскія стандарты навучання, арыентаваны на самастойную і аўтаномную працу студэнтаў.

Аднак дадзеныя выданні арыентаваны на патрэбы канкрэтнага моўнага асяроддзя (краін СНД, Польшчы і інш.). Напрыклад, падручнік па беларускай мове для пачаткоўцаў распрацаваны для тых замежных студэнтаў, якія валодаюць блізкароднаснымі мовамі, але не ўлічваюць спецыфікі падрыхтоўкі спецыялістаў па беларускай мове як замежнай ва ўніверсітэтах іншых краін свету.

Гэтыя чыннікі абумовілі неабходнасць стварэння асобных падручнікаў па беларускай мове як замежнай з улікам спецыфікі іншых моўных сістэм. Напрыклад, у дадзены момант вядзецца распрацоўка падручніка па беларускай мове як замежнай для Пекінскага ўніверсітэта замежных моў. Улічваючы спецыфіку дзвюх адрозных моўных сістэм, беларускай і кітайскай, а таксама той факт, што вывучэнне беларускай мовы на дадзеным этапе знаходзіцца на ранняй стадыі развіцця ў кітайскіх універсітэтах, стварэнне падручніка па беларускай мове як замежнай, у якім прадугледжваецца ўвядзенне не толькі фанетычнага, граматычнага, лексічнага, сінтаксічнага блокаў, але і культурнага кампаненту, набывае асабліва актуальнае значэнне. Акрамя таго, дадзены падручнік павінен быць максімальна адаптаваны да студэнтаў кітайскіх універсітэтаў з улікам спецыфікі моўных, культурных і шэрагу іншых адметнасцей. Стварэнне такога падручніка запланавана к канцу 2019–2020 навучальнага года.

Варта адзначыць, што, акрамя вышэйпералічаных кірункаў, беларуская мова як замежная ў цэлым набывае ўсё больш імклівае развіццё ў МДЛУ. Адной з прычын з'яўляецца пашыранае геаграфічнае прадстаўніцтва замежных студэнтаў. Так, на сённяшні момант ва ўніверсітэце навучаюцца прадстаўнікі больш за 30 краін свету: Украіны, Турцыі, КНР, Туркменістана, Казахстана, Францыі, Іспаніі, Бельгіі і інш. Менавіта для іх прадугледжана ўключэнне беларускай мовы як замежнай у асноўны адукацыйны працэс першай ступені навучання.

На першым курсе для гэтай катэгорыі арганізоўваецца вывучэнне беларускай мовы як замежнай на пачатковым узроўні. З ліку дадзеных студэнтаў ствараецца асобная акадэмічная група, для якой прадугледжваецца вывучэнне беларускай мовы з самага “нуля”.

Яшчэ адзін кірунак прадугледжвае вывучэнне беларускай мовы на ўзроўні курсавой падрыхтоўкі з улікам магчымасці навучання па індывідуальнай праграме, а таксама ў рамках летняй школы беларусазнаўства.

У ліпені 2019 года адбылася першая такая школа. Прадстаўнікі некалькіх краін свет на працягу двух тыдняў мелі магчымасць не толькі вывучаць беларускую мову і літаратуру, але і спасцігаць адметнасці айчынай гісторыі, культуры, наведваючы музеі і гісторыка-культурныя помнікі нашай краіны. Мы спадзяемся, што правядзенне такой школы стане добрай традыцыяй і кола геаграфічнага прадстаўніцтва з цягам часу будзе толькі пашырацца.

Праца па папулярызацыі і развіцці беларускай мовы як замежнай набывае асаблівае значэнне ў кантэксце сучасных працэсаў глабалізацыі. Сярод даследчыкаў існуюць розныя меркаванні адносна сутнасці і паследстваў дадзеных працэсаў. Даволі распаўсюджанай з’яўляецца думка пра тое, што пад уздзеяннем сусветных працэсаў глабалізацыі нацыянальныя мовы, літаратуры, культуры (асабліва невялікіх краін) могуць страціць сваю нацыянальную ідэнтычнасць і самабытнасць. Згодна з навукоўцамі, актывізацыя працэсаў інтэграцыі можа непазбежна прывесці да “адчужэння традыцыйных каштоўнасцей” і “экспансіі масавай культуры” [6, с. 193], у кантэксце глабалізацыі “ва ўмовах вымушанай адаптацыі нацыянальных каштоўнасцей да новай геапалітычнай, эканамічнай, камунікатыўнай сітуацыі механізм нацыянальнай і культурнай самаідэнтыфікацыі і ўсведамлення нацыянальнай ідэнтычнасці натуральна ўскладняецца” [6, с. 193].

У якасці аднаго з варыянтаў выйсця ў дадзенай сітуацыі, каб пазбегнуць негатыўных уплываў глабалізацыі, даследчыкі бачаць у глыбока прадуманай рэгіянальнай і міжнароднай інтэграцыі эканомікі, культуры і іншых галін, дзе прыярытэтнымі з’яўляюцца нацыянальныя інтарэсы.

Вышэйакрэсленыя кірункі развіцця сістэмы папулярызацыі і вывучэння беларускай мовы ў МДЛУ з’яўляюцца, з нашага пункту гледжання, прыкладам падкрэслена канструктыўнага працэсу інтэграцыі, які садзейнічае плённаму развіццю ўсебаковага супрацоўніцтва ў сферы адукацыйнай, навуковай і культурнай сферах дзейнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Тэсты па беларускай мове як замежнай. Элементарны ўзровень (А 1). Агульнае валоданне. Базавы ўзровень (А 2). Агульнае валоданне / склад. Л. І. Сямешка [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2017. – 112 с.
2. Тэсты па беларускай мове як замежнай. Сярэдні (парогавы) узровень (В 1). Агульнае валоданне. Сярэдні (павышаны) узровень (В 2). Агульнае валоданне / склад. Л. І. Сямешка [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2017. – 112 с.
3. Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень (А 2). Агульнае валоданне / склад. Л. І. Сямешка [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2017. – 112 с.
4. Белорусский язык для стран СНГ / Н. Ю. Павловская, О. В. Борисенко, П. В. Васюченко, Л. С. Кныш, О. В. Семенькевич, Г. К. Чеховский. – М. : ИПК МГЛУ “Рема”, 2012. – 452 с.
5. Беларуская мова для пачаткоўцаў: дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі, якія навучаюцца па спецыяльнасцях 1-21 06 01 “Сучасныя замежныя мовы (выкладанне)”, 1-23 01 02 “Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый (па напрамках)” і 1-21 06 01 02 “Сучасныя замежныя мовы (пераклад)” / В.У.Барысенка [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2017. – 244 с.
6. Старикова, Н. Н. Славянские литературы в эпоху глобализации. «Перезагрузка» идентичности / Н. Н. Старикова // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посв. памяти засл. проф. МГУ А.Г. Широковой / ред. колл. : В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М. : МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – С. 192–200.

УДК 811'42'373.422:398.91(=161.1): 398.91(=581)

А. И. Головня, Ду Бикунь

ОБЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАИВНЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье описывается общность и специфика представления концептов «жизнь» и «смерть» в русской и китайской лингвокультурах. Проведен сопоставительный анализ реализации антонимических концептов «жизнь» и «смерть» в русской и китайской наивных картинах мира на примере паремий.

Концепты «жизнь» и «смерть» в русской и китайской лингвокультурах неразрывно связаны. Содержание русских и китайских паремий о жизни может быть сведено к следующим смыслам: ‘жизнь

проходит очень быстро', 'в жизни человека бывает много трудностей и проблем', 'в жизни человека много приятных событий' и др.

В китайских паремиях часто высказывается мысль о невозвратимости молодости, а течение жизни уподобляется течению реки: *长江永远不会回头, 该人士将永远不会回来的青年* – Янцзы никогда не повернет вспять, человек никогда не вернет молодость.

Семантический анализ позволяет сделать следующие выводы. Категория жизни в русских и китайских паремиях часто метафоризируется:

1) жизнь – вода, море: *В богатом житье – как в море;*

2) жизнь – путь, дорога, изобилующая часто опасностями и соблазнами. Например: *Грешному путь в начале широк, да после тесен; Бог дал путь, а черт крюк;*

3) жизнь – деньги, труд, наука: *Жизнь учит опытом; Век живи – век трудись, а трудясь – век учись; Жить не с деньгами, а с добрыми людьми;*

4) жизнь – движение: *Жизнь прожить, что море переплыть;*

5) жизнь – добрые дела: *Жизнь дана на добрые дела; Не красна жизнь днями, а красна делами;*

6) жизнь – паутина, нить и т.п.: *生活在一串, 他认为关于利润 – Жизнь на нитке, а думает о прибыли.*

Рациональное и эмоциональное в паремиях органически переплетаются: *Жизнь дана на добрые дела; Жизнь измеряется не годами, а трудами.* Эмоциональное ассоциируется с такими понятиями как любовь, радость, страдание, боль, искусство. Внимание часто акцентируется на трудностях, которые человеку встречаются на протяжении всей жизни: *Жизнь прожить – не поле перейти; Жизнь изжить – и других бить и биту быть; Поживи с наше – увидишь еще краше; Жить – не сено трясти, а надо домок свести; Век – не поле, вдруг не перескочишь.*

Важное место в русских и китайских паремиях с семами 'жизнь' и 'смерть' занимают духовные ценности:

– честь: *一个像样的男人会死, 但不会让自己难堪* – Достойный человек умрет, но не опозорит себя; *更好的死与荣耀归于生活在耻辱* – Лучше умереть со славой, чем жить опозоренным;

– мир: *世界的基础上, 地球上的生命* – Мир – основа жизни на земле;

– радость: *Живи да не тужи; Радостная жизнь веселит сердце;*

– ум, знания, разум и т.п.: *和活到老, 学到老* – И живи до старости, и учись до старости.

Категория смерти в антонимических отношениях лексем *жизнь / смерть* часто окрашивается метафорически. Смерть связывается с кратковременной жизнью человека, с ее неожиданным, мгновенным завершением: *Сегодня жив, а завтра – жил; Жил долго, а умер – скоро; Сегодня венчался, а завтра – скончался*; кит. *人类的生活是什么样的蜡烛在风霜在地砖上* – Жизнь человеческая что свеча на ветру, что иней на черепице. В русских поговорках смерть часто связывается с дорогой на «тот свет»: *На тот свет отовсюду одна дорога; Кабы до нас люди не помирали, и мы бы на тот свет дороги не нашли*. Понимание человеком неизбежности своей смерти побуждает его к поиску в смерти позитивного: *Смерть всех сравнивает; И богату и просто – всем дорога к погосту; Смерть голову откусит – всех поравняет*.

Осознание человеком неотвратимости своей смерти должно научить его правильно выстраивать свое поведение: *Не бойся смерти, бойся грехов; Жить надейся, а умирать готовься; От смерти и под камнем не укроешься*.

Причина смерти в китайских поговорках – отсутствие интереса к жизни, чревоугодие, алкоголь: *小酒馆–坑, 鸦片馆, 邓肯已经死了* – Кабак – яма, курильня опиума – мертвецкая; *该疾病通过进口* – Болезни входят через рот.

В русском языке много фразеологизмов-синонимов к лексемам *смерть, умереть* довольно ироничного характера: *дать дуба; дышать на ладан; задрать ноги; курносая со двора потурила; сложить кости; отдать концы; отбросить копыта; Кондрашка хватил* и др. Смерть в русских пословицах представлена как явление обычное и закономерное, но стоящее ниже жизни, поэтому в бытовом разговорном языке и сохранилось большое количество синонимов, умаляющих смерть благодаря шутке, смеху.

Хотя в русских поговорках отмечается усталость от тяжелой жизни, наполненной лишениями и нескончаемым трудом, однако тяга к смерти считается естественной: *Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь; Умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего; Лучшие век терпеть, чем вдруг умереть; Жить – мучиться, а умереть не хочется*.

Перед смертью человек оказывается открытым и незащищенным: *Перед смертью не шукавишь; Перед смертью не надыхнешься; От смерти и под камнем не укроешься; Одна смерть правдива*. Представлялась смерть и чужеродным явлением, и страшным чудо-

вищем: *Смерть не свой брат – разговаривать не станет; Смерть плотью живет, с костями сгложет.* Однако при всем страхе перед смертью умение умереть достойно характеризовало человека с лучшей стороны. Паремии призывали не бояться смерти, смириться перед ее приходом и умереть достойно: *Смерти бояться – на свете не жить; Жить страшнее, чем умереть; Умел пожить, умей и умереть; Кто жить не умел, того помирать не выучишь.*

Издавна у русского народа считалось, что человек не властен ни над своей жизнью, ни над своей смертью: *на все воля Божья.* Смерть, таким образом, оправдывалась как проявление высшей воли, которой человек не обладает: *Не своя воля, сам собой не помрешь; Не ты смерти ищешь, она сторожит; Смерть в гости не зови – сама придет.*

В обеих культурах смерть понимается как уравнивающее начало, заботящееся о жизни и восстанавливающее справедливость: *Кабы люди не мерли, земле бы не сносить; Царь и народ – все в землю пойдет; У смерти на глазах все равны; Был – полковник, помер – покойник.*

Без смерти невозможна жизнь, а жизнь неотделима от смерти, в русском языке это закреплено в поговорке *Что не родится, то и не умирает.*

Нередко и в русской, и в китайской языковых картинах мира концепты *жизнь / смерть* употребляются либо вместе с концептами *путь, дорога*, либо в их значении. Отчетливая связь идеи судьбы с идеей пути видна в диалектном значении слова *дорога* – ‘о судьбе’, в выражениях *путеводная звезда, путеводная нить.*

В концепте «путь» ярко обнаруживает себя оппозиция «жизнь – смерть». Идея смерти звучит в выражениях *проводить в последний путь, закончить свой земной путь.* И русские, и китайские паремии учат тому, что надо достойно встречать смерть: *当你出生，你哭了，每个人都高兴 – Когда ты явился на свет, ты плакал, а кругом все радовались; 这样做，当你离开的时候，都哭了，而你是一个微笑 – Сделай же так, чтобы когда ты будешь покидать свет, все плакали, а ты один улыбался; Умел пожить, умей и умереть!; Не умел жить, так хоть сумей умереть!*

Надо отметить, что антонимичность концептов *жизнь* и *смерть* в китайской культуре выражена значительно слабее, чем в русской. В китайских паремиях концепты *жизнь* и *смерть* характеризуют одинаково естественные состояния: *死亡和生命都是同样自然 – Смерть и жизнь одинаково естественны; 任何一扇门可以被关闭，除了门口*

的死亡 – Любую дверь можно закрыть, кроме двери смерти; 没有幸存者将无法避免的死亡 – Никому из живых не удастся избежать смерти; 上帝的葡萄酒淹死的人多于上帝的海洋 – Бог виноделия потопил людей больше, чем бог моря; 辉煌更好地死于 – 一个可耻的生活 – Лучшие блестящая смерть, чем позорная жизнь; 更好的死有幸于生活在羞耻 – Лучше умереть с честью, чем жить в позоре; 即使对于 – 匹死马的呼叫的蹄铁匠 – Используй все оставшиеся средства, чтобы спасти жизнь (ситуацию) (букв.: даже для умершей лошади вызывай коновала (ветеринара)); 出生的痛苦、死亡带来和平与幸福 – Рождение происходит от страданий, смерть приносит покой и счастье (благоденствие).

В жизни должна быть цель, иначе все приложенные усилия будут напрасны: *更好的用来被打破的玉于整个瓷砖 – Честный человек лучше умрет за правое дело, нежели будет жить в унижении* (букв.: лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей).

В восточной культуре представление о смерти отличается от русского: нет страха перед смертью, так как смерть означает не абсолютный конец жизни, но переход в иное состояние, перерождение в другом пространстве и времени.

В китайском языке особым объектом является понятие «покойник, явившийся во сне», что лингвистически подтверждает наличие в китайском языковом сознании доминанты «культ умерших предков». Интересно отметить, что в китайской культуре с потусторонним миром связывается женское начало, как и тот свет, царство теней, благоденствие, которое зачтется на том свете. Для русского языкового сознания соединение вместе идей женского начала и темноты, потусторонности, коварства, скрытности и обобщенной отрицательности является противостественным и малопонятным.

Сравнение жизни и смерти у русских людей не в пользу жизни. Плохая жизнь для них хуже смерти, поэтому смерть предпочтительнее горькой, безрадостной жизни. Смерть воспринимается русскими людьми как избавительница от тягот земной жизни. Жизнь в русских пословицах противопоставляется смерти. В то же время одно невозможно без другого: смерть завершает жизнь: *Кто не родился, тот и не помрет.*

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : АСТ, 1992. – 544 с.

2. 汉俄成语辞典. 哈尔滨: 哈尔滨外国语学院出版社, 1958. Китайско-русский фразеологический словарь. – Харбин: Харбинский ин-т иностр. яз., 1958. – 895 с.

УДК 811.581'37:398.9:811.161.1'42

И. Г. Гомонова

**КИТАЙСКИЕ И КВАЗИКИТАЙСКИЕ ПАРЕМИИ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматривается традиция обращения к китайским паремиям, отраженная в русскоязычном дискурсе. Выявляются признаки таких паремий, свидетельствующие об их национально маркированном характере.

Обращение к паремиям другого народа как эталонным средствам оценки той или иной ситуации типично для разных лингвокультур.

Особый взгляд на мир и место человека в нем отличает китайские пословицы и поговорки, рожденные одной из древнейших цивилизаций в мире. Еще Н. М. Карамзин в начале XIX века писал: «Народ китайский считается старшим братом всех других, и потому не худо справляться иногда с его моральною историею, чтобы знать будущую судьбу нашу» [1].

Традиция обращения к китайским паремиям с целью воспользоваться экспрессивными средствами обозначения и оценивания референтных ситуаций, имеющими с точки зрения носителей языка национально маркированный характер, отражена в русскоязычном дискурсе. Подтверждением тому служат данные Национального корпуса русского языка [2], отобранные посредством запроса «*китайский + пословица / поговорка / мудрость*» и включающие около ста контекстов со встроенными в них паремиологическими единицами.

Обнаружить в корпусе текстов паремию, маркированную автором с национальной точки зрения, позволяют метаоператоры, роль которых прежде всего состоит в том, чтобы «сигнализировать о значении пословицы как общепринятой норме, системе ценностей, апеллировать к опыту поколений» [3, с. 50].

Словесный комплекс *китайская пословица / поговорка / мудрость* представлен в составе разных лексико-синтаксических метаоператоров, но самые типичные среди них следующие:

– *китайская пословица / поговорка / мудрость говорит / гласит* (в том числе с обратным порядком компонентов): *Чин-Хо-Зан! Что из того, если ты в гражданском порядке откажешь ему в иске? В тюрьму его, подлеца! Это дело уголовное! Это повторялось всю жизнь, – и в конце концов надоело Чин-Хо-Зану. Китайская пословица говорит: – Девятая тарелка самой вкусной похлебки уже не вкусна* [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893–1916)]; *«Большая рыба пожирает маленькую, а маленькая ест креветок», – гласит китайская поговорка. В данном случае креветками капиталисты считали только еще зарождавшийся государственный сектор – небольшой, не имеющий опыта и прочных экономических позиций. Особенно упорной борьба была в торговле* [Г. Боровик. Шанхайские капиталисты // «Огонек». № 50, 1956];

– *есть китайская пословица / поговорка / мудрость: Есть китайская мудрость: «Хочешь идти быстро – иди один, хочешь идти далеко – иди вместе».* Сложно выносить тяжесть одному, когда первые проекты проваливаются [Евгений Беляков. Пять мифов о том, что в России невозможно вести бизнес // Комсомольская правда, 2013.05.07].

Лишь в отдельных контекстах названные метаоператоры сопровождаются дополнительными характеристиками, квалифицирующими паремии:

– по времени возникновения: *Как гласит древняя китайская мудрость, «на флейте, не имеющей отверстий, играть всего трудней».* В недалекой исторической ретроспективе диалог между Россией и Китаем представал именно таким музыкальным инструментом, у которого была непроходимая закупорка всех отверстий [Михеев Владимир. Партнеры по большому счету // Труд-7, 2001.07.19]; *Старая китайская поговорка гласит: «Не забравшись в логово тигра, не поймает тигренка»* [М. Мержанов. Аплодисменты при поражении // «Огонек». № 31, 1959];

– по степени распространенности / активности употребления: *А на самом-то деле, Глаша, курильщикам надо завтракать особенно плотно. Тем более что есть известная китайская мудрость: завтрак съешь сам... – Знаю, – перебивала Аглая, – обед раздели с другом, а ужин отдай врагу* [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000].

В единичных случаях словесные комплексы *китайская пословица / поговорка / мудрость* сопровождаются положительно оценочными адъективами: *Сегодня налицо признаки того, что доминирование самой этой цивилизации, как, впрочем, и руководящая роль в ней США, начинает ослабевать вследствие перемещения экономической мощи мира на Восток. Как гласит мудрая китайская поговорка, «путь с вершины ведет только вниз»* [Руслан Гринберг. Битва мировоззрений // Известия, 2012.10.04]; *Например, если у меня поблизости нет магазина, а есть рынок, я пойду на рынок. Есть замечательная китайская пословица: пусть цветут все цветы. Пусть будет все, но пусть везде соблюдают закон, и тогда всем будет хорошо* [Отправляемся на рынок: какие права у покупателя? // Комсомольская правда, 2010.05.15].

Таким образом, для встраивания данных паремий авторы избирают наиболее нейтральные, констатирующие способы. Обращение авторов к китайскому паремийнику, как правило, априори означает обращение к сокровищнице мудрых мыслей древнего происхождения и не требует дополнительной оценки.

Еще одна особенность апелляции русскоязычных авторов к паремиям, маркируемым ими как китайские, заключается в том, что не все устойчивые выражения в таких случаях действительно являются китайскими по происхождению. Анализируемые контексты содержат также квазикитайские паремии, в качестве которых выступают пословицы и поговорки других языков, русские аналоги китайских паремий или их вольный перевод: *Высокое качество видят посетители универмагов США и Европы, а россияне довольствуются одеждой, обувью, игрушками и электротехникой, привозимыми челноками. Их качество только подтверждает китайскую пословицу: «Какова вещь, такова и цена»* [Елена Короп. Касьянов зовет китайцев в экологию третьих стран // «Известия», 2002.08.21]; *У китайского народа есть пословица: «Близкий сосед лучше дальнего родственника». Было бы хорошо, если бы наши журналисты в своих репортажах о Китае почаще придерживались этой народной мудрости* [Насколько реальна для России «китайская угроза»? // Известия, 2005.12.19].

Признаками «китайскости» паремий служат

– наименования реалий, имеющих национально маркированный характер, в том числе географические названия: *Смена руководства КПК и перспектива прихода к власти «четвертого поколения» лидеров (после Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя) не обязательно означают революционные перемены в политике. Китайская пого-*

ворка гласит, что находится у власти – ехать на спине у тигра: но если слезешь – может съест [Никонов Вячеслав. Китай: перемены без революций // Труд-7, 2002.11.16]; ...*древняя китайская поговорка гласит: «В верхнем и нижнем мире нет ничего ужаснее, чем иностранец, говорящий на языке мандарин».* (Я тут ни при чём, просто поговорка такая, это китайский язык – вернее, один из основных его диалектов, по-другому называется «мандаринским»!) [Юрий Зубцов. Чем пахнет январь // «Домовой», 2002.01.04]; Объем судоходства на Янцзы возрастет в пять раз. Это поможет освоить, наконец, юго-западные районы Китая, в частности провинцию Сычуань, где проживают 110 миллионов человек. Пока доступ туда затруднен. *«Что в Сычуань попасть, что на небо – все тяжело», – сетует китайская пословица* [Александр Волков. Великая китайская плотина // «Знание – сила», 2006];

– тематика паремий, отражающая значимые для китайской лингвокультуры сферы (напр., кулинарию и медицину): *Пожалуй, именно к таким лакомствам, как желчь живой змеи, новорожденные мышата на свечке или жареные скорпионы, в наибольшей степени относится китайская пословица: «Хороший повар способен приготовить лакомое и целебное блюдо из чего угодно, кроме луны и ее отражения в воде»* [В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)]; *Китайская народная мудрость гласит: «Лечить заболевание, когда оно возникло, значит уподобляться глупцу, который начинает рыть колодец, когда уже мучает жажда».* Это разумный, рациональный подход к сохранению и поддержанию собственных ресурсов организма. *Наконец-то современное человечество пришло к пониманию древних истин: легче болезнь предупредить, чем с ней бороться* [Клиника традиционной китайской медицины «ТАО» // «Огонек», 2014];

– структурные особенности перевода паремий на русский язык (сложные предложения, нередко многочленные; сложные синтаксические целые): *Об увеличении чиновников в сюньфан можно приложить следующую китайскую поговорку: «Один водовоз притащит воды 1 тяоцзы, 2 водовоза вместе на общем коромысле понесут лишь одно ведро, а при трех водовозах не будет вовсе воды, каждый водовоз в неисправности будет ссылаться друг на друга»* [К. А. Скачков. Мой дневник (1853)]; *И удары лежавшему Тун-Ли давал старший садовник, а главный евнух стоял около и считал. Странно устроен свет. «Кто лежит – часто должен был бы стоять. А стоит тот, кто должен был бы лежать», – как говорит*

китайская пословица [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893–1916)]; **Китайская мудрость гласит: Если ты планируешь будущее всего на один год, сей зерно. Если ты рассчитываешь на десять лет, сажай дерево. Если ты рассчитываешь на сто лет, обучай народ. Не было и нет у вайнахского народа времени заниматься своим просвещением** [Вайнахи // «Жизнь национальностей», 2000.03.24];

– изящность, тонкость паремийных образов (а нередко их парадоксальность для представителей русской лингвокультуры): *Когда-то, как казалось теперь, давным-давно, в какой-то другой жизни, адмирал дядя Паша любил повторять китайскую пословицу: «Если до цели десять шагов, а сделано девять, считай, ты на полпути». Жизненный опыт неоднократно подтверждал Марии, что не следует праздновать победу раньше времени. Не зря ее учила любимая мамочка: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»* [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]; **Вспомните китайскую поговорку: «Чтобы победить врага, его надо обнять»**. Не утверждаю, что Питер именно так и поступит. Но, согласитесь, вариант очень интересный [Павел Лысенков. Питер купит... «Нью-Джерси»? Президент КХЛ Александр Медведев о возвращении Ковальчука и Дацюка в НХЛ // Советский спорт, 2013.01.14].

Итак, обращение русскоязычных авторов к китайским и квазикитайским паремиям обусловлено желанием в качестве экспрессивного средства обозначения и оценивания референтных ситуаций воспользоваться устойчивыми выражениями, созданными народом с тысячелетней историей, впитывавшим глубокие высказывания и наблюдения мудрецов, проживавших на земле Поднебесной. Китайские и квазикитайские паремии, представленные в русскоязычном дискурсе, характеризуются, как правило, признаками «китайскости»: включают в себя наименования реалий, имеющих национально маркированный характер; их тематика отражает значимые для китайской лингвокультуры сферы; перевод данных паремий на русский язык характеризуется структурной спецификой; образы паремий по-восточному изящны и тонки, а зачастую парадоксальны для представителей русской лингвокультуры.

Список использованных источников

1. Карамзин, Н. М. Китайская мудрость / Н. М. Карамзин // Lib.ru: «Классика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru /k/karamzin_ n_m/ text _1802_kitayskaya_mudrost.shtml – Дата доступа : 12.10.2019.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 09.10.2019.

3. Даниленко, Л. П. Интертекстуальные реляции паремий / Л. П. Даниленко // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 47–51.

УДК 392.12(=161.3):392.12(=581)

В. П. Горленко

ЦИКЛ ОБРЯДОВ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ

В центре внимания статьи – основные обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка. На примере аналогий семейной обрядности у белорусского и китайского народов рассматривается период ожидания ребенка, момент его рождения и первые дни жизни. Представленный материал указывает на сходство у двух народов традиционных верований, ритуально-обрядовых манипуляций и этикетных предписаний, связанных с рождением ребенка.

Для нынешнего поколения, как собственно, и для многих поколений наших предшественников, обрядно-ритуальные действия – это не что иное, как символическое поддержание гармонии в мире, природе, обществе, своей семье, в самом себе. Тот, кто положительно оценивает духовное наследие народа и подкрепляет его своим достойным поведением, кто стремится заглянуть в священные тайны национальной культуры, пробует перебросить мостик из прошлого в день сегодняшний, заслуживает уважения и похвалы. Мир заповедей наших предков – это многовековой опыт активного диалога человека с природой, который сформировал нашу самобытность и неповторимость, оказал и оказывает влияние на нашу сегодняшнюю жизнь.

Надеемся, что представленные в статье систематизированные материалы обрядов и ритуалов, связанных с рождением ребенка в белорусской и китайской семье, не будут восприниматься как архаика, а заставят еще раз задуматься над почетной обязанностью сохранять традиционную народную культуру. Из всего цикла обрядов, совершаемых при рождении ребенка, мы обратим внимание только на три: ожидание ребенка, момент его рождения и первый месяц жизни. Каж-

дый из этих элементов синхронно рассматривается как в традициях белорусов, так и в китайском народном опыте.

Ожидание ребенка. *Белорусская семья.* В дородовый период белорусская женщина должна была соблюдать целый ряд определенных правил, так как по народному убеждению это обеспечивало в будущем благополучный исход родов и рождение здорового ребенка. Беременная женщина не выполняла тяжелых видов работы, старалась не поднимать и не носить тяжестей, не стягивала сильно юбку, во время полевых работ подвязывала живот полотенцем или платком, остерегалась ударов в живот. Положительный народный опыт отражался в запретах, которые охраняли женщину от испугов, возможных физических и психических травм. Запрещалось смотреть на пожар, а также во время пожара дотрагиваться руками до своего тела, чтобы у ребенка не осталось родимого пятна. Нельзя было сечь дрова на крыльце, присутствовать на похоронах, смотреть на покойника, брать из огня что-либо голыми руками, приносить от соседей огонь в дом, сучить нитки, прясть, ткать, зашивать что-либо на себе.

Очень много было пространственных ограничений: запрещалось ходить по межам, становиться на то место, где кололи дрова, ходить на перекрестки дорог, переходить дорогу похоронной процессии, бывать на кладбище. Не желательно было ходить на мельницу, подходить к новостройке, наступать на то место, где стояло ведро с водой, когда мыли пол. Чтобы избежать физических патологий у ребенка, категорически запрещалось переступать через кривую жердь, вилы, грабли, сухой веник, поваленное бурей дерево, проходить под аркой, пролазить через окно. Народная белорусская мудрость сохранила также много предписаний, выполнение которых могло способствовать рождению здорового и красивого ребенка. Считалось, что ребенок будет похож на того, на кого посмотрит беременная. Ей советовали доедать хлебные крошки, чтобы ребенок был красивым, разрешалось воровать горох, чтобы волосы у ребенка были кучерявыми.

Китайская семья. Незадолго до родов китайские женщины старались умиловить демонов, принося им в жертву 8–10 блюд, пучки травы и бумажные фигурки крабов. В доме устанавливали алтари богинь, помогавших при рождении ребенка. Существовал обычай тайком брать одну из детских туфель, лежавших перед алтарем богини. Если просительнице удавалось родить, она возвращала богине две или три такие туфельки. Обычай этот связан с тем, что слово «туфелька» было созвучно слову «кровь» – символу жизни и родства. В знатных и богатых семьях за месяц до появления ребенка родители

жены посылали ей особые подарки для «облегчения родов»: серебряные блюда с пучком рисовой соломы; паровые лепешки, фрукты, провизию и др.

Во время беременности женщину старались ограждать от тяжелой физической работы. Она обычно переселялась в дом своей матери, где поступала под опеку бабки. Муж на это время имел право посещения дома тестя только в качестве гостя. При этих посещениях семья мужа передавала невестке подарки продуктами и тканями. До сих пор китайские женщины строго соблюдают традицию – во время беременности никаких физических нагрузок, работы, хлопот, только отдых и полное умиротворение. Традиционно запрещаются такие безобидные занятия, как шитье, вышивание, вязание: никаких ниток и иголок, ножниц и клеящих веществ. Во время беременности нельзя менять место жительства, поскольку это может привлечь злых духов. Кроме того, будущая мать должна следить за своим языком – не стоит никого критиковать, ибо ребенок может приобрести все критикуемые качества.

Рождение ребенка. *Белорусская семья.* Согласно народным представлениям, о наступающих родах должно было знать как можно меньше людей, поэтому местом для родов выбирали пустой дом, баню, сарай, топку. Пока жена собиралась переходить в одну из выбранных построек, муж с хлебом и солью спешил к бабке-повитухе. Ее роль в событии рождения была чрезвычайно важной и ответственной. Нормы народной педагогики и этнопедагогики сформировали ряд требований к бабке-повитухе. Это должна была быть женщина зрелого возраста, вдова или замужняя, прожившая счастливую жизнь и пользовавшаяся авторитетом у односельчан. В старину бабка-повитуха была и акушеркой, и детским врачом, и советчиком роженицы, и помощницей ей по хозяйству в первые дни после родов. С уважением относились к различным магическим ритуальным действиям бабки. На роженице расстегивали все пуговицы, развязывали узлы, пояса, расплетали косы, открывали все замки, сундуки, двери в доме.

Повитуха никогда не принимала ребенка голыми руками, а накрывала их какой-либо старой одеждой, чтобы в будущем он жил в богатстве. Пуповину перевязывали пучком чистого льна или специальной ниткой. Перерезали пуповину на расстоянии трех пальцев от перевязки: мальчику – на ноже, топоре, дубовой коре, сухом кусочке хлеба, на книжке, молотке; девочке – на гребне, веретене, нитках, крючках, ножницах. Первое купание ребенка также устраивала бабка-повитуха. Купали ребенка в деревянном корытце («начоўках»), спе-

циально предназначенном для этих целей. Воду для купания можно было только подогреть, но не кипятить. В воду клали душистые травы, серебряную монетку и несколько зерен. После первого купания, а также после ритуального купания на девятый день, воду, в которой купали мальчика, выливали под яблоню (чтобы был богатым), а воду, в которой купали девочку, – под вишню (чтобы была красивой и стройной). При первом пеленании могли использовать отцовскую рубашку или штаны, чтобы ребенок был здоровым и сильным, любил отца, а отец заботился о нем. После ритуального купания детей пеленали в белые одежды, но обязательно в те, которыми уже пользовались, а сверху опоясывали красным поясом-оберегом, чтобы защитить новорожденного от сглаза.

Китайская семья. Во время самих родов женщине предписывалось вести себя как можно тише. Если это первые роды, на них должна присутствовать мать роженицы. В старые времена при рождении ребенка соблюдали множество обычаев. Один из них – гадание о его судьбе: если в это время шел дождь, то считалось, что новорожденному будет трудно в жизни, если снег – будет богатым, крик ворона был недобрый предзнаменованием. Чтобы предохранить новорожденного от болезней и помочь ему дожить до глубокой старости, существовал особый талисман – «замок ста семейств». Происходили роды обычно в отдаленной комнате или отдельной пристройке дома. Дети, незамужние женщины и мужчины должны были удаляться из дома.

Сразу же после рождения ребенка бабка-повитуха производила его торжественное омовение. Этот ритуал выполнялся в определенной последовательности. Сначала новорожденного для прибавления сил натирали яичным белком. Чтобы ребенок был умен, повитуха легонько била его пучком лука и натирала имбирем. Затем начинался непосредственно обряд омовения. В таз наливали теплую воду и клали туда медные или серебряные монеты, грецкие орехи, каштаны, финики, семена лотоса, вареные куриные яйца. Все это, за исключением монет, должно было быть окрашено в красный цвет – цвет радости. В произнесенных вслух названиях положенных в таз плодов заключались пожелания ребенку и его родителям долголетия и счастливого будущего. После купания повитуха трижды прикладывала луковичу к голове младенца, приговаривая: «Первый раз – будь сметлив, второй раз – будь мирен, третий раз – будь хитер». Потом она дотрагивалась замком или завесом до рта, рук и ног младенца, желая, чтобы новорожденный «был тих». Наконец, она ставила на грудь младенца весы, желая, чтобы он «много весил» в этой жизни. К щекам

новорожденного прикладывали «на счастье вареные яйца». Запястье младенца повязывали красным шнурком, к которому подвешивали старинные монеты и серебряные вещицы. Нередко ребенка заворачивали в пеленки, сшитые из старых отцовских штанов, поскольку в китайском языке слово *штаны* означает «горести», и этот обряд, как верили, прививал младенцу терпение и стойкость.

Первый месяц после рождения ребенка. *Белорусская семья.* В первые дни после рождения ребенка роженицу приходили проводить замужние женщины: родственницы, соседи, подруги. Согласно традициям, не могли посещать родившую женщину незамужние девушки и мужчины. Нельзя было приходить с пустыми руками, поэтому даже самые бедные несли хотя бы кусок хлеба и старую ткань на пеленки. Приносили в основном различные блюда: блины, пряники, оладьи, просяную кашу, яйца, кисель, холодец, компот и др. В первый месяц своей жизни ребенок находился во власти многих обрядов и ритуалов. Народная мудрость расставила акценты в отношении символики правой и левой стороны. Считалось, что правая сторона соответствует движению, развитию, левая – стабильности и покою. Поэтому все первые, особо значимые события в жизни новорожденного совершали с учетом положительного начала, закрепленного за правой стороной: при первом кормлении ребенка прикладывали к правой груди, во время первого пеленания его клали на правый бок, в первый раз укладывали на правую сторону.

Определенные обрядовые действия осуществлялись и при первом укладывании ребенка в колыбельку. Чтобы отогнать от ребенка злые силы, в нее клали уголек, хлеб-соль, железо, кота. Широкое распространение у белорусов имело верование, согласно которому нельзя было колыхать пустую люльку и сушить пеленки над огнем – ребенок не будет спать ночью. До полугода использовали тугое пеленание. Колыбельки были различных видов: деревянная, из коры, плетеная, полотняная, подвесная, стоячая. Матрацев не было, обычно в колыбель клали сено в мешковине, а сверху покрывали мягкой пеленкой. Важным событием для белорусской семьи в первый месяц жизни ребенка было его крещение. Этот обряд желательно было провести до сорокового дня. До крещения мать не имела права показывать ребенка, выносить его на улицу, класть в колыбель. Крестили ребенка в воскресный день или в день какого-либо годового церковного праздника. Очень ответственно относились к выбору крестных родителей.

Китайская семья. По китайским обычаям, день рождения ребенка праздновался всей семьей на третий день после рождения. Обряд

«госанъжи» представлял собой первый показ ребенка родственникам и знакомым. Ребенка наряжали в халатик, сделанный из одного курса красной ткани. Первыми к нему подходили бабка и дед, затем родичи со стороны мужа, затем свойственники (родственники жены и матери мужа). Основным блюдом на празднестве было кушанье из тертых зерен кунжута, яиц и муки, приготовленное без соли. Считалось, что оно способствует восстановлению сил и здоровья матери, а также обилию у нее молока. Родичи и соседи приходили на праздник, принося подарки – пшеницу, сваренные вкрутую и окрашенные в красный цвет яйца, красный сахар и т. п. Корзинка с приношениями обычно была покрыта красной тканью. По традиции новорожденному дарили различные украшения – золотую цепочку на шею, украшение из серебра в виде замочка. Сегодня самые популярные в Китае подарки новорожденным – маленькие, «детские» золотые украшения: колечки, цепочки и кулоны с изображением животного, в год которого родился ребенок.

Когда ребенку исполнялся месяц, в китайской семье устраивали праздник «мань-юэ». Особенно торжественно он проходил в богатой семье при рождении мальчика. Ребенка выносили наряженным в ярко-красное платье. Специальный цирюльник пожилого возраста впервые брил мальчику голову. Волосы заворачивали в бумагу и бережно хранили. С праздничного стола маленькому герою давали попробовать кусочек пирога из рисовой муки, подаренного бабушкой. Мальчик получал от родственников в подарок красную кровать, красное кресло и шапочку, на которой крепились серебряные или медные изображения Будды или восьми бессмертных. Иногда вместо этих фигурок на шапочке писали иероглифы, обозначающие долголетие или богатство. На следующий день ребенка приносили к бабушке. Она дарила маленькому внуку подарок: четырех цыплят, четыре луковицы, стебли сахарного тростника, два качана капусты и немного рисовой шелухи. Перечисленные овощи растут и созревают очень быстро, поэтому подарок символизировал пожелание быстрее расти. Рисовая шелуха означала пожелание внуку охотно учиться и получать обширные познания.

В нашу задачу не входило детальное сопоставление традиций и обычаев, связанных с рождением ребенка в белорусской и китайской семье. Тем не менее представленный материал содержит многие примеры сходства не только таких традиций и обычаев, но также всего ритуально-обрядового цикла, включающего дородовый, родовый и послеродовый периоды. Это говорит о том, что и у белорусского, и у

китайского народов традиционные обычаи и обряды при рождении ребенка представляли собой стройную систему, в которой нашли отражение различные стороны народной культуры быта, жизненной философии, религии, мировосприятия и миропонимания. Сдержанное и в то же время трепетное отношение наших предков к появлению новой жизни в семье составляет, пожалуй, самую главную духовно-нравственную ценность двух народов.

Список использованных источников

1. Грэй, Дж. Г. История Древнего Китая / Г. Дж. Нрэй ; пер. с англ. А. Б. Вальдман. – М. : ЗАО «Центрполиграф», 2006. – 606 с.
2. Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века (XII–XIII вв.) / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. – М. : Наука, 1984. – 336 с.
3. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – 2-е выд., стэр. – Мінск : Ураджай, 2001. – 350 с.
4. Беларусы. Сям’я / В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2001. – Т. 5. – 375 с.
5. Радзіны. Абрад. Песні / уклад і сістэм. тэкстаў Г. А. Пятроўскі, апісанне абрадаў Т. І. Кухаронак ; рэдкал. : А. С. Фядосік [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 1998. – 637 с.
6. Энциклопедия Китая: обычаи и обряды китайцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.abirus.ru/content/552/>. – Дата доступа : 10.01.2017.

УДК 37.091.3:811.161.3'16:811.581'16-057.87

А. Д. Дакукін

ТРАДЫЦЫЙНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСКАГА І КІТАЙСКАГА НАРОДАЎ ЯК АДМЕТНЫ АБ’ЕКТ ДЛЯ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ВУЧНЯЎ

У артыкуле характарызуюцца навукова-даследчыя работы вучняў ДУА “Гімназія № 56 г. Гомеля імя А. А. Вішнеўскага”, прысвечаныя асэнсаванню спецыфікі традыцыйнай культуры беларусаў і кітайцаў. Адзначаецца, што найбольшую цікавасць выклікае вывучэнне традыцыйнай міфалогіі двух народаў. Актуальным з’яўляецца і даследаванне фразеалогіі, а таксама зместава-фармальных уплываў усходняй літаратуры на беларускае прыгожае пісьменства.

Кожны народ стварае ўласную адметную культуру, што абумоўлена прыродна-кліматычнымі ўмовамі яго пражывання, геаграфічным становішчам краіны, ступенню развіцця эканомікі і інш. Менавіта таму усякая этнічная супольнасць мае сваю ўнікальную карціну свету, сваю ментальнасць, якая выражаецца ў мове, а таксама ў пэўных традыцыйных трывалых вобразах (міфалагемах, архетыпах, канцэптах). Адпаведна, культура з'яўляецца вельмі цікавым матэрыялам для даследавання, бо зараз асноўная ўвага навукоўцаў скіроўваецца на адлюстраванне чалавека і яго стасункаў са з'явамі навакольнага свету. Вывучэнне культуры выглядае цалкам лагічным, паколькі, па-першае, яна мае сувязь з мовай і чалавечым мысленнем. Па-другое, адбываецца і пераасэнсаванне самой культуры, яе месца ў жыцці. Г. Кісліцына слухна адзначае, што “змены ў разуменні ролі культуры ў апошнія дзесяцігоддзі мінулага стагоддзя набылі якасны характар, што было выклікана не столькі рэвізіяй усталяваных сацыяльна-філасофскіх канцэпцый, колькі глабальнасцю тых змен, што адбыліся з самой культурай...” [1, с. 161]. Нельга таксама не згадаць і актыўныя працэсы глабалізацыі, у выніку якіх адбываецца пашырэнне і распаўсюджванне набыткаў культур розных народаў свету, але адначасова заўважаецца і ўзрастанне цікавасці да ўласнай народнай культуры, жаданне яе захаваць.

У дадзеным артыкуле асэнсуем, як можна выкарыстаць адметнасці культур Беларусі і Кітая ў працэсе падрыхтоўкі вучнёўскіх навукова-даследчых работ. Абапірацца мы будзем на вопыт настаўнікаў ДУА “Гімназія № 56 г. Гомеля імя А. А. Вішнеўскага”. Гэтая гімназія з'яўляецца першай у вобласці ўстановай, дзе вучні ў якасці замежнай могуць вывучаць кітайскую мову, прычым настаўнік з'яўляецца яе носьбітам. Адпаведна, праводзяцца вучэбныя, факультатывныя і стымулюючыя заняткі, ладзяцца разнастайныя мерапрыемствы, святы, сустрэчы. Не магло гэта не адбіцца і на навукова-даследчай дзейнасці вучняў, паколькі ў іх маецца ўнікальная магчымасць асэнсаваць спецыфіку не толькі блізкіх культур (напрыклад, беларускай, рускай, украінскай), але і правесці паралелі з больш аддаленай ад нас культурай Кітая.

Так, адной з самых цікавых для асэнсавання з'яўляецца народная міфалогія. Беларуская вусная народная творчасць вывучаецца ў V–VI класах, а ўяўленне пра аўтарскія міфалагемы вучні атрымліваюць, напрыклад, у IX класе, калі знаёмяцца з творамі Я. Баршчэўскага. Адпаведна, тэма будзе актуальнай і карыснай для вучняў, бо яны ўжо валодаюць інфармацыяй з урокаў літаратуры, а таксама маюць пэўныя фонавыя веды з асабістага досведу, СМІ і інш.

Як ужо адзначалася, у гімназіі вывучаецца кітайская мова, таму цікава было параўнаць міфалагічныя ўяўленні беларусаў (фальклорныя і літаратурныя) з уяўленнямі кітайцаў. Нягледзячы на тое што дзве краіны знаходзяцца далёка адна ад адной, у міфалогіі іх народаў можна знайсці шмат падобнага: міф пра ўтварэнне свету з яйка, наяўнасць міфалагемы Сусветнага дрэва, а таксама існаванне ў навакольнай прасторы разнастайных істот (напрыклад, беларускі цмок вельмі блізкі да кітайскага дракона, а Вужыны кароль нагадвае бостваў Нюй-ва і Фу-сі) і інш.

Мы з вучнямі якраз звярнуліся да вывучэння згаданых вышэй міфічных персанажаў. У выніку выявілася, што беларускі цмок – гэта велізарны крылаты вогненны змей, які нярэдка мае адразу некалькі галоў. Ён вылупляецца з яйка, знесенага чорным пеўнем, і можа прыносіць свайму гаспадару разнастайныя скарбы. Ад прыроды цмок лянiвы. Калі ж гэтага міфічнага персанажа раззлаваць, то ён можа адпомсціць крыўдзіцелю. У цэлым, цмок з’яўляецца даволі небяспечай і злой істотай. Дракон жа з’яўляецца адным з самых распаўсюджаных персанажаў у кітайскай міфалогіі. Ён увасабляе прыродную стыхію, а таксама вярхоўнае боства. Найбольш цікавы ў дадзеным плане Лунван – “цар драконаў Усходняга мора”. Ён быў вельмі вялікага памеру, меў сваё войска з марскіх насельнікаў, кіраваў громам і ветрам, мог выклікаць дождж. Традыцыйна рысамі дракона надзяляюцца, напрыклад, першапродак Пань-гу і імператар Хуань-дзі. У беларускай міфалогіі вужы – гэта добрыя істоты, падобныя да дамавікоў, што ахоўвалі гаспадарку. Людзі добра ставіліся да вужоў і дазвалялі ім жыць у сваіх хатах ці хлявах. Вужы у сваю чаргу папярэджвалі гаспадароў аб небяспецы і дапамагалі ім. Галоўным сярод гэтых змей быў Вужыны кароль – самы вялікі вуж з каронаю на галаве. Увосень, на Узвіжанне, усе змеі на чале з каралём збіраюцца ў адно месца і хаваюцца пад зямлю, каб перачакаць халады. У кітайскай культуры змеі, як правіла, з’яўляюцца носьбітамі адмоўных якасцяў. Але таксама можна знайсці і прыклады станоўчых змеепадобных істот. Аднымі з самых вядомых з’яўляюцца Нюй-ва і Фу-сі – боствы з чалавечай галавой і змяіным тулавам.

Бачна, што названыя істоты маюць адрозненні паміж сабой: цмок і Вужыны кароль – персанажы ніжэйшай міфалогіі, а дракон, Нюй-ва і Фу-сі з’яўляюцца боствамі. Цмок часта мае некалькі галоў, а таксама можа вывяргаць агонь. У дракона жа ёсць толькі адна галава, затое ён вылучаецца сваімі вялікімі памерамі. Агульным для ўсіх персанажаў з’яўляюцца змеепадобны знешні выгляд і надзяленне рознымі магічнымі здольнасцямі (прынясенне багацця і ўдачы, выкліканне дажджу,

пераўвасабленне, кіраванне ўласнай арміяй, нават стварэнне ўсяго свету). Такім чынам, можна звязваць ўзнікненне дадзеных міфічных істот з традыцыйнымі вераваннямі старажытных людзей. Раней ўсе прадметы вакол, расліны і жывёлы абагаўляліся. З цягам часу яны пачалі надзяляцца чалавечымі якасцямі, сталі больш падобнымі да людзей. Менавіта таму мы можам сустрэць у міфах жывёл, якія размаўляюць, людзей з драконавым тварам або рагамі і інш. Гэта было характэрна для ўсіх народаў, таму мы можам назіраць пэўнае падобнаства ў вонкавым выглядзе, характарыстыках і паводзінах прааналізаваных беларускіх і кітайскіх міфічных істот.

Таксама адметным аб'ектам для даследавання з'яўляецца фразеалогія, паколькі яна найбольш яскрава адлюстроўвае моўную карціну свету народа. Так, у кітайскіх фраземах і прыказках з кампанентамі-фітонімамі часта сустракаецца вобраз ружы, які сімвалізуе чалавечую прыгажосць, півоня звязваецца з раскошай, а панурага і бурклівага чалавека параўноўваюць з бамбукам.

У апошнія гады актыўна стала перакладацца на беларускую мову спадчына кітайскіх пісьменнікаў, напрыклад, Лі Бо, Ду Фу і іншыя. Яшчэ раней у нашу літаратуру ўвайшлі шматлікія ўсходнія цвёрдыя формы верша. Першымі іх пачалі ствараць па-беларуску яшчэ М. Багдановіч і У. Дубоўка, а зараз актыўна пішуць А. Глобус, М. Адамчык, Э. Акулін і інш. Адпаведна, цікава было параўнаць светабачанне беларускіх і кітайскіх творцаў. Асобна варта згадаць, канешне, постаць Алеся Разанава, які ў сваіх творах не толькі глыбока асэнсоўвае нацыянальныя беларускія архетыпы, але і цікавіцца спецыфікай культур іншых народаў (ён пераклаў на беларускую мову шэраг хоку Басё і нават вынайшаў свой адметны жанр – пункцір), таму ў ягоных тэкстах можна бачыць, па заўвазе даследчыкаў, уплыў такіх традыцыйных накірункаў філасофскай думкі Усходу, як даасізм і дзэн-будызм. У іх аснову пакладзены прынцыпы старажытнакітайскай натурфіласофіі і вучэнне Інь-Ян. Сутнасць апошняга ў тым, што “нічога не можа існаваць у часовай катэгорыі «заўсёды», нішто не з'яўляецца па сваёй сутнасці дрэнным ці добрым” [2, с. 43]. Падобнае можам бачыць, напрыклад, якраз у некаторых пункцірах А. Разанава.

З прыведзеных прыкладаў бачна, што азначаныя тэмы, па-першае, сапраўды могуць зацікавіць вучняў, а па-другое, яшчэ дастаткова поўна не асэнсаваны ў даступных нам айчынных крыніцах.

Важна адзачыць і тое, што пры працы над навукова-даследчымі работамі ў вучняў выпрацоўваюцца пэўныя кампетэнцыі – “набытыя ў працэсе навучання і выхавання здольнасці ажыццяўляць дзейнасць у адпаведнасці з атрыманай адукацыяй” [3]. Напрыклад, вельмі важнымі выступаюць камунікатыўныя кампетэнцыі, якія характарызуюць асаблівасці зносінаў паміж людзьмі. Каб камунікацыя была паспяховай (г. зн. каб субяседнік ці слухач правільна зразумеў адрасаваную яму інфармацыю), трэба дакладна асэнсаваць яе мэты, абраць адпаведную стратэгію пабудовы выказвання і маўленчыя паводзіны. Даследчыя работы, звязаныя з кітайскай мовай і культурай, нярэдка змяшчаюць пэўныя словы або цытаты па-кітайску. Адпаведна, неабходна правільна іх перадаць у вусным маўленні, захаваўшы змест, паколькі згаданая мова з’яўляецца тонавай. У выпрацоўцы камунікатыўных кампетэнцый нам дапамагло тое, што настаўнік кітайскай мовы з’яўляецца яе носбітам і можна было адразу высветліць сэнс незразумелых слоў, правільна пабудаваць выказванне і падабраць яго інтанаванне. Для правільнага абазначэння па-кітайску разнастайных лінгвістычных тэрмінаў, назваў міфічных персанажаў і пад. мы карысталіся руска-кітайскім слоўнікам, а таксама дадзенымі з інтэрнэт-крыніц.

У апошні час актыўна павялічваецца ўзаемадзеянне паміж Беларуссю і Кітаем. Узрастае, адпаведна, і цікавасць людзей да культур абедзвюх краін. Не выключэннем з’яўляецца і школьная адукацыя. У ДУА “Гімназія № 56 г. Гомеля імя А. А. Вішнеўскага” вучні могуць вывучаць кітайскую мову ў якасці замежнай, прычым у іх маецца ўнікальная магчымасць асэнсаваць спецыфіку не толькі блізкіх культур (напрыклад, беларускай, рускай, украінскай), але і правесці паралелі з больш аддаленай ад нас культурай Кітая. Актыўна гэты працэс адбываецца дзякуючы ў тым ліку і разнастайным навукова-даследчым работам. Атрыманая ў выніку інфармацыя ўзбагачае досвед вучняў і стымулюе далейшую пазнаваўчую дзейнасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кісліцына, Г. М. Постмадэрнізм і актуальныя праблемы нацыянальнай літаратуры / Г. М. Кісліцына // Літаратура пераходнага перыяду: тэарэтычныя асновы гісторыка-літаратурнага працэсу. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – С. 161–178.

2. Лозка, Т. А. Творчасць А. Разанава ў святле ўсходняй філасофіі / Т. А. Лозка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – № 1 (34). – С. 43–48.

3. Образовательные стандарты общего среднего образования / Нацыянальны адукацыйны партал [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protses-2019-2020-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/2577-obrazovatelnye-standarty-obshchego-srednego-obrazovaniya.html>. – Дата доступа : 02.09.2019.

УДК 398.332.42(=581)(=161)

Дин Ицзя

ОСОБЕННОСТИ ДАТИРОВАНИЯ НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ В КИТАЕ И В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Статья посвящена изучению различий в датировке китайского и славянского Нового года в историческом процессе. На Руси Новый год было принято отмечать в день весеннего равноденствия – 22 марта. Позже, в конце XIV века, эта важная дата была перенесена церковью на 1-е сентября, а уже в 1699 году, по указу Петра I новый год стали праздновать 1-го января. Сейчас в России, Беларуси и Украине новый год также празднуется 1-го января, традиционный же китайский Новый год отмечается в соответствии с новым лунным календарем, принятым в период императора У-ди и состоящим из 24-х сельскохозяйственных периодов. Согласно ему Новый год начинается в первый день первого лунного месяца.

Новый год – один из важнейших праздников и в Китае, и в восточнославянских странах. В ходе своего исторического развития и смены правящих династий в Китае его отмечали по-разному.

Дата Праздника Весны отличалась в зависимости от правящей династии. Династия Ся (2070 г. до н. э. – 1600 г. до н. э.) утвердила празднование первого числа первого месяца, династия Шан (1600 до н. э. – 1066 до н. э.) – первого числа двенадцатого месяца, династия Чжоу (1066 до н. э. – 221 до н. э.) – первого числа одиннадцатого месяца, династия Цинь (221–206 гг. до н. э.) – первого числа десятого месяца. В первый год великого царствования династии Западная Хань (206 г. н. э. – 25 г. н. э.), император У-ди (140–87 до н. э., седьмой император династии Хань) принял предложение известного китайского историка Сыма Цяня и других ученых использовать календарь Тайчу, согласно которому в году 365 дней, а в одном лунном месяце 29 дней. Он установил лунный календарь в качестве сельскохозяйственного

календаря, а первый месяц по лунному календарю стал первым месяцем года; установил 24 сельскохозяйственных сезона в качестве сельскохозяйственного летосчисления (соотносятся с месяцами по лунному календарю) [1, с. 14–19].

В период династии Ся был принят традиционный календарь, также известный как старый лунный календарь. Он представлял собой сочетание лунного и солнечного календарей. Название «лунный» он получил из-за метода определения продолжительности месяцев. Один лунный цикл считается равным одному месяцу, в году всего 12 месяцев, большой месяц длится 30 дней, малый месяц – 29 дней, продолжительность года – 354 или 355 дней. Это на 10 дней и 21 час меньше, чем в солнечном (григорианском) году. Именно поэтому был установлен «добавочный месяц» високосного года. Добавочный месяц вставляется в календарь каждые 2–3 года, в результате чего високосный год (високосным считается год, в котором есть добавочный месяц) включает 13 месяцев. По григорианскому календарю за один год Земля совершает один оборот вокруг Солнца, а один солнечный (григорианский) год равен 365 дням 5 часам 48 минутам 40 секундам. Для удобства расчётов год принимают равным 365 дням и называют его простым годом. Оставшееся время суммируется, и каждые 4 года к году прибавляется один день: такой год называется високосным (366 дней). Таким образом, на каждые четыре года остаётся лишних 44 минуты 56 секунд, поэтому в течение каждых 400 лет два високосных года должны считаться простыми. Год, номер которого кратный четырем, является високосным. Для векового года (год, номер которого заканчивается двумя нулями) високосным считается лишь тот год, номер которого кратный 400. Например, 1984 и 2000 годы были високосными, а 1700 – простым невисокосным [2, с. 283]. По григорианскому календарю 4-ый (апрель), 6-ой (июнь), 9-ый (сентябрь) и 11-ый (ноябрь) – короткие месяцы продолжительностью 30 дней, а 1-ый (январь), 3-ий (февраль), 5-ый (май), 7-ой (июль), 8-ой (август), 10-ый (октябрь) и 12-ый (декабрь) – длинные месяцы продолжительностью 31 день. Во 2-ом месяце (февраль) простого года – 28 дней, високосного – 29 дней.

Поскольку лунный календарь принимает в качестве стандарта циклы Луны, то продолжительность лунного месяца никак не связана с сезонами года, в результате чего возможно возникновение некоторых противоречий. Например, Праздник весны может в один год выпасть на зиму, в другой – на 11 дней раньше, а на 16-ый год – на лето. Эту проблему решают при помощи високосных годов григорианского

календаря. Они гарантируют, что с 1-ого по 3-ий месяцы будет весна, с 4-ого по 6-ой – лето, с 7-ого по 9-ый – осень, а с 10-ого по 12-ый – зима. Также это гарантия того, что начало сельскохозяйственного года (китайский Новый год) выпадет на конец зимы – начало весны [3, с. 392–393].

Во времена правления династий Ся, Шан, Чжоу и Цинь используемые календарные системы назывались по-разному, однако способ летоисчисления у всех соответствовал старому лунному календарю, принятому во времена династии Ся, где год включает 365,25 дней. Различие между ними состояло в дне начала года. Так, в труде «Ши Цзи» («Исторические записки») упоминается, что «во времена династии Ся первым месяцем года считался первый месяц по старому лунному календарю, во времена династии Шан – двенадцатый месяц по старому лунному календарю, а в эпоху династии Чжоу – одиннадцатый» [4, с. 102]. После того, как император Цинь Шихуан объединил Китай, первый месяц года был установлен на десятый месяц по старому лунному календарю. В период правления императора У-ди началом года снова стал считаться первый месяц по лунному календарю. Сегодня традиционный китайский Новый год, Праздник весны, всегда проводится в соответствии с новым лунным календарем, принятым в период императора У-ди и состоящим из 24-ёх сельскохозяйственных периодов. Согласно ему, Новый год начинается в первый день первого лунного месяца.

Как указывается в большинстве научных источников, восточные славяне отмечали несколько «Новых годов» – по народной, религиозной и гражданской традициям. Все они были тесно связаны с изменениями в календаре и древними обычаями. Л. В. Черепнин в работе «Русская хронология» по этому поводу писал: «В древней Руси до конца XVII в. новый год начинался не с января, как в настоящее время, а с марта (как в древнем Риме) или с сентября (как в Византии). Только при Петре I, с 1700 г., одновременно с переходом на эру от «Рождества Христова» было решено началом года считать 1 января. До Петровской же реформы существовало два основных календарных стиля, отличных от современного: мартовский, согласно которому новогодие (подобно римскому обычаю) приходилось на 1 марта, и сентябрьский (заимствованный из Византии) с новогодием, падающим на 1 сентября. Самые термины *мартовский*, *сентябрьский год*, *мартовский*, *сентябрьский стиль* не встречаются в источниках, а принадлежат позднейшим исследователям. До 1492 (7000) года, как полагают исследователи, оба стиля существовали параллельно.

С 1492 г. завоёвывает преобладание сентябрьский стиль, вытесняющий мартовский» [5, с. 27].

Древние славяне разделяли год на зиму и лето, или зимнее и летнее время. На Руси существовало долгое время пролетье, т. е. первые три месяца, и с марта начинался пролетный месяц. В честь его праздновали *авсень*, *овсень* или *тусень*, который впоследствии перешел на новый год. Самое же лето в древности заключалось в нынешних трех весенних и трех летних месяцах, – последние шесть месяцев заключали зимнее время. Переход от осени к зиме тушевался подобно переходу от лета к осени [6].

Восточные славяне до принятия христианства в 988 году отмечали два «Новых года» – Коляду и Масленицу. В первом случае Новый год связывался с увеличением светового дня, а во втором – с концом зимы и началом сельскохозяйственных работ.

По народной традиции до X века на нынешних славянских землях приход нового года отмечали 22 марта (праздник проводов зимы и встречи весны) – в день весеннего равноденствия. Этот праздник был посвящен языческому богу плодородия и скотоводства Волосу (Велесу). После принятия христианства на Руси праздник этот сохранился и с XVI в. стал называться Масленицей. С принятием христианства Масленица и Новый год были разделены.

В народной традиции восточных славян издавна существовал еще один важнейший новогодний праздник, который начинался в двадцатых числах декабря. На Руси его называли *Коляда*, у белорусов, украинцев – *Коляды*.

Первым исторически важнейшим переломным моментом в традиционном укладе жизни древней Руси стало в X веке Крещение Руси и связанное с этим введение в сознание и мировоззрение восточных славян христианской идеологии и новых традиций. Христианство принесло с собой из Византии славянам Юлианский календарь, согласно которому они стали жить в Новом летоисчислении и начали вести отсчет времени от сотворения мира, заимствовали названия месяцев. Новый год также начинался по-иному – 1 марта [6].

В соответствии с постановлениями Никейского собора, в середине XIV либо в конце XV века православная церковь осуществила перевод начала года на 1-ое сентября. Перенос празднований на 1 сентября связан с возрастающим значением христианской церкви в государственной жизни древней Руси.

Начиная с 1700 года (7208 год от сотворения мира), царь Петр I в России ввел новый гражданский календарь, согласно которому год

начинается не 1 сентября, а 1 января, и годы отсчитываются от Рождества Христова. 20 декабря 1699 года был издан указ Петра I «О праздновании Нового года», который предписывал производить исчисление лет не «от сотворения мира», а от Рождества Христова, а новолетие начинать не с 1 сентября, а с 1 января. В день 1 января, когда по старому летоисчислению шел 7208 год, по введенному новому наступал год 1700-й.

После Великой Октябрьской социалистической революции декретом СНК РСФСР от 24 января 1918 года в России был введен григорианский календарь, общепринятый в европейских государствах, с поправкой на 13 суток. Таким образом, православное Рождество сместилось с 25 декабря на 7 января, соответственно новогодний праздник теперь стал выпадать на время церковного поста. А в народе появился ещё один праздник – Старый Новый Год (новый год по старому стилю).

Сравнивая две абсолютно разные культуры – китайскую и славянскую, можно сказать, что хотя новогодние даты неодинаковы, но все равно их выбор изначально всегда был подчинен земледелию и климатическим условиям. По сути, новый год в Китае и в народном календаре восточных славян обозначал окончание холодной поры и наступление тепла.

В наше время китайские и славянские новогодние празднества происходят зимой, но в Китае это все еще праздник прихода весны, а у славян это уже привязано к переходу к новому календарному году.

Список использованных источников

1. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / редкол. : Л. Модель [и др.]. – М. : Наука, 1985. – 264 с.
2. 谭春虹. 中华文化常识[M]. 北京 : 中国纺织出版社. 2016 : 373. = Тань, Чуньхун. Знание китайской культуры / Чуньхун Тань. – Пекин : Китайский текстиль, 2016. – 373 с.
3. 梦远. 国学知识全知道[M]. 北京 : 中国华侨出版社. 2013 : 432. = Мэн, Юань. Знание китайского / Юань Мэн. – Пекин : Китайский за рубежом китайский, 2013. – 432 с.
4. 司马迁. 史记[M]. 北京 : 线装书局. 2006 : 552. = Сыма, Цянь. Ши Цзи / Цянь Сыма. – Пекин : Книжная компания Сяньчжуан, 2006. – 552 с.
5. Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusarch.ru/index.htm>. – Дата доступа : 27.02. 2019.
6. Двуреченская Н. Г. История празднования Нового Года на Руси [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bridechurch1.narod.ru/newyear.htm>. – Дата доступа : 27.02. 2019.

Дун Цзюньфэй

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье проводится сравнительное исследование семантики эмоциональных глаголов в русском и китайском языках. В семантическом поле эмоций выделяются «базовые» эмотивные глаголы, которые можно выделить во многих языках, и глаголы, которые характеризуют узко специфические ситуации и используются только в некоторых лексических системах.

Эмоциональный мир человека чрезвычайно сложен и многообразен, поскольку многочисленные жизненные ситуации создают условия для возникновения смешанных и сложных эмоций, способы изображения которых в языке разнообразны. Эмоциональные состояния обозначаются разными видами предикатов, в первую очередь, глаголами и глагольными конструкциями, например: *волноваться, радоваться, сердиться* и т. п. Согласно А. Вежбицкой, к «базовым» эмоциям относят такие эмоции, как желание, грусть, гнев, радость, любовь и страх. В русской и китайской культурах наиболее частые эмоции – веселье, печаль, горе и радость [1], в которых отражаются как положительные состояния, например: *веселиться (高兴)*, *восторгаться (使狂喜)*, *гордиться (为...感到自豪)* и т. д., это т. н. глаголы положительного влияния, так и глаголы, которые негативно влияют на состояние человека, вызывая резкие эмоциональные реакции: например, *беспокоить (使...担心)*, *мучить (使...痛苦)*, *обижать (使...受委屈)* – это глаголы негативного влияния; кроме того, существуют глаголы, у которых нет определенного эмоционального выражения, например: *удивляться (对...感到奇怪)*, *поражаться (对...震惊)* – это глаголы со значением нейтрального состояния.

Исходя из приведенных примеров, глаголы эмоционального состояния можно разделить на следующие группы: 1. Глаголы негативного эмоционального состояния: *нервничать (焦急)*, *дуться (生气)*, *горевать (伤心)*, *скучать (寂寞)*. 2. Глаголы положительного эмоционального состояния: *радоваться (使开心)*, *успокоиться (放心)*.

3. Глаголы нейтрального эмоционального состояния: *бояться* (害怕), *поражаться* (惊讶), *стесняться* (难为情).

Существует большая группа глаголов, которые оказывают воздействие на субъект, пробуждая при этом определенные эмоциональные чувства. Это так называемые глаголы эмоционального воздействия, среди которых можно выделить следующие группы по степени влияния на адресата: 1. Глаголы положительного эмоционального воздействия, например: *веселить* (使高兴), *зачаровать* (使迷人), *растрогать* (使感动) и др. 2. Глаголы негативного эмоционального воздействия, например: *бесить* (使激怒), *мучить* (使痛苦), *мутить* (使不安), *стыдить* (受辱), *донимать* (使厌烦), *разочаровать* (使失望) и др. 3. Глаголы нейтрального эмоционального воздействия, например: *подивиться* (使惊奇), *отпугивать* (吓怕), *застыдить* (害羞), *удивляться* (惊讶) и др. Более того, в русском и китайском языках существуют глаголы эмоционального отношения к субъекту/объекту, среди которых также выделяются группы глаголов положительного эмоционального отношения, например: *любить* (爱), *поклоняться* (崇拜), *восхвалять* (赞美), *сострадать* (惋惜), *гордиться* (为...感到自豪) – и негативного эмоционального отношения, например: *недолюбить* (不爱), *начхать* (看不起), *ненавидеть* (痛恨), *ревновать* (嫉妒).

Китайский ученый Пэн Юйхай, кроме указанных групп эмоциональных глаголов, выделил эмоциональные глаголы так называемой вторичной категоризации в китайском языке [2, с. 35].

В лексико-семантической группе «глаголы эмоционального состояния» в русском языке можно выделить несколько лексико-семантических подгрупп:

1. Глаголы со значением непроизвольного выражения эмоций, когда эмоциональное состояние субъекта не зависит от его сознания, например: *看着父亲渐行渐远的背影, 他开始痛苦起来.* (букв. Наблюдая за тем, как отец отдаляется от него, он **страдает**); *当她的朋友回家后, 她感到很伤心.* (Она была **огорчена**, когда её коллега уехала домой). В этих предложениях негативные эмоции появляются у субъекта под воздействием другого субъекта.

2. Глаголы со значением стимула-реакции, при котором эмоциональное состояние возникает в результате воздействия внешнего фактора [3]. Еще Спиноза в XVII в. исследовал эмоциональную реакцию одного субъекта под воздействием определенных усилий другого

субъекта, например: 原来好心情被陌生人的一声大骂给**激怒**了. (букв. Он был **возмущен** руганью незнакомого); 我开始就非本质问题争论起来.....我那种令人厌烦的样子渐渐地激怒了无忧无虑的伊万诺夫. (Я принялся спорить не по существу... Моё занудство начинало раздражать беззаботного Иванова) [4, с. 3]; Или: Он принял систему не торопить дочерей и **не беспокоить** их слишком томлением своей родительской любви об их счастье. И, может быть, потому, что думали **очаровать** нас словами, так что мы вроде и не заметим ваших тайных намерений [5, с. 40]. Выделенные глаголы содержат семантику провоцирования, так что стимул и реакция фактически устанавливают причинно-следственные отношения.

3. Эмоциональные глаголы направленного действия, когда эмоциональное состояние адресата возникает в результате определенных действий адресанта, например: 父母为儿子的考试成绩考试感到**自豪** (букв. Родители **гордятся** высокой оценкой их сына); 我为朋友的行为感到**伤心**. (букв. Поступок друга **опечалил** меня); 他的粗鲁让我们很**生气** (букв. Его резкость нас **разозлила**).

4. Эмоциональные глаголы со значением временной локализованности, т. е. эмоциональные глаголы используются для характеристики состояния субъекта в конкретное время: например: 当他听到这个噩耗, 当时就哭了起来. (букв. Услышав ужасную новость, она заплакала); 逆境时我时常伤感 (букв. Мне грустно **в минуту** невзгоды); 他瞬间就生气了, 同样地, 很快又忘记了所有的怨恨 (букв. Он **мгновенно** обижается и так же **мгновенно** забывает обиду).

5. Эмоциональные глаголы, обозначающие гетерогенность, или разнородность собирательных действий, когда эмоциональное значение складывается как совокупность разных действий разных субъектов, например: 很多学者都很**敬佩**他 (букв. Многие учёные **восхищаются** его); 我么都很**尊敬**我们的俄语老师, 上课认真听讲并按时完成作业, 见面时向他主动问好, 节日时给老师送去真诚的祝福并祝他健康 (букв. Мы все **уважаем** нашего преподавателя: внимательно слушаем лекции и вовремя выполняем задания; приветствуем его при встрече, в праздники обязательно поздравляем его и желаем здоровья).

6. Эмоциональные каузативные глаголы. Как правило, это переходные глаголы со значением побуждения к выполнению соответствующего действия или со значением причины чего-либо, например: 他的病情恶化让医生感到**不安** (букв. Ухудшение его состояния

обеспокоило доктора); 这个消息使我感到不安和忧愁 (букв. Это известие *взволновало* и *огорчило* меня); 她的不顺从让主任感到很吃惊 (букв. Её непослушание *удивило* начальника).

7. Эмоциональные глаголы со значением симптоматического проявления, когда внешнее физическое действие становится результатом внутреннего эмоционального состояния человека. На это обращает внимание и Н. Д. Арутюнова, говоря о том, что «человеческие эмоции – это не что иное, как результат отношения между психическим состоянием человека и объективной действительностью» [6, с. 341], например: 害怕—胆战心惊 (бояться – букв. Сердце бьется и трепещет от страха); 伤心—由于气愤使他伤心的泪流满面. (сердиться – букв. От негодования он сердится); 失望—他们的关系使他面色消沉. (разочароваться – букв. Его разочаровали их отношения); 惊讶—朋友的反应让他目瞪口呆. (изумиться – Его изумила реакция друга); 愤慨—周围人的行为让他咬牙切齿. (возмущаться – Он возмущается поведением окружающих); 难受—嫉妒心让他愁云满面. (мучиться – Его мучила ревность).

Как показал проведенный анализ, классификации эмоциональных глаголов в русском и китайском языках не совпадают, что объясняется различием их семантики. Более того, многие русские глаголы не имеют эквивалентных значений в китайском языке, что особенно важно для межкультурной коммуникации [7]: например, *хандрить*, *унывать*, *ужасаться*, *ликовать*, *гневаться*, *томиться* и др. Многие китайские глаголы также не имеют эквивалентных значений в русском языке, например: 焦思 (букв. Гореть от тоски), 吼怒 (букв. гневаться рыча), 黯然神伤 (букв. погрузиться в печаль), 羞恼成怒 (букв. Прийти в раздражение от возмущения), 哑然失色 (букв. Измениться в лице во время смеха). Поэтому сопоставительные исследования подобного типа вызывают большой интерес у русских и китайских лингвистов.

Список использованных источников

1. 林宝煊等. «俄语常用动词分类词典». 1990 年. 232 页–300 页 (Линь Баосюань. Идеографический словарь наиболее употребительных глаголов русского и китайского языков / Линь Баосюань. – Шанхай, 1990. – С. 232–300).
2. 彭玉海. 1998b. 俄语感情动词的语义次范畴及其鉴定标准. 《外语学刊》第 4 期. 第 35–42 页 = Пэн Юйхай. Семантическая вторичная категоризация русских

эмоциональных глаголов и экспертная норма / Пэн Юйхай // Периодика иностранного языка. – Харбин. – Четвертый период. – С. 35–42.

3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – Вена, 1995. – 121 с.

4. Улицкая, Л. Е. Повесть «Сонечка» / Л. Е. Улицкая // Новый мир. – М., 1995.

5. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1989. – Т. 4. – 40 с.

6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

7. 彭玉海. 《俄语感情动词的整合研究》, 当代语言学》第 3 卷 2001 年第 3 期 210–219 页. 北京 = Пэн Юйхай. Согласующее исследование русских эмоциональных глаголов / Пэн Юйхай // Современное языкознание. – Пекин, 2001. – Третий период. – С. 210–219.

УДК 811.161.1'373:159.937.515.5:811.581'373:159.937.515.5

И. Г. Евтухова

СИМВОЛИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ *КРАСНЫЙ* В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

*Статья посвящена исследованию национального своеобразия символики колоратива **красный** в русском и китайском языках. Отмечено сходство восприятия данного цвета, важность и ценность для интерпретации и описания философско-мировоззренческой картины мира.*

Познание символики цвета – это осознание смысла образов архетипов, канонизированных мировой культурой. Системы цветовых обозначений и цветовых символов в разных языках и культурах доказывают влияние родного языка на характер цветовой классификации. Цветообозначения китайского языка соотносятся с семиотической, ценностной и философско-мировоззренческой картиной мира [1, с. 2].

Красный цвет играет очень большую роль во всей лексико-семантической группе цветообозначений. Он относится к первобытной триаде цветов и является одним из компонентов трехкомпонентной теории цветового зрения. В славянской мифологии «символика красного цвета и его оттенков амбивалентна. **Красный** – цвет жизни, солнца, плодородия, здоровья и цвет потустороннего мира, хтонических и демонических персонажей.

Красный – «наиболее агрессивный цвет, символизирующий ... огонь...» (ЭЗС, 427). В древнеиндийской философии **красный** – это

цвет одной из трех первоначал вещей, или стихий: «**Красный** цвет (материального) огня – это цвет первоогня». Старейшие и весьма почитаемые боги – это божества солнца и его земного заместителя – огня... Древнейшая богиня – мать Земля также окрашена в оттенки **красного**, это ее натуральный, чувственно постигаемый цвет... В мифах древних народов и примитивных племен в **красный** цвет окрашены многие боги, духи и демоны – как добрые, так и злые. Один из богов острова Пасхи называется Хаха Меа (**Красный** Рот), другой бог – Атуа Хива раскрашен **красными** и белыми полосами. Китайский бог – Атуа Чжу-Лун был покрыт **красной** кожей, а голова бога Гун-Гуна – **красными** волосами [2, с. 1].

«Так как цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. В цвете в рамках китайской лингвокультуры может выражаться отношение человека к явлениям окружающей природы, с помощью цвета можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия» [3, с. 203]. В соответствии с символикой Юга **красный** цвет символизирует буйство жизни во всех ее проявлениях радость, торжественное событие, успех, удачу, благие пожелания.

У славян **красный** цвет наделяется защитными свойствами и используется как оберег» (СД II, 647). В ритуалах, связанных с рождением, **красный** цвет выполнял функцию оберега, но особо важную роль он играл в свадебных обрядах. Это подтверждают многочисленные этнокультурные источники. Не случайно, а закономерно, что в терминологических словосочетаниях названий различных предметов, явлений и т.п., связанных со свадебной обрядностью 1) используется **красный** цвет. Ср.: **красная** красота «головной убор невесты», **красный** пояс «свадебный обряд с поясом при одевании невесты к венцу» (СРНГ XV, 194); 2) прилагательное **красный** является одним из самых распространенных, что подтверждается данными диалектных словарей. Ср.: **красные** дары «подарки невесте во время помолвки или (чаще) свадьбы» (СРНГ XV, 194); **красный** поезд «веселый, княжий, свадебный поезд» (Даль II, 187); «свадебный поезд жениха в дом невесты в день брака» (СРНГ XV, 194); **красный** обед «предсвадебный обед или обед на второй день свадьбы», **красный** стол «свадебный стол» (СРНГ XV, 194). «В родинных обрядах **красный** цвет выступает как символ жизни, здоровья: пуповину перевязывали **красным** шнурком (серб.), шелком (в т. ч. для предохранения от падучей; укр.)» (СД II, 648).

Чтобы не допустить к роженице злых духов, а также чтобы предупредить родовые повреждения, через нее перебрасывали **красную** нитку, которая выполняла роль магично-охранительного средства. После первого – ритуального – купания ребенка туго пеленали в белое, а затем перевязывали **красной** паской (специальным самотканым поясом, который передавался от поколения к поколению и выполнял роль объединения семьи и прежде всего – детей) [4, с. 74].

Таким образом, ритуальное употребление **красной** нити дает основание считать ее символом жизненного начала. «Чтобы тебя не сглазили, желательно носить на себе что-нибудь **красное**. Это могут быть пацеры [И.Г. – бусы], **красные** камни в сережках, **красная** шаль и т. д. **Красный** цвет перекрывает поток плохой энергии.

Красный (红 хун) символизировал юг с буйством жизни во всех ее проявлениях, соответствуя стихии огня (максимальная жизненная сила и активность) и Солнцу. Огню и всему, что с ним соотносится, свойственны жар, зной, стремление вверх. Мифологическим животным здесь выступает **Красная** птица (Чиняо, Феникс), означающая мудрость, красоту, благоприятствование, а персонажем – Огненный император Янь-ди (Шень-Нун), научивший людей растить хлеб и являющийся богом-целителем, так как солнце – это жизнь. Считалось, что сила **красного** цвета отпугивает злых духов, приносит удачу в дом и гармонизирует общую атмосферу. Китайцы полагали, что если на руку ребенка намотать **красную** ниточку, то она защитит малыша от сглаза. В астрологии цвет соответствует Марсу (Иньхосин) и **красному** духу огня Чжу-жун.

Это древнейшая цепочка ассоциаций – в мифологической и даосско-религиозной традиции цвета: **багряный** – 朱 «чжу», **красный** – 赤 «чи», **вишневый** – 绛 «цзян» прилагаются к мифологическим персонажам, явлениям и предметам высшего мира. **Багряная** ласточка (朱燕 «Чжуйань») – волшебный тотем чжоусцев (конец II тысячелетия до н. э.), **багряный** скакун 朱骐 «чжуци» – конь, наделенный сверхъестественными свойствами; **Красная** река 赤水 «чишуй» – волшебная река, текущая у подножья горы Куньлунь (служила связью между Небом и Землей), **вишневые** одеяния 绛衣 «цзяньи» – облачение духов. **Красные** плоды – впервые упоминаются в трактате 山海经 «Шаньхай цзин» как плоды бессмертия на священном дереве с круглыми листьями и желтыми цветами. В поэзии Китая «**красному** облаку» уподобляются дворцовые чиновники, одетые по случаю праздника в халаты **красного** цвета [1, с. 34].

Красный цвет как маркер радостных событий также присутствует в новогодней атрибутике и обрядности. Неотъемлемой частью новогодних праздников считаются благопожелания, выполненные на пур-

пурной бумаге (выражение 贴红喜字 «те хун сицзы» – наклеивать **красные** счастливые иероглифы); детям на праздник дарят деньги в **красном** конверте (выражение 送红包 «сун хунбао» – преподнести **красный** сверток).

В языке семантика **красного** закреплена в словосочетании 红事 «хунши» (**красное** событие, свадьба), 红楼 «хунлоу» (**красная** башня) и 红衣 «хун'и» (**красное** платье) – образные названия женских покоев и женского свадебного наряда. Метафорическое значение цвета, соотношение его связи со светилом, культом плодородия и женской красотой отражено в выражениях 红女 «хунньюй» (**красная** женщина, девица краса), 红颜 «хуньянь» (внешность красавицы). Художников называли «постигшими **красный** и синий цвет», как достигших совершенства в художественном творчестве [5, с. 16].

Символика **красного** цвета схожа в китайской и русской культурах: «процветание», «счастье», «праздник». Об этом говорит наличие таких словосочетаний, как «开门红» (означающее «положить успешное начало», «дать с самого начала положительные результаты», буквально «открыть двери к успеху»); «红红火火» (буквально «красный, красный, огонь, огонь», которое используется, чтобы показать, что жизнь кого-либо бьет ключом.)

В пекинской опере раскраска лица соответствует характеру персонажа. Так, у положительных героев лица раскрашены в **красный** цвет: «唱红脸» – «петь в **красной** маске» – изображать положительно-го героя. **Красный** цвет по-прежнему сохраняет свое значение в современной жизни, символизируя счастье и привлечение благоденствия. **Красный** – главный цвет празднований в Китае: «牵红线» – устраивать брачные знакомства (букв. «протягивать **красную** нить»).

Красный также используется в речи, когда подразумевают «буйство жизни», многообразие чего-либо: «万紫千红» – разноцветный, красочный, пёстрый, буквально «тысячи фиолетовых и **красных** тонов»; «红男绿女» – «пёстрая толпа нарядных мужчин и женщин» [5, с. 17].

Однако **красный** цвет обладает и негативными оттенками значений. Значение китайского фразеологизма «红眼病» совпадает со значениями таких русских фразеологизмов, как «позеленеть от зависти», «завидовать по-черному». Буквально он переводится как «болезнь **красных** глаз». Интересно, что в русском языке с завистью ассоциируются зеленый и черный, но не **красный**. Эмоциональные состояния, связываемое в России с **красным** в силу национально культурной специфики – «стыд», «смущение». Существует множество фразеологизмов, выражающих это значение: «зардеться», «заалеть», «покраснеть до корней волос», «покраснеть до ушей». Также негативным от-

тенком обладает словосочетание «红尘» – «мишура, показная (крикливая) роскошь, внешний блеск». В китайской поэзии эта идиома используется для обозначения мирской бездуховности в широком понимании [1, с. 35].

Формирование представлений о цвете происходило не столько на основе окраски предметов реального мира, сколько в рамках философско-религиозных представлений о космологическом устройстве мира. Таким образом, рассмотрение символики *красного* цвета в русском и китайском языках позволяет сделать вывод о преимущественной схожести восприятия данного цвета, о важности и ценности колоратива *красный* для интерпретации и описания мира и по-русски, и по-китайски.

Список использованных источников

1. Морозова, Т. А. История, семантика и символика красного цвета в китайском языке / Т. А. Морозова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 2. – С. 11–87.
2. Миронова, Л. Н. Цветоведение / Л. Н. Миронова. – Минск : Высшая школа, 1984. – 362 с.
3. Завьялова, Н. А. Сопоставительный анализ китайских и русских фразеологизмов с компонентом цветообозначения как способ анализа дискурса повседневности при обучении китайскому языку / Н. А. Завьялова // Сборник материалов конференции, посвященной методике преподавания китайского языка как иностранного для русскоговорящих граждан. – Чанчунь, 2010. – С. 199–206.
4. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск : Ураджай, 2001. – 350 с.
5. Вострикова, А. Н. Символика цветов в китайском и русском языках. Философия и наука в культурах запада и востока / А. Н. Вострикова, Д. Ю. Леонова // Сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием (6–7 июня 2018 г.). – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. – С. 15–18.

Условные сокращения

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980; **СД** – Славянские древности: Энциклопедический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар.отношения, 1995–2012. – Т. 1, 1995. – 700 с.; Т. 4; 2009. – 656 с.; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Л. : Наука, 1968–1992; **ЭС** – Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. – М. : Вече, 1997. – 356 с.

А. И. Жишкевич, Юань Сунь

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СУБСТАНТИВЫ
С ЧАСТИЧНО РАЗНЫМИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ
КОННОТАТИВНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена сопоставлению русского и китайского языков на базе эмоционально-оценочных субстантивов с учетом культурных коннотаций. Рассмотрены слова, имеющие одинаковые денотаты в двух культурах, но частично разные эмоционально-эстетические смысловые оттенки и ассоциации в сопоставляемых языках.

Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции играет важную роль в межкультурном общении наций. Поэтому при овладении иностранным языком необходимо учитывать не только коммуникативную, но и кумулятивную функцию другого языка, т. к. коннотативный культурный компонент лексических единиц не всегда понятен носителю другого языка и другой культуры. В то же время коннотации играют важную роль и связывают лексику с жизнью определенного языкового коллектива, определенным бытом, сложившимся социальным узусом. Среди языковых маркеров культуры наибольшую роль играет лексика, различающаяся по отраженным в ней социальным реалиям, национальной культуре и эмоциональной значимости.

При трактовке эмоционально-оценочных субстантивов русского и китайского языков необходимо учитывать национальный менталитет, который должен быть дополнен «изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая физическую географию страны <...> Узнать, что стоит за тем или иным иероглифом, открыв двуязычный словарь, практически невозможно: неизбежна невольная подмена истинного его значения. Чтобы адекватно декодировать такое значение, необходимо познакомиться с прототипом, что предполагает необходимость «погружения» в экстралингвистическую реальность» [1, с. 82–83].

При рассмотрении культурных коннотаций в русском и китайском языках предлагаем распределять эмоциональную лексику по

трём группам: 1. Лексика с эквивалентными национально-культурными коннотативными значениями. 2. Лексика с частично разными национально-культурными коннотативными значениями. 3. Лексика с безэквивалентными национально-культурными коннотативными значениями.

Особый интерес представляет группа эмоционально-оценочных субстантивов с частично разными национально-культурными коннотативными значениями, поскольку эмоциональные и социальные ассоциации разных культур не всегда совпадают. Данная группа объединяет слова, имеющие идентичный денотат в двух культурах, но частично различающиеся по коннотативному национально-культурному компоненту. То есть эта группа включает лексику, тождественную в двух культурах, но различающуюся по эмоциональной и социальной значимости. Поэтому лексика с частично разными национально-культурными коннотативными значениями окрашена определенными ассоциациями, понятными людям только одной культуры, отражает национальные тенденции и обладает яркой национальной спецификой. Справедливо отмечает Цун Япин, указывая, что «при сравнительном анализе эмоционально-оценочной лексики в китайском и русском языках устанавливаем, что коннотативно-оценочное значение в разных языках может быть полностью противоположным при выражении одинаковых предметов или явлений окружающей действительности» [2, с. 17].

Слова с частично разными коннотативными значениями иллюстрируют разницу в системе ценностей: объект и процедура интеллектуального анализа совпадают, но в шкале восприятия эта лексика в китайской и русской культурах располагается на разных делениях. Причиной различий такого типа является специфика моральных, общественных и религиозных устоев, характерных для отгороженной продолжительное время от западного влияния китайской культуры.

При рассмотрении эмоционально-оценочной лексики с частично разными коннотативными значениями в русском и китайском языках можно заметить превалирование зоонимов. Приведем примеры. В русской культуре *баран*, *овца*, *козел* и *коза* имеют отрицательную оценку при характеристике человека, например: *Пустили козла в огород; Поведется овца, не хуже козы*. Кроме того, русские называют бараном глупого человека: *как баран на новые ворота*. В китайском языке *баран* 羊 символизирует счастье и добро. Например, 牵羊担酒 (*вести баранов и нести вино кому-либо в знак честования*), 素丝羔羊 (*кристально*

честный и неподкупный). Бараном также называют послушного, доброго человека: *他是只温顺的羔羊* (Он добрый, как баран).

Воплощение трусости в китайском языке заключено в понятии «мышь» 鼠, ведь у нее в физическом смысле маленький желчный пузырь. В русском языке слово *мышь* имеет переносное значение ‘субтильная особа с тихим нравом, но пронырливая’. Сравним: *А вот мне нравятся не бойкие девушки, а мышки* и *胆小如鼠* – Он трусливый, как мышь.

Лексема *волк* 狼 в китайском и русском языках метафорически передает значение ‘угрюмый, недоброжелательный человек’, но в русском языке есть значение ‘одинокий человек’: *волк-одиночка*.

Лошадь 马, на первый взгляд, можно отнести к эквивалентной лексике, так как в обоих языках человека, который выполняет тяжелую работу, сравнивают с этим животным: *работает как лошадь*, отсюда *старый конь борозды не испортит* – в русском языке и *老马识途* *Старый конь знает дорогу* – в китайском. Однако в русском языке данный зооним имеет еще одно значение ‘некрасивая женщина’.

В русской культуре слово *медведь* 熊 может иметь метафорическое значение, обозначающее ленивого, неуклюжего и прожорливого человека, и в то же время – вызывающее положительные ассоциации, расположение, симпатию, уважение (*Хозяин в доме, что медведь в бору*). В китайском языке медведем тоже называют неуклюжего, простоватого человека, но китайцы не представляют себе медведя добрым хозяином. Для носителей китайской культуры 熊 – медведь – это исключительно ‘глупый, неповоротливый, ленивый человек’. Китайцы говорят: *笨的像只狗熊* – глупый, как медведь. Интересно, что в Китае есть поговорка *熊瞎子掰苞米* – Медведь обрывает кукурузу, обозначающая ‘напрасный труд’. Такой образ происходит из известной китайской басни: когда медведь собирает кукурузу, он обрывает один початок, роняя другой, в результате остается ни с чем.

Крокодил 鳄鱼 – опасная и пугающая рептилия. В русском языке широко известно выражение *крокодильи слезы*, обозначающее, что жестокий или коварный человек пытается вызвать жалость, но верить этим жалобам и помогать ему не стоит. В китайском языке существует аналогичное значение, которое находим, например, у Лу Веньфу: “*别相信鳄鱼的眼泪*” (букв. не верь крокодильим слезам). Однако при

обозначении человека в русском языке этим словом характеризуют некрасивого человека, а в китайском – злого [3].

Эмоционально-оценочные субстантивы с частично разными национально-культурными коннотативными значениями широко представлены и лексико-семантической группой орнитонимов. Так, воробьем 麻雀 русские называют опытного, бывалого человека, а китайцы – человека, который много говорит: *И вы думали обмануть меня, старого воробья!* и 他像只麻雀一样和我说了一天废话 – Этот воробей проболтал со мной весь день.

Летучая мышь 蝙蝠 для китайского народа олицетворяет счастье, потому что словосочетание по звучанию похоже на слово *счастье* 福: соответственно 蝙蝠 – 福. У русскоговорящего это животное вызывает страх и неприязнь.

В данном типе культурно-коннотативной лексики присутствует и лексико-семантическая группа фитонимов. Так, эмоционально-оценочный субстантив *мимоза* в русском языке обозначает человека, отличающегося обостренной обидчивостью, ранимостью, не допускающего посторонних в свой внутренний мир, в китайском языке – стеснительного человека: *Но и люди тоже, знаете... такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы* (В. Шукшин) и *不要像含羞草一样坐在那儿, 这里都是自己人 – Не стесняйся, мимоза, здесь все свои.*

Слово *ива* 杨柳 обозначает вид дерева, у русских ассоциирующийся с печалью (*ивушка плакучая*), у китайцев – с тишиной, спокойным счастьем.

Бамбук 竹 – символ благородного человека: *宁可食无肉不可居无竹* (Лучше не есть мяса, чем жить без бамбука). В китайском языке слово *бамбук* имеет символические значения: ‘чувство достоинства китайской нации’; ‘здоровая атмосфера’. Более того, бамбук – растение, которое очень быстро растет, поэтому с ним связано выражение как бамбуковый росток после дождя. В русском языке бамбук – бранное слово, обозначающее глупого человека: *Да ты совсем бамбук, что ли?*

Дичкой в русском языке называют необщительного и очень застенчивого человека, а в китайском так называют ребенка до 10 лет: *Маша была необщительной, совсем дичка* и 我的侄子还是个小树苗, 他对什么都感兴趣 – Мой племянник еще дичок, поэтому ему все интересно.

Слово *сердце* 心脏 относится к лексико-семантической группе «Соматизмы» и в обеих культурах связано с эмоциями. Но если у русского человека может быть легко на сердце или сердце может разрываться (значит, человек пассивен и не управляет своими чувствами), то в Китае человек сам хозяин своему сердцу и своим эмоциям: он может *放心* отпустить сердце – ‘успокоиться’ или *担心* нести сердце – ‘волноваться’ [3].

Таким образом, особенности национальной языковой культуры проявляются в специфике слов, имеющих одинаковые денотаты в двух культурах, но частично разные эмоционально-эстетические смысловые оттенки и ассоциации в сопоставляемых языках. Изучение данной группы слов способствует устранению когнитивного конфликта в условиях межкультурной коммуникации русских и китайцев.

Список использованных источников

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 347 с.
2. Япин, Ц. Слова с эмоционально-оценочной коннотацией в русском и китайском языках / Ц. Япин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 15–19.
3. Сунь, Ю. Эмоционально-оценочные субстантивы в русском и китайском языках: лингвокультурологический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. Сунь. – Минск, 2019. – 307 л.

УДК 811.161.1'42'25:821.581-3:008(=161.3)

В. В. Жуковец

СБОРНИК ПЕРЕВОДОВ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЫ Г. КАШУБЫ «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ» В БЕЛОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Знаковое явление 1990-ых гг. – русскоязычные переводы прозы Г. Кашубы непосредственно с китайского языка, заложившие прочный фундамент национальной школы литературного китаеведения. В статье анализируются сборник «Жизнь после смерти» (1996 г.) белорусского переводчика (проза 1985–1989 годов: Лу Вэньфу, Ван Цзэньци, Су Шуян, Фэн Дэин, Чан Цзе; произведения Ван Юаньцзяна 1950-х годов; древние басни, сказания и анекдоты) как вклад в историю осмысления и популяризации современной литературы Поднебесной в белорусском культурном пространстве.

На формирование и динамику белорусско-китайских культурных связей существенное влияние оказали различные общественно-исторические и идеологические факторы, которые во многом обусловили как интенсивность, так и дискретностью литературного диалога (подробнее см. [1]).

Рецепция китайской прозы в белорусском культурном пространстве в период с 1960–1980-е гг. характеризуются нестабильностью ее переводов, что было в значительной мере обусловлено социально-политической напряженностью между СССР и КНР. Восстановление литературных контактов стало возможным только к середине 1980-х гг. Следствием нормализации межгосударственных отношений стала публикация произведений современной китайской литературы («литературы нового периода» («新时期文学»). Переводы прозы Г. Кашубы (1990-ые гг.), выполненные непосредственно с языка оригинала, заложили прочный фундамент национальной школы литературного китаеведения. Именно поэтому знаковым событием в истории осмысления и популяризации современной литературы Поднебесной в белорусском культурном пространстве стало издание сборника рассказов китайских авторов «Жизнь после смерти» (1996 г.) [2], над которым Г. Кашуба работал в течение многих лет.

В предисловии составитель отметил, что выбранные произведения «без прикрас показывают жизнь китайского общества, приоткрывают некоторые стороны тех процессов, которые происходили в период «культурной революции», рассказывают о новых веяниях в жизни китайского народа и после неё» [2, с. 2]. Сборник «Жизнь после смерти» включает три тематических раздела: 1) проза 1985–1989 годов (Лу Вэньфу 陸文夫, Ван Цзэнци (汪曾祺), Су Шуян (苏叔阳), Фэн Дэин (冯德英), Чан Цзе (张洁) и другие); 2) революционная героика в произведениях 1950-х годов, представленная в рассказах Ван Юаньцзяна (王愿坚); 3) древние басни, сказания и анекдоты. Тема жизни и смерти является лейтмотивом всех вошедших в сборник произведений.

Повесть «Калодзеж» («井») была написана Лу Вэньфу в 1985 году, когда творчество прозаика наполняется социально-обличительным пафосом в совокупности с исследованием причин конфликта между личностью и обществом. Основные события происходят в период с 1940-х по 1970-е годы. В образе главной героини – Сюй Лисо – автор воплощает судьбу китайской женщины, которая, обладая усердием, силой и красотой, постоянно подвергается

осуждению и критике общества. Тема одиночества проходит через всю повесть, затрагивает неприятие человека в собственной семье, в сфере профессиональной и общественной деятельности, когда безразличие при жизни перетекает в страх одинокой смерти. Лу Вэньфу через трагедию жизни обычной женщины раскрывает феодальные предрассудки и классовое давление общества, которое оставалось в сознании китайского общества на пороге 1980-х гг.

Рассказы Ван Цзэнци «Жаркое солнце августа» («八月骄阳») и Су Шуяна «Смерть Лао Шэ» («老舍之死») посвящены трагическим событиям, связанным с гибелью известного писателя. Мастер короткой прозы Ван Цзэнци, будучи представителем «литературы поиска корней», в своих произведениях стремился сочетать народные мотивы с реалистичной манерой письма и по праву носил звание «последнего из великих ученых мужей Поднебесной» [3]. Миниатюра «Жаркое солнце августа» обладает особым «китайским ароматом»: Ван Цзэнци использует многочисленные отсылки к традиционным пословицам и поговоркам, а также цитирует Конфуция, критикуя недостатки национального характера китайцев, жестокость политики 1966 года по отношению к творческой интеллигенции: «Достойного человека можно убить, но нельзя опозорить» [2, с. 86]. Писатель с присущими классическим произведениям изящностью и меланхоличностью описывает смерть Лао Шэ, но в то же время в его миниатюрах присутствует «твёрдая психологическая основа, которая является фундаментом так называемого «сентиментального реализма» Ван Цзэнци» [4].

Су Шуян приобрел известность среди молодого поколения как сценарист и знаток древней китайской истории, а также автор учебных пособий о Китае. Для старшего поколения жителей Поднебесной писатель, в первую очередь, является «любимым автором, пером которого созданы многочисленные литературные произведения, отражающие общественную жизнь Китая в переходный период с 1970-х до 80-х годов» [5]. Рассказ «Смерть Лао Шэ» представляет собой интервью со Стариком – очевидцем избиения писателя хунвейбинами, а затем единственным человеком, которому дух покойного Лао Шэ доверил историю последнего дня своей жизни. Су Шуян использует прием «рассказ в рассказе», а также мотив классической китайской прозы – общение с душой умершего человека для придания достоверности описываемым событиям. Прозаик не только критикует события «культурной революции», но и стремится к осмыслению прошлого Поднебесной, через смерть Лао Шэ автор задаётся вопросом о возможности сосуществования идеологических

установок и общечеловеческих ценностей: «Я бывал за границей и признавал, что зарубежная культура обладает определёнными преимуществами, но я китаец, я люблю китайскую культуру. Разве китайская культура не должна развиваться? На каком основании всё жгут и уничтожают? Могут оскорбить человеческое достоинство, могут растоптать авторитет человека. Как можно сносить такое? Почему Китай встал на такой путь? Что же будет дальше? Если не умрём, до чего доживём?» [2, с. 105].

Тема «жизни после смерти» также раскрывается в рассказе Фэн Дзина «Сисяоди» («西小堤村»), в котором писатель исследует природу человеческой жестокости, затрагивает тему неотвратимости расплаты за совершённые грехи. Автор строит сюжет вокруг истории сорокалетней давности, когда в небольшой деревне Сисяоди заживо были похоронены семь женщин и детей. Один из участников данных событий, став президентом крупной компании, возвращается спустя много лет на место преступления в качестве инвестора строительных услуг и сталкивается с порождёнными собственной виной призраками убитых людей. Главный персонаж повествования не нуждается в имени, он обезличен, так как представляет собой обобщённый образ многочисленных китайцев, репрессированных во время аграрной реформы, готовых пойти на нарушения моральных принципов ради свершения мести: «Политика правительства – это одно дело, и другое дело – сердце человека. Стоит только посеять семена ненависти, как они обязательно прорастут. Тогда он действительно был глуп, пошел на преступление, которому нет прощения. Жестоко умерщвлённые невинные сограждане, пусть будет вечный покой вашим душам! Ах, если бы можно было прожить вторую жизнь» [2, с. 149]. Будучи представителем старого поколения китайских писателей, Фэн Дзин в своем творчестве придерживался метода социалистического реализма, однако при описании ужасов прошлого Поднебесной, автор ставил перед собой цель отразить весь спектр негативных последствий социально-политических изменений на примере жизни реального человека. В сборнике «Жизнь после смерти» также было представлено творчество писательницы Чжан Цзе, которую многие китайские критики называют «символом женской литературы Китая» [6, с. 12]. В рассказе «Последняя высота» («最后的高度») через описание последних дней жизни парализованной женщины автор заостряет внимание на пороках современного общества, неизбежности одиночества и смерти. Таким образом, первая часть сборника представляет собой широкий спектр произведений китайской «литературы нового перио-

да», что, несомненно, позволило белорусскому читателю прочувствовать изменения в современной прозе Поднебесной.

Вторую часть книги составили рассказы Ван Юаньцзяня, посвящённые героической борьбе китайского народа против японских оккупантов и армии Гоминьдана. Творческий путь писателя берет своё начало в 1944 году, когда Ван Юаньцзянь прибывает на антияпонскую базу и становится свидетелем военных действий. В 1945 году будущий писатель вступает в ряды Народно-освободительной армии Китая, где работает редактором газеты и журналистом, занимается политической агитацией солдат. С 1956 по 1966 гг. Ван Юаньцзянь являлся главным редактором и составителем серии книг, посвящённых революционной борьбе Китая «Искры огня» (星火燎原) [7]. Первые короткие рассказы Ван Юаньцзяня издаются с 1952 года: их простой и понятный язык повествования, способный передать героизм китайского народа, стремительно приобретает востребованность среди читателей Поднебесной. Персонажи, созданные писателем, представляют собой идеал гражданской доблести, символизируют величие народа, совершающего подвиг ценой собственной жизни. Безымянный солдат из рассказа «Семь спичек» («七根火柴»), предчувствуя скорую смерть, отказывается от помощи раненого бойца Лу Цзиньюна, но из последних сил просит передать с трудом сохранённые спички выжившим солдатам: «Запомни, это... это для всех! — он внезапно опустил руку, глубоко вздохнул, с трудом поднял одну руку и показал ею прямо на север. — Хорошо, добрый товарищ,... ты ... передай это» [2, с. 194]. Революционная героика в рассказе «Песнь» («歌») демонстрирует идею Ван Юаньцзяня о единстве советского и китайского народов в борьбе за общее социалистическое будущее. В произведении реалистично воссозданы боевые будни китайских солдат, их нравственные и психологические конфликты на грани жизни и смерти, но в то же время утверждалась неизбежная победа народного духа: «Вместе с песней из души лились слезы. Я чувствовал, что вместе с песней во мне закипала вся кровь. Она начисто смыла чувство безнадёжности, которое мы испытывали ещё несколько часов назад. Было такое ощущение, что я сам влился в ряды поющих, взялся с ними за руки, так же, как и они, стал здоровым и сильным, стал могучим. Пробудилась сила духа, способная не только прорвать кольцо окружения, но и десятки дней и ночей без усталости идти вперед» [2, с. 167].

В миниатюре «Три путника» («三人行») прозаик создает атмосферу, проникнутую героическим пафосом на грани с трагическим предчувствием гибели раненых героев. Ван Юаньцзянь исследует вопрос о физических и моральных возможностях человека через призму идеала гражданского долга и чести. Образы трёх путников, идущих на жертвы ради друг друга, символизируют героическое прошлое Поднебесной, где в качестве основы была заложена гражданская доблесть, а также вера в неисчерпаемые силы национального характера китайцев: «Небо было бескрайним и необъятным. По нему тихо проплывали белые перистые облака, как будто для того, чтобы создать прикрытие человеку от ослепляющей голубизны неба. Под белыми облаками в форме иероглифа «человек» – «人» вытянулась большая стая диких гусей, которые, гогоча, грациозно летели на юг. Они шли близко друг к другу, сохраняя правильный строй» [2, с. 198]. Таким образом, героика в произведениях Ван Юаньцзяня была осмыслена с точки зрения идейных позиций социалистического реализма, что, в свою очередь, не исключало стремление художника слова показать величие народного духа и утвердить главенство общечеловеческих качеств. Следует отметить, что до сих пор творчество и своеобразие произведений Ван Юаньцзяня фактически не изучено.

В третьей части сборника были представлены басни, сказания и анекдоты из древних китайских трактатов, среди которых автором-составителем были выделены «Летопись пяти династий» («五代史记»), конфуцианские каноны «Вёсны и осени» («春秋») и «Мэнцзы» («孟子»), а также сборник буддийских назидательных рассказов «Сутра ста иносказаний» («百譬经»). Избранные произведения являются образцами классической литературной мысли Китая.

Сборник «Жизнь после смерти» представляет собой уникальное явление для отечественной синологии. Отобранные произведения китайских прозаиков были трансформированы с оригинальных текстов, многие из них фактически не имеют аналогов переводов на русский язык на постсоветском пространстве (Фэн Дэина «Сисяоди», Су Шуюан «Смерть Лао Шэ», Ван Цзэнци «Жаркое солнце вгуста», Ван Юаньцзянь «Три путника» и др.).

Список использованных источников

1. Жуковец, В. В. Китайская литература в Беларуси: этапы и особенности рецепции / В. В. Жуковец // Веснік БДУ. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогіка. – 2016. – № 1. – С. 27–31.

2. Кашуба, Г. Жизнь после смерти. Китайская проза 1958–1989 / Г. Кашуба – Минск : МППО им. Я. Колоса. – 1996. – 229 с.
3. Qianyi Qin. Taking the precepts: Translation from Wang Zengqi [Electronic resource] // Yale Literature Magazine. – Режим доступа : <http://yale.litmag.com/taking-the-precepts-translation-from-wang-zengqi/>. – Date of access : 08.10.18.
4. 汪曾祺逝世十五周年 中国最后一位士大夫早已远去 [электронный ресурс] // 搜狐文选. – Режим доступа : <http://cul.sohu.com/s2012/diyixianchang39/>. – Дата доступа : 31.07.2018.
5. Su Shuyang. Famous Chinese Writer [Electronic resource] // Crienglish. – Режим доступа : <http://english.cri.cn/3166/2006/08/28/44@132008.htm>. – Дата доступа : 28.07.18.
6. Саховская, А. А. Творчество Чжан Цзе в контексте китайской литературы : автореф. науч. дис. ...канд. фил.нак: 10.01.03 / А. А. Саховская ; Ин-т стран Африки и Азии. – М., 2008. – 26 с.
7. 毛泽东一生唯一题字的书—《星火燎原》 [электронный ресурс] // 中国共产党新闻. 资料中心. 文博之窗. – Режим доступа : <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64172/85037/85040/6727603.html>. – Дата доступа : 28.07.2018.

УДК 398.4(4)+398.4(=581)+221.3

К. В. Зубкова

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В данной статье проведен сравнительный анализ мотива оборотничества в европейской и китайской культурах на примере волколака (человек-волк) и хули-цзин (лиса-оборотень); показаны общие и специфические черты рассматриваемого мотива обеих – восточнославянской и китайской – традиций.

Представления об оборотничестве являются неотъемлемой частью архаической модели мира, а также сохраняются в современной мировой культуре. В научной литературе *оборотничество* трактуется, как способность субъекта принимать чужой облик, а именно: возможность человека превращаться в животных, растения, предметы.

Самым распространенным видом оборотничества у европейцев (в том числе, у славянских народов) является превращение человека в волка. Особенно много легенд о волколаках бытует у белорусов, украинцев и поляков.

Волколак, как правило, описывается как обычный волк с некоторыми странностями во внешнем облике и поведении, указывающими на его человеческое происхождение: при превращении в зверя его могут выдать человеческая тень, запах, глаза или отражение [1, с. 418]. У волколака сохраняется человеческий разум, но утрачивается способность говорить. Отличительными чертами волколаков в человеческом облике называются различные зооморфные признаки, например, волосы, напоминающие волчью шерсть [2, с. 202].

Можно выделить три группы возможных трансформаций волколаков. Во-первых, это сознательно обращающиеся колдуны, использующие в процессе трансформации специальные заклинания или атрибуты. Наделяемые магической силой предметы накидывают или перекидывают через себя, перепрыгивают или пролезают через них. Колдуны превращаются в волколаков, как правило, чтобы причинить вред людям.

Ко второй группе относятся, люди, превращающиеся в волколаков из-за наложенных на них чар. Если оборотнем становятся по злому умыслу колдуна, то самостоятельно вернуться в человеческий облик невозможно [3, с. 114–115].

Способность к оборотничеству можно приобрести и путем освоения ряда магических процедур в течение жизни. В таком случае человек может самостоятельно превращаться в животное и принимать прежний облик.

Важную роль при трансформации оборотня играют астральные объекты, в случае волколака – луна. В славянской традиции считается, что при обращении в полнолуние волколаки имеют особенно агрессивный характер, нападают на домашнюю скотину и людей, не контролируя свое поведение [4, с. 413].

Как правило, определения оборотничества, представленные в научной литературе, основываются на традиции европейской, где превращение одностороннее: из человека в природный объект. Материалы китайской культуры демонстрируют иную картину: любые существа живой природы и даже неодушевленные, с точки зрения обыденного сознания, вещи могут становиться человеком, но с признаками «исходного» субъекта. Отдельные тероморфные приметы демона выступают в качестве постоянных опознавательных характеристик: глаза, уши, ноздри, рот, зубы. В целом фигура оборотня скорее антропоморфна, но как бы окаймлена частями звериного тела, которые нечистому духу при пребывании среди людей приходится маскировать [5]. Самым популярным примером оборотня в китайской тради-

ции выступает *хули-цзин* (狐狸精, 'лиса-оборотень'). Превращаясь в девушку, хули-цзин должна прятать свой хвост от людских глаз.

Главная опасность оборотней заключается в том, что они насылают сумасшествие и болезни, иногда выступая в роли демона-мстителя, но чаще поступая так исключительно из собственной, ничем не спровоцированной злонамеренности. Таким образом, не только вынашивающие небагочестивые намерения люди способны трансформироваться в животных, как при жизни, так и после своей смерти, но и звери могут принимать облик человека с не менее злобными целями [6, с. 58].

Однако у китайских хули-цзин есть и другая, более важная причина для превращений. Исследование мотива в китайской культуре позволило сделать вывод о том, что представления об оборотничестве основаны на тех же постулатах, что и даосское учение о бессмертии. Хули-цзин так же, как и даосы «прибегают» к внутренней алхимии, к «искусству внутренних покоев», стремясь уподобить свое тело (микрокосм) макрокосму (Вселенной) и достичь бессмертия (у славянских оборотней нет стремления к достижению вечной жизни).

Как упоминалось выше, важную роль играют астральные светила, для китайской традиции – Луна и созвездие *Бэй доу* (北斗, Северный Ковш; в европейской традиции – Большая Медведица).

Для даосов созвездие Большой Медведицы – символ вертикальной оси мира и центра неба – оно выступает аналогом чудесной горы Куньлунь (昆仑), которая являет земное отражение северного созвездия. Таким образом, медитативные полеты даоса на созвездие Большой Медведицы или нисхождение божеств, которые олицетворяют ее животворное *ци* (气) в тело адепта, имеют своей целью приобщение к священному центру бытия и через этот центр к истокам вечной жизни и могущества, поэтому лиса во время ритуала обращается именно к этому созвездию.

Именно в созвездии Большой Медведицы из Изначальной Ци (元气, *юань ци*) возникли три формы первосубстанций – *цзин* 精, *шэнь* 神 и *ци* 气, которые тесно переплетаются с достижением бессмертия у хули-цзин. В сборнике легенд IX века «Мелкие записки из Юяна» (《酉阳杂俎》) Дуань Чэнши говорится: «Чтобы лисица превратилась обратно в человека, ей необходима теменная кость умершего мужчины или женщины, в зависимости от того, кем она решает стать, лиса должна, удерживая кость на своей голове, кланяться луне. Если при всех сорока девяти поклонах кость удержится, то превращению суждено свершиться» [7].

Особенностью китайских оборотней является наличие характерных черт или атрибутов, которые могут выдать и даже лишить жизни демоническое существо. Китайская легенда гласит: живший во времена династии Тан Чжун Ай любил охотиться. Однажды он поймал лису, которая обратилась девушкой в красной юбке. Увидев, как она съела мышью, он, не сомневаясь в том, что это оборотень, избил ее. Монах подсказал ему, что в пасти у лисы хранится жемчужина, обладание которой сулит «любовь всей Поднебесной». После того, как лисица лишилась жемчуга, она умерла, а человек обрел уважение и почет окружающих [8, с. 230]. Считается, что в жемчужине заключена душа или духовная субстанция лисы – *юань ци* (元气). Лиса, потеряв свой эзотерический опыт, накопленный на протяжении многих лет, умирает.

Истоки рассматриваемого мотива исследователи видят по-разному. Несомненно, мотив оборотничества основан на архаических представлениях о невыделенности человека из природы. В глубокой архаике граница, отгораживающая людей от природного мира, отсутствует. Этим же объясняется и специфическая «двуприродность» центральных персонажей архаического мифа, выступающих то в человеческой, то в звериной ипостаси. Из этой «двуприродности» миропорядка вытекает возможность внезапной «оборачиваемости» окружающего, проявления в нем потустороннего – относящегося к «обратной» стороне действительности, – как правило, темной и ночной. Ввиду этой идеи мотив оборотничества связан с переходными обрядами (обрядами инициации), санкционирующими перемену состояния человека, что интерпретируется как смерть в одном статусе и рождение в другом.

Несмотря на ряд универсальных черт, сравнение образа волколака европейцев и китайской хули-цзин свидетельствует о разнице в восприятии модели мира. На европейскую культуру успело оказать влияние христианство: одностороннее превращение из человека в природный объект основано на воззрениях, что только человек обладает духовной бессмертной субстанцией, благодаря которой и возможна трансформация; животные, по воззрениям христиан, не обладают душой, следовательно, им «нечем» переселяться в другое тело. В соответствии с более архаичным холистическим мировоззрением китайцев изменяться могут не только люди, но любые объекты и явления мира, причем время пребывания их в таком состоянии неограниченно. Кроме того, лисы превращаются в людей, чтобы, как и даосы, совершенствовать свое тело и дух с целью достижения бессмертия, в то время, как у волколаков такой задачи нет.

Список использованных источников

1. Гура, А. В. Волколак / А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М. : Межд. отношения, 1995. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). — С. 418–420.
2. Иванов, Вяч. Вс. Волкодлак, волколак / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1 : А–К. – С. 242–243.
3. Новичкова, Т. А. Русский демонологический словарь / Т. А. Новичкова. – СПб. : Петербургский писатель, 1995. – 317 с.
4. Левкиевская, Е. Е. Волколак / Е. Е. Левкиевская // Мифы русского народа. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – С. 408–414, 508–509.
5. Неклюдов, С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности / С. Ю. Неклюдов // Восточная демонология. От народных верований к литературе / отв. ред. Н. И. Никулин, А. Р. Садокова. – М. : Наследие, 1998. – С. 6–43.
6. Гроот, Я. Я. М. Демонология Древнего Китая / Я. Я. М. Гроот / пер. с англ. Р. В. Котенко; под ред. Е. А. Торчинова. – СПб. : Евразия, 2000. – 352 с.
7. 陈杰. 看我七十二变—古典文学中的『狐狸精』 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lwlm.com>. – Дата доступа : 07.04.2018.
8. Гроот, Я. Я. М. Лисы-демоны / Я. Я. М. Гроот // Альманах «Религиозный мир Китая» / под ред. И. С. Смирнова. – М. : Инст-т восточных культур и античности, 2006. – 328 с.

УДК 81'42[811.581+811.161.1]

Инь Дун

ВТОРИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ЖАНРОВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье определены основные направления смыслового развития номинаций литературоведческой и театральной сферы, указаны типичные семантические модели, в реципиентной зоне которых оказываются экзистенциальные лексико-семантические варианты.

В континуум жизни человека включаются наименования жанров литературы и искусства, соотносимые в исходном значении с определенным видом произведений и характеризующиеся спецификой сюжетной линии, особенностями композиции, характером отражения действитель-

ности и др. Включение таких наименований в процесс метафоризации объясняется относительно устойчивыми знаниями человека в области художественной литературы, устного народного творчества, изобразительного, музыкального и театрального искусства. Захватывающие сюжеты, реальный и выдуманный мир героев, развернутые повествования и проникновенные монологи, портретные зарисовки, жизненные коллизии, любовные интриги, исторические события, внутренний мир человека – всё это не могло не отразиться на расширении пределов личного опыта человека, установлении самых разнообразных связей между разными объектами действительности. В процесс метафоризации в русском и китайском языках включаются субстантивы *драма, комедия, трагедия, песня, роман, проза, театр, сцена*:

Драма (кит. 戏剧) ‘вид литературного произведения, основанный на воспроизведении частной жизни человека в его остроконфликтных отношениях с собой или обществом’ → ‘несчастье, тяжелое жизненное событие’. В метафорах драмы отражаются не только такие качества жизни, как несчастье, бедность, печаль, испытание, но и радость, счастье, успех: *Благополучие, несчастье, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной исторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру.* (К. Прутков); *Драма жизни человека состоит из его противоречивых представлений об окружающем мире* (В. Климович); 当这幕生活的戏剧进行到这里的时候, 我一下子被震惊得目瞪口呆! (路遥) – *Когда драма жизни пришла к этому моменту, я был шокирован и ошеломлен!* (Лу Яо).

Комедия (кит. 喜剧) ‘вид драматического произведения с забавным, смешным или сатирическим сюжетом’ → ‘жизненное событие, происшествие смешного, забавного характера’: *Тихо мне шепчет мечта неотлучная: вот наша жизнь пред тобой, та же комедия длинная, скучная, разве что автор другой.* (А. Апухтин); *Верил в то, что жизнь – комедия* (А. Карабаш); 人生就像一场喜剧..... (闻卓) – *Жизнь как комедия ...* (Вэнь Джуо); 人生的舞台上, 悲剧, 喜剧, 喜剧, 悲剧..... (霍达) – *На сцене жизни – трагедия и комедия, комедия и трагедия...* (Хо Да).

Трагедия (кит. 悲剧) ‘драматическое произведение, основу которого составляет непримиримый жизненный конфликт, острое столкновение характеров и страстей, исход которых приводит к гибели героя’ → ‘бытие в наиболее заостренной, мрачной и безнадежной форме, тяжелое жизненное событие’: *Моя жизнь – трагедия!*

(М. Салтыков-Щедрин); *Что же жизнь – комедия или трагедия?* (В. Шукшин); *人生是一幕悲剧, 理想是空的, 希望是假的.....* (茅盾) – *Жизнь – это трагедия, идеалы пусты, надежда ложна ...* (Мад Дунь)

Песня (кит. 歌) ‘словесно-музыкальное произведение’ → ‘хорошая, счастливая жизнь’: *Из песни слова не выкинешь, а жизнь – песня.* (Е. Парнов); *Отцветших, отгоревших дней осталась песня недопетая.* (А. Белый); *生活是一首攀登之歌.....* (人民日报) – *Жизнь – это песня о восхождении...[1]; 生活是一曲唱不完的歌, 而生活的道路总会有坎坷.* (人民日报) – *Жизнь – это песня, которую невозможно спеть, и на дороге жизни всегда будут неровности. [1]; 生活是一首歌, 要想唱好这首歌, 不一定要金嗓玉音, 重要的是用平常的心态, 唱出真挚的感情也能动人.*

(人民日报) – *Жизнь – это песня, если хотите хорошо спеть эту песню, не обязательно иметь золотой голос, важно показать истинные чувства с нормальным отношением [1].*

Роман (кит. 小说) ‘большое по объёму повествовательное произведение’ → ‘жизнь в ее переплетения и разных коллизиях’: *Блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, кто не дочел ее романа* (А. Пушкин); *不知道生活是小说, 还是小说是生活. [2] – Не знаю, жизнь это роман или роман это жизнь [2].*

Проза (кит. 散文) ‘нестихотворная литература’ → ‘повседневная, обыденная жизнь’: *Я хотел бы верить в прозу жизни, в темную игру земных побед.* (К. Фофанов); *Но жизнь – проза и расчет.* (Н. Чернышевский); *生活是一篇高品位的散文.* (人民日报) – *Жизнь – это полноценная проза [1].*

Театр (кит. 戏剧) ‘род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия’ → ‘жизнь с ее устоями, коллизиями и противоречиями’. Суждение о том, что жизнь – это своего рода театр, а люди – актеры театра, твердо закрепилось в европейской литературе. Этот своеобразный афоризм пропагандировали в своем творчестве известные писатели, историки, философы, публицисты: *Жизнь – театр, а люди – в нём актёры* (У. Шекспир); *Весь мир – театр, мы все – актеры поневоле, всесильная судьба распределяет роли, и небеса следят за нашей игрой!* (П. Ронсар); *Земля – это огромный театр, в котором одна и та же трагедия играется под различными названиями* (Вольтер); *Жизнь, как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна* (Сенека).

Традиционно это выражение широко используется в русском и китайском художественном дискурсах с целью отражения определенной деятельности человека, его участия в жизненном процессе: *И выходит: театр – жизнь, жизнь – театр. И без жизни нет театра, и без театра давно уже не было жизни.* (В. Теляковский); *Да, да, все мы актеры, а жизнь – театр* (Л. Андреев); *Что же ты такое, жизнь? Безмолвный театр китайских теней, цепь снов, лавка жулика?* (Т. Толстая); 人生即戏剧, 戏剧亦人生。[3] – *Жизнь это театр, театр это тоже жизнь.* (CCL); 人生大戏场, 戏场小人生。[3] – *Жизнь это большой театр, театр это маленькая жизнь.* [3]; 人生就是戏, 戏就是人生, 戏里戏外通体一致。 – *Жизнь это театр, театр это жизнь, внутри и вне спектакля единообразный* [3]; 人生就是一场令人心酸的戏..... (残雪) – *Жизнь и есть разочаровывающий театр ...* (Цань Сюе).

Сцена (кит. 舞台) ‘специальная площадка, на которой даются театральные представления; отдельная часть акта театральной пьесы’ → ‘жизненный эпизод, событие, происшествие, которое можно наблюдать в реальной жизни’: *Для меня вообще-то жизнь – это сцена, а люди все – артисты!* (Е. Весник); 人生就是一个大舞台, 换一种角色, 会柳暗花明, 海阔天空。(杨晓晖) – *Жизнь человека – это и есть одна большая сцена, если вы играете другую роль, у вас будет светлое будущее и яркое небо* (Ян Сяохуй).

Тема (кит. 题目) ‘основной мотив какого-либо произведения’ → ‘предмет повествования, разговора, беседы’: *Ее жизнь – тема для захватывающего романа.* (В. Гиляровский); *Видимо, советская жизнь – сама по себе такая тема, которая сейчас все еще буквально провоцирует на ту или иную степень идеологичности.* (О. Балла); 人生是个太值得发挥的题目。(叶圣陶) – *Жизнь – это тема, которая стоит расширять.* (Е. Шэнтао); 到了中学阶段, 学习各种知识成了他们生活的主题。(土一族) *В период средней школы изучение разнообразных знаний стало темой их жизни* (Ту Ицзу).

Разновидности модели ‘жизнь’ → ‘повесть’, ‘жизнь’ → ‘искусство’, ‘жизнь’ → ‘сюжет’ реализуются в русских художественных тестах: *Но нет! Бесплодной жизни повесть слезами горькими не смывает.* (А. Плещеев); *Страшно подумать, что наша жизнь – это повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета одних отступлений, из петербургского инфлуэнциного бреда* (О. Мандельштам); *Что наша жизнь? А я доказывал им, что жизнь –*

искусство! (Ю. Филипповна); *И участвуя в сюжете, я смотрю со стороны, как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны* (Ю. Левитанский).

Семантика китайского субстантива *живопись* (кит. 画) также ориентирована на выражение специфики жизненного пути человека: 人生是画, 平凡是底色, 奉献是七彩。 (人民日报) – *Жизнь – это живопись, проза (жизни) – это фоновый цвет, жертвенность – семь основных цветов* [1].

Таким образом, результаты семантической деривации, при которой в качестве исходной сферы выступают наименования жанров литературы и искусства, широко представлены в русском и китайском языках. Семантические ассоциации, связанные с литературоведческой и театральной сферами, проецируются на экзистенциальную сферу, где актуализируется широкая и многогранная палитра жизни человека с его радостями и горестями, взлётами и падениями, увлечениями, успехами, конфликтами и т. п.

Список использованных источников

1. Народная ежедневная газета.
2. Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (Beijing Language and Culture University Corpus Center (BLCU Corpus Center, BCC).
3. Корпус китайского языка Китайского лингвистического центра при Пекинском университете (CCL – Center for Chinese Linguistics PKU).

УДК 2(510)+008(510)

М. А. Исаченкова

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ 神 ШЭНЬ И 鬼 ГУЙ В СВЕТЕ БИНАРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются понятия китайской культуры 神 шэнь и 鬼 гуй, анализируются обозначающие их иероглифы. Комплексный лингвокультурологический анализ позволяет уточнить семантику данных знаков, показать параллелизм их возникновения в рамках рано оформившихся у китайцев бинарных представлений, сравнение которых с материалами древнерусского памятника подтверждает универсальность семантических оппозиций, присущих архаическим культурам.

Архаическую модель мира каждой культуры, в первую очередь, характеризуют персонажи, которые, собственно, и являются, по представлениям носителей традиции, «творцами» этой модели, осуществляя космогонические акты и маркируя все уровни мироздания во времени и пространстве. Мифологическая традиция китайцев достаточно сложна, поскольку китайская цивилизация формировалась из нескольких этнических очагов в процессе непростых исторических взаимодействий.

В письменных памятниках эпохи Чжоу и более позднего времени достаточно часто встречается сочетание иероглифов 鬼神 *гуйшэнь*, обозначающих субстантивированные духовные сущности ('нави и духи') с контрастными характеристиками. В текстах описываются посвященные им обряды – государственные и народные, семейные и календарные; приводятся факты «активного влияния» духовных сущностей на жизнь людей.

В научной литературе иероглифы, обозначающие эти понятия, анализируются отдельно, из-за чего складывается впечатление, что их формирование происходило независимо друг от друга.

Современный знак 神 *шэнь* восходит к знаку 申 *шэнь*, который на гадательных костях (в стиле *цзягувэнь*) имел вид и обозначал громовые удары, молнии, летящие в противоположных направлениях. Исследователи видят в рассматриваемой пиктограмме изображение бога грома и молнии, выступающего в качестве верховного небесного духа, который находится в гневе. На бронзе (в стиле *цзиньвэнь*) к 申 *шэнь* был добавлен знак 示 *ши* ('демонстрировать', в древности 'алтарь для жертвоприношений' [8]).

На наш взгляд, знак изначально обозначал именно молнию, то есть древний человек обожествлял само явление природы. Только со временем молния стала мыслиться как следствие действия небесного духа. Ввиду холистического взгляда на мир, один знак () обозначал и субъект, и результат его деятельности. С точки зрения двухкомпонентного анализа (теорию см.: [5]) в новом знаке () 示 *ши* стал актуализатором, а модификатором и фонетиком являлся 申 *шэнь*. Следовательно, ядерное значение иероглифа 神 *шэнь* – 'обряд в честь духа грома', то есть духа природного небесного.

Знак, записанный разными стилями, демонстрирует постепенное изменение формы и расширение семантики: молния / гром как природный феномен → ритуал в честь небесного божества молнии /

грома (возможно, мыслилось верховным) → божество вообще. В китайской культуре нет четкого разграничения высшего и низшего пантеона: один иероглиф 神 *шэнь* обозначает и дух (добрый дух, гений; небожитель, святой; относящийся к духам; сверхъестественный), и божество (бог; боги; божественный [1, т. 2, с. 933].

В китаеведческой литературе указывается, что в древнейших нарративах «Шицзин» («Книга песен»), «Чжоуи» («[Канон] перемен [династии] Чжоу») *шэнь* «подразумевает персонифицированные потусторонние силы», которыми представлялись «прежде всего духи предков» [3, т. 1, с. 630]. Можно констатировать, что к середине первого тысячелетия семантика иероглифа претерпела изменения. Расширение значений связано с развитием периферии семантики знака – ‘проявление божественной силы’. Как духовное начало в человеке он стал обозначать ‘дух’, ‘душа (напр., умершего)’, ‘разум’, ‘интеллект’, ‘характер’, ‘психика’, ‘нервы’ и т. д. [1, т. 2, с. 933]. Таким образом, значение знака ‘дух / душа’ является второстепенным по отношению к ‘дух / божество’, обозначает проявление божественного в человеке и в этом плане противопоставляется физическому телу (например: 《形具而神生》 – «Форма (*тело*) образуется – и рождается душа» [1, т. 2, с. 933]. Два основных значения, закрепившихся в языке и культуре, тесно связаны между собой, так как душа умершего предка становится божеством-покровителем.

Известно, что у индоевропейских народов, бог грома имел высокий ранг и даже выступал в качестве главы пантеона (Индра, Зевс, Перун, Тор). В мифологии китайцев подобных сведений нет, но анализ иероглифа 神 *шэнь* может служить косвенным тому подтверждением.

Возможно, именно по признаку «небесный – земной» семантика знака 神 *шэнь* изначально противопоставлялась семантике знака 鬼 *гуй*.

Китайский этимологический словарь по поводу происхождения иероглифа 鬼 *гуй* свидетельствует, что на иньских костях пиктограмма изображала человека , надевшего устрашающую маску ()¹, то есть колдуна, шамана, который проводит обряд жертвоприношения. Встречается и форма , когда добавлен «алтарь» (示). Основное значение знака: ‘ритуал поклонения, во время которого маг в маске

изображает душу умершего или призрак'. В стиле *цзиньвэнь* знак тоже изображал человека в маске , а также человека с оружием . Силем *дачжуань* знак записывался , что стало развитием формы, известной на костях животных . В стиле *чжуань* он стал записываться без алтаря [8]. Итак, изначально знак обозначал колдуна или шамана, проводившего обряд в маске, имитирующей голову умершего. По сути, один знак обозначал субъект (шаман), акцию (ритуал в честь умершего) и объект (умерший).

Со временем семантика иероглифа сужается: знак начинает обозначать только душу умершего. Ко времени составления текстов «Шицзин», «Чжоуи» *гуй* называет дух человека, должным образом не похороненного и лишенного заботы потомков (жертвоприношений), превращающегося во вредоносную навь [3, т. 1, с. 630]. С распространением буддизма *гуй* стало общим названием демонов и обитателей ада» [3, т. 2, с. 424].

В современном языке знак 鬼 имеет смысл 'существо, связанное с миром сакрального', например: дух (*низшее божество, душа предка*); душа умершего; умерший; злой дух; чёрт; нечистая сила, привидение, оборотень [1, Т. 4, с. 478].

Итак, и *гуй*, и *шэнь* обозначают умерших, но разных «категорий». Сопоставление этимологии знака *гуй* с иероглифом *шэнь* наводит на мысль, что пиктограмма *гуй* изначально обозначала не шамана, умиротворяющего призрак умершего, а самого умершего, скорее, некий двойник, возможно, энергетическую оболочку, присущую человеку при жизни и отделяющуюся после смерти. Отсюда – антропоморфный образ *гуй*, что находит отражение в пиктограмме. В таком случае возникает ассоциация с двойником *Ка* древних египтян. Каждый умерший у древнего человека мог вызывать мистический страх, поскольку дух умершего мыслился беспокойным, мятежным. Эти представления детально разработаны у японцев. Первые японские тексты описывают ритуалы по умиротворению *аратама* – буйной души и приведению ее в состояние *нигитама* – души спокойной.

Схема развития семантики иероглифа 鬼 *гуй* нам видится следующим образом: двойник умершего (призрак, фантом) / одновременно и ритуал по умиротворению души умершего (дух умершего у алтаря) → дух умершего, неправильно захороненного → нечистый дух, демон вообще.

Сходная схема создания знаков свидетельствует об их семантической близости. Возможно, сначала стало складываться представление о *шэнь* и *гуи*, как обозначающих противопоставленные понятия о духе: небесное божество – умерший; позже (под влиянием культа предков) – предок, поднимающийся на небеса – умерший-*навь*, уходящий в землю. И те, и другие пополняли чрезвычайно обширный китайский пантеон покровителей или, наоборот, демонических существ.

Подобный параллелизм мог развиваться в рамках рано сложившихся бинарных представлений, которые нашли воплощение в теории *инь-ян*, письменно оформившейся приблизительно в середине первого тысячелетия до н. э. (первое упоминание в тексте «Чжоуи»). Изображения парных символов относятся к гораздо более раннему времени. Например, Б. Карлгрен среди древнейших выделяет раковины-каури (*бэй* 杯), символизирующие женское начало *инь*, и нефрит (*юй* 玉) – мужское начало *ян* [3, т. 2, с. 471]. Архаичные данные предоставляет эпиграфика. Д. В. Деопик и М. Ю. Ульянов отмечают, что в первой половине III тыс. до н. э. в районе Средней Янцзы, где начинает складываться единый культурно-религиозный комплекс, отличный от северного ареала, появляются «сакральные символы», по всей видимости, являющиеся символами «прото-инь-ян» и представляющие сочетание черных и белых широких дуг. Это принципиально новый символ, имеющий сильное сходство «с классической даосской схемой непрекращающегося движения *инь-ян-ту*» [2, с. 48].

Представители структурной антропологии показали, что бинарность свойственна архаическим культурам [4; 6]. Например, в древнерусских текстах парой, маркирующей небесный и земной уровни, выступают Перун (бог княжеской дружины) и Велес (крестьянский бог) – главные боги языческой Руси. Их имена восходят к индоевропейской теонимии.

Анализируя «Слово о полку Игореве», В. В. Мартынов обращает внимание на употребление названий *див* и *бог*. В индоевропейскую эпоху *deīuos* имело значение ‘бог’ и в праславянском языке еще сохраняло следы старого значения. Как считает ученый, в праславянский же период под влиянием иранской пары *baya* ‘бог’ – *daēva* ‘демон’ возникла славянская пара *bogъ* – *divъ*. В результате произошли изменения, затронувшие ряд семантических микросистем: «*bogъ* вытеснило *divъ* из позиции небесный (“верхний мир”), последнее заняло позицию в “среднем мире”», а праслав. *zmaĭъ* ‘человек’ «сместилось в “нижний

мир», совпав с праслав. *zъjъ* ‘змея’» [7, с. 64–65]. Праславянское *divъ* «стало обозначать ‘злое, чужое, враждебное’ (в противовес прасл. *bogъ* ‘доброму, своему, дружественному’), ‘живущее на дереве, в среднем мире’ (в противовес прасл. *zъjъ*, хтоническому представителю “нижнего мира”)» [7, с. 65]. Появляются новые оппозиции: бог – человек (небесное – земное); бог – див (свое, доброе – чужое, враждебное).

Проведенный нами комплексный лингвокультурологический анализ позволяет уточнить уже известные традиционные понятия, выявить их новые значения, а сравнительный метод – показать универсальность мифологем на восточном и европейском материале.

Список использованных источников

1. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983 – 1984. – Т. 2 – 1983. – 1100 с.; Т. 4 – 1984. – 1062 с.
2. Деопик, Д. В. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 3 / Д. В. Деопик, М. Ю. Ульянов // Вопросы эпиграфики. – Вып. 7. – Ч. 1. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013. – С. 15–103.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Восточная литература, 2006. – Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с.; Т. 2 : Мифология. Религия / М. Л. Титаренко и др. – 2007. – 869 с.
4. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 344 с.
5. Карасева, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасева. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
6. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.
7. Мартынов В. В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» / В. В. Мартынов // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М. : Наука, 1989. – С. 61–78.
8. 象形字典 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <http://www.vividict.com> – Дата доступа : 15.08.2019.. = Словарь пиктограмм [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <http://www.vividict.com> – Дата доступа : 15.08.2019.

Ф. В. Кадол

**МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НРАВСТВЕННОГО
САМОРАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ИЗ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА
В КИТАЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Человеку нужны наставления,
чтобы он сделался хорошим; если
он заблуждается, это вина учи-
телей и родителей. Образуйте
человека, укажите ему разумный
путь, и он последует по этому
пути с полным доверием.*

Конфуций

*В статье раскрывается специфика методики нравственного разви-
тия и саморазвития обучающихся в учреждениях общего среднего обра-
зования Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Акцент
сделан на ситуации социального риска в условиях современного социума.*

Мораль и нравственность, в том числе нравственное развитие и са-
моразвитие обучающихся, происходят под влиянием окружающих
взрослых и сверстников. Ближайшим окружением является семья, нрав-
ственное воспитание которой постепенно дополняется, расширяется и
обогащается школой и различными социальными сообществами. Одна из
задач педагогического коллектива школы состоит в том, чтобы помочь
обучающимся обрести мотивы, внутренние и внешние стимулы нрав-
ственного развития и саморазвития в окружающем их педагогическом
пространстве. По современным научно-методическим представлениям,
это и есть не что иное, как создание педагогических условий и предпо-
сылок для эффективного управления процессом нравственного развития
и саморазвития обучающихся. Каким образом решается или может быть
решена обозначенная нами проблема?

Концептуально-значимым научно-методическим условием реали-
зации модели нравственного развития и саморазвития обучающихся
является убежденность педагогического коллектива в первостепенной
значимости нравственного воспитания в целостном образовательном

процессе. Отметим, что термин *убежденность педагога* имеет глубокий научно-методический смысл и является основой эффективности воспитательного процесса. В. А. Сухомлинский неоднократно повторял: «Убеждения педагога – самое ценное в школе». Об этом писали также классики зарубежной и отечественной педагогики (Конфуций, Я. А. Коменский, Дж. Локк, Иоганн Гербарт, К. Д. Ушинский, П. П. Блонский, И. Ф. Харламов и др). Изучение данной проблемы показывает, что пробелы в общем образовании можно преодолеть в процессе последующего обучения или путем самообразования. Безнравственные же привычки, приобретенные в ситуациях социального риска, исправляются с большим трудом в основном путем перевоспитания, которое, как известно, намного труднее, чем организация обучения и нравственного воспитания.

Педагогические традиции Китая также опираются на приоритетность нравственного воспитания перед обученностью человека. По мнению китайских мыслителей, «люди рождаются с добрыми наклонностями и по природе своей одинаковы, разнятся же только вследствие своих привычек. Если не учить человека, то его добрая природа извратится. Дети прежде всего должны в сыновнем благочестии и послушании старшим, затем уже могут приобретать сведения... Не говорите о недостатках других людей и не превозносите (своими качествами)... Когда человек утвердился в добродетели, его репутация прочно обоснована... Несчастья являются следствием наших дурных поступков, а благоденствие – следствием добродетели... Не должно терять человеколюбия, милосердия, сострадательности; Должно во всех превратностях жизни сохранять правила, справедливость, честность, смирение... Если сохранять природную прямоту, то намерения будут приводиться в исполнение; если действовать только под влиянием внешних впечатлений, то мысли будут блуждать...» [1, с. 74].

Все эти мысли в современном Китае проецируются на деятельность учреждений образования, нравственное развитие и саморазвитие обучающихся, в том числе и в ситуациях социального риска.

Исходным научно-методическим условием успешного влияния педагогического коллектива на нравственное развитие и саморазвитие обучающихся является также компетентность педагогов-воспитателей относительно практической реализации общих закономерностей формирования личности. В системном плане они выражаются в умениях педагогов организовать и придать нравственную направленность коллективным видам деятельности, обеспечивая ей активный и творческий характер. Уровень развития методологической культуры в этом

направлении зависит от доверия педагога к детям, его умений проявлять гуманизм и требовательность к обучающимся, ставить перед ними увлекательные цели и задачи, намечать перспективы нравственного развития и саморазвития, оказывать содействие в достижении индивидуальных успехов в коллективных видах учебной и внеучебной деятельности, акцентируя внимание воспитанников на проявление ими положительных нравственных качеств с учётом возрастных и индивидуальных особенностей, а также статуса каждого индивида в иерархии межличностных отношений в конкретном воспитательном коллективе. Всё это принято считать общими закономерностями целостного образовательного процесса [2, с. 27–28].

Важным процессуальным условием стимулирования нравственного развития и саморазвития обучающихся в ситуациях является диагностическая компетентность педагогов-воспитателей. При этом следует рассматривать обучающихся не только как объект изучения, а в большей степени как субъект нравственного саморазвития, о чём весьма убежденно писал К. Д. Ушинский. По его мнению, «воспитатель должен стремиться узнавать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всём его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своею совестью, во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и в горе, в величии и унижении, в избытке сил и болезни...» [3, с. 23–24].

Большое значение в нравственном развитии и саморазвитии обучающихся играет личность учителя и в особенности классного руководителя. Известно классическое положение педагогики о том, что «только личность может действовать на развитие и саморазвитие личности, только характером можно формировать характер». Поэтому нравственная безупречность педагогов-воспитателей также является ключевым педагогическим условием нравственного развития и саморазвития обучающихся. Его научно-методическая значимость определяется тем, что оно согласуется с методологическим требованием к профессиональной подготовке педагогических работников. Это требование выражается в том, что воспитатель сам должен быть нравственно-воспитанной личностью.

Приведенные научно-методические условия должны быть в предметном поле заседаний педагогического совета школы. В частности, вызывает большой интерес у педагогов учреждений общего среднего образования обсуждения вопроса «О роли примера учителя

как педагога-воспитателя в нравственном развитии и саморазвитии обучающихся». Такой вопрос полезно обсудить на секционных заседаниях методических объединений классных руководителей на следующую тему: «Почему Л. Н. Толстой считал, что в нравственном воспитании 0,999 успеха сводится к положительному примеру?».

Воспитателем нужно верить в силы и возможности растущего человека. По мнению В. Т. Кабуша, ни в коем случае не следует использовать коллектив для принуждения и насилия над трудновоспитуемыми детьми. Ученый отмечал, что «насилие порождает ответное насилие. Воспитанник, который находится под прессом взрослого, не воспринимает себя как личность, становится безвольным, безынициативным. При стечении соответствующих ситуаций он становится агрессивным, проявляет насилие по отношению к младшим. И самое печальное: он испытывает в данной ситуации удовлетворение, компенсируя этим собственное униженное положение с педагогом» [3, с. 197].

Важным научно-педагогическим условием преодоления в нравственном развитии и саморазвитии обучающихся является специальная методическая работа с учителями и классными руководителями. Полезными в повышении воспитательной культуры педагогов являются научно-методические семинары и конференции последующей проблематике:

1. Как развивать нравственные чувства и переживания в повседневной учебе и жизни обучающихся в ситуациях социального риска?
2. Какие методы и формы воспитания способствуют развитию волевых качеств трудновоспитуемых обучающихся?
3. Нравственные чувства и воля: сущность и пути их развития и саморазвития у обучающихся в ситуациях социального риска.

Повышение грамотности педагогов в направлении нравственного самовоспитания обучающихся позитивно сказывается на эффективности становления нравственных чувств и волевых усилий подростков, формированию у них чувства личного достоинства [5, с. 102–103].

Таким образом, для реализации модели воспитательного пространства по нравственному развитию и саморазвитию обучающихся весьма важно соблюдать ряд научно-методических условий, которые предполагают целую систему профессиональных компетенций педагога как воспитателя. Она включает в себя наличие у педагогов диагностических умений выбора отдельных групп методов по определению уровня нравственной воспитанности обучающихся, умение составлять уровневые характеристики нравственного развития саморазвития отдельных обучающихся, фиксируя развитие познавательной, потребностно-

мотивационной и поведенческо-волевой сфер личности. Большое значение имеет проектирование процесса формирования у обучающихся нравственного сознания, навыков и привычек поведения, рефлексии, самоконтроля и нравственной саморегуляции. Каждое из приведенных условий предполагает детально научно-методическое осмысление механизмов нравственного развития и саморазвития обучающихся. Практическое действие обозначенных выше условий влияния педагогического коллектива на нравственное развитие обучающихся в ситуациях социального риска зависит от целого ряда жизненных обстоятельств. Не случайно выдающийся педагог А. С. Макаренко на просьбу охарактеризовать безнравственный поступок подростка, ответил вопросом: «А какая в этот день была погода?» Всё это необходимо учитывать в процессе нравственного воспитания обучающихся в ситуациях социального риска.

Список использованных источников

1. Всё о Китае: культура, религия, традиции / сост. Г. И. Царева – М. : Профит Стайл, 2008. – 608 с.
2. Кадол, Ф. В. Критерии готовности классного руководителя и куратора учебной группы к нравственному воспитанию учебной группы к нравственному воспитанию обучающихся в коллективе / Ф. В. Кадол // Педагогическая наука и образование. – № 3. – 2015. – С. 25–32.
3. Ушинский, К. Д. Пед. Соч. : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. – М. : Педагогика, 1990. – Т.5. – 528 с.
4. Кабуш, В. Т. Гуманистическая воспитательная система : теория и практика / В. Т. Кабуш. – Минск : АПО, 2001. – 332 с.
5. Кадол, Ф. В. Воспитание чести и личного достоинства школьников : пособие для педагогов учреждений общ. сред. образования / Ф. В. Кадол. – Минск : Нац. ин-т образования, 2013. – 216 с.

УДК 81'374.822=826=951

І. Л. Капылоў, У. А. Кошчанка

РОЛЯ ПЕРАКЛАДНОЙ ЛЕКСІКАГРАФІІ Ў КІТАЙСКА-БЕЛАРУСКІМ ДЫЯЛОГУ

У артыкуле разглядаюцца асноўныя прынцыпы ўкладання “Кітайска-беларускага слоўніка” і “Беларуска-кітайскага слоўніка”, апісваюцца магчымасці праграмы SloynikPlus і яе эфектыўнасць у параўнанні з традыцыйнымі спосабамі.

На сучасным этапе беларуска-кітайскія адносіны атрымалі новы імпульс развіцця, што знайшло сваё выражэнне не толькі ў рэалізацыі шэрага буйнамаштабных сацыяльна-эканамічных і інвестыцыйных праектаў (стварэнне “Кітайска-беларускага індустрыяльнага парка “Вялікі Камень”, будаўніцтва горназдабываючага камбіната і інш.), але і ў пашырэнні міждзяржаўных кантактаў у гуманітарнай сферы. Асаблівая ўвага ў маштабнай шматвектарнай праграме міждзяржаўнага супрацоўніцтва надаецца вывучэнню і папулярызацыі нацыянальных моў – беларускай у Кітаі і кітайскай у Беларусі – як найважнейшых складнікаў сістэмы духоўных каштоўнасцей народаў. На працягу некалькіх гадоў са сталіцы Паднябеснай вядзе па-беларуску вяшчанне адзін з найбуйнейшых медыяканалаў свету (Міжнароднае радыё Кітая), ва ўніверсітэцкіх гарадах Кітая адкрываюцца цэнтры па вывучэнні беларускай мовы, культуры, нацыянальных традыцый (Другі Пекінскі ўніверсітэт, Сіянскі ўніверсітэт замежных моў, Нанкінскі ўніверсітэт навукі і тэхналогій, Цяньцзінскі ўніверсітэт і інш.). У Беларусі кітайская мова выкладаецца ў сярэдняй агульнаадукацыйнай школе, вышэйшых навучальных установах, актыўна выкарыстоўваецца пры афармленні ўнутрыгарадской прасторы і аб’ектаў сацыяльнага прызначэння, выконваюцца навуковыя праекты ў рамках дарожнай карты супрацоўніцтва з Кітайскай акадэміяй грамадскіх навук і Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі (праект Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі “Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі: з адвечнай мудрасці народнай” і інш.), праводзяцца комплексныя даследаванні ў супастаўляльна-тыпалагічным аспекце анамастычных сістэм беларускай і кітайскай моў, што дазваляе ўстанавіць нацыянальную спецыфіку тыпалагічна далёкіх моў і адлюстравать адметнасць лінгвакультур (В.И. Коваль и Пань Хунжань «О принципах номинации белорусских и китайских ойконимов (на материале географических названий Гомельской области Республики Беларусь и провинции Шаньдунь КНР і інш.). Асабліва актыўна развіваецца перакладазнаўства: корпус перакладных тэкстаў уключае пераклады на кітайскую мову класікаў беларускай літаратуры (творы Якуба Коласа, Васіля Быкава, Івана Мележа, Івана Шамякіна, Івана Навуменкі і інш.), узораў кітайскага фальклору, твораў вядомых грамадскіх дзеячаў, кіраўнікоў Кітайскай Народнай Рэспублікі (Дэн Сяпіна, Сі Цзіньпіна і інш.), твораў мастацкай літаратуры (пераклад раманаў “Сонца над ракой Сангань” Дзіна Ліна, “Перад світаннем” Мао Дуня, “Ураган” Чжоу Лі Бо, падрыхтоўка анталогіі “Пад крылом Дракона: сто паэтаў Кітая”, “Пялёсткі лотаса і хрызантэмы: сто

паэтаў Кітая XX стагоддзя” і інш.) на беларускую мову. Аднак нягледзячы на шматвектарныя ўзаемадачынненні паміж нашымі народамі ў гуманітарнай сферы, у першую чаргу ў лінгвістычнай, да гэтага часу не створаны перакладныя слоўнікі (кітайска-беларускі і беларуска-кітайскі), якія б спрыялі павышэнню эфектыўнасці моўнай і міжкультурнай камунікацыі.

Выкладчыкамі Рэспубліканскага інстытута кітаязнаўства імя Канфуцыя БДУ і вучонымі-лексікографамі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ажыццяўляецца сумесны праект “Кітайска-беларускі слоўнік”, “Беларуска-кітайскі слоўнік”. Падрыхтоўка такіх лексікаграфічных даведнікаў – першы вопыт у гісторыі нашых краін, што ў сваю чаргу было ўлічана пры распрацоўцы канцэпцыі слоўнікаў, якая прадугледжвае вырашэнне такіх першачарговых задач, як стварэнне лексікаграфічнай базы, фарміраванне рээстра, распрацоўку спосабаў перадачы значэнняў слоў адной мовы лексічнымі сродкамі іншай мовы, падбор ілюстрацыйных прыкладаў, адлюстраванне ўстойлівых спалучэнняў і ідыяматычных выразаў. Асноўнай задачай з’яўляецца ўстанаўленне камунікатыўнай эквівалентнасці паміж лексічнымі адзінкамі розных моў, дзе пад эквівалентнасцю, па словах У. Дубічынскага, разумеюць “адносіны паміж індывідуальным значэннем азначаемага слова і яго адпаведнікамі, а таксама ўстанаўленне падабенства і адрознення моўных сістэм праз прызму нейтральнай сістэмы агульнага семантычнага кантынуума, які можа служыць пэўным крытэрыем ступені і характару лексіка-семантычнай эквівалентнасці ў розных мовах” [1, с. 111].

Слоўнік адрасаваны ў першую чаргу тым, хто пачынае вывучаць кітайскую і беларускую мовы, упершыню знаёміцца з культурай, гісторыяй кітайскага і беларускага народаў, цікавіцца іх нацыянальнымі традыцыямі. Ён прызначаны для пашырэння слоўнікавага запasu і сістэматызацыі ведаў лексікі кітайскай і беларускай моў як замежных. Выкарыстоўваць такія слоўнікі можна будзе як для самастойнага вывучэння моў, так і ў якасці дадатковага дапаможніка да асноўнага курса.

Зыходзячы з практычных патрэб карыстальнікаў, быў сфарміраваны рэестр слоўнікаў: аб’ём кожнага са слоўнікаў будзе налічваць каля 9 тысяч лексічных адзінак. Слоўнікі ў асноўным змяшчаюць актуальную лексіку сучаснай кітайскай і беларускай мовы: словы, якія ахопліваюць асноўныя сферы жыцця чалавека, бізнесу, навукі, культуры. У рэестр слоўнікаў уключана не толькі ўнармаваная,

нейтральная лексіка, але і стылістычна афарбаваная: размоўныя, дыялектныя, устарэлыя словы, якія часта сустракаюцца ў мастацкай літаратуры, а таксама лексіка, ужыванне якой характэрна для асобных слаёў грамадства, прадстаўнікоў пэўных прафесій і спецыяльнасцей (астранамічныя, заалагічныя, лінгвістычныя, рэлігійныя тэхнічныя, фізічныя і інш. тэрміны).

Асноўным крытэрыем фарміравання рээстра “Беларуска-кітайскага слоўніка” з’яўляецца частотнасць лексічных адзінак беларускай мовы, якая ўстанаўлівалася на падставе даных Беларускага N-корпуса (<https://bnkorporus.info/>). Пад увагу браліся таксама тэксты, уключаныя ў падручнікі па кітайскай мове для вучняў сярэднядукацыйных школ Беларусі (3–11 класы). Укладальнікі слоўніка арыентаваліся на метадычныя патрабаванні міжнароднага стандарта, на аснове якога складзены “Лексічны мінімум для Hanyu Shuiping Kaoshi (汉语水平考试), 6 узроўняў – тыя словы, якія ў першую чаргу неабходна засвоіць для таго, каб чытаць і камунікаваць на кітайскай мове. Пры ўстанаўленні камунікатыўнай эквівалентнасці слоў укладальнікі абавіраваліся на матэрыялы акадэмічных перакладных слоўнікаў (“Руска-беларускі слоўнік” у трох тамах, “Беларуска-рускі слоўнік” у трох тамах), а таксама “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” ў 5-ці тамах.

Пры фарміраванні рээстра “Кітайска-беларускага слоўніка” ўлічваліся частотныя спісы кітайскай мовы: Mandarin Frequency lists (https://en.wiktionary.org/wiki/Appendix:Mandarin_Frequency_lists), а таксама “Лексічны мінімум для Hanyu Shuiping Kaoshi (汉语水平考试), 6 узроўняў. Акрамя таго, укладальнікі слоўніка арыентаваліся на сучасныя замежныя дасягненні перакладной лексікаграфіі: у значнай ступені быў улічаны лексікаграфічны досвед укладальнікаў “Нового китайско-русского словаря” (М., 2009), электроннага “Большого китайско-русского словаря” (<https://bkrs.info>), 现代汉俄词典 / 范明贤等编. —北京：外语教学与研究出版社，2002.8 (2007.7 重印) (Современный китайско-русский словарь); PLECO – кітайска-англійскага электроннага слоўніка для Android.

У якасці ілюстратыўнага матэрыялу прыводзяцца найбольш ужывальныя і частотныя кантэкстныя прыклады выкарыстання загалоўных лексем, якія дазваляюць лепш зразумець лексічнае значэнне слоў мовы, з якой ажыццяўляецца пераклад. Значнае месца ў слоўніках адводзіцца культуралагічнаму кампаненту, паколькі “з пазіцыі тэорыі міжкультурнай камунікацыі слоўнік з’яўляецца

сродкам адлюстравання культуры грамадства, яго нацыянальнай унікальнасці, асаблівасцей яго жыцця і дзейнасці [2, с.63].

Плануецца, што “Кітайска-беларускі” і “Беларуска-кітайскі слоўнік” будуць створаны ў дзвюх версіях – папяровай і электроннай.

Кітайска-беларускі і беларуска-кітайскі слоўнікі ўкладаюцца пры дапамозе праграмы SloŭnikPlus ([https:// sourceforge .net/p/korpus/dict/](https://sourceforge.net/p/korpus/dict/)), распрацаванай спецыялістамі Інстытута мовазнаўства. SloŭnikPlus створана з выкарыстаннем сучасных тэхналогій і істотна паляпшае працэс укладання слоўніка – значна павялічваецца эфектыўнасць, хуткасць і камфортнасць працы ў параўнанні з традыцыйнымі спосабамі (напрыклад, пры дапамозе MS Office) [3].

Праграма працуе праз цэнтральны сервер, на якім знаходзіцца база звестак слоўніка, таму ўкладальнік не прывязаны да канкрэтнага камп’ютара і можа працаваць з любога месца пры наяўнасці інтэрнэт-падключэння.

SloŭnikPlus забяспечвае цэласнасць звестак, што немагчыма дасягнуць пры выкарыстанні Microsoft Word, Microsoft Excel і г.д.: артыкулы абаронены ад выпадковых змен і несанкцыянаванага ўмяшальніцтва, у любы момант можна прагледзець поўную гісторыю артыкулаў і праверыць, хто і калі ўнёс якія змены, адмяніць змены і г.д. Гісторыю ўкладання артыкула таксама можна прагледзець лакальна і пасля публікацыі слоўніка пры дапамозе стандартнага праграмнага забеспячэння git¹, экспартаваўшы яе ў звычайныя файлы.

SloŭnikPlus дазваляе рабіць строгую структурную праверку. Гэта робіцца для аднастайнасці афармлення слоўнікавых артыкулаў, каб пры ўнясенні змен не здараліся памылкі і блытаніна паміж новымі і старымі артыкуламі. Таксама, можна правяраць спецыяльныя пазнакі, сімвалы, правапіс, адсылкі і г.д.

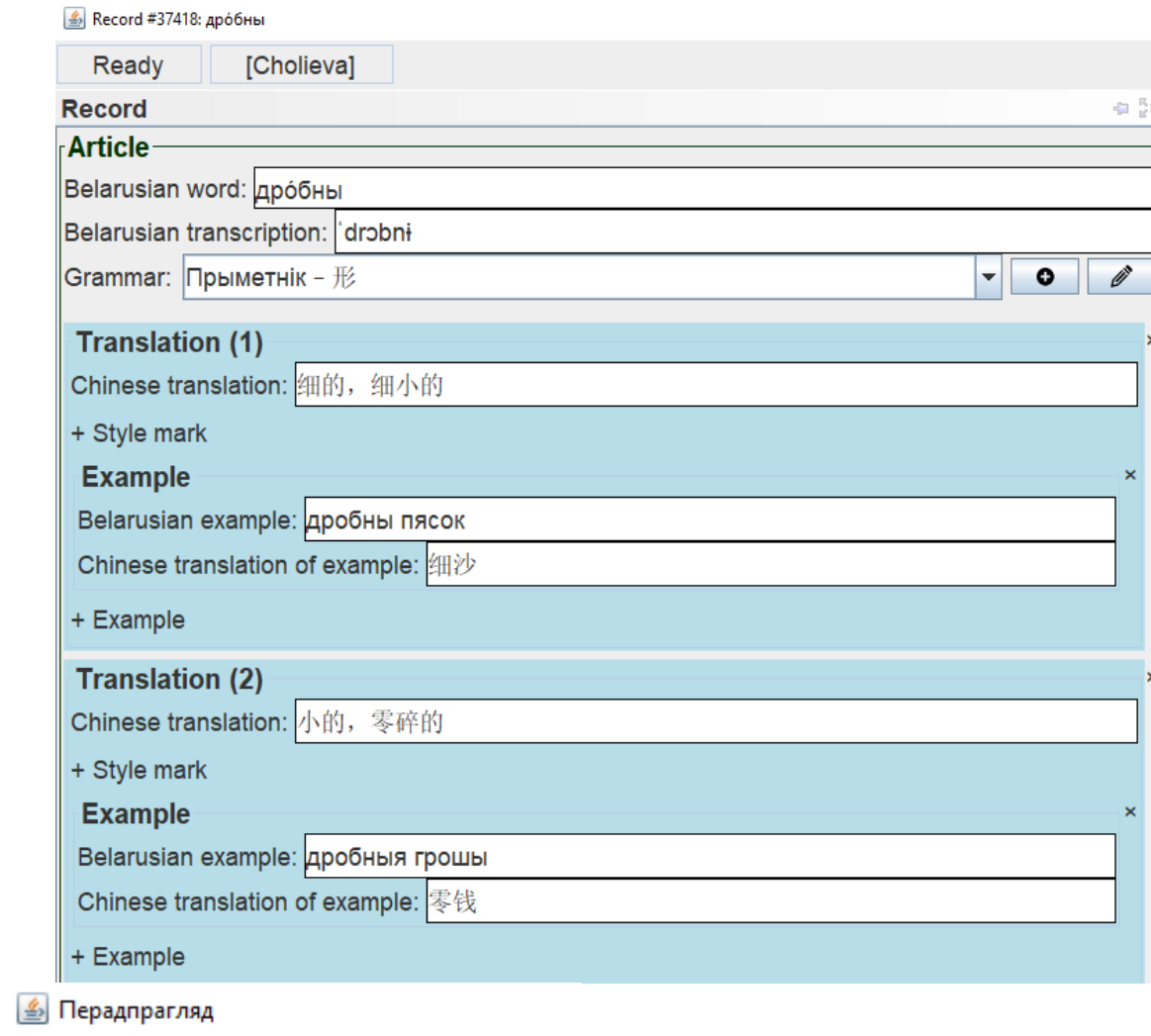
Укладанне слоўніка – складаны працэс, у якім задзейнічаны ўкладальнікі, рэдактары, кансультанты, навуковыя рэдактары і іншыя спецыялісты, кожны з якіх адказвае за свой участак работы (напрыклад, укладальнік рыхтуе слоўнікавы артыкул, затым адпраўляе яго на праверку рэдактару, рэдактар вяртае з заўвагамі, укладальнік выпраўляе і адсылае зноў рэдактару, рэдактар зацвярджае, на канчатковым этапе вычытка ўсяго тэксту слоўніка вядзецца навуковымі рэдактарамі). У SloŭnikPlus можна наладзіць любыя рабочыя працэсы. У “Кітайска-беларускім слоўніку” і “Беларуска-кітайскім слоўніку” ён рэгулюецца пры дапамозе статусаў: “0” (праца

¹ <https://git-scm.com/>

не пачыналася), “зроблена”, “зроблена з заўвагамі”, “слова адсутнічае ў слоўніках”, “выдаліць слова”.

У SloŭnikPlus ёсць магчымасць экспартаваць слоўнікавыя артыкулы ў любы фармат, у тым ліку прыдатны для друку на паперы.

SloŭnikPlus – бясплатнае праграмае забеспячэнне (ліцэнзуецца пад GPLv3²). Праграма лёгка наладжваецца пад любы тып слоўніка ці бібліяграфіі і падтрымліваецца аперацыйнымі сістэмамі Windows, Linux і Mac.

дробны ['drobni] Прыметнік - 形
● 细的, 细小的; дробны пясок 细沙
● 小的, 零碎的; дробныя грошы 零钱
● 地位低的, 职位低的; дробны чыноўнік 小官吏

Ілюстрацыя 1. Прыклад падрыхтаванага ў праграме SloŭnikPlus слоўнікавага артыкула з беларуска-кітайскага слоўніка.

² <https://www.gnu.org/licenses/gpl-3.0.html>

Record #37192: tiān : 天

Accepted by editor [Jiarui, Koscanka]

Record

Article

Chinese word: 天

Pinyin: tiān

Translation (1)

Belarusian translation: не*ба; нябе*сны

+ Style mark

Example

Chinese example: 青天 [qīngtiān]

Belarusian translation of example: сі*няе (блакі*тнае) не*ба

+ Style mark

+ Example

Translation (2)

Belarusian translation: дзень, су*ткі

+ Style mark

Example (1)

Chinese example: 两天 [liǎng tiān]

Belarusian translation of example: два дні

+ Style mark

Example (2)

Chinese example: 每天 [měitiān]

Belarusian translation of example: ко*жны дзень, штодзё*нь; штодзё*нны

+ Style mark

Перадпрагляд

天 [tiān]

- néba; нябе́сны

青天 [qīngtiān] сі́няе (блакі́тнае) néба

- дзень, су́ткі

两天 [liǎng tiān] два дні

每天 [měitiān] ко́жны дзень, штодзё́нь; штодзё́нны

- час

天还早呢 [tiān hái zǎone] час яшчэ́ ранні; яшчэ́ ráна

- сезон, парá, час

冷天 [lěngtiān] халодны сезон

- надво́р'е, клі́мат

天冷 [tiān lěng] халоднае надво́р'е

下雨天 [xiàyǔtiān] дажджлівы дзень; дажджлівае надво́р'е

- прыро́да; прыро́дны, натурáльны

- рэл. - <宗>宗教 néба, Бог; нябе́сны

天哪! [tiān nǎ] Божа мой!

Ілюстрацыя 2. Прыклад падрыхтаванага ў праграме SlojnikPlus слоўнікавага артыкула з кітайска-беларускага слоўніка.

Такім чынам, стварэнне “Кітайска-беларускага слоўніка” і “Беларуска-кітайскага слоўніка” – гэта не толькі новы этап у гісторыі лексікаграфіі абедзвюх краін, але і важны крок у пашырэнні міжкультурнай камунікацыі паміж беларускім і кітайскім народамі, паколькі ўзаемадзеянне двюх карцін свету – моўнай і канцэптуальнай, адлюстраваных у перакладных слоўніках, дазваляе глыбей спазнаць этнакультуру нацый, ментальнасць народаў і асаблівасці іх нацыянальнай свядомасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дубичинский, В. В. Основные аспекты переводной лексикографии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Карпова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. – 332 с.
2. Влавацкая, М.В. Новые направления и тенденции в двуязычной лексикографии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 1. С. 61 – 65.
3. Буложык, А., Koščanka, U. Collaborative software for dictionary creation SloŭnikPlus // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Кола-са ; редкол.: И. Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 12–16.

УДК 81'25:398.92(=581):811.161.1

Н. С. Касюк, Цзян Цюнь

О МЕТОДАХ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале текста социополитической и экономической проблематики)

В работе анализируется перевод китайских устойчивых выражений на русский язык на материале текста социополитической и экономической проблематики. Языковой материал классифицирован и рассмотрен в соответствии с методами перевода: перевод с использованием примерных/полных смысловых эквивалентов, буквальный перевод, перевод по

смыслу. Согласно полученным данным, метод дословного перевода или близкого к дословному был использован наиболее активно.

Тексты каждого функционального стиля характеризуются определенными языковыми особенностями, в значительной степени влияющими на ход и результат процесса перевода. Так, текстам научно-популярного подстиля характерны элементы публицистического стиля, такие как субъективность, эмоциональность изложения, диалогичность, что на языковом уровне реализуется с помощью имен собственных, повышенной идиоматичности, эмоционально-окрашенной лексики и ряда др. единиц [1]. Данные языковые единицы представляют определенную сложность для переводчика. Задача переводчика – адекватно передать текст не только с позиций лингвистики, но и по возможности максимально полно трансформировать социокультурную информацию. Переводчик должен быть не только «билингвом», но и «бикультурным» (Е. И. Листунова), хорошо знающим специфику двух культур, сходства и различия во взглядах, тенденциях, традициях и ассоциациях, присущих членам обоих культурных сообществ.

В данной статье рассматриваются китайские устойчивые языковые единицы и их перевод на русский язык на материале монографии Джао Лэя «Один пояс – один путь в культурной экономике» [2]. Перевод монографии был выполнен на базе факультета русского языка Института иностранных языков Даляньского политехнического университета. Цель данной работы – проанализировать особенности перевода устойчивых выражений с китайского языка на русский на материале текста научно-популярного подстиля социополитической и экономической проблематики.

Устойчивые единицы языка включают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры. Китайские устойчивые выражения в образной форме отражают историю и опыт китайского народа, обобщают традиции и действительность страны, передают национальный характер. В своем большинстве они берут свое начало в древней истории, фольклоре – легендах, притчах, сказаниях. Не зная фоновой информации, зачастую невозможно понять значение подобных высказываний. В переводческой практике устойчивые выражения в «шкале непереводимости» или «труднопереводимости» занимают едва ли не первое место [3, с. 179].

В монографии представлены такие виды устойчивых выражений китайского языка, как чэньюй (фразеологизмы), суюй (поговорки),

динсинчэньюй (готовые выражения) (成语, 熟语, 定型短语). Далее представим методы их перевода на русский язык.

I. Перевод с использованием примерных и/или полных смысловых эквивалентов (смысловое значение + коннотации). Приведем примеры: 1. *В общем, необходимая динамичная оценка проекта «Один пояс – один путь» очень важна для нас, цель оценки – **отделить зерна от плевел***. 2. ... *считается, что китайское правительство ведет дела не по законам рынка, а имеет **заднюю мысль**, уделяет внимание не выгоде бизнеса, а политической выгоде или геополитической стратегии*. В обоих случаях китайские устойчивые выражения 去粗取精 и 别有用心 были переведены на русский язык с использованием примерных эквивалентов.

II. Буквальный (дословный) перевод. Калькирование использовалось в случаях перевода устойчивых выражений, образность которых доступна и понятна носителям русского языка. Переводчики стремились максимально приблизить кальки к имеющимся образцам (передача смысла+образность+частичное сохранение формы). Примеры: 1. ***Волна огромна, ветер силен, но улов хорош. Не следует преувеличивать иностранные риски.*** – 水深、浪急、风大的地方才有好鱼. 2. ***Грозен гром, да капли дождя мелки*** (данная пословица использована в качестве названия одной из глав) – 雷声大雨点小. 3. ***Утки первыми чувствуют теплоту речной воды по весне, предприниматели являются самыми проницательными людьми.*** – 春江水暖鸭先知. 4. В рамках «Одного пояса – одного пути» подход [города] Иу можно отразить в тезисе ***«купить мир, продавая мир»***. – 买世界, 卖世界. Что нужно партнеру, то продается с предоставлением всестороннего обслуживания по закупкам и заказам; т. е. мы предоставляем обслуживание в соответствии с потребностями. 5. ...наличие большого количества китайских предприятий в списке 500 крупнейших предприятий мира – это вполне естественно, так как ***большое дерево легко ломается, а бамбук прочен.*** – 大树容易倒, 而竹子有韧性. 6. Таким образом, первоочередной вопрос для Пакистана был в определенной степени разрешен, ***в зимнюю стужу уголь был своевременно доставлен.*** – 雪中送炭.

В вышеприведенных примерах был использован буквальный перевод пословиц, поскольку данный способ перевода 1) достаточно точно отражает идеи и образы, передаваемые на китайском языке; 2) позволяет передать специфику китайского мировидения и миро-

восприятия, а также 3) воссоздать особенности индивидуального стиля автора (образность, метафоричность, эмоциональность).

В ряде случаев значение устойчивых выражений, переданных буквально, не столь прозрачно, однако последующий контекст раскрывает их значение, в силу чего дословный перевод представляется уместным: 7. *Нельзя торговать **тремя старыми вещами***. – 老三样. Вниманию обращено на шелк, чай и фарфор – три старейших товара. 8. *...а также странами Юго-Восточной или Восточной Азии, где находятся «**четыре тигренка Азии**»*. – 亚洲四小虎 (亚洲四小龙). Далее в контексте раскрывается значение выражения, используемого для обозначения экономик Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня.

Ряд устойчивых выражений появился относительно недавно и отражает изменения в общественно-политической и экономической сферах: 9. *... ее [Камбоджу] называют **новым тигром Азии***. – 亚洲新虎. Выражение содержит отсылку к упомянутому выше фразеологизму *четыре тигренка Азии*.

Нередко буквальный перевод на русский язык устойчивых выражений звучит странно и требует специального комментария. Приведем пример: 10. *Эти 7 новых экспериментальных ЗСТ [зон свободной торговли] ... будут стимулировать единое планирование структуры «**двух вертикалей и трех горизонталей**»*. В данном случае устойчивое выражение, заключенное в кавычки, сопровождается комментарием в сноске: *Структура урбанизации Китая «две горизонталей и три вертикали», согласно которой путь сухопутного моста и путь вдоль реки Янцзы считаются горизонтальными валами, пути вдоль морского побережья, Пекина – Харбина, Пекина- Гуанчжоу и Балтоу – Куньмина считаются вертикальными валами.* – “两横三纵” 格局.

III. Перевод по смыслу (описательный перевод). В ряде случаев был использован примерный перевод пословиц (передача смысла) с частичным сохранением внутренней формы / без сохранения внутренней формы (1. примерный перевод+частичное сохранение внутренней формы // 2. передача смысла без сохранения внутренней формы). Примеры: 1. Без сохранения внутренней формы: *В древности люди говорили: «**Если люди дружат из-за денег, выгоды и власти, в случае их потери они потеряют и дружбу. Если они дружат с искренним сердцем, такая дружба будет длиться вечно**»*. В процессе строительства проекта люди в первую очередь становятся друзьями, а затем строят совместный бизнес. – 以金相交, 金耗则忘; 以利相交, 利尽则散; 以势相交, 势力去则倾; 以权相交, 权

失则弃。唯以心相交，方成其久远。 – 以金相相交，金耗则忘；以利相交，利尽则散；以势相交，势力去则倾；以权相交，权失则弃。唯以心相交，方成其久远。 2. частичное сохранение внутренней формы: *В концептуальном отношении в проекте... следует придерживаться принципа «внешняя мягкость, но твердость в убеждениях»*. – 外圓內方, букв: ‘снаружи круглый, квадратный внутри’. Смысл устойчивого выражения в примере 1 передан без сохранения внутренней формы, т. е. выражение передается иными, нефразеологическими средствами. В примере 2 дан перевод фразеологизма с частичным сохранением внутренней формы (устойчивое выражение представлено 4-мя основными элементами).

Итак, рассмотрев примеры перевода китайских устойчивых выражений на русский язык и обобщив наблюдения, мы можем сделать следующие выводы.

1. Сложности перевода обусловлены тем, что русский и китайский языки являются типологически далекими. Сам строй китайского языка настолько отличен, что возникают проблемы с определением границ слова, с определением частей речи, с передачей предикативности. В этой связи сложно при переводе сохранить структуру китайского устойчивого выражения. Нередко при переводе китайских фразеологизмов теряется их образность и благозвучие. Важно выбрать наиболее подходящий вариант перевода устойчивого выражения, сохранив при этом колорит оригинала, образ мышления народа, его юмор и язык.

2. Выбор приемов перевода устойчивых выражений зависит от наличия или отсутствия у него национальной окраски. Образ, представленный во фразеологизмах и поговорках, чаще всего сохраняет национальную специфику, поскольку он опирается на реалии, известные только носителям лингвокультуры. Представителю другой нации – «чужому», не обладающему фоновыми знаниями, весьма трудно догадаться о значении выражения. Передача национально-культурного компонента является трудной задачей при переводе. Главная трудность перевода таких единиц заключается в том, что их нельзя передать с помощью эквивалентов, так как эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе и национальной окраски, а это практически невозможно [3, с. 39]. В этой связи случаи перевода устойчивых выражений с использованием эквивалентов незначительны (2).

Среди проанализированных примеров в большинстве (10) случаев переводчик предпочитает использовать дословный перевод или перевод,

близкий к дословному (с заменой одного-двух компонентов), что позволяет сохранить смысл и внутреннюю форму аутентичного выражения, идиостиль автора и национальный колорит произведения в целом.

В случаях отсутствия в русском языке эквивалентов китайских устойчивых выражений, а также их специфической образности, был использован описательный перевод (2).

3. Значительная часть китайских устойчивых выражений «привязана» либо к цитате, либо к преданию, легенде, притче или анекдоту. В этой связи историко-культурная этимологическая основа у китайской фразеологии очень широка, важную роль играет этимология устойчивых выражений для их адекватного восприятия. Часто без ее знания невозможно понять не только нюансы смысла, но и само значение устойчивой единицы. В подобных случаях использование дословного перевода устойчивых выражений предполагает пояснение или сопровождение комментарием (непосредственно в тексте либо сноске).

Список использованных источников

1. Маркова, М. А. Специфика перевода текстов новогодних обращений с китайского языка на русский язык / М. А. Маркова // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – № 1–2. – Т. 8. – С. 275–281.
2. 赵磊《文化经济学的“一带一路”》/赵磊. – Dalian: Dalian University of Technology Press, 2017. – 340 с.
3. Влахов, С. В. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с.

УДК 811.161.1:811.581

И. О. Ковалевич, М. А. Федорова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСОВ

В настоящей статье проводится сравнительный анализ русского и китайского интернет-дискурсов на материале переписки. Выделяются универсальные и специфические для конкретной лингвокультуры характеристики и анализируются обуславливающие их лингвистические и экстра-лингвистические факторы.

XXI век именуют информационной эпохой. Компьютерные технологии внедряются во все сферы человеческой жизнедеятельности, включая и сферу общения, способствуя тем самым возникновению новых коммуникативных форм. В настоящее время, когда особую популярность приобретает интернет-общение, лингвисты говорят о возникновении новой формы дискурса – интернет-дискурса, который характеризуется жанровым многообразием. Д. Кристал выделяет пять так называемых ситуаций использования интернета: электронная почта; синхронные и асинхронные чаты, виртуальные миры, веб-тексты [1, с. 12]. Е. Ю. Распопина в соответствии с целями и функциями интернет-дискурса, а также стратегиями и технологиями речевого поведения, выделяет следующие интернет-жанры: информационный (веб-сайт, интернет-документ, вики-проект, поисковая система и др.), коммуникативный (электронное письмо, системы мгновенного обмена сообщениями, социальные сети), развивающий (игровые миры и игры онлайн), замещающий (интернет-магазин, платежные системы и др.) [2, с. 127]. Главной характеристикой сферы интернет-коммуникации, наряду с такими, как виртуальность, дистантность, опосредованность, проницаемость, креолизованность текстов и др., является то, что она объединяет в себе черты разных речевых стилей [3, с. 55].

В центре нашего внимания находится интернет-переписка (веб-чаты, интернет-форумы). Данные формы общения интересны тем, что представляют собой симбиоз письменных и устных жанров речи. В настоящее время многие ученые (Н. Д. Голев, С. А. Лысенко, Д. Кристал, Н. Б. Лебедева, Г. Н. Трофимова и др.) рассматривают повседневную онлайн-переписку на разнообразных интернет-форумах и чатах в качестве особой формы разговорной речи. Они объясняют это тем, что все особенности разговорной коммуникации в ее устном выражении, включая интонацию, громкость голоса, паузы, а также мимику и жесты, могут успешно передаваться посредством графики (рисунки, шрифт, графические символы, фотографии, цвет и др.) [4, с. 15]. При этом в интернет-переписке проявляются тенденции, специфические для данной речевой сферы, одним из проявлений которых является своеобразное употребление языковых средств. Несмотря на такие характеристики, как масштабность, виртуальность, дистантность, интернет-переписка осуществляется с учетом законов конкретного языка и подчиняется культурным традициям народа, разговаривающего на данном языке. С этой точки зрения представляется интересным сравнить лингвистические особенности данного вида коммуникации как часть русской и китайской лингвокультур.

Анализ форм обращения, используемых в социальных сетях, показал, что в китайском языке при обращении к незнакомому человеку часто употребляются апеллятивы 小姐姐 (xiǎo jiě jie – ‘маленькая старшая сестра’) и 小哥哥 (xiǎo gē ge – ‘маленький старший брат’). Несмотря на то, что в структуру данных коммуникативных форм входят наименования степени родства (*сестра, брат*), они не имеют ничего общего с родственными связями. Данные речевые обороты используются для передачи дружественного отношения при интернет-переписке. В качестве русского эквивалента можно рассматривать обращения *девушка* или *молодой человек*. Интересной с точки зрения семантики является выражение 老铁 (lǎo tiě), буквальное значение которого – ‘старая железка’. В компьютерном сленге данное выражение не несет никаких негативных коннотаций, характеризуется нейтральностью, ярко выраженной разговорностью и имеет следующие эквиваленты в русском языке: *чувак, братан*. Примечательно то, что указанный выше апеллятив является специфической особенностью северо-восточного диалекта Китая. В русском интернет-общении встречаются такие варианты обращений, как *чел* (сокр. от *человек*), *бро* (сокр. от англ. *brother*), *пилл(ы)* (от англ. *people* – ‘люди’).

Характерной особенностью интернет-переписки является выражение разного рода эмоций. Например, зависть и ревность могут обозначаться посредством выражений 我酸了 (wǒ suānle) и 我柠檬了 (wǒ níngméngle). Дословный русский вариант звучит как *я скис* в значении ‘я так завидую’. В русском компьютерном сленге подобные эмоции выражаются посредством конструкций: *я зеленею* (от зависти), *я весь зеленый, я аж позеленел*. Выражения с компонентом *кислый* также встречаются и в русском языке, однако используются для обозначения недовольства, негодования или расстройства: *не закисай, совсем раскис, кислая мина, как будто лимон съел* и др. Чувство досады и разочарования в китайском дискурсе передается посредством выражения 扎心了 (zhā xīnle). Данная речевая единица характеризуется идиоматичностью и означает ‘разбить чье-либо сердце’. В качестве эквивалентов в русском языке можно рассматривать выражения: *в самое сердце, ну ты меня расстроил, зачем же так жестоко, печалька*.

Недоверие и сомнение выражаются посредством речевого оборота 请开始你的表演 (qǐng kāishǐ nǐ de biǎoyǎn – русск.: *пожалуйста, начните свое выступление*). Данное выражение используется по отношению к человеку, который пытается убедить адресанта в том, чему он не верит. В русском языке ближайшими эквивалентами будет: *актриса погорелого театра, в ней умерла великая актриса, какой талант пропадает*.

Выражение 戏精 (xì jīng – русск.: королева / король драмы) характеризуется ярко выражено образностью и оценочностью, т.к. выражает негативную характеристику человека, который ищет постоянного внимания. В данном случае прослеживается четкая аналогия с представителем актерского мастерства, работающего на публику. Ср.: 请开始你的表演 – русск.: *Остерегайтесь, у нас здесь король драмы.*

Чувство злости и негодования по поводу негативных комментариев в китайском интернет-дискурсе выражается в форме угрозы в адрес обидчика. Следующие выражения активно употребляются в социальных сетях с целью передачи намерения коммуниканта атаковать в ответ: 怼他/她攻击 (duì tā gōngjí) / 怼他/她抨击 (duì tā pēngjí) / 怼他/她痛斥 (duì tā tòngchì) / 怼他/她猛烈抨击 (duì tā měngliè pēngjí) / 怼他/她较量 (duì tā jiàoliàng) / 怼他/她同(对手)较量 (duì tā tóng (duìshǒu) jiàoliàng) / 怼他/她接受...的挑战 (duì tā jiēshòu... de tiǎozhàn) / 怼他/她对付 (duì tā duìfù) / 怼他/她下战书 (duì tā xià zhàn shū) / 怼他/她和某人争吵 (duì tā hé mǒu rén zhēngchǎo). Данные выражения переводятся следующим образом: *я готов атаковать, я готов наброситься, я принимаю вызов, я бросаю вызов, я готов спорить* и др. В русском же интернет-дискурсе вербальное нападение обычно происходит либо без предупреждения, либо намерение атаковать выражается в виде подтекста: *не начинай, не нарывайся, не беси меня, не влезай – убьет, тебе жить надоело?* В русском языке чувство злости также выражается посредством глагола *бомбить*: *меня бомбит, меня бомбануло.*

Для интернет-переписки актуальным является употребление разного рода графических изображений с целью передачи каких-либо чувств и эмоций. Примечательно, что существуют мемы, которые можно рассматривать как международные. Ими пользуются в интернет-пространстве представители разных стран, изменяя только язык текстового сопровождения. Так, например, чувство любви передается посредством мемов с изображением сердца как символа теплых чувств. Подобные мемы сопровождаются соответствующей текстовой информацией. Так, например, чувство любви передает выражение 都是爱你的形状 (dōu shì ài nǐ de xíngzhuàng – русск.: *все, что я делаю – это потому что я тебя люблю*). Выражение 熬个夜都是爱你的形状 (Áo gè yè dōu shì ài nǐ de xíngzhuàng) сопровождает мем, изображающий человека с синяками под глазами в форме сердечек и несет следующую информацию: *я тебя так люблю, что даже синяки у меня под глазами в форме сердечек.*

Существуют также мемы, уникальные для конкретного лингвокультурного пространства. Для выражения чувства гнева со стороны представительницы женского пола употребляется графический мем, который сопровождается соответствующей текстовой информацией и переводится как *я ударю тебя в грудь своим маленьким кулачком, я ударю тебя по лицу*: 小拳拳捶你胸口 (Xiǎo quánquán chuí nǐ xiōngkǒu); 人家要用小拳拳捶你胸口 (Rénjiā yào yòng xiǎo quánquán chuí nǐ xiōngkǒu). Например: 竟然忘记我的生日 (Jìngrán wàngjì wǒ de shēngrì), 人家要用小拳拳捶你胸口 (Rénjiā yào yòng xiǎo quánquán chuí nǐ xiōngkǒu). Русск.: *Как ты посмел забыть о моем дне рождения? Я ударю тебя по лицу*. Встречаются и более жесткие формы передачи гнева, которые больше ассоциируются с западной культурой: 你个杂碎给我滚过来! 老娘要一拳揍你脸上去! (Nǐ gè zásuì gěi wǒ gǔn guòlái! Lǎoniáng yào yī quán zòu nǐ liǎn shàngqù! – русск.: *думаю, тебе пора расстаться со своим жалким лузерским черепом*); 看来是时候把你那颗没用的小脑袋敲碎了 (kàn lái shì shíhòu bǎ nǐ nà kē méi yòng de xiǎo nǎodai qiāo suìle – русск.: *похоже, кому-то пора задать трепку*) и др.

В целях экономии время и пространства в интернет-переписке активно употребляются разного рода аббревиатурные сокращения. Так, например, аббревиатура XSWL представляет собой сочетание заглавных букв китайского фонетического алфавита. В то же время отдельные компоненты данной аббревиатуры созвучны с конкретными лексическими единицами: 笑 (xiao – русск.: *смеяться*), 死 (sǐ – русск.: *смерть*), 我 (wo – русск.: *я*), 了 (le – частица). Данная аббревиатура обозначает что-то смешное и соответствует русским выражениям идиоматического и неидиоматического характера: *помираю со смеху, ржу не могу, катаюсь по полу*. В основе аббревиатурного сокращения AWSL лежит фраза из японского языка *A Watashiwa Shintei Lu*. Данное выражение передает значение конца, гибели, смерти и употребляется иносказательно. Для русского интернет-дискурса также является характерным широкое употребление разного рода аббревиатур и сокращений: *спс* (сокр. от *спасибо*), *кк* (сокр. от *конечно-конечно*), *без б* (сокр. от *без базара*), *др* – (сокр. от *день рождения*), *всм* (сокр. от *в смысле*) и др. Активной тенденцией является заимствование единиц из английского языка: *бб* (сокр. от англ. *bye-bye* – ‘пока’), *мб* (сокр. от англ. *maybe* – ‘может быть’). Показательным также является употребление английских транслитерированных аббревиатур *ИМХО* (ср.: *ИМНО* – *in my humble opinion*) и *ЛОЛ* (ср.: *LOL* – *laughing out loud*).

Характерной особенностью китайского компьютерного сленга является использование цифровых обозначений, замещающих целые фразы и предложения. Основу данных сокращений составляет звуковое подобие иероглифов, обозначающих отдельные слова, и иероглифов, обозначающих числа. Звуковое совпадение при этом чаще всего частичное. Распространенность таких обозначений именно в китайском языке обуславливается тем, что для написания одного иероглифа нужна цепочка действий, в то время как для написания цифры достаточно нажатия одной клавиши клавиатуры, таким образом, значительно ускоряется темп живого общения в сети. Ср.: 0437 (líng sì sān qī) и 你是神经 (nǐ shì shénjīng) в значении ‘ты нервничаешь’; 0487 (líng sì bā qī) и 你是白痴 (Nǐ shì báichī) в значении ‘ты идиот’; 065 (líng liù wǔ) и 原谅我 (yuánliàng wǒ) в значении ‘извини меня’; 06537 (líng liù wǔ sān qī) и 你惹我生气 (nǐ rě wǒ shēngqì) в значении ‘сержусь на тебя’; 095(líng jiǔ wǔ) 你找我 (nǐ zhǎo wǒ) в значении ‘приходи в гости’; 098(líng jiǔ bā) 你走吧 (Nǐ zǒu ba) в значении ‘проваливай’; 1711(yī qī yī yī) 一心一意 (yīxīnyīyì) в значении ‘от всей души’; 200 (èr líng líng) 爱你哦 (ài nǐ ó) в значении ‘я люблю тебя’; 246 (èr sì liù) 饿死了 (è sǐle) в значении ‘умираю с голоду’; 3399 (sān sān jiǔ jiǔ) и 长长久久 (zhǎng cháng jiǔjiǔ) в значении ‘очень долго’; 356 (sān wǔ liù) и 上网啦 (shàngwǎng la) в значении ‘я законнектился’; 369958 (sān liù jiǔ jiǔ wǔ bā) и 神啊救救我吧 (shén a jiù jiù wǒ ba) в значении ‘Боже, спаси меня!’; 4456 (sì sì wǔ liù) и 速速回来 (sù sù huílái) в значении ‘поспешి назад’; 51396 (wǔ yī sān jiǔ liù) и 我要睡觉了 (wǒ yào shuìjiàole) в значении ‘мне надо спать’; 514 (wǔ yī sì) и 无意思 (wú yìsi) в значении ‘не интересно’; 5376 (wǔ sān qī liù) и 我生气了 (wǒ shēngqìle) в значении ‘я разозлился’; 57386 (wǔ qī sān bā liù) и 我去上班了 (wǒ qù shàngbānle) в значении ‘пошел работать’; 587 (wǔ bā qī) и 我抱歉 (wǒ bàoqiàn) в значении ‘мне жаль’; 987 (jiǔ bā qī) и 对不起 (duìbùqǐ) в значении ‘прости’ и др. Как видно из представленных примеров, подобного рода выражения выступают в качестве речевых клише (ср.: 587 ‘мне жаль’, 065 ‘извини меня’), обозначают чувства эмоции (5376 ‘я разозлился’, 514 ‘не интересно’), планы и намерения (51396 ‘мне надо спать’, 57386 ‘пошел работать’) и др.

Встречаются и уникальные случаи, когда звуковое оформление иероглифов, обозначающих отдельные слова, и иероглифов, обозначающих числа, не совпадает. Так, числовое выражение

505 соответствует английскому эквиваленту SOS в значении ‘спасите наши души’. На первый план выходит внешнее сходство цифр и букв английского алфавита. Числовое выражение 39 (*sān jiǔ*) употребляется в значении ‘спасибо’. Его основу составляет звуковое сходство с соответствующим выражением английского языка *thank you*. Ср. китайский вариант: 谢谢 (*xièxiè*).

В русском языке сокращения с применением цифр наиболее интенсивно использовались в период, когда телефоны были кнопочными и набор цифр происходил быстрее, чем набор букв. Цифры выбирались, исходя из внешнего сходства с буквами, например: т04н0.

Таким образом, можем заключить, что интернет-переписка является важной составляющей коммуникативной деятельности современного человека, независимо от того, к какой лингвокультуре он принадлежит. Проведенный анализ показал, что китайский и русский интернет-дискурсы максимально сохраняют особенности разговорного стиля, что проявляется в формах обращения, языковых единицах, выражающих разного рода чувства и эмоции. Кроме того, общей характеристикой является широкое применение разного рода сокращений, которые могут быть заимствованы из других языков (английского, японского). Степень и источники заимствования варьируются под влиянием экстарлингвистических факторов. Особенностью китайского компьютерного сленга является употребление цифровых сочетаний, соотносимых с определенными иероглифами, а также территориально маркированной разговорной лексики.

Список использованных источников

1. Crystal, D. Language and the Internet [Text] / David Crystal. – N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2003. – 272 pp.
2. Распопина, Е. Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного Интернет-дискурса / Е. Ю. Распопина // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Серия «Филология». – 2010 – № 3. – С. 125–132.
3. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Галичкина. – Астрахань, 2001. – Режим доступа : <http://diss.rsl.ru>. – Дата доступа : 08.09.2019.
4. Голев, Н. Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 5. – С. 12–30.

В. И. Коваль

ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КИТАЙЦЕВ

Статья посвящена рассмотрению особенностей магических обрядов вызывания дождя, известных восточным славянам и китайцам. Более подробно характеризуются ритуальные действия, имеющие целью воздействия на хтонических существ – лягушку и ужа (у восточных славян) и дракона (у китайцев), оказывающих, согласно народным верованиям, магическое влияние на прекращение засухи и выпадение дождя.

Обряды «дождевой магии», направленные на вызывание дождя и – соответственно – на противодействие засухе, широко известны в традиционной духовной культуре славян. В обобщающей статье Светланы Михайловны Толстой, помещенной во втором томе этнолингвистического словаря «Славянские древности», эти обряды, локализующиеся прежде всего на территории восточной Славии, разделены на несколько основных видов:

а) магия у колодца, основанная на представлении о том, что земные колодцы и источники связаны с небесными водами по принципу «сообщающихся сосудов» (во время засухи люди шли к колодцам, источникам и святили воду, молились о дожде, обращаясь к святым: «Святой Гурий, Самвоний и Авил молят Бога за нас. Дождь! Дождь! Дождь!»); прочищали заброшенные источники, обливали при этом друг друга водой; в колодец сыпали мак, семена льна, бросали деньги, соль, чеснок, освященные травы и цветы, зерна пшеницы и ржи, лили освященную воду; перемешивали или колотили воду палками, вычерпывали всю воду из колодца на землю; бросали в воду глиняные горшки, украденные у инородцев, гончаров или вдов);

б) обливание водой у реки или у колодца лиц, которым приписывалась особая магическая сила (кормящих матерей, беременных женщин, священников, пастухов), либо тех, кто нарушал определенные запреты (женщин, которые пекли хлеб на Благовещение; женщин, которые пряли и ткали в праздничные дни, накануне праздников и в пятницу);

в) магия у могилы (поливание могилы «нечистого» покойника, похороненного на кладбище; поливание водой каждой свежей могилы после погребения);

г) символическое погребение животных, магически связанных с водной стихией (ритуальное «захоронение» лягушки, которую убивали, убирали в одежду из тряпочек, клали в коробок и голосили по ней, как по покойнику; убивали и хоронили других хтонических животных: рака, ужа, медведку);

д) пахание или боронование реки (высохшего русла реки) или дороги, символизировавшее «открытие» земных источников;

е) магия у муравейника (разрушение и разгребание муравейника; при этом расползающиеся муравьи символизировали и магически вызывали капли дождя) [1, с. 107–109].

Некоторые проявления восточнославянской «дождевой магии» могут быть охарактеризованы как этнокультурные параллели к традиционным китайским представлениям о поклонении Лун-вану (Царю драконов) и о физическом воздействии на дракона (также хтонического мифического животного) во время засухи.

Обратимся с этой целью к интереснейшей дневниковой записи выдающегося российского синолога В.М. Алексеева, сделанной им в 1907 году во время поездки в Китай:

«27 июня. Идем с визитом к чжисияню (начальнику уезда). В городке тревога и угрюмое празднество: просят у Царя драконов дождя. Весь город на улице. Мальчишки у порога храма равнодушно бьют в барабаны и цимбалы. Под окнами грохот барабана. Чжисиянь, извинившись, прерывает прием и поспешно выходит. Потом возвращается и говорит: «Извините, ничего не поделаешь! Пришлось выйти и поклониться Царю драконов, которого только что принесли в ямынь (казенное учреждение в старом Китае). Понимаете, надо успокоить народ: а то как бы чего не вышло!» Выйдя из ямыня, наблюдаем процессию. Впереди идут музыканты. Барабаны, свирели, цимбалы, медные тазообразные инструменты – рев, грохот, треск, шум, в котором можно разобрать только очень сложный и частый ритм барабана. Лун-ван (Царь Драконов) любит музыку, и моления ему всегда сопровождаются подобным аккомпанементом. Толпа, в которой много рыбаков (из-за сильной засухи пересохли реки), несет знамена со знаками «инь – ян» и восемь «гуа» (заклинательные и молитвенные символы), бумажные флажки с надписями вроде «Змея, которая задерживает дождь, дай ему хлынуть!» Почти у всех в руках ивовые ветки. Это – принадлежность Гуаньинь (женская богиня, спасающая людей от разных бедствий), которая кропит веткой чудотворную воду из своего кувшина и оживляет умершее, засохшее. Мальчишки с веточками и венками на головах составляют особую

процессию. Но основная масса толпы – это женщины с цветами, вплетенными в косы, исступленно бряцающие бамбуковыми планками на манер кастаньет» [2, с. 131].

В приведенном описании обращают на себя внимание следующие детали, так или иначе соотносящиеся с магическим верованиями восточных славян: коллективный характер обряда; культ хтонического животного (змéя, дракона), «ответственного» за выпадение дождя; заклинательные и молитвенные символы, обращенные к Царю драконов; присутствие (хотя и опосредованное) в процессии «женской» богини Гуаньинь, являющейся, как и христианская Богородица, символом материнства, заступничества, добродетели и сострадания; использование «чудотворной» воды – аналога «святой воды» у православных; разбрызгивание воды, имитирующее дождь).

Ритуальное обливание водой у источника во время засухи и различные жертвоприношения духу воды, известные в аналогичной ситуации, как отмечалось выше, и восточных славянам, проводятся в южнокитайской провинции Юньнань: «Двенадцать человек, рожденных в год дракона, шествуют к источнику, исполняя танец дракона; после этого соломенное чучело, изображающее повелителя воды, поливают водой из этого источника, в который затем бросают фрукты, различную выпечку и другие подношения. По окончании церемонии соломенного дракона кладут у входа в деревню и разбрызгивают захваченную из источника воду по арбузному полю, символизируя посев «семян дракона». Этим надеются избежать засухи в предстоящий сельскохозяйственный сезон и обеспечить богатый урожай» [3, с. 34].

Обращает на себя внимание использование китайцами в рамках «дождевой магии» ритуальных действий, направленных не только на задабривание Царя драконов Лун-вана, но и на его «унижение» и физическое воздействие (вплоть до ритуального «умерщвления»), в чем опять-таки можно видеть аналогию с восточнославянской традицией:

- «Во время засухи в Нанкине в 1890 г. местный правитель в ответ на долгое нежелание Лун-вана ниспослать дождь приказал поставить его статую под палящее солнце. Очевидцы утверждают, что «идол сидел там в молчании весь день и ни разу не двинулся, будучи погруженным в серьезные размышления». Говорят, в ту же ночь последовали сильные дожди».

- В том случае, если молитвы, обращенные к дракону, не помогали, «его изображение сначала выносили из храма, чтобы показать ему, какие последствия для страны несет его упрямство. Если и это не помогало, то исполнялся обряд «бянь пун» – «бичевание дракона»: по

вылепленному из глины или другого материала дракону наносили удары плетью или бамбуковой палкой, бумажных или матерчатых драконов разрывали на куски, а статуи их топили».

- «Фигуру божества выносили на палящее солнце, закапывали в навоз или ставили лицом к лицу с фигурой другого мифологического персонажа, который, как считалось, когда-то укротил его».

- «Был случай, когда крестьяне, долго молившие своего дракона о дожде, в конце концов не выдержали, выдворили его из храма и с проклятиями бросили в сточную канаву. Вскоре после этого начался дождь; крестьяне достали дракона обратно, аккуратно обтерли его и водворили на прежнее место».

- «Если небесные драконы, ответственные за своевременные дожди, начинали лениться перед лицом благородных мужей, которые были выше физического насилия, на драконов можно было подать жалобу в вышестоящую инстанцию, вплоть до самого Нефритового императора» [3, с. 32–34].

Покровителем Царя драконов Лун-вана, как можно полагать, в китайской мифологической традиции являлся Юй-ши (Повелитель дождей) – божество дождя, культ которого сохранился в Китае с глубокой древности до XX в. Юй-ши имел антропоморфный облик и изображался в храмах в виде могучего военачальника в желтых доспехах, с черной бородой, держащим в левой руке чашу, в которой находится дракон, а правой Юй-ши разбрызгивал дождь [4, с. 765].

Обратим также внимание на еще одно замечание, содержащееся в описанном В.М. Алексеевым ритуале поклонения Царю драконов во время засухи, где автор, подводя итог увиденному, прямо указывает на параллелизм китайских и русских обрядовых «противозасуховых» действий: «Полная картина исступленного Крестного хода в России, например, во время холеры 1892 г., который я видел в детстве. Та же неистовая толпа и то же преобладание женщин в ней. Религиозный уклад Китая многим напоминает «святую» Русь» [2, с. 131].

Действительно, традиция Крестных ходов, которые совершались не только во время засухи, но и при военных нашествиях и эпидемиях, хорошо известна в православии: «В Церкви на протяжении всей ее истории формы служения Богу не ограничивались только словесной молитвой. Со времени возникновения богослужения наряду с такой молитвой была «молитва руками» (например, крестное знамение) и «молитва ногами» – участие в молитвенных процессиях. Такие процессии никогда не воспринимались как демонстрация силы или политическая акция, это всегда было богослужение, за которым нужно было не только молиться Богу

умом, но и подкреплять свою молитву физическим трудом – иногда весьма продолжительным шествием» [5].

Выразительной иллюстрацией для вышеприведенных сведений может служить один из эпизодов романа М. Шолохова «Поднятая целина», в котором группа старых казаков просят у председателя колхоза Семёна Давыдова провести фактически Крестный ход: походить по полям со священником и хоругвями и коллективно помолиться за хороший урожай, поскольку наступила засуха. Давыдов при этом вежливо, но категорично отказывает старикам: *Вечером как-то к Давыдову на квартиру пришла делегация от стариков. «Мы к вам с покорнейшей просьбицей», – сказал дед Аким Куроцул. – «С какой просьбой?» – «Пшеничка-то во второй бригаде, как видно, не взойдет? Дожжа надо». – «Надо». – «Дозвольте попа покликать, помолбствовать?» – «Это для чего же?» – Давыдов порозовел. – «Известно для чего, чтобы Господь дожжичка дал». – «Ну, уж это ты, дед... Ступай, дед, и больше об этом не говори.*

Секретарь местной коммунистической ячейки Макар Нагульников выражает свой отказ в еще более резкой и прямолинейной форме, угрожая просящим наказанием, которое, впрочем, вполне «вписывается» как в восточнославянские, так и в китайские ритуалы вызывания дождя, поскольку предполагает обливание водой участников ритуала: *Вы, ветхие люди! Я про вас знаю: вы все норовите по-своему жить, вы – напряженные черти. Вам бы все престольные праздники устраивать да с иконами по степи таскаться, хлеба вытаптывать... Ежели самовольно привезете попа и тронетесь в поле, я следом за вами выведу с пожарной командой и до тех пор буду вас из насосов полоскать, пока вы мокрее воды сделаетесь. Понятно?*

Приведенный материал, при всей его неполноте и фрагментарности, позволяет видеть определенный параллелизм в традиционных ритуальных действиях восточных славян и китайцев, направленных на вызывание дождя, что, в свою очередь, является одним из многочисленных свидетельств универсальности традиционного мировоззрения представителей разных народов.

Список использованной литературы

1. Толстая, С.М. Дождь / С.М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. – М.: Междунар. отн., 1999. – С. 106–111.
2. Алексеев, В.М. В старом Китае : Дневники и путешествия 1907 г. [Предисл. акад. В.В. Струве] / В.М. Алексеев. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 312 с.

3. Сомкина, Н.А. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность) / Н. А. Сомкина // Вестник СПбГУ. – Сер. 13, 2010. – Вып. 1. – С. 30–46.

4. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – 869 с.

5. Адоменас, А. Что такое Крестный ход на самом деле? / А. Адоменас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravlife.org/ru/chto-takoe-krestnyu-hod-na-samom-dele>. – Дата доступа: 13.11.2019

УДК 398.3(=161):398.3(=581)

В. И. Коваль, С. А. Левая

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ «СКОТИЙ БОГ» ВЛАСИЙ
И КИТАЙСКИЕ 牛王 НЮ ВАН «КНЯЗЬ ВОЛОВ»,
馬王 МА ВАН «БОГ ЛОШАДЕЙ»**

В статье содержится характеристика восточнославянского и китайских мифологических персонажей – святого Власия, Ню Вана и Ма Вана, осмыслившихся покровителями домашних животных. Отмечаются национально обусловленные поверья, обычаи и обряды, связанные с этими персонажами; указываются некоторые «точки соприкосновения» мифологических представлений восточных славян и китайцев.

Традиционным славянским верованиям известен целый ряд христианских покровителей домашних животных, в именах которых может отражаться их своеобразная «специализация»: святой *Василий* – «свиной бог» (день памяти – 14 января), святые *Флор* и *Лавр* – покровители лошадей (31 августа), святые *Кузьма* и *Демьян* – «курьи боги» (14 июля), *Вукол-телятник* (19 февраля), *Агафья-коровница* (18 февраля), *Онисим-овчар* (28 февраля), *Никита-гусятник* (28 сентября).

Особое место в верованиях православных христиан занимает культ святого *Власия*, епископа Севастийского, день памяти которого отмечается 24 февраля, поскольку в традиционной культуре он устойчиво осмысливается как покровитель скота. Истоки этих представлений связаны с содержанием жития самого святого: в нем рассказывается, что во время гонений на христиан он скрывался в пещере, к которой подходили дикие звери, получавшие от него исцеление от болезней [1, с. 383].

Считается, что народные поверья о св. *Власии* генетически восходят к образу языческого бога *Волоса (Велеса)*, а соединению образов языческого божества и христианского святого способствовали фонетическая близость имен (*Волос / Велес – Власий*) [2]. Немалую роль при этом играет и сходство их функций, поскольку «связь Волоса с хозяйственно-производительной функцией, со скотоводством и земледелием отражается в многочисленных поздних пережитках». По данным Лаврентьевской летописи, при заключении мирного договора с греками русская княжеская дружина клялась оружием и Перуном, а остальное войско клялось «Волосом скотным богом» [3, с. 210].

Русские называли Власия *коровым богом*, а день его памяти – 24 февраля – *коровым праздником*; белорусы в день св. Власия (бел. *конскае свята*) объезжали молодых лошадей; украинцы полагали, что Власий «заведует рогатой скотиной»; в Сербии день св. Власия считался праздником волов (серб. *говеђа слава*), и в этот день не запрягали волов; в Болгарии 24 февраля пекли два хлеба, называя их *св. Петка* и *св. Влас*. При этом хлеб *св. Петка* разламывали и раздавали соседям «для здоровья волов», а хлеб *св. Влас* скармливали волам. Икону святого *Власия* у восточных славян нередко вывешивали в хлеву или в загоне для скота. К этому святому обращались с молитвой, прося у него здоровья и благополучия для домашних животных: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора они шли-играли, а с поля шли-скакали» [1, с. 383–384]. На русской иконе XV века изображен святой Власий, благословляющий коров.

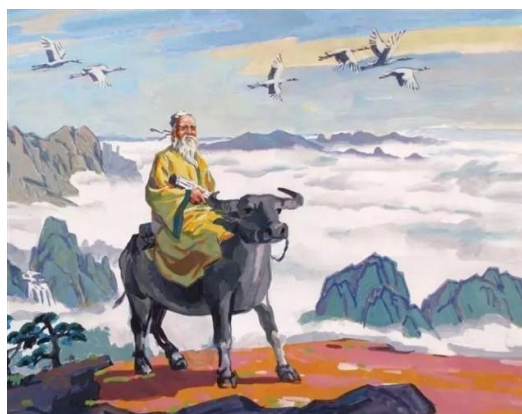
В китайской мифологической традиции к божествам – покровителям домашних животных – относятся прежде всего 牛王 *Ню Ван* (князь волов) и 馬王 *Ма Ван* (бог лошадей).

Ню Ван в традиционных верованиях китайцев защищает волов и коров от распространения инфекционных болезней. Согласно легенде, бытующей в провинции Хэнань (восток центральной части Китая), «Ню-ван по происхождению был ученым, жившим в XIII веке в конце династии Сун. Будучи разоренным и лишенным привычных занятий вследствие установления монгольской династии Юань, он, став земледельцем, никогда не бил своего вола, на котором пахал. Если вол останавливался, ученый опускался перед ним на колени, и вол тянул плуг дальше» [4, с. 537].

Важно отметить, что китайцы обычно помещали изображения *Ню Вана* в тех местах, где находятся домашние животные: «В Китае в XVIII – начале XX вв. были широко популярны лубочные антропоморфные изображения Ню-вана (иногда вместе с Ма-ваном – покровителем лошадей), которые размещали подле конюшни или в помещениях для скота с охранительной целью» [4, с. 538]. В этой традиции можно видеть выразительную параллель с нахождением в хлевах и загонах для скота у восточных славян икон св. Власия. На благопожелательной картинке *няньхуа* у ног *Ню Вана* изображена корова, а у ног *Ма Вана* – лошадь.

Ню Ван и Ма Ван со своими слугами

Лао Цзы на буйволе

Иероглиф 牛 (ню) в китайском языке обозначает не только корову и быка, но и буйвола, которого использовали и как тягловую силу, и для верховой езды. Бык (буйвол) в Древнем Китае считался особо священным животным и ассоциировался с императорской властью, а также с Западом, где находилась богиня Си Ванму, обладавшая плодами бессмертия. Именно буйвол является ездовым животным осно-

воположника даосизма Лао-цзы, на котором Мудрый Старец отправился в свое путешествие на Запад, что отражено в традиционной китайской иконографии [5].

Связь мифологического образа быка с потусторонним (астральным) миром проявляется и во включенности его в популярный в Китае сюжет о Ткачихе и Пастухе. В трогательной истории рассказывается о нелегкой судьбе любящих друг друга супругов, которые находятся на разных берегах Серебряной реки (Млечного пути) и могут быть вместе только один раз в году – 7-го дня 7-го месяца по Лунному календарю (обычно в августе). Но добиться этого Пастуху помогает бык (старый вол): «Когда Пастух опечалился, старый вол, который долго с ним жил, заговорил: «Убьешь меня, сдери шкуру, и можешь на ней полететь в небесный дворец искать Ткачиху». Пастух не хотел так поступать, но выхода не было, и наконец он, скрепя сердце, со слезами все сделал по совету старого вола. Пастух надел шкуру вола, детей посадил в корзины и взлетел на небо...» [6].

Культ *Ма Вана* был распространен преимущественно в Северном Китае. На лубочных картинах-иконах *Ма Ван* изображался как царь, сопровождаемый военачальниками. В таких случаях его называли *Сыма дашэнь* (Великий бог, управляющий лошадьми). В день рождения Ма Вана, 23 числа шестой луны, в средневековом Китае ему приносили жертвы и в его честь устраивали театрализованные представления.

Ученые считают, что приручение лошадей в Китае началось значительно позже приручения коров и быков (волово). Когда первые среднеазиатские лошади прибыли в Китай, они сразу же приобрели образное название «небесные кони» (*тяньма*), которые изображались как греко-римский Пегас – с крыльями. В творчестве китайских художников эпох Мин и Цин активно использовался такой мифологический персонаж, как Морская лошадь (*Хайма*), который олицетворял водную стихию. *Хайма* осмыслялся как благопожелательный образ, который широко использовался в народном декоративно-прикладном искусстве Китая [5].

Знаменитое во всем мире захоронение – «Терракотовая армия императора Цинь Шихуанди», относящееся к 206 году до н. э., насчитывает более 8000 фигур воинов, изготовленных из обожженной глины, и пятьсот фигур упряжных и верховых лошадей, что указывает на важную роль лошади в военно-государственной сфере Древнего Китая. Внешний вид прекрасно сохранившихся до наших дней терракотовых лошадей включает в себе важную для современных людей ин-

формацию: «Поскольку все скульптуры сделаны в натуральный размер, по ним можно судить и о лошадях того времени. Терракотовые лошади широкогрудые, приземистые, мощные, рост их около 135 сантиметров, с небольшими горбоносими головами, широкими шеями и достаточно длинными ушами. Гривы их пострижены, хвосты заплетены. По типу эти лошади близки к аборигенным породам современного Китая: это лошади степного типа, похожие на монгольских» [7].

Особое место в китайской мифологии занимает образ лошади-дракона (*лунма*). Согласно наиболее распространенным поверьям, легендарный первый император Китая Фу Си увидел появившуюся из реки Хуанхэ дракона-лошадь, на боку которой были изображены пентаграммы для гадания, использовавшиеся для представления основных категорий китайской философии. Сохранилось следующее описание лошади-дракона: «Это – доброжелательная лошадь, жизненный дух речной воды. Ее высота – восемь *чи*, пять *цунь*; ее шея длинная, а тело покрыто чешуей. У ее ног – крылья, по бокам свисает шерсть. Ее крик состоит из девяти тонов, она ходит по воде и не тонет. Она появляется во времена знаменитых правителей» (1 *чи* = 33 см, 1 *цунь* – 3,3 см. – Авторы). Выдающийся китайский историограф империи Хань Сыма Цянь в своих «Исторических записках» упоминает императора Му (династия Чжоу), который «в тридцать втором году своего правления проехал по миру в повозке, которую тянули восемь крылатых лошадей-драконов» [8]. В китайском фантастико-сатирическом романе «Путешествие на Запад» встречается мифический персонаж – белый конь-дракон Бай Масы, который ранее был принцем. В конце романа Бай Масы благодаря своим непрерывным усилиям и упорству достиг состояния Будды и обрел бессмертие [8].

Изложенные сведения, относящиеся к архаичным народным верованиям восточных славян и китайцев, убеждают в наличии множества «точек соприкосновения» в мировоззрении этих народов.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Власий / Н. И. Толстой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 383–384.
2. Власий – скотий бог [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.e-reading.club/chapter.php/Russkaya_mifologiya_Enciklopediya.html. – Дата доступа:

3. Топоров, В. Н. Боги / В. Н. Топоров // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 204–215.

4. Рифтин, Б. Л. Нью-ван / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006.–Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин и др. – 2007. – С. 537–538.

5. Домашние животные в китайском искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stygminum.livejournal.com/9037.html>. – Дата доступа: 07.11.2019.

6. Сказка «Пастух и ткачиха» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.cri.cn/travel/folk/394/20170825/20500.html>. – Дата доступа: 07.11.2019.

7. История лошади в истории человечества. Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=559280&p=35>. – Дата доступа: 07.11.2019.

8. Иванов, Д. Лунма, лошадь-дракон из Китая / Д. Иванов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mstfn.com/2014/10/lun-ma/>. – Дата доступа: 07.11.2019.

9. Небесные скакуны с Запада: заклинатель лошадей Чэнь Чжифэн и его ахалтекинцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.cri.cn/mail/interview/20181205/219106.html>. – Дата доступа: 07.11.2019.

УДК 811.161.1'42'24:39(=581)

С. Б. Кураш, А. В. Юденкова

**РЕЧЕВОЙ ОБРАЗ КИТАЙЦА В РУССКОЯЗЫЧНОМ
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(по материалам интернет-источников)**

Статья посвящена функционированию языковых феноменов, ассоциирующихся с рече-языковым пространством китайской лингвокультуры, в современном русскоязычном коммуникативном пространстве.

Едва ли возможно представить себе коммуникативное пространство того или иного национального языка, той или иной этно- и лингвокультуры (А), в которых бы не фиксировались те или иные языковые феномены, ассоциирующиеся (более или менее устойчиво) в сознании носителей данного языка / культуры с инокультурным рече-языковым пространством (В). Подобные языковые фрагменты (в диапазоне от

отдельных этноспецифических лексем до текстов) в речи носителей иного языка и иной культуры зачастую авторизуются посредством отсылочных маркеров типа «*как говорят В*», «*как любят говорить В*», «*как шутят В*» и т. п., где *В* – некий совокупный этноним. Выявление и осмысление корпуса подобных контекстов может привести к некоторым выводам относительно того, (1) какие именно языковые феномены, связанные с национальным языковым (этно- и лингвокультурным) пространством *В*, активнее всего проникают в коммуникативное пространство *А* и какие функции при этом в нём они выполняют; (2) какой стереотипный образ представителя лингвокультуры *В* при этом может сложиться (или уже сложился) в коммуникативном пространстве носителей лингвокультуры *А*; (3) насколько та или иная этно(лингво)культура аксиологически важна для иного лингвоментального пространства в плане коммуникативного поведения членов данного языкового коллектива.

Цель данной статьи – обобщение апелляций представителей русскоязычного коммуникативного пространства к различным вербальным этноспецифичным и культуроспецифичным феноменам, обладающим признаками прецедентности, связанным с китайской этно- и лингвокультурой (ранее в аналогичном ракурсе нами рассматривался аналогичный языковой материал, связанный с белорусской и французской лингвокультурами [1]).

В качестве средства достижения данной задачи нами был методом сплошной выборки собран аутентичный корпус авторизованных высказываний наподобие «*как говорят (любят говорить, шутят) китайцы*» с помощью поисковых систем Яндекс и Google, а также Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), из которого непосредственно для анализа было отобрано более 250 контекстов (иллюстративный материал приводится с сохранением авторской орфографии и пунктуации).

Обобщение и систематизация изученного материала обнаруживает следующее. Тематическое разнообразие маркируемых как «китайские» высказываний представлено следующими их источниками:

а) **афористический и паремиологический фонд** (своеобразные китайские мудрословия, в том числе с использованием традиционных китайских лингвокультурных концептов, отражающие традиционные для китайской культуры рече-поведенческие нормы), ср.: *Как любят говорить китайцы*: «*путь с вершины ведет только вниз*» (<https://www.2000.ua> › ukraina-mentalno-v-evropea-materialno-s-rossie); *Как любят говорить китайцы*: «*Человек делает хорошо то, что лю-*

бим» (<https://stapico.ru> › tag › GaoSochi); При этом, как любят говорить китайцы: «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она хорошо ловила мышей» (<https://cyberleninka.ru> › article › sovremennaya-aspirantura-i-sudba-institu); Как шутят китайцы, даже у императоров есть непутёвые родственники (<https://obiskusstve.com> › serdtsa-povenchany-lyubovyu-pod-pokrovitelstv); А что касается амбициозности наших проектов, то, как говорят китайцы, дорога в тысячу ли начинается с первого шага (ug.ru›archive/20954); Как говорят китайцы, в каждой инь присутствует ян, а в каждом ян присутствует инь (doktortin.ru›Статьи о здоровье и медицине.../13-ponyatie-in-i-yan-v); Как говорят китайцы, «чай опьяняет своей трезвостью» (moychai.ru›Воздействием); Китайцы очень чутки к похвале и к критике... Чтобы подчиненные хорошо работали, необходимо завоевать их симпатии или, как говорят китайцы, «получить сердце» («дэ синь»), поэтому умный начальник заботится о создании условий эмоционального комфорта, ощущения большой семьи, где он – старший брат, заботящийся о младших (orientalinstitute.ru›sinology/sinolo-articles/397); Как говорят китайцы, «чай – искусство слушать себя и вещи, обычно неслышимые» (mindspic.com›wayleaf);

б) **формулы речевого этикета**, ср.: 恭喜发财 Так говорят китайцы, поздравляя друг друга с Новым годом! Это означает пожелания богатства и процветания, исполнения всех желаний в Новом году (zen.yandex.ru›Яндекс.Дзен.../gunsifacai). В ряде интернет-публикаций об особенностях речевого этикета китайцев находим целую серию необычных с точки зрения европейца словесных формул и возможных реакций на них: ...нет ничего странного в поведении китайцев, которые во время приветствия вместо привычного вопроса: «Здравствуй! Как у вас дела?» или “Hello! How are you?” спросят у вас: «Здравствуй! Вы покушали?» Дословно этот вопрос звучит на китайском языке как: 你好! 你吃饭了吗 — Nǐ hǎo! Nǐ chīfàn le ma? Самое удивительное в том, что китайцы привыкли приветствовать таким образом не только друг друга, но и иностранцев, а также незнакомых людей. Для ответа на такой вопрос обычно следует ответ: «Да! Благодарю Вас! (Спасибо). А Вы?» – “是, 谢谢! 你呢? – Shì ! Xièxiè! ! Nǐ ne?” или “Покушал! – 吃了 – Chī le”. Интересно то, что китайцы таким образом стараются наладить с вами контакт и с надеждой будут ждать отрицательного ответа: “Нет!”- 不是! -Bù shì! или “Не ел” – 没吃- Méi chī”, чтобы пригласить вас куда-нибудь перекусить для дальнейшего знакомства (<https://chinagroups.ru>/privetstvie-i-

znakomstvo-v-kitae/); *Не часто услышишь прямой отказ от китайца. Они часто говорят «может быть, «я занят» или даже «да», увиливая от четкого ответа. Такое поведение часто приводит к путанице у европейцев* (<https://enterchina.ru/blog/kitayskie-obychai-manery-i-etiket/>);

в) «ссылки», демонстрирующие **специфический юмор китайцев** как относительно **самих себя**, например: *Но, как говорят китайцы, главная беда Китая – китайцы* (thepoint.rabota.ua>ukraynka-rasskazala-kak...kytae); *Как шутят китайцы при работе с другими странами им надо учитывать, что их партнеры не могут работать такое количество времени и в таком темпе* (<https://ilshats.livejournal.com>); *Как шутят китайцы, во второй половине дня 8 марта женщин отпускают по домам, чтобы они могли приготовить для мужчин праздничный ужин* (<https://www.gazeta.ru/social/2014/03/09/5942429.shtml>); так и в отношении представителей **других** лингвокультур, ср.: *Как шутят китайцы, именно благодаря собакам корейские футболисты могут бегать по полю хоть целый день* (www.doroga.ua > Pages > ArticleDetails); – *Как шутят китайцы: – Вы – русские? – Да... А че смеетесь? – Дети у вас красивые... А все, что вы делаете руками, все плохо, плохо* (<https://park72.ru>politics>); *Как шутят китайцы: «Так вы, наверное, все друг друга в лицо знаете»* (twitter.com/LeonidFilippov/status); *Как говорят китайцы, бывает человек – банан (желтый снаружи, но белый внутри), а бывает человек – яйцо (наоборот)* (interest-planet.ru/blog/Asia/1566.html);

г) **оценочные высказывания**, характеризующие социально-экономические реалии Китая, его роль и место в современном мире, ср.: *Как любят говорить китайцы, они хотят просто «восстановить те позиции, которые принадлежат им по праву»* (<https://inosmi.ru>world>); *как любят говорить китайцы: «Не ссориться с соседями и с другими крупными державами»* (<https://echo.msk.ru>programs> > futureback > 625860-echo); *Как любят говорить китайцы, если коммунизм распространялся в Китае с севера на юг, то капитализм движется с юга на север* (<https://sapr.ru>article>); *Как шутят сами китайцы, «Под руководством коммунистической партии будем строить капитализм»* (<https://www.proza.ru/2015/07/31/1429>); *...ты должен выбирать, пойдешь ты, как говорят китайцы, по красной или по желтой линии (то есть по партийной – в руководство страны либо по коммерческой – в бизнесмены)* (moya-planeta.ru>travel/view/nacionalnyj_harakter);

д) **ложно атрибутированные** как «якобы китайские» прецедентные вкрапления, как правило, отмеченные юмористическим эффектом: *Се ля ви, как любят говорить китайцы* (<https://www.maybe.ru> > blogs > read); *Селяви (как говорят китайцы)* (foru.ru>slovo.19002.4.html); *Как лю-*

бят говорить китайцы: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (<https://ne-np.facebook.com> › vik21.com.ua › photos › приветствуем-другу...); Как говорят китайцы: – меньше народу больше кислороду (<https://pikabu.ru> › story › [kak_govoryat_kitaytsyi_menshe_narodu_bolshe_kislorodu](https://pikabu.ru/story/kak_govoryat_kitaytsyi_menshe_narodu_bolshe_kislorodu)...).

Что касается языкового оформления того, что авторизуется как «китайское», то здесь можно наблюдать и иероглифические вкрапления с переводом на русский язык или без него: Как говорят китайцы «百度一下», что на нашем языке звучит «Погусли» или «Гугл тебе в помощь» (yourchinese.ru/index.php?imp_id=1&sbid=1); Как говорят китайцы: «Бирюзовые воды – киноварные горы» (碧水丹山) (dushinechaju.ru›Статьи›Способы заваривания); Яньтай посетили холодные ветра. Как любят говорить китайцы – “刮西伯利亚风”, что означает «подул сибирский ветер, пришла сибирская погода» (picdeer.com›yulia_konstanta); НО, НО, и ещё раз НО (重要的话重复三遍, как любят говорить китайцы) (<https://bkrs.info/taolun/thread-10685>); Китайцы в таком случае говорят, 无中生有 – «бытие рождается из небытия» (<https://rb.ru/opinion/banner-4-china>).

В некоторых случаях нами отмечались записи, имитирующие китайскую речь со стороны её фонетики, ср.: А впрочем, как говорят китайцы, «гэ ю со хао» («у всех свои склонности») (public.wikireading.ru/51589); или грамматики: Как любят говорить китайцы: "Торопиться нада нет!" (forums.airforce.ru›Авиация›До 1945).

Наконец, в сетевом пространстве рунета нами обнаружен стихотворный текст с характерным названием «Как говорят китайцы...», принадлежащий Василию Забутовскому: *В радиусе многих / парсеков / норку никак не найти, / чтобы там спрятаться / от самого себя ... / Можно взлететь / на насест. / Это нестрашно, / надо взмахнуть / крылами, / это почти легко... / Ждать на насесте / рассвет, / зорко смотреть / вниз... / Как говорят / китайцы, / будет тебе / и рис!..* (<https://www.proza.ru/2018/12/04/1616>).

Можно констатировать, что апеллирование к лингвокультуре китайского народа в русскоязычном коммуникативном пространстве функционально разнообразное и отчасти основано на сложившихся стереотипах, которые во многом основываются на нормальном эгоцентризме. «Именно поэтому отличное от своей нормы поведение представителей другой культуры, какие-то чужие бытовые особенности и пр. воспринимаются как ненормативные и, соответственно, как странные, иногда как глупые и смешные» [2, с. 461]. Приведённые примеры убеждают также в высокой степени прецедентности и дискурсивной

активности китайских (и/или приписываемых китайскому народу) этно- и лингвокультурных феноменов в современном коммуникативном пространстве русского языка.

Список использованных источников

1. Кураш, С. Б. Языковые феномены, восходящие к белорусской и французской этно- и лингвокультурам, в русскоязычном коммуникативном пространстве (по материалам интернет-источников) / С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Славянская мифология и этнолингвистика: сб. науч. статей ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 156–159.
2. Ма, Цзехуэй. Китайские стереотипы о русских в зеркале китайских анекдотов / Цзехуэй Ма, Н. В. Николаева // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 2А. – С. 460–466.

УДК 821.161.3-19

С. С. Кутузава

ПАДАБЕНСТВА І АДРОЗНЕННІ СЮЖЭТАЎ І МАТЫВАЎ БЕЛАРУСКАГА І КІТАЙСКАГА ЭПАСАЎ

У дадзеным артыкуле разглядаюцца міфалагічныя карціны свету ўсходнеславянскіх і кітайскіх народаў. Вызначаецца, што такое міф і чаму людзі складалі міфы. Параўноваюцца сюжэты і матывы беларускай народнай казкі “Сястра-бязручка” і кітайскай народнай казкі “Казка пра малодшага брата”.

Міфалогія ў гісторыі любога народа з’яўляецца важным і неабходным этапам развіцця. Калі першабытны чалавек складаў міфы, ён знаходзіўся ў пошуках адказаў на пытанні пра навакольны свет, імкнуўся асэнсаваць і сістэматызаваць рэальнасць, якая часам была даволі жорсткая да яго.

Само паняцце “міф” досыць шматзначнае і можа быць разгледжана з розных бакоў. У навуковай супольнасці існуюць дзясяткі розных варыянтаў яго азначэнняў і тлумачэнняў. У гэтай працы мы звярнуліся да вызначэння міфа як нейкай рэальнай гісторыі, якая адбывалася ў мінулым. У першабытных суполках людзі лічылі, што міф перадае абсалютную ісціну і такім чынам выступае як рэгулятар грамадскага жыцця, задаючы правілы паводзін людзей,

вызначаючы для іх, што добра, а што дрэнна. Такім чынам, можна выказаць здагадку, што ў вельмі далёкіх культурах маглі ўзнікаць блізкія ці нават аднолькавыя міфалагічныя сюжэты, якія складаліся дзякуючы аднолькавым абставінам.

Кітайская міфалагічная карціна свету складалася вакол феномену неба – увасаблення Янь, мясціны сонца. Неба кіруе светам і назірае за людзьмі, адорваючы дабрадзейных і наказваючы вінаватых. Уся мудрасць і разнастайнасць свету звязаны з небам. Таму і кітайская імперыя звалася Паднябеснай.

Усходнеславянская міфалогія ўяўляе сабой сукупнасць вобразаў і сюжэтаў, якую можна параўнаць з грэцкай або скандынаўскай традыцыяй. На жаль, да нашых дзён не дайшлі сапраўдныя творы з міфалагічнымі сюжэтамі. Але навукоўцы адзначаюць, што ключавы сэнс славянскай міфалогіі – гэта ў першую чаргу «абажанне» Маці Прыроды. Асноўным культам славян-язычнікаў быў культ урадлівасці, адкуль і сфарміраваўся старажытны вобраз Маці Зямлі, які з’яўляецца адным з ключавых архетыпаў для славянскіх народаў, у тым ліку і для беларускай міфалогіі.

Міфалагічныя карціны свету ўсходнеславянскіх і кітайскіх народаў здаюцца даволі рознымі, сфармаванымі на розных уяўленнях аб сістэме светабудовы. І сапраўды, калі разглядаць касмаганічныя (міфы аб стварэнні сусвету), эсхаталагічныя (міфы аб канцы сусвету) або каляндарныя міфы, мы зможам знайсці няшмат падобных матываў. Таму мы зацікавіліся больш проста, бытавой часткай жыцця і звярнуліся да бытавых казак. Яны таксама адносяцца да міфалагічнай карціны свету, але ў іх аснове ляжаць падзеі штодзённага жыцця. Тут няма цудаў і фантастычных вобразаў, дзейнічаюць рэальныя героі, якіх турбуюць рэальныя праблемы. Такія казкі складаюцца, каб навучыць і перасцерагчы, яны звязваюць пакаленні. У дадзеным артыкуле мы разгледзім дзве казкі: беларускую казку “Сястра-бязручка” і кітайскую казку “Казка пра малодшага брата”.

У абедзвюх гэтых казках сям’я, сямейныя каштоўнасці з’яўляюцца асноўнымі тэмамі. Першае пытанне, якога кранаюцца абедзве гісторыі, – гэта адносіны бацькоў і дзяцей. Калі паміраюць бацькі, яны загадваюць дзецям жыць мірна і падрымліваць адзін аднаго: “Жывіце дружна, добра, адзін аднаго слухайце. Ты ёй загадай, каб яна цябе слухала, так дружна і жывіце” [3, с. 151]. І калі дзеці не выконваюць гэты загад, іх жыццё паступова руйнуецца. Такім чынам, падкрэсліваецца важны прынцып пераемнасці паміж

пакаленнямі і сувязь паміж імі ў адной сям’і. Павага да бацькоў і іх заветаў – гэта тая каштоўнасць, якая важна як для кітайскага, так і для беларускага народаў.

І ў беларускай, і ў кітайскай казках прысутнічае вобраз злой жонкі старэйшага брата, якая спрабуе сапсаваць адносіны паміж сваякамі: “І стаў Эр Сяо жыць са старэйшым братам і нявесткай. Брат – гультай, а нявестка – злая ды шкодная” [2, с. 120]. Гэты вобраз можна разглядаць як метафару ўсіх канфліктаў і знешніх цяжкасцей, з якімі сутыкаюцца любыя сем’і. Разам з героямі казкі мы аказваемся ў сітуацыі безвыходнасці, калі здаецца, што нічога нельга выправіць. У беларускай казцы сястры з-за нагавораў нявесткі адсякаюць рукі і выганяюць з дому. А потым тая ж нявестка робіць так, каб дзяўчыну і яе сына прагналі і бацькі яе мужа. Герой кітайскай казкі з-за прагнасці братавай жонкі трапляе ў цяжкае становішча наперададні зімы: “Давай дзяліцца. Эр Сяо дамо ток з маленькім свіранам ды два му худой зямелькі. Нам – карова, на якой араць можна, яму – вялікі рыжы сабака. Нам – курыца-нясушка, яму – вялікі певень. Нам – цэлы плуг ды вялікі хамут, яму – зламаны плуг ды нягодны хамут” [2, с. 120].

У беларускай казцы канфлікт адбыўся з-за недахопу інфармацыі. Калі б брат ведаў, што гэта не сястра забіла яго сына, калі б бацькі царэвіча ведалі, што запіскі падмянілі, тады нічога не здарылася б. Таму важная выснова гэтай казкі заключаецца ў тым, што трэба карыстацца толькі праверанай інфармацыяй. У кітайскай казцы канфлікт будзеца на супрацьпастаўленні ляноты старэйшага брата і працавітасці Эр Сяо. Злосць і сквапнасць нявесткі параўноўваецца з тым, што Эр Сяо да ўсіх жывых істот адносіцца з дабрынёй і павагай. У фінале гісторыі старэйшы брат і яго жонка гінуць, а працавіты Эр Сяо, наадварот, жыве ў шчасці і заможнасці. У абедзвух казках героі, праходзячы праз усе выпрабаванні, атрымліваюць магчымасць аднавіць усё, што была страчана, або пабудаваць нешта новае дзякуючы дабраце і працавітасці.

Беларуская казка таксама ўзнімае пытанне прыняцця. Царскі сын прымае дзяўчыну, нягледзячы на яе калецтва, потым шукае сваю жонку і сына і не адмаўляецца ад сваёй сям’і. Уменне прымаць людзей такімі, якія яны ёсць, і цаніць у першую чаргу ўнутраныя якасці з’яўляюцца важнымі матывамі беларускай казкі.

Кітайская казка больш увагі канцэнтруе на тым, як важна быць працавітым і паважлівым да тых, хто знаходзіцца вакол цябе. Галоўны герой даглядае карову, потым пеўня і сабаку, дрэва, якое вырасла на могілках яго сябраў, пляце кошыкі для пералётных птушак. І з гэтай

нагоды ён заўсёды атрымлівае дапамогу і падтрымку: карова ўратаўвае Эр Сяо ад вераломства яго нявесткі, певень і сабака дапамагаюць весці гаспадарку, з дрэва падаюць залатыя манеты, птушкі аддаюць свае яйкі. Такім чынам, важным матывам для кітайскай казкі з'яўляецца працавітасць, шчырасць і павага да тых, хто знаходзіцца вакол цябе, нават калі гэта самыя невялікія стварэнні прыроды.

Міфалагічныя карціны свету беларусаў і кітайцаў фарміраваліся вакол амаль супрацьлеглых канцэпцый. У цэнтры светабудовы кітайца было неба, у беларусаў, наадварот, зямля. Таму складана шукаць паралелі паміж уяўленнямі людзей аб свеце, месцы чалавека ў ім, аб паходжанні багоў і герояў. Але калі мы звернемся да бытавога ўзроўню, то можам убачыць, што ў двух народаў, якія знаходзяцца за тысячы кіламетраў адзін ад аднаго, можна знайсці даволі шмат падобных матываў. Людзей хвалявалі праблемы ўзаемадасін у сям'і, павагі да блізкага, прыязнасці. І яны давалі сугучныя, агульначалавечыя адказы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т. 3. – С. 146–150.
2. Рифтин, Б.Л. Китайские народные сказки / Б.Л. Рифтин. – М., 1972. – С. 120–122.
3. Хаменка, А. Народныя казкі для дзетак / А. Хаменка, Ю. Ляшкевіч. – Мінск, 2010. – С. 151–157.
4. Элиаде, М. Мифы. Сновидения. Мистерии / М. Элиаде ; пер.с англ. К. Ваклер. – М., 1996. – С. 288–290.

УДК 37.013.2(510):37.091.3:811.161.1'243

Н. И. Лапицкая, Чжан Ливэнь

ИДЕИ КИТАЙСКОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ НАРОДНЫХ ПЕДАГОГИК В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В данной статье рассматривается, каким образом работа с текстом по развитию речи на занятиях по русскому языку как иностранному подтверждает наблюдения о том, что основные моральные ценности являются общими для всех народов, а главные принципы и постулаты

народных педагогов получают своё отражение в языковом материале, используемом на данных занятиях.

В основе современной педагогической системы каждой страны лежат идеи народной педагогики, которые напрямую связаны с традиционными занятиями народа, с его ценностными ориентациями, с системой взглядов, с историей.

Идеи народной педагогики китайцев связаны с тем, что каждый человек в первую очередь должен быть гражданином, высокоидейной личностью и должен полностью подчиняться системе своей страны. Каждый ребёнок с раннего детства должен заботиться о судьбе своего государства.

И восточнославянская, и китайская народные педагогики возлагали всю ответственность за воспитание детей на родителей. Согласно «Домострою», родители обязаны беречь «чад своих яко же зеницу ока» [1, с. 46].

В китайской традиции вырастить, но не воспитать ребёнка считалось виной отца. Родители обязаны были обучать детей, следить за их образованием. В то же время дети должны обязательно почитать своих родителей, слушать их и не перечить им. И та, и другая педагогики говорят о традициях, которые необходимо передавать детям.

Все названные выше идеи народной педагогики так или иначе отражаются в первую очередь в пословицах и поговорках, так как именно данный жанр устного народного творчества, как известно, более всего выражает систему взглядов той или иной страны. Устойчивые выражения постоянно используются в преподавании русского языка как иностранного у китайских студентов. Особенно это можно сказать о занятиях по развитию речи и о занятиях по обучению лексике.

Среди обязательных тем, которые изучаются иностранными студентами, есть тема «Семья». Для того чтобы понять, что семейные ценности являются общими для представителей разных народов, в качестве опорного можно использовать текст в жанре притчи:

Глазами ребёнка

Давным-давно, в одной восточной стране жила семья: мать, отец, маленький сын и дедушка. Дедушка был очень старенький и доставлял всем много хлопот, куда больше, чем ребёнок. То опрокинет на себя еду, то откроет калитку в огород и козы там всё потопчут. То чуть дом не подожжёт, стараясь развести огонь в очаге.

И вот однажды жена говорит мужу: «Нам стало слишком трудно жить вместе. Старик выжил из ума и совсем ничего не понимает. Посади его в корзину, отнеси подальше в лес и оставь там».

Муж уже хотел идти было за корзиной, как услышал слова сына: «Папа, когда оставишь дедушку в лесу, не забудь принести корзину обратно домой!» «Зачем?» – спросил отец. «А когда вы с мамой состаритесь, она понадобится мне, чтобы отнести вас в лес», – ответил сын [2].

Предтекстовая работа предполагает знакомство с некоторыми словами из текста. Лексический минимум может быть следующим: муж, жена, отец (папа), мать (мама), дедушка, бабушка, ребёнок.

Кроме лексического минимума, предполагается работа с пословицами и поговорками, которые посвящены отношениям старых и молодых. Так, в китайском языке есть следующие устойчивые выражения, отражающие такие отношения:

家有一老人, 如有一宝 – Если есть старый человек в доме, значит в доме есть драгоценность.

老人像小孩 – Старый человек как малый ребёнок. Говорится о старом человеке, который физически слаб и плохо помнит.

老人不传古, 后生失了谱 – Если старый человек не передаст свой опыт, молодой человек не будет опытен. Говорится о том, что мы не должны забывать того, что старые люди передают нам свой опыт.

老吾老以及人之老, 幼吾幼以及人之幼 – Следует уважать своих стариков, а также стариков других людей, относиться ласково к своим детям и детям других людей/

老年人栽树, 年轻人乘凉 – Старый человек сажает деревья, в тени которых отдыхает молодой человек – Говорится о том, что мы не должны забывать, что блага, которыми мы наслаждаемся, результат кропотливой работы предыдущих поколений.

百善孝为先 – Из всех моральных принципов самое важное – это почитание родителей [3].

Из русских пословиц и поговорок можно привести следующие:

Старик, да лучшие семерых молодых; Детинка с сединой везде пригодится; Старый, что малый, а малый, что глупый; Молодой работает, старый ум дает; Молодой на службу, старый на совет; Старицу пакости не твори; Старую собаку не волком звать; Не смейся над старым, и сам будешь стар; Молодость не грех, а и старость не смех [4, 5, 6]; Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит [5, с. 337].

После анализа паремий и поговорок следует работа с текстом, ответы на вопросы: 1) О чём эта притча? Над чем заставляет задуматься? Какова основная мысль текста?; 2) Какой должна быть семья?; 3) Как вы думаете, почему дети сдают своих родителей в дом престарелых?

Таким образом, представленное направление работы по развитию речи подтверждает наблюдения о том, что основные моральные ценности являются общими для всех народов, а главные принципы и постулаты народных педагогов получили своё отражение в рассмотренном языковом материале.

Список использованных источников

1. История школы и педагогики в России: Хрестоматия / сост. С. Ф. Егоров. – М. : Изд. центр «Академия», 1999. – 400 с.
2. Притча «Глазами ребёнка» [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://bavinanadya.blogspot.com/2011/07/blog-post_7297.html.
3. Китайские пословицы о молодости 青春 и старости 老年 [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://znajrusskij.blogspot.com/2012/07/blog-post_14.html.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Терра, – Т.4, 1995. – 688с.
5. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : в 2 т. / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 431 с.
6. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : в 2 т. / послесл. В. Аникина; худож. Г. Клодт. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 2. – 447 с.

УДК 39(=161.3)+39(=581)

А. Я. Лобанова

СОН И СНОВИДЕНИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются особенности восприятия сна и сновидений в традиционной белорусской и китайской культурах, выявляются их общие и специфические черты.

Сновидения – важная составляющая культуры, которая, подобно мифам, отражает модель мира, присущую тому или иному народу в определённый момент его развития. В данной статье остановимся на

том, как данный феномен рассматривали представители белорусской и китайской культур.

Несмотря на то, что китайский этнос возник значительно раньше белорусского, на начальных этапах своей истории и китайцы, и белорусы имели схожие представления о сне, что свидетельствует о том, что для архаичных людей была характерна единая модель мира. Так, на ранней стадии своего развития оба народа верили в то, что:

1. Сон – это путешествие души. Для древних белорусов и китайцев сон был естественным продолжением бодрствующей жизни. Они объясняли данное состояние тем, что душа отправляется в далёкие странствия. «Кажуць, што як чалавеку сніцца, што дзе далёка быў або што рабіў, то гэта такі праўда, што быў і рабіў, бо як чалавек засне, то з яго душа вылазе, то ходзіць усюды і ўсё робіць, а пасле як назад у цела вернецца, то і чалавек прачхнецца» (Цит. по: [1, с. 7]). Китайцы также считали, что «душа, могла покидать тело на длительный или короткий промежуток времени во время сна, обморока или смерти, а затем возвращаться по своей воле или принудительно обратно, тогда тело оживало. Если душа не возвращалась, то наступала смерть» [2].

В связи этим было недопустимым будить спящего, так как считалось, его душа могла не успеть вернуться: «Калі чалавеку сніцца, што ён дзесьці лятае, кажуць, што душа яго, пакінуўшы цела, знаходзіцца ў іншым месцы. Калі хто абудзіць соннага ў такі час, душа да свайго цела не вернецца» [3, с. 311]; «Соннага нельга будзіць, бо іначай ён можа памерці» [3, с. 312].

2. Сон – это канал коммуникации с миром мёртвых, некими сверхъестественными силами. В древности полагали, что во сне к людям являются духи умерших предков, божества и прочие высшие силы, которые дают советы и указания. Стоит отметить, что белорусы верили в сверхъестественные силы, которые могли насыщать определённые сны на людей. Здесь можно, например, упомянуть домашнего духа Волосня, который тревожит ночью людей и пугает их во снах; злой женский дух Мара, которая садится на грудь спящего и душит его, вызывая дурные сны; Сон – божество сна в виде голубя, убаюкивает младенцев и охраняет от дурных снов и др. [4, сс. 487, 578, 579, 599, 604, 637]. Подобные представления отсутствуют у жителей Поднебесной. В полевых материалах белорусских исследователей можно встретить такие высказывания: «Найбольш годныя людзі могуць бачыць у снах і ўсё тое, што робіцца з нябожчыкам у замагільным жыцці» (цит. по: [5, с. 400]). Для белорусов была характерна устная традиция толкования сновидений. Китайцы, в свою очередь, для объ-

яснения увиденных во сне посланий прибегали к особым гадательным техникам. Их интересовало, не предвещают ли сновидения чего-то дурного в бодрствующей жизни. Так, например, на дошедших до нас гадательных надписях *цзягувэнь* можно встретить следующие записи: «То, что часто снятся умершие, не принесет ли несчастья?»; «Ван прочел ответ: «О! Будет вред, будут сны!» [6, с. 68, 108–109]. В связи с тем, что духи могли рассказывать во снах грядущие события, сформировалось представление о прогностической функции сновидений, о том, что они предсказывают будущее. Во время этнографических экспедиций белорусские исследователи зафиксировали следующие слова своих земляков: «Ой сны, мне сны ўсе збываюцца, я па снах толькі жыву» (Цит. по: [5, с. 399]). В китайских источниках также можно встретить немало историй, в которых во снах предсказывается будущее. Например, в древнекитайском письменном памятнике «Шуцзин» (《尚書》) упоминается, что один из основателей династии Чжоу – Уван (武王) накануне битвы с шанцами увидел сон, предвещавший благоприятный исход битвы [7]. Как свидетельствуют источники по истории Китая, в ходе битвы при Муе (1045 год до н. э.) чжоуские войска разгромили шанские, тем самым положив начало новой династии.

Вера в символизм снов, представление о том, что в них зашифрована информация о будущем сновидца, нашла своё отражение в сборниках толкований сновидений. Старейшим сохранившимся сонником Поднебесной является «Сонник Чжоугуна» (《周公解梦》), составленный предположительно в III в. до н. э. Что касается Беларуси, такие труды увидели свет значительно позже, лишь в конце XIX века, до этого объяснения увиденного во снах существовали в устной традиции.

3. С помощью определённых ритуальных действий можно вызвать хороший сон, а дурной сон превратить в благоприятный. Белорусы считали, что «калі сасніцца благі сон, то, каб ён не спраўдзіўся, трэба стукнуць у сценку і сказаць: “Куды ноч – туды й сон”» [1, с. 6]. «Любы благі, злавесны сон можна «перавараціць на добры». Для гэтага трэба адразу ж, прачнуўшыся, перавараціць на сабе бялізну, пасцель, падушку, накрыўку і, пралажаўшы некаторы час (колькі патрабуецца для паўтору сну ў думках), пакінуць усё ў такім перавернутым выглядзе да наступнага начнога сна» (Цит. по: [1, с. 6]). Древние китайцы также использовали в данных целях специальные заклинания, нередко вместе со специальными талисманами. Подобные талисманы широко представлены во многих древних памятниках таких, как «Канон Великого равновесия» (《太平經》), «Семь извлечений из Облачного

Книгохранилища» (《雲笈七籤》), «Мэн линь сюань цзе» (《夢林玄解》), «Записки из яшмовой шкатулки» (《玉匣記》) и др.

4. Сон – аналог смерти. По архаичным представлениям белорусов, отличие двух данных состояний заключалось лишь в наличии одежды – мёртвый спит в одежде, живой – без неё [5, с. 400]. Связь сна и смерти прослеживается и в следующем поверье: «І частае жаданне спаць, і працяглы моцны сон цяжарнай паказваюць, што дзіця будзе спаць доўга і моцна. Але гэтая рахманнасць не прадказвае яму доўгага веку» [3, с. 62]. Древним жителям Поднебесной данная идея также не чужда. Она отразилась в языке. Так, у китайцев есть выражение ‘长眠’ (‘спать долгим сном’) в значении ‘умереть’.

На этом общность представлений двух народов заканчивается. Изучение белорусами сна и сновидений остановилось на составлении рядом исследователей сонников, которые были буквально собраны по частям из данных полевых материалов и записей в различных источниках³. Для белорусов феномен сна и сновидений не стал основой для дальнейшего осмысления. Китайцы же, наоборот, подвергли его религиозно-философскому анализу и вывели на новый уронь. Так, у них появились следующие представления:

1. Жизнь – это сон, который создаётся человеком. Возникает тезис об иллюзорной природе бытия. Наличие дихотомии сон-бодрствование рассматривается как результат функционирования различающего сознания, избавление от которого становится важнейшей целью даосской практики самосовершенствования. Её адепты используют технику контролируемых (управляемых) сновидений для осознания иллюзорной природы бытия, в ходе чего практикующий чётко осознаёт нереальность происходящего во сне, становится способным регулировать содержание сновидений. Поскольку сновидения и реальность бодрствования – это феномены одного порядка, то возможно управлять не только содержанием снов, но и

³ В труде 1889 года издания «Опыт белорусского народного снотолкователя (посвящается памяти М. П. Колосова)» Е. Романова отмечается: «в феврале 1879 г. покойный М. П. Колосов писал нам, между прочим, следующее: У нас до сих пор нет народного снотолкователя; а желательно бы иметь его... Не записывали ли вы народных толкований снов?» [10, с. 5]. В вышеупомянутой работе предлагается систематизация 540 снотолкований. В 1898 году свет увидели «Материалы для народного снотолкователя (Витебской губернии)» Е. Ляцкого, дополнение к собранию снотолкований Е. Романова [11]. Значительно позже, в 1995 году, В. А. Василевич издал книгу «Беларускі народны соннік», в которой собраны интерпретации снов из работ различных авторов (в том числе вышеупомянутых) и дополнены материалами этнографических экспедиций [1].

«бодрствующей» жизни. В трактате «Гуань Иньцзы» (《關尹子》) есть следующие строки: «Пойми, что это тело подобно телу, созерцаемому в сновидении. Так видящий, следуя своим чувствам, может взлететь ввысь на духе, создать себе „я“ и странствовать в Великой Чистоте. Пойми, что все сущее подобно сущему, созерцаемому в сновидении. Так видящий, следуя своим чувствам, может сгустить свою сперматическую эссенцию, создать сущее и, как колесницей, управлять всем миром восьми пространств. Таков Дао-Путь» [8, с. 234].

2. Жизнь – сон, смерть – пробуждение. В памятнике древнекитайской философии «Чжуанцзы» (《莊子》) (ок. 369 – ок. 286 до н. э.) сказано: «Когда нам что-нибудь снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и, лишь проснувшись, знаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что то <...> был глубокий сон» [9].

Основываясь на вышеупомянутых представлениях, даосские адепты, например, рассматривают сон как способ испытать некую конечную свободу, выйти за границы жизни и смерти и соединиться с Дао.

Таким образом, белорусы сосредоточились на толковании снов, использовании их как средства предсказания будущего, в то время как китайцы пришли к выводу о необходимости искоренения сновидений, использовании состояния сна в качестве основы практики самосовершенствования.

Список использованных источников

1. Беларускі народны соннік / уклад. У. Васілевіч. – Мінск : Бацькаўшчына, 1995. – 127 с.
2. Вернер, Э. Мифы и легенды Китая [Электронный ресурс] / Э. Вернер // Тайны истории. – Режим доступа : <https://secrethistory.su/156-mify-i-legendy-kitaya.html>. – Дата доступа : 28.08.2019.
3. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. А. Васілевіч. – Мінск : Беларусь, 2010. – Кн. 2 : Жыцця адвечны лад. – 613 с.
4. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. А. Васілевіч. – Мінск : Беларусь, 2010. – Кн. 1 : Зямля стаіць пасярод свету... – 573 с.
5. Высоцкая, А. Міфапаэтычная карціна свету беларусаў на сучасным этапе (па матэрыялах народнага вытлумачэння сноў) / А. Высоцкая // Трэці Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. – Каўнас, 2014. – С. 398–401.
6. Крюков, М. В. Язык иньских надписей / М. В. Крюков. – М. : Наука, 1973. – 135 с. 尚 书 [网 络 资 源] // 古 诗 文 网 . – 存 取 方 式 : <https://www.gushiwen.org/guwen/shangshu.aspx>. –存取时间 : 2019.09.01.

7. Шаншу [Электронный ресурс] // Собрание древней поэзии. – Режим доступа : <https://www.gushiwen.org/guwen/shangshu.aspx>. – Дата доступа : 01.09.2019.

8. Торчинов, Е. А. Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова / Е. А. Торчинов. – Спб. : Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. – 480 с.

9. Чжуан-цзы / Чжуан-цзы // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : http://lib.ru/POECHIN/ch_tzh.txt. – Дата доступа : 26.08.2019.

10. Романов, Е. Опыт белорусского народного снотолкователя (посвящается памяти М. П. Колосова) / Е. Романов. – М. : Русская типография, 1889. – 19 с.

11. Ляцкий, Е. Материалы для народного снотолкователя (Витебская губерния) / Е. Ляцкий // Этногр. обозрение. – 1898. – Кн. 36. – № 1. – С. 139–149.

УДК 811.161.3'373.2:658.1:811.581'373.2:658.1

А. В. Лобанович

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЗВАНИЯХ БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ БРЕНДОВ

В данной статье исследуются названия белорусских и китайских брендов в сравнительно-сопоставительном аспекте. Рассматривается вопрос о том, каким образом графическое оформление и номинация брендов с разных сторон отражают особенности национальной культуры стран, менталитета их жителей, исторические события и мифологию.

С древних времён имена собственные выполняют особую, сакральную функцию вне зависимости от того, является ли это изобретением человека или названием какого-либо культурного объекта. В этом проявляется вера людей в особую, магическую силу слова.

В настоящее время слово не утратило своей необыкновенной силы – напротив, всё чаще мы пытаемся узнать скрытый смысл, этимологию и семантику того или иного слова, наименования. С этой точки зрения наиболее благодатную почву для исследований представляют различного рода онимы, в частности, наименования торговых объектов, брендов. В данной работе мы постараемся показать, насколько глубокий исторический и мифологический пласт может быть заключён в наименованиях брендов, в чём сходны, а в чём различны особенности номинации тех

или иных торговых марок у белорусского и китайского народов, как это связано с культурой и менталитетом наций.

Бренд (от англ. *brand* – клеймо, марка, сорт) – название, термин, символ, дизайн, обозначающие определенный вид товара или услуги отдельно взятого производителя (или группы производителей) и выделяющие его среди товаров и услуг других производителей; популярный товарный знак, который обрел известность благодаря удачным маркетинговым процедурам.

Различают *Brend image* и *Brend name*. *Brend image* – графическая часть товарного знака. *Brend name* – текстовая часть товарного знака. Бренд – маркетинговый объект, развивающийся во времени, наделенный определенными свойствами в сознании потребителей; гарантия качества [1].

Рассмотрим наименование одного из самых известных в мире китайских производителей детской одежды *dave & bella*. Имя бренда зафиксировано латиницей и представляет собой сочетание мужского и женского имён – *Дэйв* (краткая форма имени *Давид*) и *Белла*. Имя *Дэйв* (*Давид*) имеет древнееврейское происхождение и в переводе с иврита означает ‘любимый’, ‘любимец’. В свою очередь, имя *Белла* (сокращённый вариант от *Изабелла*, *Анабелла*) латинского происхождения со значением ‘красавица’, ‘прекрасная’ [1]. Выбор этих имён неслучаен. Одежда от бренда *dave & bella* любима покупателями за своё качество и оригинальный дизайн, и в то же время позволяет ребёнку, надевшему её, почувствовать себя всеобщим любимцем, ловящим на себе восхищённые взгляды сверстников. Отсюда имя *Дэйв* в наименовании бренда. В свою очередь, девочки, носящие одежду этого производителя, чувствуют себя юными модницами и настоящими красавицами. Об этом красноречиво свидетельствует значение имени *Белла*, входящего в наименование бренда.

В данном случае можно говорить о явной прагматической функции наименования, цель которого – заинтересовать юного покупателя, создать позитивный образ красивого и всеми любимого ребёнка в одежде от *dave & bella*.

Вместе с тем восточная культура всегда таит в себе загадку, которая заметна только при более внимательном изучении того или иного явления. Поэтому обратимся к наименованию рассматриваемой торговой марки на китайском языке.

戴维贝拉 – китайский вариант названия рассматриваемого бренда, который, как отмечалось ранее, состоит из двух имён, в каждом из которых по два иероглифа – 戴维 dàiwéi (Дэвид, Давид) и 贝拉 bèilā

(Белла) [2]. Рассмотрим подробно каждый из них. Компонент 戴 dài переводится как «надевать, носить что-либо» [2]. Таким образом, в первом же иероглифе, составляющем *brend name*, используется прямое указание на характер производимой продукции. В свою очередь, компонент 维 wéi также является глаголом, имеет несколько значений: 1) *вязать, связывать; обвязывать, завязывать (узлом);* 2) *нитка; леска; волокно* [2]. В этом случае имеется косвенная отсылка к качеству продукции – *dave & bella* производит одежду для детей из натуральных материалов, в том числе из шерсти. Отсюда указание на высокое качество продукции и безопасность материала, из которого она изготовлена.

Иероглиф 贝 bèi включает в себе следующие значения: 1) *раковина; ракушка;* 2) *ист. раковина-монета; раковинные деньги (створки раковин, преимущественно 货贝 каури)* [2];

Впервые каури применили в качестве денег в Китае во втором тысячелетии до н. э. Добытые на побережье Южно-Китайского моря, раковины попадали вглубь континента, а оттуда – в Корею и Японию. К началу нашей эры каури в Китае начали вытесняться медными деньгами, однако кое-где они сохранились до XIII века [3].

Таким образом, смысл, заложенный в данном иероглифе, равно как и в последующем (拉 lā, lá, là), одним из значений которого является ‘сбирать урожай, добывать’ [2] является своеобразным залогом коммерческой успешности бренда.

Brend image представляет собой фигуру слона на белом фоне. В китайской мифологии слон является символом силы и ума, богатства. Благодаря совпадению в произношении, выражение *скакать на слоне* означает ‘счастье’, равно как изображения богов и святых верхом на слоне [4]. Кроме того, известно, что слон – доброе и дружелюбное животное, кататься на котором детям в Китае или Индии доставляет не меньшее удовольствие, чем европейским детям на пони. Отсюда создаётся позитивный образ бренда, вызывающий положительные эмоции у самых юных покупателей, а также их родителей.

Как видно из проведённого анализа, наименование одного из самых известных китайских производителей детской одежды *dave & bella* многопланово, включает в себе не только очевидный, понятный широкому кругу покупателей смысл, но и объёмный культурологический и исторический пласт, понятный носителям китайского языка и всем неравнодушным к данной сфере познания людям.

Аналогичным образом рассмотрим наименование одного из ведущих белорусских производителей одежды для детей и взрослых *Купалинка*. Название зафиксировано на русском языке, включает в себе наименование одного из самых важных языческих праздников в календаре восточных славян – Купальской ночи. Вот что пишет об этом белорусский писатель и краевед С. Осинковский:

«Святкаванне Купалля – адзін з апошніх язычніцкіх абрадаў, што захаваўся да нашага часу. Гэта дзень летняга сонцастаяння, калі сіла і магутнасць сонца дасягаюць найбольшага ўздзеяння. <...> У народзе свята гэта адзначалася ў ноч з шостага на сёмага ліпеня. <...> Усю ноч шугала ўвысь купальскае вогнішча, каб далёка відаць было яго, каб да сонца бліжэй. Цэлую ноч вадзілі хлопцы і дзяўчаты карагоды, скакалі праз агонь, каб ачысціцца. <...> Абавязкова на Купалле запальвалася і ўздымалася на высокай жардзіне кола, падобнае да сонца. Як толькі агонь пачынаў згасаць, гэта запаленае кола пускалі з гары. І кацілася яно да рачнога ці азёрнага берага, распырскваючы вакол іскры і асвятляючы яркім купальскім агнём усё наваколле. <...> Кульмінацыяй Купалля былі пошукі папараць-кветкі, сімвала шчасця. Як сведчыць паданне, гэта кветка з’яўлялася ў дрымучым лесе толькі раз у год, якраз у гэту цудоўную ноч. Цвіла яна ўсяго некалькі імгненняў, а сцерагла яе ад людзей нячыстая сіла. Таго, хто наважваўся наблізіцца да кветкі, яна магла пазбавіць розуму ці напужаць да смерці. Таму, хто выпраўляўся на пошукі цудоўнай кветкі, магло і пашанцаваць, калі ён сустрэкаў у лесе купальскага дзядка. Той збіраў гэтыя вогненныя кветкі ў маленькі кошык. Сустрэўшы дзядка, трэба было моўчкі паслаць перад ім белае палатно, і ён таксама моўчкі клаў туды адну чароўную кветку. А каб чэрці не адабралі яе, трэба было разрэзаць далонь правай рукі і ўставіць у парэз папараць-кветку. Людзі шчыра верылі, што той, хто знаходзіў папараць-кветку, набываў здольнасць бачыць скрозь зямлю схаваныя скарбы. Купальская ноч быццам вяртала ўсіх на сотні гадоў назад, у глыб сівых стагоддзяў, калі продкі нашы былі язычнікамі і маліліся не Хрысту, а Перуну, Дажбогу і Вялесу» [5]. Вспомним и белорусскую народную песню «Купалінка», название которой созвучно наименованию производителя одежды.

Таким образом, языковая сторона названия бренда *Купалинка* включает в себе обширный культурный и мифологический пласт, благодаря которому бренд сразу же интерпретируется в сознании покупателей как белорусский, ассоциируется с Купальской обрядностью.

Почему же именно этот праздник был положен в основу наименования? На наш взгляд, это связано его с позитивной символикой и общеизвестностью. Кроме того, здесь заложен определённый прагматический аспект: покупая качественную и красивую одежду этого производителя, вы становитесь счастливыми, словно нашли цветок папоротника. Об этом свидетельствует и графическая сторона оформления бренда – зелёная ветвь папоротника на белом фоне, надпись «Купалинка» зелёными буквами. Не забываем и о том, что сам по себе зелёный цвет несёт в себе символику спокойствия и финансового благополучия, что немаловажно для производителя. Кроме того, слово *зеленый* в последнее время нередко используется в значении ‘экологически чистый’ (сравн.: *зеленые технологии*, *зеленый транспорт* и т.п.)

Таким образом, можно выявить следующие общие черты в наименованиях белорусских и китайских брендов. Так, в обоих случаях названия отражают национальную специфику, имеют исторический (как в случае с ракушками каури) или мифологический подтекст (ночь на Ивана Купалу в названии «Купалинка»). Такая наполненность наименования позволяет любому покупателю без особого труда определить, продукция какой страны перед ним. Кроме того, это даёт возможность иностранцам ближе познакомиться с культурой страны-производителя, его историей.

Особое место в наименованиях белорусских и китайских брендов занимает прагматический аспект. В названии китайского бренда *dave & bella* он выражен более ярко и очевидно, через значение составляющих его имён.

Примечательно, что как белорусские, так и китайские производители отразили в названиях своих брендов пожелание процветания, благополучия своим предприятиям, правда, разными способами и с разной силой. В белорусском бренде это цветок папоротника на логотипе, глубокий мифологический подтекст наименования, в китайском – изображение слона и иероглиф 貝 в названии, в чем виден более броский прагматический аспект.

Таким образом, изучение названий национальных брендов помогает увидеть сходные и различные черты в культуре, мировоззрении, менталитете белорусского и китайского народов, способствует повышению интереса к овладению их языками.

Список использованных источников

1. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/>. – Дата доступа : 20.09.2019.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/>. – Дата доступа : 20.09.2019.
3. Музей денег [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.museum-of-money.org/rus/neobychnye-dengi/242-neobychnye-dengi/1730-rakovinnye-dengi>. – Дата доступа : 20.09.2019.
4. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.symbolarium.ru/index.php/>. – Дата доступа : 20.09.2019.
5. Беларускія тэксты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://teksty.seveleu.com/post/%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B5/>. – Дата доступа : 20.09.2019.

УДК 811.161.3'373:811.581'373

А. А. Лукашанец, Ван Вэньцзюань

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ БЕЛОРУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

У артыкуле ў супастаўляльным плане аналізуюцца асноўныя тыпы лексічнай вырыятыўнасці ў сучасных разнаструктурных беларускай і кітайскай мовах, разглядаюцца шляхі фарміравання і развіцця лексічнага паралелізму, паказваюцца падобныя і спецыфічныя праявы лексічнай варыятыўнасці ў беларускай і кітайскай мовах, звязаныя з асаблівасцямі сістэмнай арганізацыі моў, моўных сітуацый і шляхоў гістарычнага развіцця.

Богатство лексического состава любого национального языка, наличие развитой системы национальной научной терминологии по широкому спектру современного знания не только свидетельствует о его номинативных и выразительных возможностях, но и обеспечивает функционирование во всех коммуникативных сферах жизни данного социума. Кроме того, лексическое разнообразие является отражением истории развития национального языка, особенностей его контактов с другими языками, сокровищницей истории и духовной культуры каждого народа и нации, а также социокультурных условий его функционирования. Одним из важнейших показателей лексического богатства любого национального языка, его номинативно-

выразительных возможностей является лексическая вариативность – способность языка называть одни и те же явления действительности с помощью различных языковых (номинативных) средств в зависимости от коммуникативной задачи.

Степень лексической вариативности и пути ее развития для каждого национального языка, безусловно, являются разными, однако универсальность человеческого языка (языков) как средства общения между людьми обуславливает наличие общих универсальных закономерностей и путей формирования номинативной достаточности и лексической вариативности даже для весьма отдаленных друг от друга разноструктурных языков.

Статья посвящена сравнительному описанию особенностей лексической вариативности в таких разноструктурных языках, как белорусский и китайский.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего интенсивно расширяющимся научным, экономическим, деловым, культурным и гуманитарным сотрудничеством между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, а также расширением непосредственных контактов между белорусским и китайским народами. Все это требует формирования межкультурной и межъязыковой компетенции современных белорусского и китайского социумов, поскольку именно понимание особенностей национального языка, его лексических и номинативных возможностей способствуют познанию и пониманию национальной истории и культуры, национального мировосприятия и менталитета его носителей.

Можно, например, утверждать, что лексическая вариативность современного белорусского литературного языка обусловлена: а) особенностями истории развития и функционирования белорусского языка; б) богатством его современного словарного состава; в) спецификой взаимодействия подсистем национального белорусского языка; г) особенностями исторической и современной языковой ситуации (экзоэндогlossия) [2, с. 102]; д) актуализацией в условиях государственного близкородственного двуязычия белорусского языкового национализма (пуризма); е) спецификой этнокультурной среды и т. д. [1].

Лексическая вариативность современного китайского литературного языка также во многом обусловлена сходными причинами, среди которых, по-видимому, наиболее существенными следует считать: а) историю развития и функционирования китайского языка; б) богатство его современного словарного состава;

с) особенности взаимодействия подсистем национального китайского языка; d) особенности исторической и современной языковой ситуации (эндогlossия) [2, с. 102]; d) особенности структурной организации китайского языка; е) специфику графической системы письменного китайского языка и т.д.

В зависимости от особенностей фонетического строя языков, грамматической системы и особенностей письменной традиции могут выделяться различные типы лексической вариативности.

1. Фонетико-фонологическая вариативность

Белорусский язык⁴ (параллельные лексические единицы, различающиеся произношением и написанием):

<i>амінь</i> ‘аминь’	– <i>амэн</i> ‘аминь’
<i>долар</i> ‘доллар’	– <i>даляр</i> ‘доллар’
<i>камп’ютар</i> ‘компьютер’	– <i>кампутар</i> ‘компьютер’
<i>класічны</i> ‘классический’	– <i>клясычны</i> ‘классический’

По-видимому, можно говорить о наличии подобного вида вариативности и в китайском языке, но только в устной речи, поскольку она, как правило, не фиксируется в письменной речи, что обусловлено особенностями китайской иероглифической системой письма.

2. Словообразовательная вариативность

Белорусский язык (параллельные словообразовательные лексические синонимы):

<i>біблейскі</i> ‘библейский’	– <i>біблійны</i> ‘библейский’
<i>выступальнік</i>	– <i>выступовец</i>
‘выступающий’	‘выступающий’
<i>дысконтны</i> ‘дисконтный’	– <i>дысконтавы</i>
	‘дисконтный’
<i>міліцыянер</i> ‘милиционер’	– <i>міліцыянт</i> ‘милиционер’

В современном китайском языке такой вид лексической вариативности, по-видимому, выходит в сферу деривационной вариативности, поскольку в нем по-иному по сравнению с белорусским языком соотносятся понятия «номинативная единица», «слово» (однословная номинативная единица) и «словосочетание» (неоднословная номинативная единица).

3. Собственно лексическая вариативность

3.1. Лексическая дублетность

Белорусский язык:

<i>вадзіцель</i> ‘водитель’	– <i>кіроўца</i> ‘водитель’
-----------------------------	-----------------------------

⁴ Белорусские примеры приводятся по Толковому словарю белорусского языка (1977–1984) [3].

<i>веласіпед</i> ‘велосипед’	– <i>ровар</i> ‘велосипед’
<i>мобільнік</i> ‘мобильный	– <i>далькажык</i> ‘мобильный
телефон’	телефон’
<i>працэнт</i> ‘процент’	– <i>адсотак</i> ‘процент’

Китайский язык⁵:

忌妒 [jìdù] ‘завидовать’	– 妒忌 [dùjì] ‘завидовать’
互相 [hùxiāng] ‘взаимно’	– 相互 [xiānghù] ‘взаимно’
手臂 [shǒubì] ‘рука’ – 胳膊 [gēbo] ‘рука’	– 胳膊 [gēbei] ‘рука’
情感 [qínggǎn] ‘чувство; эмоция’	– 感情 [gǎnqíng] ‘чувство; эмоция’
察觉 [chájué] ‘обнаружить, заметить, ощутить’	– 觉察 [juéchá] ‘обнаружить, заметить, ощутить’
暖水瓶 [nuǎnpíng] ‘термос’	– 热水瓶 [rèshuǐpíng] ‘термос’
日光灯 [rìguāngdēng] ‘люминесцентный (или флуоресцентный) светильник’	– 荧光灯 [yíngguāngdēng] ‘люминесцентный (или флуоресцентный) светильник’

4.2. Лексико-стилистическая вариативность (слова, имеющие одинаковые лексические и грамматические значения и обозначающие одни и те же понятия, но стилистически отличающиеся друг от друга).

Белорусский язык:

<i>бутэлка</i> (нейтр.)	– <i>пляшка</i> (разг.) ‘бутылка’
‘бутылка’	
<i>жанчына</i> (нейтр.)	– <i>баба</i> (разг.) ‘женщина’
‘женщина’	
<i>тратуар</i> (нейтр.) ‘тратуар’	– <i>ходнік</i> (разг.) ‘тратуар’
<i>веласіпед</i> (нейтр.)	– <i>ровар</i> (обл.) ‘велосипед’
‘велосипед’	

Китайский язык:

黄河 [huánghé] ‘Хуанхэ (река в Китае)’	– 母亲河 [mǔqínhé] ‘река-матушка’ (разг.)
丈夫 [zhàngfu] ‘муж’	– 老公 [lǎogōng] ‘муж’ (разг.)

⁵ Китайские примеры приводятся по Нормативному словарю современного китайского языка [4].

玉米面 [yùmǐmiàn] ‘кукурузная мука’ – 棒子面 [bàngzimian] ‘кукурузная мука’ (разг.)

Пути развития лексической вариативности

Для лексических систем белорусского и китайского языков характерно разнообразие путей и способов развития лексической вариативности. Наиболее существенными и важными являются, бесспорно, следующие.

1. Реализация собственных номинативных (словообразовательных) возможностей языка (параллельное образование дублетных лексических единиц – словообразовательных синонимов или неоднословных наименований)

Белорусский язык:

запечнік ‘рюкзак’	– пляцак ‘рюкзак’
вучылішча ‘училище’	– вучэльня ‘училище’
варатар ‘вратарь’	– брамнік ‘вратарь’
вадзіцель ‘водитель’	– кіроўца ‘водитель’

Китайский язык:

知识分子 (в китайском языке, это неоднословная номинация) [zhīshi fènzǐ] ‘интеллигент’ – 臭老九 [chòulǎojiǔ] (устар.) ‘интеллигент’

2. Параллельное функционирование разновременных языковых средств (актуализация в речи исторического лексического наследия)

Белорусский язык:

архітэктар ‘архитектор’	– дойлід ‘архитектор’
чарніла ‘чернила’	– атрамант ‘чернила’
шклозавод ‘стеклозавод’	– гута ‘стеклозавод’
трыбуна ‘трибуна’	– казальніца ‘трибуна’

Интересным примером смены временной маркировки дублетных лексических единиц являются слова *мытня* и *таможня*.

таможня ‘таможня’[4]	– мытня (ист.)
	‘таможня’[4]
таможня ‘таможня’[5]	– мытня ‘таможня’[5]

Китайский язык:

知识分子 (в китайском языке, это неоднословная номинация) [zhīshi fènzǐ] ‘интеллигент’ – 臭老九 [chòulǎojiǔ] ‘интеллигент’ (устар.)

服务员 [fúwùyuán] ‘официант’ – 店小二 [diànxiǎoèr] ‘официант’ (устар.)

3. Параллельное сосуществование собственных языковых средств и заимствований

Белорусский язык (исконно белорусское слово – заимствованное слово):

друкарня ‘типография’	–	тыпаграфія ‘типография’
запlechнік ‘рюкзак’	–	рукзак ‘рюкзак’
правазнаўства ‘юриспруденция’	–	юриспрудэнцыя ‘юриспруденция’
слімак ‘знак @’	–	сабака (русск.), малпа (польск.) ‘знак @’

Китайский язык (китайское слово – заимствованное слово):

出租车 [chūzūchē] ‘такси’	–	的士 [dīshì] ‘такси’ (taxi)
维生素 [wéishēngsù] ‘вита-мин’	–	维他命 [wéitāming] ‘vitamin’
复制 [fùzhì] ‘копировать’	–	拷贝 [kǎobèi] ‘копировать; копия’ (copy)

4. Параллельное заимствование из разных языков

Белорусский язык (заимствованное слово – заимствованное слово):

веласіпед ‘велосипед’	–	ровар ‘велосипед’
гума ‘резина’	–	рызіна ‘резина’
гуталін ‘гуталин’	–	вакса ‘гуталин’
фэстываль ‘фестиваль’	–	фэст ‘фестиваль’

Для китайского языка данный тип лексической вариативности, по-видимому, менее значим, поскольку особенности китайского письма в значительной степени затрудняют заимствование лексических единиц из западноевропейских языков.

5. Взаимодействие разноречных систем

Белорусский язык (включение в состав литературного языка дублетных лексических единиц из разных диалектов):

аруд ‘закром’	–	засек ‘закром’
бусел ‘аист’	–	бацян ‘аист’
калодзеж ‘колодец’	–	студня ‘колодец’
сасна ‘сосна’	–	хвоя ‘сосна’

Китайский язык:

а) китайское литературное слово – китайское диалектное слово:

卷心菜 [juǎnxīncài] ‘кочанная капуста’	– 包心菜 [bāoxīncài] ‘кочанная капуста’ (диал.)
眉毛 [méimáo] ‘брови’	– 眼眉 [yǎnméi] ‘брови’ (диал.)
马铃薯 [mǎlíngshǔ] ‘картофель’	– 洋芋 [yángyù] ‘картофель’ (диал.)
聊天儿 [liáotiānr] ‘болтать’	– 拉呱 [lāgua] ‘болтать’ (диал.)

в) китайское диалектное слово – китайское диалектное слово:

山药蛋 [shānyao dàn] ‘картофель’ (диал.)	– 洋芋 [yángyù] ‘картофель’ (диал.)
拉呱 [lāgua] ‘болтать’ (диал.)	– 唠嗑 [lào kē] ‘болтать’ (диал.)

6. Взаимодействие вариантов литературно-письменного языка

Белорусский язык (современный литературный язык – «тарашкевица»). Этот тип лексической вариативности в современном белорусском языке обусловлен актуализацией в коммуникативном пространстве Беларуси второго (параллельного) варианта литературно-письменного языка, ориентированного в определенной степени на нормы 20-х годов XX столетия и на языковую практику белорусскоязычного зарубежья, так называемой “тарашкевицы”. Сравн.:

саюз ‘союз’	– звяз ‘союз’
Еўропа ‘Европа’	– Эўропа ‘Европа’
Еўрасаюз ‘Евросоюз’	– Эўразвяз ‘Евросоюз’
сімвал ‘символ’	– сымбаль ‘символ’

В китайском языке такого рода лексическую вариативность можно легко обнаружить при сравнении китайского литературного языка КНР (путунхуа) и китайского языка Тайваня.

7. Тенденция к манифестации национального своеобразия языка (языковой национализм)

В условиях близкородственного белорусско-русского двуязычия эта тенденция находит свое выражение в отталкивании лексики белорусского языка от лексики русского языка:

Белорусский язык (белорусский языковой пуризм):

варатар ‘вратарь’ (спорт.)	брамнік ‘вратарь’ (спорт.)
ігрок ‘игрок’ (спорт.)	гулец ‘игрок’ (спорт.)
балельшчык ‘болельщик’ (спорт.)	заўзятар ‘болельщик’ (спорт.)
хварэць ‘болеть’ (спорт.)	заўзець ‘болеть’ (спорт.)

спартсмен ‘спортсмен’
інтэрнэт ‘интернет’

спартовец ‘спортсмен’
сеціва ‘интернет’

8. Этнокультурный языковой параллелизм

Явление, по-видимому, достаточно специфическое для белорусской языковой действительности, обусловленное особенностями культурной традиции, в том числе параллельным сосуществованием на протяжении столетий двух ветвей христианства – православия и католицизма, что нашло отражение в параллелизме религиозной лексики.

Белорусский язык:

православная лексика	католическая лексика
<i>царква</i>	<i>касцёл</i>
<i>прыход</i>	<i>парафія</i>
<i>епіскап</i>	<i>біскуп</i>
<i>епіскапскі</i>	<i>біскупскі</i>
<i>архіепіскапскі</i>	<i>біскупскі</i>
<i>амінь</i>	<i>амэн</i>

Таким образом, рассмотренный языковой материал белорусского и китайского языков позволят сделать следующие выводы.

1. Лексическое варьирование в обоих языках – явление живое и активно развивающееся.

2. Лексическое варьирование в сравниваемых белорусском и китайском языках не только отражает особенности исторического развития национальных и современного существования языков, но и современные тенденции мирового языкового развития.

3. Лексическое варьирование не только увеличивает номинативные возможности национальных языков и способствует обеспечению коммуникативных потребностей современного общества, но и позволяет им сохранить национальную специфику и своеобразие, особенно в условиях конкуренции с другими языками в условиях дву- и многоязычия, а также диглоссии.

Сказанное в совокупности является важным фактором сохранения языкового многообразия в современном мире в условиях глобализации и международной интеграции.

Список использованных источников

1. Лукашанец, А. А. Лексічная варыятыўнасць у сучаснай беларускай мове: тыпы і фактары развіцця / А. А. Лукашанец // Вариативность в языке и речи: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апреля 2019 г. / редкол. : Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2019. – С. 155–157.

2. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высш. школа, 1978. – 216 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977–1984.
4. 现代汉语规范词典. – 语文出版社, 2014. – 1936 页. (Нормативный словарь современного китайского языка. – Пекин, 2014. – 1936 с.)
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

УДК 811.161.1'42:398.91:17.036.11:811.581'42:398.91:1-7.036.11

О. Н. Мельникова, Хуан Вэйвэй

ПАРЕМИИ О СЧАСТЬЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются русские и китайские поговорки, отражающие представления о счастье. В ходе сопоставления выявляются компоненты, формирующие структуру эмоционального концепта «счастье», представленную в наивной картине мира носителей рассматриваемых языков.

Сопоставительное изучение паремиологического фонда двух неродственных языков – русского и китайского – позволяет выявить как универсальные, так и специфичные признаки, характеризующие эмоциональный концепт «счастье».

Анализ русских и китайских поговорок показал, что в рассуждениях на тему счастья есть немало сходных черт. Так, в обоих языках достаточно многочисленную группу составляют пословицы, характеризующие условия, без которых счастье невозможно. При этом следует отметить, что выявленные условия характеризуются, как правило, амбивалентными свойствами. С одной стороны, в русском обиходном сознании укоренены воззрения на счастье как на синоним богатства, достатка: *Счастливому (богатому) не что дается: живет да греется. Кто запаслив, тот и счастлив*. С другой стороны, зафиксирована точка зрения, согласно которой деньги не являются необходимым атрибутом счастья: *Не в деньгах счастье. Счастье не в кошельке, счастье в руках. Счастье за деньги не купишь*. Кроме того, неизвестно, чем может обернуться обладание лишним предметом имущества, поэтому: *Наиёл – не радуйся, потерял –*

не плачь. Следует уметь радоваться жизни при любых обстоятельствах: *Хоть голый, да весёлый* [1].

В сознании китайского народа деньги также не являются условием счастья, сравн.: 积金非福荫，教子是良谋 (*Счастье сыновьям посылает не богатство, а воспитание*); 不惜钱，也惜福 (*Не береги деньги, береги счастье*). Более того, неожиданное богатство даже является источником беды: 飞来横财，非福是祸 (*Неожиданное богатство – это не счастье, а беда*). В традиционном сознании китайского народа счастье основывается не на деньгах, а на самых простых компонентах жизни – здоровье, покое, безопасности и т. д. Иными словами, жизнь без несчастья и болезней – это уже счастье: 平安就是福 (*Покой и безопасность – это счастье*); 吃了是福，穿了是禄 (*Еда – счастье, одежда – благополучие*); 有病是灾，无病是福 (*Больной – несчастливый, здоровый – счастливый*); 无灾便是福 (*Нет беды – это уже счастье*) [2].

В отдельную подгруппу можно выделить пословицы, характеризующие обусловленность счастья умственными способностями человека. С одной стороны, ум в ряде русских пословиц представляется одним из важнейших условий счастья: *Счастье без ума – дырявая сумка: где найдёшь, там и потеряешь. Мудреному и счастье к лицу. Счастье тому бывает, кто в труде да ученье ума набирает*. С другой стороны, счастье в русском самосознании очень часто противопоставляется уму его обладателя: *Глупому счастье, а умному бог дает. Глупому счастье, а умному напасть. Дуракам во всём счастье. Дурак спит, а счастье в головах лежит* [1].

Счастье в китайских пословицах и поговорках также предпочитает глупого: 傻人有傻福 (*У дурака и счастье глупое*); 庸人多厚福 (*У глупца щедрое счастье*); 聪明偏受聪明苦，痴呆越享痴呆福 (*Умный страдает от ума, глупый блаженствует от глупости*) [2].

В обоих языках выявлены паремии о том, что счастье является результатом труда, личных заслуг человека: *Счастье у каждого под мозолями лежит. Счастье и труд рядом живут. Счастье не в воздухе вьётся, а руками достаётся. Там счастье не диво, где трудятся нелениво. Счастье не в кошельке, счастье в руках*. При этом в ряде пословиц данной подгруппы подчёркивается необходимость активного участия самого человека в процессе достижения счастья, сравн.: *Всяк человек своего счастья кузнец. Счастье – в нас, а не вокруг да около. Кто за счастье борется, тому оно и клонится. Счастья ключи в своих руках ищи* [1].

Значительное количество китайских паремий также отражает представление о том, что счастье является результатом трудолюбия, доброты и других добродетелей человека: 一切福祸，自作自受 (*Безде*

или счастьем сам человек хозяин); 福自勤中得 (*Счастье достигается трудом*); 行善获福，得恶得殃 (*Добрые дела привлекают счастье, злые – несчастье*); 祸由恶作，福自德生 (*Несчастье из-за зла, а счастье – от добра*); 饶人是福，欺人是祸 (*Прощая других, привлекаешь счастье, обижая других – беды*) [2]. Итак, согласно отмеченным китайским пословицам, человек сам создаёт своё счастье, точнее, «накапливает» его путем каждодневных усилий, направленных на совершение добрых дел.

Однако, как уже было отмечено, слово *счастье* в китайском языке с древнейших времён обозначает покровительство свыше [3, с. 107]. В китайском паремиологическом фонде получает более яркое воплощение представление о том, что счастье зависит от воли небес, а не от воли человека, сравн.: 人生祸福总由天 (*Бед и счастье в жизни зависят от неба*); 生死有命，祸福在天 (*Жизнь и смерть приходят в назначенный час, беда и счастье зависит от небес*); 祸福生死皆由命，果然半点不由人 (*Жизнь, смерть, беда и счастье – все зависят от неба*); 天官赐福 (*Счастье дарует небеса*) [2].

Для русского обыденного самосознания характерно восприятие счастья как некоей непредсказуемой стихии, и, как следствие, – стихии ненадежной, неподконтрольной человеку: *Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке. Счастье что вешиное ведро: ненадёжно. На счастье нет закона. Счастье – вольная птичка: где захотела, там и села. Счастье, что солнышко: и улыбнётся, и скроется. Счастье, что трясье: на кого захочет, на того и нападет*. На фоне подобных представлений о счастье вполне естественным представляется сложившееся у русского народа и отразившееся во «фразеологическом языке» определенное «недоверие» счастью, осторожное отношение к его поискам, некое «предостережение» от него: *На счастье не надейся. Не верь счастью – на пёстром коне ездит. Счастью не верь, а беды не пугайся. Счастье искать – от него бежать* [1].

В китайском языке также имеются паремии, которые характеризуют счастье / несчастье как природные стихии, к примеру, дождь или ветер, акцентируя внимание на свойствах непредсказуемости, изменчивости, неизбежности: 天有不测风云，人有旦夕祸福 (*В небе бывают непредвиденные ветер и облака, а у человека – горести и счастье*); 人有不时祸福 (*Счастье и несчастье возможны в любое время*); 祸福无门至，风云不测来 (*Счастье и несчастье неустойчивы, как ветер и дождь в природе*) [2].

Характерным для русского обыденного сознания является противопоставление счастья и несчастья, счастливого и несчастного: *Счастье на крылах, несчастье на костылях. Беды кулем валятся, а счастье золот-*

никами. Счастливым – к обеду, несчастный – к ответу. Счастье на коне, несчастье под конем. Во многих случаях счастье и несчастье противопоставлены как сон и действительность, прошлое и настоящее: *Счастлив бывал, да несчастье в руки поймал. Во сне счастье, наяву ненастье. Во снах счастье, а в быль напастье.* Однако, вполне типичным в языке пословиц и поговорок русского народа можно считать рассмотрение счастья и несчастья как неразрывного целого: *Счастье с несчастьем близко живут. Счастье с несчастьем в одних санях ездят. Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось. Счастье с несчастьем – ведро с ненастьем.* На фоне подобных представлений вполне логичной представляется мысль о недостижимости счастья в реальной жизни: *Наше счастье – решето дырявое. Наше счастье – дождь на ненастье. Во снах счастье, а в быль напастье. Во сне счастье, наяву ненастье. Моё счастье разбежалось по сучкам, по веточкам* [1].

В русских пословицах отмечается, что достижение счастья часто сопряжено с негативными эмоциями; иными словами, счастье нужно выстрадать: *Выстраданное счастье крепче. Не узнав горя – не узнаешь и счастья. Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает. Бояться несчастья – и счастья не видать. Не было бы счастья – да несчастье помогло* [1].

В ряде китайских паремий также прослеживается отчетливое противопоставление счастливого и несчастного: 福至心灵, 祸至神昧 (*Со счастьем душа светлая, без счастья и ум темный*); 有福之人人伏侍, 无福之人伏侍人 (*Счастливому все служат, несчастливый служит всем*). В китайских пословицах и поговорках регулярно отражается диалектическое соотношение между счастьем и несчастьем. Так, в ряде паремий отражена точка зрения, что между счастьем и несчастьем нет чётко очерченной границы; счастье и несчастье рассматриваются как неразрывное целое, они превращаются друг в друга, рождаются одно из другого: 祸福倚伏 (*Несчастье и счастье рождаются одно из другого*); 祸与福相邻 (*Несчастье и счастье – соседи*); 福为祸倚, 祸为福伏 (*В несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье*) [2].

Такое сомнительное свойство счастья и несчастья составляет одну из двух основных причин «боязни счастья» в китайском сознании – счастье в любой момент может обернуться бедой. И даже несчастье, испытываемое человеком, является условием счастья, т. е. счастье нужно выстрадать: 吃不了苦, 享不了福 (*Без страдания счастьем не насладишься*). Кроме того, подчёркивается, что после счастья обязательно следует ожидать несчастья: 少年享福多, 老来受罪多 (*Если в молодости счастлив, то несчастлив в старости*); 福过灾生, 乐极生悲 (*За счастьем*

следует беда, за радостью вслед идут печали). Именно поэтому нельзя неумеренно наслаждаться счастьем: 福享有度, 积德无限 (*Наслаждайся счастьем умеренно, делай добро неограниченно*) [2].

Как следует из анализа рассмотренного материала, в русских и китайских паремиях отражены некоторые сходные представления о счастье, что свидетельствует об универсальном характере рассматриваемого концепта; однако, обращают на себя внимание и некоторые отличия. На наш взгляд, в русской паремиологии, с одной стороны, чаще подчёркивается недостижимость счастья в реальной жизни; с другой стороны, получает более яркое воплощение мысль, согласно которой счастье создается человеком своими руками. В китайских паремиях отмечается, что счастье и несчастье в большей степени зависят от высших сил, а человек только оказывает влияние на возможность достижения счастья: он может его привлечь к себе путем усилий, направленных на совершение добрых дел, самосовершенствование.

Обращает на себя внимание тот факт, что и в русских, и в китайских паремиях счастье и несчастье регулярно упоминаются одновременно, в одном контексте. При этом в китайских паремиях подчеркивается, что счастье и несчастье имеют равный статус, одинаковое свойство: либо обе этих сущности – счастье и несчастье – зависят от неба, либо обе они вызываются самим человеком. В русских паремиях также получила воплощение мысль, что для достижения счастья нужны усилия самого человека; однако при характеристике несчастья участие человека практически не отмечается: несчастье приходит независимо от его усилий и действий, как дождь или ураган. А. В. Сергеева отмечает: «Русские воспринимают чужое несчастье без всякого осуждения, презрения, тем более – без чувства превосходства. Потому что несчастье для них – это не результат личной ошибки, а удар судьбы, это беда, от которой никто не застрахован» [4, с. 171]. Вследствие подобных представлений о несчастье русские преисполнены сострадания, и также ощущения чувства внутренней неловкости и психологического дискомфорта, в котором появляется характерная для русского сознания черта – «боязнь» счастья. По замечанию М. А. Делягина, самым главным, едва ли не фатальным пороком носителей русской культуры является «боязнь счастья и инстинктивное бегство от него как от греха, неумение и, главное, искреннее нежелание любить себя и принимать себя такими, какими они являются» [5].

«Боязнь счастья», на наш взгляд, в какой-то степени свойственна и китайскому менталитету, отражённому в паремиях, однако данная особенность вызвана скорее закономерной взаимосвязью счастья и несчастья, их взаимообусловленностью, стёртостью границ между

ними. Иными словами, человек должен опасаться счастья, потому что за счастьем закономерно следует несчастье.

Таким образом, паремиологический фонд обоих языков содержит примеры, актуализирующие как универсальные, так и национально маркированные компоненты в структуре рассматриваемого концепта.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/06.php. – Дата доступа : 10.09.2019.
2. 中国俗语大辞典 : 温端政主编 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年3月 – 956 с.
3. Мельникова, О. Н. Особенности вербализации концепта «счастье» в русском и китайском языках / О. Н. Мельникова, Хуан Вэйвэй // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов: сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 105–108.
4. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М. : Наука: Флинта, 2007. – 320 с.
5. Делягин, М. Г. Наши главные враги: боязнь счастья и авральность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-narjd-v-globalnoy-konkurencii>. – Дата доступа : 04.09.2019

УДК 811.161.1'373.231

Н. В. Михалькова

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

В статье анализируется специфика языковой концептуализации семейных ценностей в китайской и русской картинах мира, выявляются и сопоставляются семантические компоненты значений слов семья / 家 jiā 'семья' в разных языках, определяется количественный состав подсистемы фразеологических единиц, описывающих семейные ценности в рассматриваемых лингвокультурах, устанавливаются особенности представлений о семье и семейных ценностях представителями разных национальностей сквозь призму фразеологических единиц.

Семья как социальный институт выступает одним из первостепенных образований общества. Уникальность данного феномена заключается в способности выступать в качестве социокультурного феномена, который находится на пересечении составляющих элементов при любом конструировании общества [1]. Семья – это важнейшая форма организации личного быта, это микромир человека, модель которого определяется и формируется обществом и культурой. Конструируемые индивидом семейные ценности находят свое отражение не только в невербальных способах коммуникации, значительная их часть «хранится» с помощью языковых средств [2]. При этом богатство семейного опыта, накопленного человечеством за многовековую историю, наиболее часто находит свое выражение в фразеологических единицах, которые и стали объектом данного исследования. Интерес исследователей к фразеологизмам как особому пласту лексической системы языка обусловлен, прежде всего, спецификой данных единиц. Они выступают средством репрезентации мировосприятия, национального характера народа, его истории, иными словами являются носителями и выразителями той или иной лингвокультуры.

Семейные ценности находят свое отражение в языке, в первую очередь, посредством формирования определенного набора семантических компонентов в значении лексической единицы «семья». Следует отметить то, что семантическое содержание значения понятия «семья» различно в разных языковых системах. Эти отличия могут касаться как объема семантического значения слова, так и порядка расположения семантических характеристик. Предпринятый в рамках данного исследования сопоставительный анализ дефиниций понятия «семья» в толковых словарях английского, китайского и русского языков выявил значительные различия в семантическом объеме рассматриваемого явления в сопоставляемых лингвокультурах. Так, для всех трех лингвокультур характерно понимание семьи как группы людей / родственников, живущих вместе, что соответственно является ядерной характеристикой рассматриваемого понятия. К ближайшей периферии были отнесены такие семантические компоненты, как: семья – это супруги и дети (английский и китайский языки) и семья – это группа людей, объединенных общей деятельностью (русский и китайский языки). Для английской культуры к дальней периферии относится понимание семьи как группы людей, имеющих общее происхождение (раса), а для китайской такие значения, как: жилище, дом, место, где живет

семья; место, где работает человек; проявление скромности при назывании старшего родственника в присутствии других людей; вскормленные домашние животные; фамилия; домашнее хозяйство; место кормления; имущество, богатство, состояние.

Исследования фразеологизмов позволило нам существенно дополнить языковую картину, отображающую семейные ценности в английской, китайской и русской лингвокультурах, полученную с помощью анализа значений лексической единицы *семья / family* 'семья' / 家 jiā 'семья'. Анализ материала показал неоднородность состава фразеологических единиц с компонентом *семья / family* 'семья' / 家 jiā 'семья' в английском, китайском и русском языках. Так, количественный состав подсистем исследуемых единиц различен в названных языках. В частности, в китайском языке представлено значительно меньше фразеологизмов (69 единиц), описывающих семью и ее ценности, нежели в русском (100 единиц) и английском (100 единиц) языках. Каждый из трех рассматриваемых языков включает в понятийное ядро лексемы «семья» отношения между мужем и женой. Муж и жена в русской лингвокультуре представляются как единое, неделимое целое. Сравн. рус.: *Муж и жена – одна сатана*. В отношениях между мужем и женой положительная оценка может приписываться чужим, а отрицательная – своим. *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая. Чужой мужик / муж мил, да не век с ним жить, а свой постыл – волочиться с ним*. Тяжелое положение невестки, которая после свадьбы вынуждена перейти жить с семьей мужа, нашло отражение в следующих русских фразеологизмах. *Все в семье спят, а невестке молоть велят. Пусть бы невестка и дура, только бы огонь пораньше дула! Рано невестка встала, да мало напярала*.

Для сравнения, например, в английской семье важное значение придается женщине-жене, что подтверждается пословицами, в которых высказывается мнение о том, что жена очень важна для мужчины: *A man without a wife is but half a man* 'без жены мужчина только наполовину мужчина'; *A good wife and health is a man's best wealth* 'хорошая жена и здоровье – главное богатство мужчины'. Анализ английских фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что основная сфера деятельности жены – это домашнее хозяйство: *House goes mad when women gad* 'в доме все вверх дном, когда там нет женщины'. О том, что жена должна слушаться мужа, следует из следующей пословицы: *It is a sad house where the hen crows louder than the cock* 'грустно в доме, в котором курица кричит громче

петуха'. В то же время, *He that has a wife has a master* 'у кого есть жена, у того есть господин'; *The wife is the key of the house* 'жена – ключ от дома'. В традиционной английской семье все же ведущая роль в семье принадлежит мужу: *If the husband be not at home, there is nobody* 'если мужа нет дома, никого нет дома'; *The wrongs of a husband or master are not reproached* 'мужа и господина за пороки не бранят'. Согласно английской народной мудрости, муж и жена взаимодополняют друг друга. Это находит отражение в следующих фразеологических единицах: *A good husband should be deaf and a good wife should be blind* 'хороший муж должен быть глухим, а хорошая жена слепой'. Часто носителями английского языка подчеркивается ум мужа: *I rather would a husband wed with a beetle brow than a beetle head* 'лучше муж некрасивый, чем муж глупый'.

Роль мужа и жены в китайской языковой картине мира отличается от описанной выше. Мужчина – безусловный авторитет и глава семьи: 家有千口, 主事一人 jiāyǒuqiānkǒu, zhǔshìyīrén 'в семье тысячи ртов, но управитель один'; 家无主, 屋倒竖 jiāwúzhǔ, wūdǎoshù 'в семье, где нет хозяина – всё вверх дном'. Тесная связь мужа и жены также находит отражения во фразеологических единицах. Жена для мужа – это хозяйка и хороший друг, муж для жены – надежная опора: 男子无妻是家无主, 妇人无夫是身无主 nánzǐwúqīshìjiāwúzhǔ, fùrénwú fūshìshēnwúzhǔ 'мужчина без женитьбы значит, что нет человека, который может вести домашние дела; женщина без замужества – не на кого опираться'. В китайской языковой картине мира обращается внимание на хорошие и дружественные отношения между мужем и женой, в понимании китайского народа супруги едины на всю жизнь. Это происходит потому, что в китайской традиции дружная семья – основа стабильности целой страны, а согласие в семье считается ценностью: 一夜夫妻百日恩 yīyè fūqī bǎi rì ēn 'при установлении супружеских отношений возникает глубокая привязанность'; 双宿双飞 shuāng sù shuāngfēi 'оба лежат и летают'. Типичным для китайских семей считается разделение труда между мужем и женой: 男当家女插花 nán dāngjiā nǚ chāhuā 'мужчина управляет семьёй, женщина делает цветы на срез, т. е. занимается домашними делами'; 男子走州又走县, 妇女围着锅台转 nánzǐzǒuzhōuyòuzǒuxiàn, fùnǚ wéizhēguōtáizhuǎn 'мужчина ходит по дорогам, женщина вращается вокруг плиты'; 男耕女织 nán gēng nǚ zhī 'муж пашет, а жена прядет'.

В английской, китайской и русской картинах мира семья не представляется без детей, они являются ее неотъемлемой ее частью. Основная цель создания семьи – продолжения рода. Мать выступает в русских фразеологизмах как символ положительного, как источник защиты и оберег. *При солнце тепло, а при матери добро. Сердце матери лучше солнца греет. Слепой щенок и тот к матери ползет. Мать праведна – ограда камня. Что материнской рукой дано, то впрок пойдет.*

Образ матери ассоциируется с представлениями о эмоциональном тепле, внимании и заботе: *Нет лучшего дружка, чем родная матушка. От солнышка тепло, от матушки добро.* Отец представляется носителям русского языка как глава семьи, кормилец, воспитатель и образец для подражания. *Каково дерево, таков и клин; каков батька, таков и сын. Дети крадут, отец прячет. Дети воруют, мать горюет.*

В китайской лингвокультуре мать и отец в семье имеют разные роли по отношению к своим детям. Мать всегда представляется заботливой и безумно любящей своих детей, она готова пойти на самые крайние меры для их благополучия: 舐犊情深 shídúqīngshēn ‘такая же ласковая, как корова, облизывающая своего теленка’; 孟母三迁 mèngmǔsānqiān ‘мать Мэн-цзы трижды переселяется подальше от кладбища и рынка, поближе к школе (заботиться об образовании своих детей)’.

Отец считается примером для подражания, поэтому особенно сыновья стремятся быть похожими на них: 龙生龙 lóngshēnglóng ‘у дракона рождается дракон(так говорят, когда «у хорошего отца и сын хороший)’.

Как в английской и русской лингвокультурах, в китайской языковой картине мира также упоминается, что дети могут быть похожими на своих родителей: 有其父必有其子 yǒuqífùbìyǒuqízǐ ‘яблочко от яблоньки недалеко падает; 害群之马 hài qún zhī mǎ ‘лошадь, которая весь табун портит; в семье не без урода’; 龙生龙, 凤生凤, 老鼠生儿来会大洞 lóngshēnglóng, fèngshēngfèng, lǎoshǔ shēngér lái huì dà dòng ‘каков отец, таков и сын; какова яблоня, такова и яблоко; рождённый ползать летать не может’.

К воспитанию сыновей и дочерей родители подходят по-разному. Сын воспринимается, как надежная опора в старости, как защитник всей семьи: 儿子是全家的依靠 ér zǐ shì quán jiā de yī kào ‘сын – опора для всей семьи’. Дочь, наоборот, покинет отчий дом и уйдет в семью

мужа: 女生外向 nǚshēng wàixiàng ‘девичье сердце обращено к семье будущего мужа (девушка все равно выйдет замуж)’; 男室女家 nán shì nǚ jiā ‘парень должен иметь жену, девица – мужа’; 女大难留 nǚdà nánliú ‘трудно оставить девушку в определенном возрасте’.

Сопоставительный анализ английских, русских и китайских фразеологических единиц свидетельствует о значительном совпадении культурных ассоциаций относительно характера отношений между родителями и детьми в семье: в английской и русскоязычной языковых картинах мира мать выступает символом добра, нежности и представляется только в положительном ракурсе. Для обеих лингвокультур свойственно мнение о том, что дети либо будут напоминать своих родителей, либо отличаются от них. Кроме того, совпадение было зафиксировано относительно положения дочери в семье: после замужества она уходит из семьи и становится частью семьи мужа. Единственным расхождением является специфическое представление о сыне как о будущем защитнике в русской и китайскоязычной картинах мира.

Список использованных источников

1. Социология семьи / Под ред. А. И. Антонова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 640 с.
2. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Железнова. – Ижевск, 2009. – 205 л.

УДК 316.72(=161):316.72(=581)

А. В. Морозов

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ СОХРАНЕНИЯ, ПРЕУМНОЖЕНИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ

В статье раскрыты основные принципы межкультурного диалога (признания самоценности культур и общего цивилизационного наследия; толерантности; эмпатии; многоуровневости) и их влияние на духовно-нравственное развитие восточнославянских и китайского народов. Показано,

что интенсификация диалогической парадигмы является основой оптимизации интеграционных процессов на современном евразийском пространстве и инструментом решения проблем национальной и международной безопасности при сохранении гуманистических духовно-нравственных ценностей и идеалов в качестве доминанты социального прогресса.

Проблема гуманизации социально-политической жизни стоит перед всеми типами обществ независимо от того, к какой общественно-экономической формации или цивилизационному пространству они относятся. Ни капитализм, ни социализм, ни так называемые «промежуточные общества», ни «цивилизованный» Запад или традиционалистское культурное пространство Востока в своих нынешних конкретных формах не могут в полной мере противостоять разнообразным кризисным явлениям, в том числе в духовной сфере. Каждому социуму современной цивилизации необходимо качественно видоизменяться, чтобы приоритетными стали гуманистические духовно-нравственные ценности и идеалы.

В начале XXI века межкультурный диалог выступает в качестве ключевого понятия международной и внутренней политики; в условиях кризиса доминировавшей на Западе на протяжении последних десятилетий теории и практики мультикультурализма межкультурный диалог рассматривается (цитирую координатора Совета Европы по вопросам межкультурного диалога, с июня 2012 года – заместителя генерального секретаря Совета Европы Габриелу Баттаини-Драгони) как «профилактический метод предотвращения конфликтов внутри общества, как политический ответ на угрозы, вызванные культурным многообразием, как противодействие социальному расслоению, стереотипам, расизму и дискриминации» [1, с. 1].

В рамках концепции межкультурного диалога интеграция (социальная интеграция, вовлечённость) понимается как двусторонний процесс и способность людей жить вместе, уважая достоинство каждого индивида, принципы общего блага, плюрализм и многообразие, на основе солидарности и отказа от насилия, а также как их способность принимать участие в социальной, культурной, экономической и политической жизни [2, с. 11].

Учитывая специфику историко-культурного развития восточно-славянских и китайского народов, основополагающие принципы межкультурного диалога на евразийском пространстве могут быть сформулированы следующим образом:

1. Принцип признания самоценности как любой культуры, так и общего цивилизационного наследия восточнославянского и китайского народов. Диалог наиболее эффективен в том случае, когда его участники осознают не только имеющиеся различия этнического, культурного, религиозного, языкового и иного характера, но и существование многовековых политических, экономических и культурных связей между государствами и народами [3]. Межкультурный диалог может и должен сыграть позитивную роль в процессе сохранения, преумножения и взаимобогащения духовно-нравственных ценностей наших народов.

2. Принцип толерантности означает принятие, правильное понимание и уважение других культур их основополагающих духовно-нравственных ценностей, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Толерантное отношение рассматривается как социальная ценность, обеспечивающая права человека, свободу и безопасность. Толерантность представляет собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и обеспечивает сохранение разнообразия, естественного права на отличность, непохожесть, специфику (в том числе на аксиологическом уровне).

На евразийском пространстве необходимо совершенствовать (и в тактическом, и в стратегическом плане) политику межкультурного диалога во всех типических проявлениях данного процесса (этнической толерантности как терпимости в отношениях между представителями разных этносов и уважительного отношения к их системам духовно-нравственных ценностей; политической – между субъектами политики; толерантности в пространстве взаимоотношений «резидент – мигрант»; толерантности в аспекте «регионы – центр» и др.).

3. Принцип эмпатии. В современной теории межкультурных коммуникаций межличностный аспект эмпатии понимается как разделение (сопереживание) чужих чувств и состояний в качестве инструмента познания человека иной культуры. Эффективная культурная политика должна формироваться на основе активизации в обществе важнейшей эмпатийной составляющей духовной культуры – системы духовно-нравственных ценностей – как стремления к взаимопониманию сосуществующих и даже иногда противоборствующих, конфликтующих индивидуумов, сообществ, конфессий, социокультурных групп и т.п.

Овладение культурой эмпатических отношений является одним из условий успешного осуществления процесса взаимопринятия и взаимобогащения духовно-нравственных ценностей разных народов в рамках эффективного межкультурного диалога. Ярко выраженная эмпатия как свидетельство готовности к межкультурному диалогу рассматривается

нами в качестве интегрированного качества личности и характеризуется наличием систематизированных знаний в сфере межкультурного взаимодействия (когнитивная составляющая), мотивацией к совместной деятельности в условиях диалога культур (мотивационная составляющая), проявлением этнической толерантности по отношению к представителям различных культур, носителям уникальных систем духовно-нравственных ценностей (этическая, поведенческая составляющие), владением практическими навыками данной деятельности (операционально-технологическая составляющая).

4. Принцип многоуровневости. Необходимо развитие диалога на всех уровнях – внутри обществ, между обществами, отдельными группами и гражданами восточнославянских стран и Китайской Народной Республики.

Внедрение в социокультурную практику принципа многоуровневости предполагает также учёт феномена интеграции «на разных скоростях» как наиболее приемлемого варианта дальнейшей модернизации наших государств на евразийском пространстве. Еще с середины 90-х гг. начали реализовываться интеграционные инициативы, которые обозначили многоуровневую структуру взаимодействия суверенных государств, отличающихся друг от друга разными уровнями реформирования политической жизни, экономики и социальной сферы. В настоящее время в данную многоуровневую структуру входят:

- структура Союзного государства Беларуси и России с общими наднациональными, в том числе политическими органами управления;
- интеграция в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), членами которого наряду с рядом других постсоветских стран являются Республика Беларусь и Российская Федерация;
- Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – межправительственная международная организация, о создании которой было объявлено 15 июня 2001 года в Шанхае (КНР) Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан (Республика Беларусь имеет статус государства-наблюдателя при ШОС).

На сохранение, преумножение и взаимообогащение духовно-нравственных ценностей в рамках межкультурного диалога восточнославянских и китайского народов должен быть направлен комплекс осуществляемых на евразийском пространстве научных, образовательных и культурных мероприятий. Многообразные научные конференции, симпозиумы и форумы, фестивали, концертно-зрелищные и спортивные ме-

роприятия объединяют в общем созидательном действии представителей различных народов, культур, цивилизационных общностей. Одной из эффективных форм сохранения этнокультурной идентичности, традиционных духовно-нравственных ценностей и одновременно осуществления процесса их преумножения являются фестивали: фольклорно-этнографические, кинофестивали, театральные и т.п.

Огромный культурно-исторический опыт по формированию этнокультурной идентичности, сохранению межнационального согласия и активизации межкультурного диалога был накоплен в Республике Беларусь со второй половины 90-х гг. XX века при организации и проведении в Гродно ставшего традиционным Республиканского фестиваля национальных культур.

Таким образом, проведённый анализ позволил сформулировать следующие выводы:

1. Межкультурный диалог – это динамичная форма культурного обмена, залог устойчивого цивилизационного развития, толерантных отношений в обществе, сохранения, преумножения и взаимообогащения духовно-нравственных ценностей восточнославянских и китайского народов;

2. Конкретные направления, формы и методы межкультурного сотрудничества на евразийском пространстве определяются основополагающими принципами межкультурного диалога: признания самоценности как любой культуры, так и общего цивилизационного наследия наших стран и народов; толерантности; эмпатии; многоуровневости;

3. Интенсификация диалогической парадигмы является основой оптимизации интеграционных процессов на современном евразийском пространстве и инструментом решения проблем национальной и международной безопасности при сохранении гуманистических духовно-нравственных ценностей и идеалов в качестве доминанты социального прогресса;

4. Политиками, деятелями науки, образования и культуры должна быть разработана система мероприятий, реализация которой будет призвана активизировать межкультурный диалог и взаимообогащение духовно-нравственных ценностей восточнославянских и китайского народов, а также позволит подкрепить позитивные интеграционные процессы на евразийском пространстве.

Список использованных источников

1. Баттаини-Драгони, Г. Содействие межкультурному диалогу: «Белая книга» Совета Европы / Г. Баттаини-Драгони // Совет Европы [Электронный ресурс]. – Страсбург, 2012–2019. – Режим доступа : [http:// www.coe.int](http://www.coe.int). – Дата доступа : 24.09.2019.
2. «Белая книга» по межкультурному диалогу: Утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118 сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 года // Информационный офис Совета Европы в России [Электронный ресурс]. – М., 2013–2019. – Режим доступа : <http://www.coe.ru>. – Дата доступа : 24.09.2019.
3. Морозов, А. В. Межкультурный диалог в процессе взаимодействия цивилизаций Востока и Запада / А. В. Морозов // Культура мира среди религий : Доклады Межд. научной конференции (Минск, 2015): сб. науч. статей / под. ред. М. А. Можейко / Культурное представительство Посольства Исламской Республики Иран в Республике Беларусь, Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2016. – С. 81–85.

УДК 81'42:[811.161.1+811.581]:004

Т. В. Олейников

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ YOUTUBE-КОММЕНТАРИЯ (на материале русского и китайского языков)

В статье рассматривается дефиниция комментария и раскрывается значение современного интернет-комментария. Предлагаемый иллюстративный материал на русском и китайском языках позволяет установить языковые особенности YouTube-комментария на каждом из анализируемых языков.

Интернет, или Всемирная паутина, как проявление культурного кода нации является не только масштабным хранилищем данных, но и началом интернет-коммуникации, исследование языковых и прагматических особенностей которой является сегодня актуальным. За последние годы значительно выросло количество социальных сетей, а также увеличилось количество пользователей этих сетей. Социальные сети являются, в первую очередь, своего рода дискуссионными площадками в решении многих вопросов, которые волнуют пользователей. В области исследования массовых интернет-коммуникаций од-

ним из самых перспективных направлений анализа становится изучение воспроизводства дискурсов в таком способе социального взаимодействия, как интернет-комментарий.

Комментарий как самостоятельный жанр выделился в последнее десятилетие XX в. и долгое время рассматривался как разновидность статьи. Общими чертами статьи и комментария является наличие анализа описываемого факта и, как следствие, сопоставление с аналитическим жанром газетно-публицистического дискурса. Однако существенным отличием комментария от статьи являются формат (комментарий, как правило, значительно меньше статьи) и способ подачи материала [1].

Современный комментарий, существуя на бумажных носителях информации, получил дополнительные способы реализации благодаря интернету. Интернет-комментарий стал своего рода новой формой коммуникации, которая возникла и функционирует в виртуальной среде.

Иллюстративным материалом для данной статьи послужили YouTube-комментарии, написанные пользователями видеохостинга под музыкальными видео (русскими и китайскими).

Определим языковые особенности комментариев, принадлежащих русскоязычным пользователям. Наиболее частотными являются следующие:

- употребление междометий: *Боже, Господи, ой, черт, блин, вау* и т. п.;

- вопросительные предложения: *Не понял?! А где лям просмотр?? Где все люди с нормальным музыкальным вкусом?; Как у Вас получилось такое невероятное чудо?; Слушаю трек в феврале 2019, хоть видео вышло в 2017. Я один здесь такой?* и др.;

- восклицательные предложения: *Такая музыка должна звучать вечно!; Цеплет каждым мгновением сочетания картинки и звука!; Потрясающе!* и т. д.;

- побудительные предложения: *Послушайте его новый альбом!!!; Посмотрите сериал «Сыны Анархии» биток-то оттуда!!!; Продолжай; Закрой свой рот!; Пиши продолжение!* и т. д.;

- написание текста заглавными буквами (так называемым капсом – от англ. Caps Lock – клавиша, переключающая строчное и заглавное написание): *СЛУШАЮ УЖЕ 10 РАЗ ПОДРЯД В ГОЛОВЕ НЕ УКЛАДЫВАЕТСЯ КАК МОЖНО СОЧИНИТЬ ТАКОЕ!!!!; У МЕНЯ ДОЧКА РОДИЛАСЬ!; РАССЛАБЬСЯ!* и др.;

– употребление сленговых слов: *лям, лимон, лойс, зашквар, жиза* и др.;

– использование калек и полукалек: *бро* (от англ. *bro* – *brother* – брат); *лайк, лайкнуть* (от англ. *like* – нравится); *хайп, хайпить* (от англ. *hype* – ажиотаж), *хейтер* (от англ. *hate* – *hater*), *изи* (от англ. *easy* – легко), *го* (от англ. *go* – идти) и др.;

– образование неологизмов и окказионализмов: *ста* (*кремль* + *Баста*), *чел* (сокращение от *человек*), *позорище* (от *позор*), *псевдорэпер* (*псевдо* + *рэпер*) и др.;

– предложения, в которых подлежащим выступает указательное местоимение *это*: *Это гениально!, Это бесподобно!, Это блестяще!, Это ужасно* и т.п. (как следствие, частотным является употребление кратких форм прилагательных: *гениально, бесподобно* и др.);

– отсутствие знаков препинания в предложении: *скучная какая-то песня; это не клип а шедевр; ставь лайк если это лучшая песня которую ты слышал за 2017- ый* и др.;

– употребление смайлов: *почему так мало просмотров?(((крутой же клип, и песня...; Сансáра – круговорот рождения и смерти в мирах. Зная смысл клип в разы лучше); Хех, плакать хочется))* и др.;

– определенно-личные предложения (в частности предложения, в которых подразумевающееся действующее лицо можно обозначить личным местоимением первого лица): *Слушаю трек в феврале 2019, хоть видео вышло в 2017.; Когда слушаю эту песню – мурашки по коже...; Очень люблю такие песни* и др.;

Несмотря на «замкнутость» интернета в Китае и блокировку видеохостинга YouTube, многие китайцы используют данный сайт для своего досуга и общения. К языковым особенностям комментариев, написанных китайцами, отнесем следующие:

– использование междометий: *啊 (O! Oго!), 哎呀 (Ай!), 啊呀 (Ох!)* и т.п.;

– восклицательные предложения: *發音真的有下過苦功, 真的是前途無量的孩子啊! (Произношение действительно усердно проработано, это действительно многообещающий ребенок!); 小 k 真的就像一个小太阳, 可爱 · 阳光 · 向上! (Маленький K как маленькое солнце, милый, солнечный, вперёд!)* и др.;

– употребление заимствований на латинице: *OMG* (англ. *OMG* – *Oh My God!* – *О Боже мой!*), *LOL* (англ. *lots of laughs* – очень смешно), *Bravo!* (*Браво!*) и др.;

– использование смайлов: ^_ " (*подмигнуть и улыбнуться*), *_* / *_* (удивиться, изумиться), ^0" (*смеяться, широко открыв рот*) и т. п.;

– неологизмы-англицизмы: 伊妹儿 (e-mail – 电子信件 – адрес электронной почты), 下载 (download – *скачать*), 在线 (online – *онлайн*) и т. п.;

– сокращения по китайской транскрипции: ММ (美眉或妹妹 – *měiméi / mèimeì*) – *сестра / сестричка*, GG (格格或哥哥 – *gégé / gēgē*) – *старший брат / братец / братишка*, JJ (姐姐 – *jiějie*) – *старшая сестра*, DD (弟弟 – *dìdì*) – *младший брат / братик* и т. п.;

– использование знаковых обозначений вместо слов: 5555 (呜呜呜呜 · 哭声) – *плачу*; 7456 (气死我了) – *злой как собака*; 687 (对不起) – *прошу прощения / извини*, 886 (拜拜了) – *пока* и т. д.

Таким образом, выделим отличительные черты языковых особенностей комментариев на русском и китайском языках, принадлежащих пользователям Youtube.

Языковые особенностями русскоязычных пользователей: побудительные предложения; употребление сленговых слов; образование неологизмов и окказионализмов; предложения, в которых подлежащим выступает указательное местоимение *это*; определительно-личные предложения, в которых подразумевающееся действующее лицо можно обозначить личным местоимением первого лица.

Языковые особенности, свойственные китайским пользователям YouTube: использование междометий; восклицательные предложения; употребление заимствований на латинице; использование неологизмов-англицизмов; сокращения по китайской транскрипции; использование знаковых обозначений вместо слов.

Список использованных источников

1. Васильева, С. Л. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе : сопоставительный аспект [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/49/6154> – Дата доступа : 10.02.2019.

Т. А. Осипова

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

В данной статье рассмотрены пословицы и поговорки китайского языка с компонентами-названиями животных (домашних, диких и мифологических), с названиями птиц, насекомых и рыб. При наличии представлены русские эквиваленты китайских паремий.

Паремиология является кладезем народной мудрости в любом языке. В китайском языке устойчивые обороты речи называются *ченъюй*. «Чэньюй (кит. 成语, пиньинь: chéngyǔ, буквально: «готовое выражение») – в китайском языке устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов» [1]. Помимо *чэньюй*, в китайском языке есть *суюй* (俗语), *яньюй* (谚语) – это тоже пословицы и поговорки, но не состоящие из четырех иероглифов [2]. (Пословицы и поговорки китайского языка взяты из интернет-источника <https://www.studychinese.ru/> [3]).

В состав китайских пословиц и поговорок часто входят компоненты-названия животных. Рассмотрим вначале паремии с названиями млекопитающих.

Целый ряд пословиц и поговорок китайского языка включает компоненты-названия домашних животных, например, компонент *лошадь*. Приведем примеры таких паремий: 塞翁失马 · 焉知非福 *sài wēng shī mǎ, yān zhī fēi fú* (Старик потерял лошадь; кто знает, беда это или удача). Так говорится, когда хотят сказать, что временные неудачи могут потом обернуться большой удачей. 指鹿为马 *zhǐ lù wéi mǎ* (Называть оленя лошадью). Это выражение употребляется в том случае, когда кто-то намеренно искажает факты, пытается ложное выдать за истинное. 老马识途 *lǎo mǎ shí tú* (Старая лошадь знает дорогу). Так говорят об опытном человеке, который знает, как себя вести в различных ситуациях, и умеет находить выход из трудных положений. Как видно из приведенного фразеологического материала, лошадь – животное, которое имеет важное значение для

хозяйства китайских крестьян. Первая из приведенных поговорок отражает народную мудрость, философское отношение к различным жизненным коллизиям. Беда и удача, добро и зло взаимосвязаны. Похожий смысл содержится в русской пословице *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (*Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло* [4]). Пословица 老马识途 *lǎo mǎ shí tú* (Старая лошадь знает дорогу) отражает реалии китайского крестьянского быта и метафорически обозначает опытного человека. Несмотря на разницу русской и китайской культур, в русской паремиологии есть пословицы, практически точно соответствующие китайской: *Старый конь борозды не испортит; Старый конь борозды не портит; Старый конь мимо не ступит* [4]. Поговорка 指鹿为马 *zhǐ lù wéi mǎ* (Называть оленя лошадью) содержит также компонент *олень*, то есть название дикого животного. Как и для русского, так и для китайского менталитета олень является благородным животным, и по этому признаку противопоставляется лошади, то есть простому животному, близкому к человеку, к домашнему хозяйству. Лошадь поэтому ценится меньше, чем олень. Возможный эквивалент из русского языка – *Пускать пыль в глаза*.

Противопоставление «домашнее животное – благородное животное» наблюдаем в поговорке 羊质虎皮 *yáng zhì hǔ pí* (Козёл в шкуре тигра). Значение этой поговорки: 'тот, кто на вид могуч и грозен, но на самом деле робок и труслив'. Тигр в китайской культуре – символ воинской доблести. Его изображение используется в борьбе с демонами и злыми духами [5]. В русской культуре тоже существует представление о животном, надевшем чужую шкуру: *Волк в овечьей шкуре*. Эта поговорка не является эквивалентом китайской, хотя тоже подразумевает притворство. Тигр не только почитается как благородное животное, но его и боятся. Поговорка 三人成虎 *sān rén chéng hǔ* (Три человека (солгут) — появляется тигр) употребляется в том случае, когда хотят предупредить о том, что люди могут поверить многократно повторяемой лжи. История ее создания такова: один из вельмож предупредил императора, чтобы он не верил клевете, поскольку многократно повторяемая информация кажется достоверной, хотя бы и самая невероятная, например, о том, что на многолюдных улицах города появился тигр. Весьма интересным для иностранца является китайское выражение 马马虎虎 *mǎ mǎ hǔ hǔ* (Лошадь, лошадь, тигр, тигр). Оно обозначает 'небрежно; сносно'.

Компонентами китайских перемий являются такие названия домашних животных как *буйвол, осел, собака, овцы*: 吳牛喘月 *wú niú chuǎn yuè* (Буйвол из царства Ву тяжело задышал при виде луны), говорится с иронией о человеке, который проявляет излишнюю нервозность или боязнь чего-либо; 亡羊补牢 *wáng yáng bǔ láo* (Чинить загон, (когда) овцы убежали), значение: если и случилось что-то плохое, то никогда не поздно предпринять необходимые меры, чтобы избежать новых ошибок и новых потерь; 骑驴觅驴 *qí lú mì lú* (Искать осла, сидя на нем верхом), говорится о человеке, который ищет то, чем, сам того не зная, уже обладает; 蜀犬吠日 *shǔ quǎn fèi rì* (Собаки в Сычуани лают на солнце), так говорят о том, кто в силу своего невежества удивляется чему-то естественному. Последняя пословица имеет в русском языке эквивалент *Как баран на новые ворота (смотреть)*.

В китайских пословицах употребляется также компонент *мартышка*, называющий дикое животное: 杀鸡吓猴 *shā jī xià hóu* (Резать курицу на устрашение мартышкам). Так говорится в ситуации, когда кого-то наказывают лишь для устрашения других. Существует русский эквивалент этой поговорки: *Бей своих, чтобы чужие боялись*. Как видно, китайский вариант более конкретный и метафорический, образный.

Дракон – это любимый мифологический персонаж китайского народа: «Китайский дракон (кит. 龍 *lóng*) – в китайской культуре символ доброго начала «ян» (в отличие от дракона европейского) и китайской нации в целом, прочно ассоциирующийся со стихией воды» [6]. Следующая поговорка включает компонент *дракон*: 叶公好龙 *Yè gōng hào lóng* (Любовь князя Егуна к драконам). Так говорится, когда кто-то демонстрирует притворную любовь к тому, чего он в действительности боится. Приблизительное соответствие в русском языке – *После рати храбрых много*.

В китайских паремиях содержатся также названия птиц (*курица, кулик*), насекомых, рыб. Пословица 杀鸡焉用牛刀 *shā jī yān yòng niú dāo* (Мечом для забоя буйволов резать курицу) употребляется для осуждения того, кто использует неоправданно большие средства или усилия для достижения незначительных целей. В русском языке существует смысловой эквивалент этой поговорки *Стрелять из пушки по воробьям*, который также включает название птицы, притом

мелкой (*воробей*). Китайский и русский эквиваленты поговорки отличаются и названиями культурных реалий: *меч – пушка*, а также *буйвол* как китайская реалья. Название птицы *кулик* содержится в пословице 鹬蚌相争 · 坐收渔翁之利 yù bàng xiāng zhēng, zuò shōu yú wēng zhī lì (Пока кулик и беззубка боролись друг с другом, в выигрыше оказался старик-рыбак). Так говорят в ситуации, когда конфликт двух сторон оказывается на руку третьей стороне. Названия насекомых *богомол*, *цикада* свидетельствуют о восточном колорите пословицы 螳螂捕蝉 táng láng bǔ chán (Богомол ловит цикаду). Эта паремия употребляется в осуждение человека, который, видя возможность получить быструю выгоду, совсем забывает о возможных из-за этого неприятностях в будущем. В русской паремиологии есть приблизительное соответствие китайской пословице: *Торговали – веселились, подсчитали – прослезились*.

Компонент *рыба* популярен в качестве метафоры в составе китайских паремий: 如鱼得水 rú yú dé shuǐ (Как рыба, получившая воду); так говорится о человеке, имеющем все условия для развития своего таланта, или о том, кому удалось найти хороших помощников (или советчиков) в каком-либо деле. Русский эквивалент – *Как рыба в воде (чувствовать себя)*. 缘木求鱼 yuán mù qiú yú (Залезать на дерево в поисках рыбы). Говорится о невозможности добиться поставленной цели, если для её достижения выбраны неправильные средства. 鱼目混珠 yú mù hùn zhū (Глаза рыбы выдавать за жемчуг), так говорится о попытках выдать подделку за подлинник. В русской культуре компоненты *рыба*, *рыбка* также популярны в составе пословиц: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Рыба гниет с головы. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше* и другие.

Таким образом, на основе сопоставительного анализа пословиц и поговорок китайского и русского языков можно сделать вывод, что мышление китайского народа более конкретное и образное. Как отмечает Чжу Жуйшуан, «образное мышление китайцев развито очень сильно, и в китайской литературе существует множество способов создания образности. Например, в китайской литературе любят использовать природные явления, животных, растения, «видимые глазу» предметы в качестве метафоры. Статистические данные показывают, что подобные средства используются в 88,5% китайских произведений, а в западных – в 65%. Кроме того, метафора в Китае в большей степени ориентирована на стремление к

фізическай аналогіі» [7]. Нясмотра на несходства культур і менталітэтаў, у рускай і кітайскай карцінах сусвету назідаюцца і супадзення, напрыклад, прадстаўлення аб конях, рыбе і некаторыя іншыя. У кітайскіх прыказках, у адрозненне ад рускіх, прысутствуюць назіменаванні экзатычных рэалій, як жывотных, так і неадушевленых прадметаў, звязаных з імі.

Спісок іспользаваных істочнікаў

1. Чэньюй [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чэньюй>. – Дата доступу : 12. 09. 2019.
2. Кітайскія пагаворкі і прыказкі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.waiwailaowai.com/kitaishie-pogovorki/>. – Дата доступу : 10. 09.2019.
3. Кітайскі мовы онлайн [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу : <https://www.studychinese.ru/>. – Дата доступу : 10.09.2019
4. Русскія народныя прыказкі і пагаворкі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://old.prosv.ru/ebooks/lib/2_Poslovici/7.html#5. – Дата доступу : 05.09.2019.
5. Вялікія талісманы Фэн-Шуй [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу : <http://www.bibliotekar.ru/fen/6.htm>. – Дата доступу : 05.09.2019.
6. Кітайскі дракон [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://ru.wikipedia.org/wiki/Кітайскі_дракон. – Дата доступу : 10.09.2019.
7. Жушун Чжу. Асабнасці кітайскай карціны сусвету [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kitayskoy-kartiny-mira>. – Дата доступу : 05.09.2019.

УДК 392.1(=161.3):392.1(=581)

А. М. Палуян

ЗВЫЧАІ І ПАВЕР'І ДАРОДАВАГА І РОДАВАГА ЦЫКЛАЎ У БЕЛАРУСАЎ І КІТАЙЦАЎ

Артыкул прысвечаны разгляду кітайскіх і беларускіх звычаяў і павер'яў, звязаных з цяжарнасцю і родамі. Кітайскія і беларускія абрады, якія суправаджаюць нараджэнне дзіцяці, уяўляюць сабой складаны комплекс, у якім вызначаны правілы паводзін членаў сям'і і грамадства. Яны адлюстроўваюць рацыянальныя і магічныя погляды людзей, іх светабацанне і светаразуменне, выконваюць педагагічную функцыю.

Быццё чалавека ў многім вызначаецца вопытам папярэдніх пакаленняў. Сямейныя і каляндарныя абрады – гэта гістарычна сфарміраваны інстытут захавання этнічнай індывідуальнасці і самабытнасці, перадачы з пакалення да пакалення традыцыйных каштоўнасцей, патрабаванняў этыкету. Уяўленні пра свет, сваё месца ў ім, узаемаадносіны з іншымі членамі калектыву адлюстраваны ў культавых дзеяннях і цырыманіях. Абрады валодаюць вялікім педагогічным патэнцыялам, уплываюць на развіццё маральных і этнічных нормаў, на стаўленне асобы.

Ва ўсіх культурах вылучаюцца абрады, звязаныя з пераходнымі, паваротнымі пунктамі ў існаванні чалавека, – нараджэнне, вяселле, смерць.

Па слухным меркаванні Т. І. Кухаронак, «комплекс традыцыйных радзінных звычаяў і абрадаў ... складаўся з трох цесна звязаных цыклаў: родавага, родавага і пасляродавага» [1, с. 13]. Ужо ў час правядзення вясельнага абраду выконваецца шэраг дзеянняў, якія падкрэсліваюць важнасць дзетанараджэння і яго ролі ва ўмацаванні сям’і. Бясплодная жонка рызыкавала застацца адзінокай і быць адвергнутай калектывам.

Патрэба выканаць сямейны абавязак – нарадзіць дзіця – спрыяла з’яўленню розных павер’яў і дзеянняў. Напрыклад, кітайцы лічылі, што нараджэнню дзяцей спрыяе сарваная ў час Свята ліхтароў свежая зеляніна або кавун у свята Сярэдзіны восені. Існаваў звычай укарасці дзіцячы туфлік у храме багіні мацярынства. Калі ж жанчына нарадзіла, то вяртала багіні два або тры туфлікі. Ёсць меркаванне, што такі звычай выкліканы супадзеннем гучання ў кітайскай мове слоў «туфель» (鞋 xié) і «кроў» (血 xiè (разм. xiě) – сімвал жыцця [2, с. 27]. У Мазырскім раёне на Гомельшчыне «бралі рушнік з царквы і перавязвалі живот тыя жанчыны, якія хацелі зацяжарыць. З ім хадзілі адзітры дні» [3, с. 288].

На Беларусі кульмінацыйным момантам радзінна-хрэсьбіннай абраднасці з’яўляецца рытуал разбівання гаршка з кашай. Магічнае значэнне надавалі чарапкам. Семантыку дзеянняў, звязаных з імі, тлумачылі парознаму, аднак амаль ва ўсіх мясцовасцях зводзілі да прадудцыравальнай магіі. У Брагінскім раёне Гомельскай вобласці «ў каго няма дзяцей, тыя жэншчыны кладуць чарапкі на галаву, і праз нейкі час жэншчына забярэмяне і ражае» [3, с. 125]. У Гомельскім раёне «чарапкі клалі на галаву мужчынак, каб у іх радзілася дзіцё» [3, с. 171].

Старажытныя кітайцы адлічвалі ўзрост дзіцяці не з моманту нараджэння, а з моманту зачацця. Такім чынам, яны глядзелі на зародак не як частку арганізма маці, а як асобу, індывідуальнасць, якую трэба

выхоўваць. У сувязі з гэтым у Кітаі ўзнікла паняцце Тай Цзяо – «выхаванне плода» – уздзеянне на дзіця ў лоне маці, бо характар, разумовае развіццё, фізічнае здароўе будучага дзіцяці залежыць ад навакольнага асяроддзя, абставін жыцця цяжарнай. Значыць, выхаванне плода – гэта выхаванне будучай мамы свайго будучага дзіцяці. Калі дзіця адчуе зло, яно пасля нараджэння будзе злым, калі дабрыню, то стане добрым.

Звычай дародавага цыклу маюць выразнае рацыянальнае прызначэнне – «захаваць цяжарнай фізічны спакой, ліквідаваць усялякія псіхічныя хваляванні і гэтым самым забяспечыць правільнае развіццё плода» [1, с.13]. У іх захоўваюцца перажыткі папярэдніх стадый развіцця грамадства, адлюстроўваюцца шматгадовыя народныя медыцынскія веды, светапогляд і маральныя каштоўнасці.

Напрыклад, у Кітаі цяжарная жанчына павінна была строга захоўваць пэўныя правілы: не глядзець на непрыемныя рэчы, пазбягаць рэзкіх, непрыемных гукаў, не брыдкасловіць, адной не выходзіць з дому, быць ураўнаважанай. Ёй не рэкамендавалася наведваць забаўляльныя мерапрыемствы, хадзіць у госці, гуляць без парасона. «Будучай маці нельга шыць, прыбіраць, рамантаваць што-небудзь у доме, пакуль не даведаецца аб месцазнаходжанні «душы дзіцяці» [2, с. 27].

Тыя ж правілы дзейнічалі і ў беларускай культуры: «будучы ў палажэнні, нельга ругацца, а то дзіцё будзе ругацца..., вырасце грубым; жанчыну ў палажэнні ахоўвае Бог, дзіцё – ета дар Божы; нельзя мыцца ў гарачай вадзе і парыць ногі – дзіця родзіцца не ў свой час» [3, с. 134–135]; «нельга было красці, штоб дзеці не былі злодзеямі» [3, с. 173]; «не дазвалялася піць гарэлку» [3, с. 189]. Нашы продкі былі ўпэўнены, што нават знешні выгляд дзіцяці залежаў ад выканання тых ці іншых прадпісанняў: «нельга глядзець на некрасівых людзей, калек – такое можа нарадзіцца дзіця; нельзя было падразаць косы, а то ў дзіцяці косы будуць жыдкія, непрыгожыя» [3, с. 135].

Як ў беларусаў, так і ў кітайцаў раней на дапамогу клікалі бабку-павітуху: «Кагда-та ражалі з бабкамi. Бабка была лучшэ акушэркi» [3, с. 171]; «Звалі бабку, якая роды прымала і ўмела гэта рабіць. На вёсцы былі такія жэншчыны, што ўмелі пуп той завязаць дзіцяці» [3, с. 282]. У Кітаі дом павітухі можна было пазнаць па спецыяльнай шылдзе [4, с. 19].

Каб абараніць парадзіху ад уздзеяння злых духаў, кітайцы зачынялі дзверы пакоя, запальвалі свечкі, вывешвалі фігуркі бостваў, якія абаранялі ад нячысцікаў. Побач з ложкам клалі раскрыты парасон, люстэрка і іншыя абярэгі. А ў Нараўлянскім раёне «калі ўжэ нарадзі-

лася дзіця, ва ўзгалоўі маткі клалі венік, зроблены з бярозы, а бабу-павітуха чытала спецыяльную замову для малога» [3, с. 293]. На Петрыкаўшчыне «пад падушачку ляжылі свянцоны мак» [3, с. 300]. На Брагіншчыне ў калыску клалі вугольчык, хлеб, соль, жалезны предмет, каб адагнаць ад дзіцяці злыя сілы. У Жлобінскім раёне ў калыску пад матрац клалі парную колькасць арэхаў, а парадзіха насіла ў кішэні часнок. Абараняліся чырвонай шарсяной ніткай, якую павязвалі на запясе, іголкахі, шпількахі, засушанымі кавалачкамі вясельнага каравая, велікоднай соллю, галінкамі рабіны.

Для абодвух народаў агульнай з'яўляецца забарона першы месяц паказваць дзіця чужым – баяліся сурокаў.

Праз некалі дзён пасля родаў парадзіху наведваюць сваякі і сяброўкі, прыносяць пачастункі. На Беларусі – узвар, бліны, яечню, хрушчыкі, мёд, яблыкі, грушы, у Кітаі – трысняговы цукар, свежыя курыныя яйкі, сухое печыва з пшанічнай мукі з цукрам.

Адной з галоўных функцый бакі-павітухі з'яўлялася купанне дзіцяці, падчас якога выконваўся шэраг магічных рытуалаў, заснаваных на прынцыпах імітатыўнай магіі. У Кітаі ў падрыхтаваную для купання вадку кладуць медныя ці срэбныя манеты, грэцкія або земляныя арэхі, каштаны, фінікі, насенне лотаса, вараныя курыныя яйкі. На Беларусі – чыстацел, каб было ў дзіцяці чыстае цела, дубовую кару, каб былі моцныя зубкі, срэбныя манеткі і жытнёвыя зярняткі, каб дзіця было шчаслівае і багатае. Калі купалі дзяўчынку, то ў вадку кідалі кветкі любісціку, налівалі малака, каб прыгожая была, каб усе любілі і паважалі. У вадку для купання хлопчыка клалі сякеру і цвікі, каб майстрам добрым быў.

Такім чынам, сямейныя абрады, звязаныя з цяжарнасцю і родамі, як ў беларускага, так і кітайскага народаў выконваюць пэўныя педагогічныя функцыі: праз іх перадаюцца педагогіка мацярынства, маральныя нормы, веды пра гаспадарчыя абавязкі, правілы паводзін у шлюбе і многае іншае. Такая перадача ведаў адбываецца не праз павучанні, а праз наглядныя прыклады паводзін дарослых. Прадстаўнікі малодшага пакалення пераймалі ўзоры паводзін, уключаліся ў выкананне абрадаў, асвойвалі пры гэтым цэлы пласт духоўнай этнакультуры.

Як у беларускай, так і кітайскай культурах рытуальны перыяд пачынаецца з моманту зачатця і працягваецца да родаў і нават пэўны час пасля нараджэння. У ім адлюстраваны рацыянальныя і магічныя погляды людзей, асновы іх светабачання і светаразумення. Вялікае значэнне надаецца разнастайным магічным дзеянням і павер'ям. Звычай, павер'і, дзеянні, якія суправаджаюць нараджэнне дзіцяці, уключо-

чаюць складаны комплекс мадэляў паводзін маці, бацькі, сваякоў, іншых членаў грамадства ў адносінах да нованароджанага.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кухаронак, Т. І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: канец XIX – XX ст. / Т. І. Кухаронак. – Мн. : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
2. Малявін, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявін. – М., Астрель. 2001. – 632 с.
3. Радзінна-хрэсьбіныя абрады і звычаі беларусаў (на матэрыяле фольклору Гомельскай вобласці) / аўтары-ўкладальнікі Новак В. С. і інш. – Гомель : Барк, 2013. – 380 с.
4. Баранов, И. Г. Верования и обычаи китайцев / И. Г. Баранов. – М. : Муравей-Гайд, 1999. – 304 с.

УДК 76.041.036(476+510)

Д. Ю. Романенко

ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКИЕ СОЗВУЧИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ 1960–2010-х ГОДОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ТЕМАТИКЕ

В данной статье впервые исследуются определенная близость творческих устремлений белорусских и китайских живописцев 1960-х–2010-х гг., связанных с показом образов трудового народа в провинциальной среде. Подчеркивается значимость творческого проникновения в тематику, которая дает жизненно-правдивый материал для больших образных обобщений и выявления высоких нравственно-духовных ценностей, необходимых для современного развития общества и обмена новаторскими художественными достижениями. Дается современная искусствоведческая оценка живописных произведений Михаила Савицкого, Чен Данцина, Ай Сюаня.

В белорусской и китайской сюжетно-тематической живописи 1960-х – 2010-х гг., несмотря на большие географические расстояния между нашими странами, есть ряд созвучных творческих явлений, связанных с образами сельских жителей в традиционно-провинциальной среде. Белорусская живопись в начале 1960-х гг. совершила настоящий прорыв от «лакировки действительности» к правде жизненных реалий, особенно выразительных в природной среде, где нет комфортных усло-

вии, но существуют особые источники духовности, питающие силу духа и непреодолимое желание трудиться на родной земле.

Среди лидеров этого поколения необходимо назвать Михаила Савицкого (1922–2010), который целенаправленно обратился к такой заведомо «неэффективной» тематике и сумел найти в ней значительные творческие решения, положившие начало его выдающегося авторского стиля живописи. Ему удалось объединить в нем героическое начало с внешне непритязательной средой белорусского села, которое живет в постоянных трудовых заботах о родной земле, о новом урожае, сохраняя традиции и искреннюю любовь к малой родине.

Его наиболее выдающиеся произведения на провинциальную тематику – «Льноводы» (1962), «Хлебы» (1968) (см. ил. 1), «В поле» (1972). Особенно последнее произведение из названных концентрирует в себе связь разных поколений людей к родной земле, которая многое выстрадала и пережила, но может возрождаться, благодаря трудолюбию и верности к ней сельских жителей. Эта суровая правда жизни не теряет своего значения и всегда будет актуальной и близкой в новаторском творчестве [1].

Право на изображение правдивых жизненных реалий стало доступным в китайской живописи только в конце 1970-х годов. И сразу появились молодые и решительные его сторонники. Чен Данцин родился в 1953 г. в Шанхае. В 1978 г. он поступил в факультет масляной живописи Китайской центральной Академии искусств. Эта была первая свободная группа художников после «культурной революции». В 1980 г. Чен Данцин написал 7 картин под названием «Цикл картин Тибета», благодаря чему, стал очень известным живописцем в стране и за рубежом [2]. Его работы приобрели широкую популярность. Среди них – «Мать и сын», «Мужчины Канбы», «Девушка, которая моет волосы», «В город» (см. ил. 2), «Тибет. Групповая сцена» и др. Чен Данцин – автор этапной композиции «Тибетская молитва» (1988). Произведение поражает своей внутренней силой, ее сконцентрированный формат композиционного «кадра» так мощно передает экстатическое состояние простых людей во время культового поклонения, что драматический эффект сцены позволяет понять значительно больше о жизни народа, чем вместились в «случайный кадр».

Надо сказать, что тибетско-китайские отношения являются достаточно сложными и проблематичными. Существуют многие правительственные постановления, которые направлены на сохранение традиционной тибетской культуры и ее традиций [3]. Живописные произведения по-своему стремятся разрешить многие противоречия. Эта проблема

способствовала появлению локального реализма в начале 1980-х годов, что стало очень актуальным для современного китайского искусства. Китайская станковая живопись получила в свое распоряжение изобразительные средства сильного эмоционального воздействия.

Непревзойденным мастером изображения жизни северо-западных регионов страны является Ай Сюань (1947 г. р.), который среди современных художников-живописцев в Китае занимает особое место, благодаря своему художественному мастерству и глубокому образному проникновению в провинциальную тематику. В 1967 году он успешно окончил Центральную академию изобразительных искусств и вскоре также сосредоточился на тибетской теме, создал при этом свой собственный художественный вариант реалистического стиля, стал одним из известных художников в середине 1980-х гг. [4, с. 3]. Его работы «Тишина», «Она ушла в молчании», «Странная песня, парящая вдали» (см. ил. 3), «Снег на грани снов», «Песни на расстоянии», «Ветер со всех сторон» и др. выразили еще совсем неизвестные проблемы жизни большого автономного округа. В качестве натуральной среды художник выбирает тибетский пейзаж. Он изображает жизнь такой, какая она есть на самом деле, ничего не приукрашивая. Ай Сюань умело соединяет загадочность и лирический характер уединения в Тибете. Глубокий смысл, таящийся в его произведениях, проработка мельчайших подробностей и смелая техника производят неизгладимое впечатление на зрителя.

В 1980-х гг. Ай Сюань часто посещает Тибет в поисках обобщенного выражения внутреннего мира человека на своих картинах. Жители Тибета, заснеженные горные вершины и нагорья подарили Ай Сюаню настоящий источник вдохновения. Художник при помощи приёмов реалистической живописи, без приукрашивания изображает эмоциональное состояние своих молчаливых героев, выражает их одиночество, грусть и тягу к человеческому общению.

Начиная с середины 1980-х гг., все произведения Ай Сюаня, посвящённые изолированной от цивилизации провинциальной жизни, отражают загадочную атмосферу уединения. Благодаря отточенной технике мастера, зрители с первого взгляда могут оценить характер такого аскетического образа жизни, понять немногословность и задумчивость персонажей на картинах. Более ранние картины 1990-х гг., такие как «Одинокая пустошь», «Эта песня не для меня», так же, как и более поздние 2010-х гг., например, «Песня, доносящаяся издалека», «Снег на грани снов» и др. отличаются строгой композицией, сдержанными цветами и мягкими линиями. Относящееся к раннему периоду творчества Ай Сюаня картина «Странная песня, парящая вдали» (см. ил. 3) имеет необычное

решение. Девочка на переднем плане лишена человеческого общения, незаметно живет вдали от всех, отовсюду струится одиночество и грусть. С помощью разнообразия сочетаний тёплых и холодных оттенков, художник придаёт тибетскому провинциальному затишью многозначительную жизненную выразительность. Он очень точно передал материальность одежды девочки. Лицо девочки выполнено тонкими, легкими мазками. Гладкая нежная кожа лица с большими и выразительными глазами ярко контрастирует с грубой одеждой и той неприхотливой средой, где почти не бывает тепла и богатой растительности.

В картинах, написанных в начале 2010-х гг., автор позволяет жителям густонаселенных мегаполисов оценить тишину и скромность отдалённых районов. Композиция картины «Снег на грани снов», довольно проста. Девочка на картине положила голову на подоконник и закрыла глаза. Через окно струится холодный зимний свет. Этот юный образ стал символизировать мир провинциального уединения, который сохраняет особую ценность чистых человеческих чувств и твердости народного духа.

Имя Ай Сюаня с того времени ассоциируется с темой суровой жизни тибетских тружеников. Эти люди решительные, искренние, у них особая закалка для выживания в высокогорных и труднодоступных районах. В картинах Ай Сюаня нет ничего надуманного. Неподдельная красота и человеческая значимость тибетцев еще больше проявляются на суровом фоне заснеженных полей и сухой травы.

Такие скромные и «незаметные» люди, проживающие в далекой провинции, дают своими повседневными «картинами жизни» много материала для живописных картин, начиная с 1980-х гг. в жизнеутверждающем русле локального реализма, который стал ярким художественным явлением современной китайской живописи [4, с. 5].

Примеры белорусской и китайской живописи, связанные с провинциальной тематикой, убеждают в том, что обращение современных художников к жизни трудового народа дарит их творчеству большую живописную выразительность, силу образного воздействия, новаторство и значимость создаваемых ими произведений. Это позволяет утверждать, что между нашими странами может развиваться плодотворный живописный творческий обмен идеями и яркими новаторскими достижениями.

Как в Беларуси, так и в Китае, провинциальная тема является в настоящее время неисчерпаемой и идейно-многозначительной. Она заслуживает своего широкого признания и требует дальнейшего всестороннего изучения.

Иллюстрации

1. Михаил Савицкий.
«Хлебы» (1968)

2. Чен Данцин.
«В город» (1981)

3. Ай Сюань. «Странная
песня, парящая вдали»
(2005)

Список использованных источников

1. Крепак, Б. Михаил Савицкий. Красное и черное: Палитра художника в зеркале времени. Очерки / Б. Крепак. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2014. – 253 с.
2. 陈丹青 我与西藏组画 北京 : 中国今日美术出版社, 2011 年-123 页 Чен Данцин. Я рисую Тибет / Чен Данцин. – Пекин : Китай сегодня, 2011. – 123 с.
3. Развитие культуры в Тибете. Пресс канцелярия Госсовета КНР. – Пекин : Синьсин, 2000. – 36 с.
4. China realism. Ai Suan. – Changchun : Publishing House. Jilin Fine arts Press, 2010. – 127 p.

УДК 811.161.1'243 (072)

Т. В. Рубаник

ЗНАКОМСТВО КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ С ЛЕГЕНДАМИ И МИФОЛОГИЧЕСКИМИ ПЕРСОНАЖАМИ БЕЛОРУСОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С АУТЕНТИЧНЫМИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ

В статье представлен компаративный подход к работе китайских студентов с текстами государственных СМИ, раскрывающими мифологическую картину мира белорусов.

Государственные СМИ Республики Беларусь все чаще проявляют интерес к мифологии, легендам и преданиям народа. На продвинутом этапе обучения русского языка как иностранного целесообразно использовать в качестве дидактического материала аутентичные публицистические тексты, чтение и понимание которых вызывает у китайских студентов особые трудности. Как показывает опыт, проще воспринимаются публикации, при анализе которых можно провести параллели с национальной культурой обучаемых. Рассмотрим практику работы с аутентичными публицистическими текстами, посвященными мифологическим персонажам и легендам белорусов. На занятиях студенты обращаются к публикациям-оригиналам, размещенным в интернете. Это дает возможность видеть все иллюстрации к статье и значительно повышает эффективность воздействия усваиваемого материала.

Сразу обозначают принадлежность к мифологии тексты с названиями «В гостях у жевжика с евником» («СБ. Беларусь сегодня», 24.02.2017), «5 легенд любимого города. Мельник Менеск» («СБ. Беларусь сегодня», 14.09.2019).

Статья «В гостях у жевжика с евником» повествует о персонажах белорусской мифологии. Современные белорусы заново открывают для себя самобытность родного фольклора. Так родилась идея восстановления усадьбы Обуховичей в деревне Великая Липа под Несвижем и создания музея мифологических существ под открытым небом. Интересно, что, как планируют разработчики проекта, мифологические персонажи будут там представлены в своей среде обитания. Например, евник показан на поле со снопом. Лингвокультурологический комментарий поможет провести параллель с китайской культурой: *сноп* – срезанные колосья, пучок льна или соломы, перевязанные жгутом; по восточнославянским представлениям, он является символом плодородия и богатства. В Китае символом благополучия и удачи является узел. Плести узлы начали при династии Тан. Конструкция включает подвеску, узел и кисточки. Данный талисман используется для изгнания злых духов, привлечения богатства, оберега семейного счастья.

Изучив представления предков, художник Валерий Слаук изобразил белорусских мифологических существ. Их можно увидеть на иллюстрациях к книге «Чароўны свет. 3 беларускіх міфаў, паданняў і казак». Скульптор Антон Шипица создал по этим рисункам эскизы, а затем из пенополиуретана отлил фигурки в полный рост. В дальнейшем организа-

торы проекта планируют использовать героев белорусской мифологии в мультипликации, игровой анимации.

Из материалов публикации китайские студенты могут узнать о таких мифологических персонажах:

евник – обитал в строении на усадебном дворе (ёвне), заботился о сохранности и сушке снопов перед молотьбой; обычно его встречали возле сушильной печи, в которой тот поддерживал огонь; евника представляли как черное от дыма существо непонятной формы в саже и налипшей паутине;

жѳитень – жил в кустах около поля, заботился о сохранности урожая; напоминал седого деда со спутанными волосами, имел решительный нрав; если видел бесхозяйственность, то наказывал неурожаем;

жѳѳвжик – встречался на реках и озерах; напоминал сухого деда с бородкой; ведал делами на водоемах и быстро приходил на помощь тем, кто терпел бедствие на воде, протягивал свой шест;

дѳдка – существо, помогающее разбогатеть; внешне похож на старика; держал под контролем клады в укромных местах, мог подсказать мерцающим красным огоньком, где нужно копать; по преданиям, обязательно надо было бросить шапку на указанное место, и если этого не сделать, то сокровищ не найти – уйдут глубоко под землю;

домовѳха – хранительница очага, невысокая женщина, которая смотрела за хозяйством, укачивала детей, а за это ей оставляли угощение – картофель или молоко.

В процессе знакомства с белорусскими сказочными персонажами целесообразно выяснить, какие существа покровительствуют жителям Китая, и найти соответствие в китайской мифологии.

Статья «5 легенд любимого города. Мельник Менеск» была посвящена празднованию Дня города Минска. Фольклорные традиции белорусов рассматриваются в легенде «Дух исполинов», работа над которой начинается с чтения с элементами лингвокультурологического комментария:

исполѳн – великан, богатырь (во 2 знач.) [2, с. 155];

волѳт (велѳты) – восточнославянские мифологические персонажи; богатырь, человек необычайного роста, а иногда и силы [1];

Мѳнеск (Мяне́ск, Ме́нский, Минч) – персонаж белорусской мифологии, богатырь-знахарь, который молол муку не из ржи, а из камней. Легенда о Менеске была опубликована в XIX в. Павлом Шпилевским, белорусским этнографом и публицистом. Согласно легенде, Менеск был

основателем города. По записям П. М. Шпилевского, знаменитый богатырь-знахарь по прозвищу Менеск, или Менский, построил на реке Свислочи большую каменную мельницу в семь колес. В полночь ездил он на своей мельнице по селениям и набирал дружину из храбрых, смелых, сильных людей, которые жили рядом с мельницей и позже образовали целый народ. Так появилось поселение, которое стало называться Менск, а позднее – Минск. По гипотезе П. М. Шпилевского, существовал местный князь, от имени которого произошло название города Минска. Белорусский археолог Э. М. Зайковский считает, что первоначально Менск (прежнее название Минска) возник на реке Менка (отсюда название города Менск, а позднее Минск) [1];

кургáн – разновидность погребальных памятников, распространённая на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды. Характеризуется обычно сооружением земляной насыпи над погребальной ямой [1];

дружѝна – 1. В Древней Руси: приближенные князя, а также княжеское войско. 2. Военизированные группа, отряд [1].

Вопросы и задания к легенде:

1) В тексте найдите определение слова *волотóвка* и постройте объяснение его значения по схеме: *волотовка* – это...

2) На основе текста легенды и лингвокультурологического комментария составьте сообщение о мифологическом персонаже Менеске.

3) В публикации есть белорусская поговорка «Не пайду я да Менска ад шляху Віленска, а пайду па шляху Віленскім, спаткаюся з Мянескам». Познакомьтесь с комментарием слов:

шлях – путь, дорога, тракт;

спатка́цца – встретиться, свидеться.

Выпишите из поговорки собственные имена существительные, объясните значение слов «Менск», «Мяне́ск» в данном контексте.

Проведите параллели с китайскими изречениями о пути, путешествии, дороге: *Тот, кто мягко ступает, далеко продвинется на своем пути; Сильный преодолеет преграду, умный – весь путь; Никто не возвращается из путешествий таким, каким он был раньше.*

Легенда «Свислочские драконы» из указанной публикации знакомит китайских обучаемых с мифологическим существом, которое также хорошо им известно и является главенствующим в верованиях китайцев. Чтение легенды сопровождается лингвокультурологическим комментарием: *цмок* – змееподобное существо больших размеров, белорусский дракон [1]; *пещера* – находящееся под землей или в

горном массиве углубление, полое пространство с выходом наружу [2, с. 445]; *обреченный* – такой, кому предопределена гибель [2, с. 373]; *Сигизмунд Герберштейн* – дипломат, писатель, историк, изучал славянские диалекты, автор труда «Записки о Московии» [1]; *оста́нки* – тело умершего или то, что осталось от его тела [2, с. 397]; *ящерица* – небольшое пресмыкающееся с удлиненным телом и длинным хвостом, покрытое мелкой роговой чешуей [2, с. 796]; *чучело* – фигура животного из набитой чем-нибудь шкуры его [2, с. 772]; *Свислочь* – река, основная водная артерия Минска [1]; *Немига* – правый приток реки Свислочь [1].

Вопросы и задания к тексту легенды «Свислочские драконы»:

1) Кого белорусы называют цмоком? Как китайцы называют драконов? Приведите примеры.

2) Сколько видов белорусских цмоков упоминается в статье?

3) Найдите в тексте описание драконов каждого вида.

4) Как называются реки, в которых живут белорусские драконы? Где могут жить китайские драконы?

5) Существует легенда о том, что, когда родился Конфуций, в дом спустились два мифических крылатых змея, которые предзнаменовали появление гения.

6) Расскажите о самых известных видах китайских драконов (лунов) и их магической сущности. Сравните представление белорусов о цмоках и китайцев о драконах.

Современные публикации демонстрируют неослабевающий интерес белорусов к родному фольклору, а фрагменты представленной работы с аутентичными публицистическими текстами побуждают китайских студентов к компаративному анализу мифологических представлений белорусского и китайского народов, актуализируют имеющийся багаж культурологических знаний и способствуют его обогащению.

Список использованных источников

1. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 22.09.2019.

2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.

А. А. Себик

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ ИЕРОГЛИФАМИ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМИ КЛЮЧАМИ

Статья посвящена изучению свойств китайского иероглифического письма, в частности, связей внутри иероглифического знака, а также закономерностей функционирования и развития этих связей между различными частями иероглифа как знака особого типа.

谢比克·安格林娜

汉字和部首在历史和现代生活中的关系

人们经常可以从汉字的形态上了解文字想要表达的意思，因此汉字属于表意文字这点说法是成立的。虽然有少数汉字因为被简化、线条化而造成部首的改变，但部首依旧是汉字构成的重要关键因素之一。

研究对象——部首。

具体研究内容——汉字和部首的关系。

特性、表现方式并加以探讨，具体目标为：

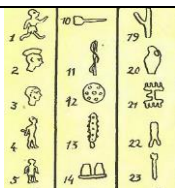
(1) 基于部首和文字结构形态之间的关系，探讨部首的构成演变及其与字义的形成意义之关系。

(2) 叙述汉字结构形态、造字原理，让现代人以汉字结构理论为中心，了解汉字在中华文化生态下具有的文化价值。

进行此研究的必要性旨在解决国学习者对汉字了解不足的部分问题。其实践价值与汉语教学有关。在我们的研究中，试图指出有助于理解象形文字结构与其意义之间关系的要点。

人类有了语言，进而累积成知识形成文化。有了文字，开始用语言把信息记录下来，以便交流资讯。在文字未发明前，人民往往以绘画来描述信息。在所有的文明中，最初创立的符号必定是图画，如中美洲古代马雅人、北美印地安土著、西伯利亚土著等图画文字（请参见表1）。

表 1 各国象形文字

			
古代人类原始绘画	克里特岛迈诺斯符号	印地安史前岩洞壁	中国殷商甲骨文字
			
埃及象形文字	象形文字	马雅象形文字	纳西象形文字

由象形文字(пиктографическое письмо)走向表意文字(идеографическое письмо), 进而有书写技术, 也开始了人类历史的文字记载。故古代或原始的绘画性记号(пиктографический знак)称图画文字(пиктограмма)。由此可知, 人类早期传达方式基本都是利用图形来进行。而后随著人类文化的发展及图画记事大量的使用, 慢慢的写实图像转变成为早期的象形文字, 再经过长期的演变, 才成为现今使用的文字。以图画来替代文字, 除远古时期的绘画性记号(пиктографический знак)的图画文字(пиктограмма)使用外, 在设计领域中对图像视觉语言的发展乃是近代19世纪之后。

作为中文的书写文字, 汉字是迄今为止连续使用时间最长的主要文字, 也是上古时期各大文字体系中唯一传承至今的。中国历代皆以汉字为主要官方文字, 近代在中华民国与中华人民共和国均被规定为官方文字。“汉字在古代已發展至高度完備的水準, 不單中國使用, 在很長時期內還充當東亞地區唯一的國際通用文字, 在 20 世紀前也是朝鮮半島、越南、琉球和日本等國家的書面規範文字。除了漢語之外, 古代東亞諸國都有一定程度地自行創製漢字” [1]。

汉字是世界上最古老的三大文字系统中还继续沿用至今的文字, 其经历了从描绘意象图画文字的阶段简化成容易刻画记录的甲骨文阶段, 再经过各种书体的演变, 才成为了当今汉字文化圈最为广泛使用的现代文字。“汉字主要是以形為主的文字, 因此漢字的創造過程也是一種形的創造, 從形的方面來看, 部首對於漢字的形態構成有著莫大的關聯” [2, 页 1]。

部首是“字典、词典根据汉字形体结构, 把具有同一部件的字归为一部, 把这一部字中的共同部件列在全部之首, 就叫部首” [3, 页 113]。如“妈”, “

姓”，“好”，“姁”等字都有同一部件“女”，这些字就归为一部（女部），“女”就是该部的部首。

我们知道汉字部首起源于基本字，是谁最先提出部首这个概念的呢？“中国东汉时期的一个学者许慎（约公元 65-122 年）把 9353 个汉字按字体形状分类，把含有相同结构成分且意义有关联的合体字归为一类，这样，9353 被分成 540 类，其中每类汉字中结构相同的部分——也称为基本字，放在这一类字的首位，并称它为部首。利用这 540 个部首，许慎编著了中国第一部篆书字典叫《说文解字》。后来南朝的学者顾野王（公元 519-581）根据许慎的方法，编写了中国第一部楷书字典叫《玉篇》，共有部首 542 部。到了明代，梅膺祚编了一本字典叫《字汇》（公元 1615）把部首精简到 214。后来，清代的张玉书、陈廷敬等编了《康熙字典》（公元 1710）也用 214 部首。2000 年汉语大词典出版社出版的《标准汉语字典》收了 201 部首。2005 年第 7 月商务印书馆出版的《现代汉语词典》也为 201 部”[4，页 1]。因此，中国人现在学习部首一般都学 201 个部首。我们在本篇文章中，将介绍其中最常用的两个。

现在我们使用的部首很多都起源于古代，但是，古代的写法和现代有着很大的差别，因为在不同历史阶段汉字书写形式发生了变化，因此，部首的书写形式也起了变化。“汉字构形方式是一个随著汉字体系的发展而发展的动态演进系统”[5，页 2]。汉字部首的形体演变大致可以分为五个阶段：甲骨文、金文、小篆、隶书、楷书。“汉代许慎首次以 540 部（也就是 540 个基本字符）来统摄当时所能见到的历史汉字，分析出汉字系统具有结构类型特征，对汉字研究产生了极其深远的影响”[6，页 1]。从甲骨文到小篆，我们称它为古文字阶段，虽然部首的形体有变化，但是它的象形特点依然保存着。从隶书、楷书，我们称它为今文字阶段，部首的笔画已不再是曲线形，而是成为直线形，因此现代汉字已不再是象形文字，而是用笔画组合的抽象符号。

“犬”字，甲骨文描成一只头朝上，尾巴朝下，腿朝左的狗。因为狗的尾巴是上卷的，金文就更突出了这一可以区别于其他动物的特点，下部的尾巴更明显地向右上翘起，所以是个象形字。

图 1（内蒙古阴山岩画·犬）

图 2（金文·犬）

下面是部首“犬”从甲骨文到楷书的字形变化。

图3 甲骨文 金文 小篆 標準字形

“在“画成其物，随体诘屈”的情形下，这种记录语言的方式非常简单，只通过所能见到的事物如实地画下来。当人们想要表达的事物越来越抽象，尤其是表达没有词汇意思的虚词时，这种简单的图画式记录根本就无法满足人们的需求”[7，页5]。到小篆以后，就逐渐失去了狗的形象。

“犬”，属于描绘实体的象形字，大者为犬，小者为狗。甲骨文的犬字样貌算是相当温驯，有著瘦扁的腹部和长而卷的尾巴，卷起的尾巴是犬类处于警觉性很强的状态下才会有的行为。犬是古人主要的肉食品种之一，也是狩猎的好帮手，在现今的人类世界中，吃狗肉往往不被接受，因为狗被誉为人类最好的朋友，但古人在创造犬这个字的时候，并没有以它的美好形象做为创字的依据，反倒是将它视为野兽世界的一部分，这可以从犬的组合字观察出来，如“狼”、“猴”、“猫”、“狗”、“狮”、“獭”，行径多属于野蛮，以肉食性、杂食性为主的动物。

可见，犬部，为汉字索引中的部首之一，康熙字典214个部首中的第九十四个（四划的则为第三十四个）。就繁体和简体中文中，犬部归于四划部首。犬部通常是从下、左、右方均可作为部字。当左为部字时，会以犴作为部字；下、右方为部字时，会以犬为部字。且无其他部首可用者将部首归为犬部，该偏旁通常作为兽类的名称、兽类的性质、捕获野兽。

“火”，属于描绘实体的象形字，像是一团火焰的样子，字形边缘呈现的不规则状像是火在燃烧时所产生的造型。甲骨文时期的火字表达的与实物形象较为相近。下面是部首“火”从甲骨文到楷书的字形变化

图5 甲骨文 小篆 標準字形

每个部首起源时都代表一个相应的事物，也就是表示这个事物，部首所代表的意义，我们称它为基本义。随着语言的发展，一个部首逐渐有了其他意义，产生的这些意义都与基本义有关联，我们称它为引伸义。“汉字是根据它所记录的词（语素）的意义而构形的。构形时，需要选择一种形象或形象的组合，将其生成字符，来描述它所记录的意义，我们把这个选择形象生成字符的过程称作取象，取象所表达出的构字意图称作构意。

构意和取象都要受到造字者和用字者文化环境和文化心理的影响”[8]。例如“火”是汉字的常用部首，“火”的基本义是火焰。用“火”部首组成的合体字与“火”存在着意义上的密切联系。比如“煌”是光辉，“燥”是被火烘了以后那种“干”的感觉。

可见，火部，为汉字索引中的部首之一，康熙字典214个部首中的第八十六个（四划的则为第二十六个）。就繁体和简体中文中，火部归于四划部首。火部通常是从上、下、左方均可为部字。当上方为部字时，会以火为部字；下方为部字时，会以火或灬作为部字；左方为部字时，必以火为部字。火部包含通常含义与“火”有关的汉字。

“火”作为一个独体字，可以跟许多其它字组合表示与“火”不同，但是有关联或相似的一些事物，看下面一些例子：

热闹：红火；发炎：上火；发怒：动火。

我们了解了部首的基本义与引伸义的关系以后，我们学了部首的基本义，不仅能帮助我们学习部首的引伸义，可以让我们很快记住那些含有相同部首的汉字的字义以及帮助我们记住那些用部首作为基本字所组成的词或词组的意思。

因为语言的发展是随着社会和文化的发展而发展的，中国古人的的人生观、宇宙观、宗教信仰、文学艺术、风土人情等都会在汉字的创造中反映出来。部首作为最古老的汉字反映着当时的中国社会和文化。比如：“女”字，甲骨文写作“”，象一个人的两只手相交跪在地上，从这个字形

可以看到中国古代妇女常用的体态姿势。也许在那个时候妇女经常在家里跪着干活，也可能女人在那时候的社会地位已经不如男人那么高，跪着表示处在一种卑下的地位。再如部首“”最初的形状象一只手抓住一个形状尖利的石头，反映出当时的男人是在外面用石头打击动物，获取食物，或是用石头打击敌人，保护部落的安全，从这个部首的形状，我们还可以推知，当时也许处在石器时代。因此学习部首不仅帮助我们学汉字，而且还帮助我们学习中国的文化和历史。

在学习时，同学们最好自己对部首进行意义分类，每学一个新部首，把它列入一个意义类，等学完全部部首时，这些部首就会融入到每个同学各自的认知系统中，形成学生自己的知识体系。

我们了解了部首与包含此偏旁部首的关系后，在学习一个新的汉字时，可以先分析一下这个汉字，想一想是由几个部首组成的，是怎么组成的，那样就能减轻我们记忆的负担，高效地记住汉字。

参考文献

1. 汉字 // 维基百科 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%B1%89%E5%AD%97> – Date of access : 10.02.19.
2. 劉, 育辰. 漢字部首圖像形態之研究 / 劉 育辰, 王藍亭 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://libwri.nhu.edu.tw:8081/Ejournal/4043000401.pdf> – Date of access : 10.02.19.
3. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004.1 (2009.4 重印). – 1792 页.
4. 部首概念的产生 // 汉字部首知识 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.ks.ac.kr/hanja/pdf/Lesson1_hanzibushouzhishiFeb07.pdf. – Date of access : 10.02.19.
5. 徐 , 富昌. 從甲骨文看漢字構形方式之演化 // 國立臺灣大學 [Electronic resource]. – Mode of access : http://homepage.ntu.edu.tw/~bcla/e_book/64/01.pdf. – Date of access : 10.02.19.
6. 洪, 凌雯. 汉字结构的分析和归类 // 社科网 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/788.pdf>. – Date of access : 10.02.19.
7. 张, 凯彬. 中华研究院中文系 篆书的简化与繁化——以石鼓文为研究对象: 本论文为获取文学士荣誉学位 (中文) 的部分条件: 15.11.2013. – 58 页.
8. 王, 宁. 谈汉字与文化的互证关系 // 千千秀字 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.qqxiuzi.cn/wz/zixun/1004.htm> – Date of access : 10.02.19.

УДК 811.161.3'42:398.91(=161.3):811.581'42:398.91(=581)

Л. М. Середя, Е. А. Игнатъева

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР (на материале паремий)

В статье рассматриваются некоторые результаты сопоставительного анализа ценностных ориентаций белорусского и китайского народов на основе изучения пословиц и поговорок данных языков с целью выявления общего и национально-специфического мировосприятия в аксиологическом аспекте.

В любом языке, как «сокровищнице и зеркале культуры» (в терминологии профессора С. Г. Тер-Минасовой), отражаются культурные ценности, ментальность народа, его традиции, обычаи и приоритеты. Получить цельное представление о том или ином этносе не

представляется возможным без исследования и изучения паремиологического фонда данного языка, поскольку именно в нём запечатлен весь познавательный опыт народа, его морально-этические, социально-эстетические, художественные и воспитательные идеалы, отражены ментальность и национальный характер народа, и др.

Паремиологический фонд представляет теснейшее единство этических, нравственных, религиозных, магических, художественных и логических аспектов народного сознания, т.е. все то, что составляет менталитет человека независимо от его национальной принадлежности [1]. Пословицы и поговорки отражают все тонкости оценочного отношения к действительности того или иного этноса, особенности мировосприятия и национальной картины мира.

Целью данного исследования было рассмотрение материальных и духовных ценностей, признаваемых людьми двух этносов в качестве общих и национально-специфических мировоззренческих ориентиров на основе отобранных из словарей методом сплошной выборки 100 белорусских [2] и 100 китайских пословиц [3, 4, 5] и проведение их сопоставительного анализа.

Белорусы – один из самых спокойных славянских народов. В их менталитете совершенно отсутствует склонность к крайностям, чувство национальной исключительности и превосходства. Ментальные характеристики современных белорусов отличаются *традиционностью, умеренностью*; в них отчетливо преобладает *коллективистское начало*, противостоящее рационально-прагматическому и либеральному началу, делающими акцент на индивидуализме, либеральных ценностях и позитивистско окрашенной деятельности [6].

Белорусский народ отличается умением спокойно и сдержанно оценить ситуацию и сделать четкие и соответствующие выводы относительно конкретного вопроса или проблемы. Отличительными чертами нашего народа являются *героизм, несгибаемость* перед шквалами истории и ударами судьбы. К ним также относятся: *толерантность; честность; аккуратность; отзывчивость; доверчивость; открытость; терпеливость; соглашательство; мягкосердечность; конформизм* [7].

Белорусские пословицы были разделены на две группы, в которых ценности выражены эксплицитно – *семантически* и – *метафорически*.

В первую группу входят пословицы, в которых имеется прямое указание на саму ценность: *Горка часам праца, ды хлеб ад яе салодкі; Багатаму і чорт у кашу дбае; Грэх не схаваеш у мех; Дарагая тая хатка, дзе радзіла (нарадзіла) мяне матка.*

На основании данных пословиц представляется возможным выделить такие ценности как **труд, деньги, поступки, дом (родина)**.

Ко второй группе пословиц, где ценности можно выявить лишь благодаря глубокому анализу дефиниций и использованию толкования, относятся следующие: *Бог не выдасць (не дасць, не папусціць, не прадасць), свіння не з'есць*. В представленной пословице зафиксирована такая ценность как **жизнерадостность (вера в хорошее будущее)**. Белорусы верят в то, что существует возможность преодолеть все невзгоды и несчастья и выйти из трудной жизненной ситуации, человеку лишь необходимо хранить в себе эту надежду и не падать духом.

Апёкшыся на малацэ, <i>на ваду дзьмеш (дзьмухаеш). В данной пословице отражена такая ценность как **осторожность**, причем человек становится крайне осторожным после того, как столкнется с различными неприятностями.

В белорусских пословицах удалось обнаружить следующие ценности: **коллективизм (10), дом, Родина (9), деньги (9), труд (8), настойчивость и целеустремлённость (8), любовь и семья (7), жизнерадостность (оптимизм) (7), смирение (принятие судьбы) (7), гостеприимность (5), смелость (рискованность) (5), жизнь (4), предусмотрительность и осторожность (4), репутация (доброе имя) (3), поступки (3), традиции (2), знания (2), время (2), индивидуализм (2), а также дружба (1), щедрость (1), неторопливость (1).**

Как известно из теории межкультурной коммуникации, восточные культуры по своему характеру относятся к **коллективистским**, а западные – к **индивидуалистским**. Восточные люди, живущие в рамках коллективной культуры, относятся к коллективизму с особым вниманием. Они рассматривают коллектив не только как реальное собрание индивидов, но и как более высокую ценность, чем индивиды. Индивид может существовать только в качестве члена семьи, нации, класса и других коллективных образований. Восточный человек приспосабливается к обществу не для того, чтобы контролировать, распоряжаться и управлять другими, а для того, чтобы соответствовать обществу и другим, находиться с ними в гармонии. Приспособиться – значит придавать значение связям, отношениям между людьми, «лицу» [8].

В китайской культуре личность воспринимается как множественность, совокупность различных обязанностей, как долг по отношению к обществу, родителям, семье, самому себе. Как отмечают исследователя, в китайском языке долгое время не существовало слова «личность». Если человек по-китайски звучит как *жэнь* (人), то для того чтобы привести понятие «индивидуальность» или «личность», обыч-

но просто говорят *гэ жэнь* (个人) – «отдельно взятый человек» или «каждый человек». Само такое определение лишь выделяет отдельного человека из толпы, но не дает ему права на индивидуализм, на отдельный внутренний мир, самостоятельную оценку истории или ситуации [9, с. 57–58].

В китайском словаре добродетельных деяний, в котором 28 глав, дается перечень положительных качеств китайцев, которые они проявляют в своих поступках: забота об отечестве; высокая принципиальность, честь; храбрость и преданность, готовность пожертвовать собой; сопротивление насилию; кристальная честность; высокая нравственность, добродетель; чувство справедливости; прямота характера и откровенность; энергичность и аккуратность в политике; поиск истины; любовь к народу; стремление спасать и помогать попавшим в беду; отказ от пошлости; верность; уважение к старшим; беззаветная преданность; решительность; стремление к знаниям; великодушные, снисходительность; соблюдение закона; умение исправлять ошибки; скромность [8, с. 226].

Из 100 отобранных из аутентичных китайских источников по способу выражения ценностей пословицы разделены на 2 группы: пословицы, в которых ценности выражены прямо, т.е. семантически и пословицы, в которых ценности выражены в переносном смысле, метафорически.

К группе пословиц, отражающих ценности прямо, *семантически*, относятся: 豹死留皮, 人死留名 – Леопард умирает – оставляет шкуру, человек умирает – оставляет **доброе имя**; 鸟美看羽毛, 人美看学问 – Красота птицы оценивается по её перьям, а красота человека по его **знаниям**; 皇帝有钱难买万岁 – Даже император не может купить десять тысяч лет жизни (**время** бесценно); 冰冻三尺, 非一日之寒 – Лёд в метр толщиной образуется не за один морозный день и др. В данных пословицах отражаются такие ценности, как **доброе имя, знания, время и труд**.

Вторая группа представлена пословицами, в которых ценности выражены *метафорически*: 不怕虎生三只口, 只怕人怀两样心 – Не бойся, если у тигра три рта, а бойся человека, у которого в груди два сердца; 单枝易折, 多枝难断 – Одну ветку сломать легко, а много веток – трудно; 皇帝轮流坐, 明年到我家 – Звание и полномочия императора получают по очереди, в следующем году очередь дойдет до меня; 千里之堤, 溃于蚁穴 – Муравьиный ход может погубить огромную дамбу. При анализе данной группы пословиц ценности были выявлены лишь благодаря использованию толкования. Таким об-

разом, в вышеприведенных пословицах содержатся такие ценности как *внутренняя красота, коллективизм, жизнерадостность (оптимизм), предусмотрительность и осторожность*.

В пословицах китайского народа были обнаружены такие ценности, как *внутренняя красота (10), настойчивость и целеустремленность (10), дружба (9), время (9), любовь и семья (7), труд (7), коллективизм (7), знания (6), предусмотрительность и осторожность (6), скромность (6), доброе имя (5), честность (5), жизнерадостность (оптимизм) (5), уважение (к старшим) (4), неторопливость (3), традиции (1)*.

Сравнительный анализ китайских и белорусских пословиц позволил определить универсальные ценности, а именно *время, дружба, традиции, труд, коллективизм, репутация (доброе имя), жизнерадостность (оптимизм), любовь и семья, знания, настойчивость и целеустремленность, предусмотрительность и осторожность*.

Кроме того, нам удалось выявить национальные ценности, характерные для того или иного народа. Так, специфическими китайскими ценностями являются *внутренняя красота, скромность, уважение к старшим и честность*. К ценностям, отличающим белорусов от китайцев, относятся следующие: *дом (любовь к Родине), деньги, жизнь, индивидуализм, поступки, смелость (рискованность), щедрость, гостеприимность, смирение (принятие судьбы)*.

Основное различие китайских и белорусских пословиц заключается в том, что в белорусском языке больше пословиц, в которых ценности выражены с помощью лексической номинации. В китайском же языке преобладают пословицы, в которых ценности выражаются метафорически, что подтверждает отнесение китайской культуры (в терминах Г. Хофстеде) к категории высококонтекстуальных.

Список использованных источников

1. Пантелеева, О. О. Паремнологический фонд русского языка как отражение культуры народа / О. О. Пантелеева, А. М. Рыбак // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskiy-fond-russkogo-yazyka-kak-otrazhenie-kultury-naroda>. – Дата доступа : 23.09.2019.
2. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
3. 刘光准, 黄苏华著. 俄汉语言文化习俗探讨. – 北京: 外语教学与研究出版社, 1996. 6.

4. 俄汉汉俄谚语手册 /沈受君, 朝晶石. – 哈尔滨: 黑龙江大学出版社 · 2010.
5. 耶·格鲁斯基, 赵湜 王新善 «英、法、德、意、西、俄对照 谚语汇编» / 耶·格鲁斯基, 赵湜 王新善. – 北京: 中国对外翻译出版公司, 1989
6. Рабышко, О. Э. Особенности национального характера белорусов / О. Э. Рабышко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://studopedia.org/7-137006.html>. – Дата доступа : 07.09.2019.
7. Гатальская, Г. В. Психологические особенности национального характера белорусов / Г. В. Гатальская, Н. М. Ткач. – Психалогія. – №1. – 2010. – С. 30–35. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bspu.by/handle/doc/1382>. – Дата доступа : 20.09.2016.
8. Спешнев, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. – СПб. : КАРО, 2011. – 336 с.
9. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов востока / Г. Л. Пермяков. – М. : Изд-во «Лабиринт», 2001. – 672 с.

УДК 81'373:398.92 (=161.1 (=581 (=512.164)

И. В. Серикова, Д. А. Агаев

КОНЦЕПТ «ВЕЛИКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ» В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется сложный концепт, представленный устойчивым терминологическим сочетанием «Великий шёлковый путь», который зафиксирован в концептосфере русского, туркменского и китайского языках.

Проблеме функционирования Великого шёлкового пути, характера перевозимых по нему в разные эпохи товаров, культурному взаимодействию народов посвящена обширная литература [1; 2 и др.]. Однако соответствующий концепт совершенно не изучен в лингвистическом плане. Этим определяется актуальность выбранной темы, вынесенной в заглавие статьи.

Термин *Великий шёлковый путь* как устойчивое сочетание слов не отражен в словарях русского языка, которые фиксируют подобные языковые единицы. Он отмечен лишь в «Большом толковом словаре русского языка» в словарной статье к слову *великий* [3, с. 16], а также в «Первом толковом энциклопедическом словаре» [4, с. 298].

Анализ неспециальной литературы по теме исследования [1; 2 и др.] и указанных толковых словарей [3; 4] позволил выявить узкое и широкое значение данного термина.

В широком значении *Великий шёлковый путь* – общее название до 16 века торговых караванных путей из Китая в Переднюю Азию через Среднюю Азию, по которым привозились шёлковые ткани. Кроме того, этим термином называлась система торговых трасс древности и средневековья, связывавшая страны Запада со странами Востока. В узком смысле *Великим шёлковым путем* называлась в древности и в средние века караванная дорога между Китаем и Средней и Передней Азией. Поскольку этот путь использовался в первую очередь для вывоза шёлка из Китая, то с этим и связано его название.

Однако название *Великий шёлковый путь* возникло намного позже, чем данная караванная дорога. Оно было предложено в 1877 году геологом бароном Фердинандом фон Рихтгофеном, который назвал систему связей и торговли *Die Seidenstrasse*, что означает в переводе с немецкого *Шелковый путь*. Причём Рихтгофен понимал под этим термином дорогу, связывающую Китай и Рим.

В силу значимости роли *шёлкового пути* в исторических судьбах Евразии, а также его протяженности было введено прилагательное *Великий*. Так возникло устойчивое терминологическое словосочетание *Великий шёлковый путь*. Сами торговцы никогда не называли свой маршрут *Великим шёлковым путем*. Этот термин без прилагательного *великий* употребляется во множественном числе.

В зависимости от маршрута и перевозимого товара в разные временные промежутки существовали *нефритовый путь*, *лазуритовый путь*, *меховой путь*, *путь пряностей*, *морской путь*, поэтому в специальной литературе говорят о *шёлковых путях* [5]. Очевидно, этим объясняется отсутствие термина *Великий шёлковый путь* в Древнем корпусе китайского языка.

Поиск словосочетания «*丝绸之路*» (*Великий шелковый путь*) среди текстов древнекитайского языка результатов не дал. По запросу «*丝路*» (Шелковый путь) зафиксировано 5 вхождений [6]. Поиск словосочетания «*丝绸之路*» (*Великий шелковый путь*) среди текстов современного китайского языка позволили выявить 2246 вхождений [6].

Данные корпуса современного китайского языка позволяют сказать, что термин употребляется: 1) в прямом значении – караванная дорога (古老的丝绸之路早就把东西方文化联结起来。(人民日报1994年人民日报第4季度。)) (Древний Шелковый путь издавна связывал восточную и западную культуры); 2) чаще всего реализуется новое значение – транспортная магистраль, связывающая Запад и Восток (胡锦涛会见土库曼斯坦客人 表示愿同土共建 «现代丝绸之路» (Газета «人民日报»))

(Ху Цзиньтао (председатель КНР с 2003 по 2013 год) встретился с туркменскими гостями, а также изъявил желание приступить к совместному строительству «Современного шелкового пути»).

Сравн. также: 丝绸之路 sīchóu zhī lù *Великий шёлковый путь* (в значении торговые караванные пути, до XVI в. связывавшие через Среднюю Азию Китай со Средиземноморьем); 丝绸之路经济带 sīchóu zhī lù jīngjì dài («Экономический пояс «Великий шёлковый путь»); 海上丝绸之路 hǎishàng sīchóu zhī lù «Морской Шёлковый путь»; 陆上丝绸之路 «Наземный шелковый путь»; 北极丝绸之路 běijí sīchóu zhī lù «Арктический шёлковый путь»; 丝绸之路拉力赛 ралли «Шелковый путь»

В Национальном корпусе русского языка представлено значительно меньше документов с составным термином *Великий шёлковый путь* [7]: в газетном корпусе найдено 73 документа, 87 вхождений, а в основном корпусе т – 39 документов, 55 вхождений.

По данным Национального корпуса русского языка, термин *Великий шёлковый путь* имеет следующие значения: ‘международный или транспортный, логистический проект «Великий Шелковый путь»’ (*Китай реализует важнейший стратегический транспортный проект «Великий Шелковый путь», подразумевающий создание сети автомобильных и железных дорог, которые позволят китайцам торговать с Европой через сухопутные маршруты, а также привяжет к Китаю экономики всех транзитных стран* [Огненные объятия Дракона // «Эксперт», 2015]); ‘торговый путь’ (*В заключение заметим, что в прошлом связь между Западом и Востоком на Евразийском суперконтиненте осуществлялась торговыми путями, из которых важнейшим был Великий шелковый путь*).

Отмечено несколько примеров, в которых данный термин приобретает переносное значение ‘длинный маршрут, долгая дорога’: *Выходит, потом из Казахстана мне двигать в Женеву или Цюрих и даже в Лихтенштейн? Великий шелковый путь, значит? – Не дальше Москвы, не строй иллюзий, – ответил Шлайн* [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

В туркменском языке пока не создан Национальный корпус, поэтому употребление термина *Великий шелковый путь* можно проанализировать исключительно по данным русскоязычного интернета и доступным интернет-порталам Туркменистана.

По-туркменски *Великий шелковый путь* называется *Beýik Ýüpek Ýoly*. В туркменском языке данный термин употребляется в полной форме или усечённой (без прилагательного *Beýik*) в названиях имён собствен-

ных, поэтому всегда закавычивается и пишется с заглавной буквы: 1) название торгового центра Belent (*Ýüpek Ýoly*) Söwda Merkezi в Туркменистане в Марыйском велаяте [8]; 2) название ресторана «*Ýüpek ýol*» в Ашхабаде [9]; 3) название отеля *Beyik Ýüpek Ýoly Myhmanhanasy* в Балканском велаяте, город Туркменбаши [10]; 4) название компании «*Beyik Yupek Yoly*» (Туркменистан) [11]; 5) название онлайн-платформы *Beyik Yupek Yoly*, посвящённой Великому шёлковому пути [12]; 6) название эстафетных палочек «*Beyik Yupek Yoly*» [13].

Таким образом, анализ концепта «*Великий шёлковый путь*» в русском, китайском и туркменском языках позволил сделать следующие выводы: рассматриваемый термин употребляется в широком и узком значении; он может употребляться без прилагательного *шёлковый*; в туркменском языке чаще всего это устойчивое терминологическое словосочетание выступает для наименования городских объектов, интернет-порталов, отдельных предметов, поэтому пишется с большой буквы и берётся в кавычки; в настоящее время роль *Великого шелкового пути* также значительна в культурном взаимодействии народов Востока и Запада. Поэтому во всех языках у термина реализуется новое значение: *международный транспортный, логистический проект «Великий Шелковый путь»*.

Список использованных источников

1. Шёлковый путь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/67338>. – Дата доступа: 02.09.2019.
2. Мамлеева Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансквицизационного взаимодействия народов Евразии [Электронный ресурс] / Л. А. Мамлеева. – Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm>. – Дата доступа: 02.09.2019)
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 1998. – 1536с.
4. Первый толковый БЭС. – СПб. : «Норинт», М.: ИД «РИПОЛ классик», 2006. – 2144 с.
5. О шёлковых путях [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://ru.unesco.org/silkroad/%D0%>. – Дата доступа: 02.09.2019.
6. Center for Chinese Linguistics PKU (CCL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/. – Дата доступа: 02.09.2019.
7. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 02.09.2019.
8. Торговый центр Belent (*Ýüpek Ýoly*) Söwda Merkezi в Туркменистан, Марыйский велаят, Мары [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.maps.me/catalog/shops/shop-mall/belent-yupek-yoly-sowda-merkezi>. – Дата доступа : 02.09.2019.

9. Türkmenistanyň «türkmenbaşy» döwlet täjirçilik banky [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tbbank.gov.tm/tm/plastic-tm>. – Дата доступа : 02.09.2019.

10. Отель Beýik Ýüpek Ýoly Myhmanhanasy в Туркменистан, Балканский велят, Туркменбашы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.maps.me/catalog/lodging/tourism-hotel/beyik-yupek-yoly-myhmanhanasy-4611686024073110679/>. – Дата доступа : 02.09.2019.

11 Туркмения. Австрия. Бельгия. Ближний Восток. РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:odYj-DnHx8wJ:https://polpred.com/news/%3Fcnt%3D160%26sector%3D4%26page%3D3+&cd=16&hl=ru&ct=clnk&gl=by>. – Дата доступа : 02.09.2019.

12. Turkmenistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.unesco.org/silkroad/countries-alongside-silk-road-routes/turkmenistan>. – Дата доступа : 02.09.2019.

13. История великого шёлкового пути [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gollanma.com/beyik-yupek-yoly.html>. – Дата доступа : 02.09.2019.

УДК 811.161.1'373.45

И. В. Серикова, Ф. К. Юлдашев

КИТАИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена малоизученной части словарного состава русского языка – китаизмам, активизировавшимся в связи с изменением вектора развития постсоветских государств конца XX–начала XXI вв. и расширением культурных, экономических и политических связей с Китаем. Предпринимается попытка представить корпус слов китайского происхождения и определить их статус в современном русском языке.

Актуальность исследования данного пласта лексики в современном русском языке объясняется малой изученностью китаизмов в лингвистическом плане. Все факты лексического заимствования находят отражение в лексикографической практике.

Часто словарь отражает языковую ситуацию, представляя такие лексические единицы, которые уже признаны языковым коллективом. В таком случае можно считать, что словарь играет более пассивную роль, аккумулируя то, что уже существует в языке. Активная роль лексикографических изданий в языковом обществе состоит в том, что именно факт регистрации того или другого иноязычного слова в словаре может обуславливать его дальнейшую судьбу в заимствующем

языке, потому что регистрация нового слова в словаре – официальное признание его статуса в данном языке. «Сам факт включения слова в словарь, – пишет Н. З. Котелова, – служит как бы свидетельством его одобрения, санкционированности» [1, с. 6].

Исследование слов китайского происхождения в русском языке проводится на базе Словаря иностранных слов (1949) [2], Современного словаря иностранных слов (1994) [3], Новейшего словаря иностранных слов и выражений (2001) [4], Толкового словаря иностранных слов (2005) [5].

В данных лексикографических источниках словарные статьи построены фактически одинаково и содержат:

1) заголовочное слово в его исходной форме; 2) сведения о произношении; 3) грамматические сведения о слове; 4) зону этимологии; 5) стилистические пометы; 6) толкование слова; 7) примеры употребления слов; 8) производные; 9) устойчивые выражения; 10) энциклопедические сведения о реалии, обозначаемой данным словом. При этом зоны 1, 3, 4, 6 обязательные и имеются в словарной статье каждого слова, остальные зоны факультативные.

Необходимо отметить некоторые особенности фиксации слов китайского происхождения в указанных лексикографических источниках: 1) различный количественный состав китаизмов; 2) повторяемость определённых китаизмов; 3) различное происхождение; 4) отсутствие пометы, указывающей на происхождение слова; 5) различный семантический объём; 6) различное написание; 7) отсутствие или наличие стилистических помет.

В «Словаре иностранных слов» (1949) зафиксировано 20 слов китайского происхождения (они имеют помету «китайское» или она отсутствует, но происхождение понятно из определения слова).

Так, слово *джонка* – «распространённый в Китае тип парусного грузового судна с широкими высоко поднятыми носом и кормой» – не сопровождается пометой «китайское», но определение слова позволяет отнести его к китаизмам. К числу китаизмов мы относим лексемы с пометой «тибетское»: *лама* (тибетское), *ламаизм* (тибетское), *хутухта* (тибетское).

В Словаре иностранных слов (1949) и в словарях более поздних выпусков встречаются слова, которые по-разному маркируются в зоне этимологии. *Далай-лама* – китаизм в Словаре иностранных слов (1949), а в Современном словаре иностранных слов (1994) – это лексема монгольского происхождения.

Различно написание слова *жень-шень* в данном словаре и других лексикографических источниках. В Новейшем словаре иностранных слов и выражений, изданном в Минске в 2001 году, и в Толковом словаре иноязычных слов, вышедшем в 2005 году, слово *женьшень* пишется слитно. В этом же словаре зафиксировано производное прилагательное *женьшеневый*, что говорит об адаптации данного слова в русском языке.

Современный словарь иностранных слов, изданный в Санкт-Петербурге в 1994 году, включает 28 слов, из которых лексемы *байховый*, *панчен-лама*, *панчен-эртни*, *сямисэн*, *ушу*, *фынь*, *хунвейбины*, *цзаофани*, *чай*, *чау-чау*, *юань* отсутствуют в предыдущем лексикографическом источнике.

В данном словаре не отмечены номинации *сун-ятсенизм*, *хунхузы*, *хутухта*, *цзинь*, зафиксированные в Словаре иностранных слов (1949).

Слово *тайфун* имеет различные определения в указанных словарях. Сравн.: «вихреобразный ветер, буря, достигающая разрушительной силы страшных ураганов; возникает в период смены мусонов в южных и восточных морях Азии от Аравии до Японии» и «местное название интенсивных тропических циклонов, возникающих в приэкваториальной зоне (между 5 и 25 градусами северной широты) на западе северной части Тихого океана».

Новейший словарь иностранных слов и выражений, изданный в Минске в 2001 году, послужил следующим источником для сбора китаизмов. Надо отметить, что данный словарь содержит наибольшее количество слов китайского происхождения (61 единица), так как включает много имён собственных (антропонимы, топонимы, мифонимы) и слов других тематических групп, которые не зафиксированы ни в одном другом словаре иностранных слов (85 номинаций). Например: *Бай-Ху* – [кит. Белый Тигр] в китайской мифологии зверь – покровитель запада, распугивающий всякую нечисть и способствующий развитию наук; знамёна с его изображением несли позади войска; изображался на воротах даосских храмов в качестве стража, причём уже в человеческом облике.

Зафиксированы слова с пометой «китайское» в Толковом словаре иноязычных слов, вышедшем в 2005 году. Данный словарь содержит 30 китайских слов, из которых *го*, *кетчуп*, *соя*, *теин*, *ханжа*, *ханишин* не отмечены в Словаре иностранных слов (1949).

Номинации *гоминьдан*, *дзэн-буддизм*, *компрадор*, *панчен-эртни*, *цзаофани*, встречающиеся в Словаре иностранных слов (1949), не включены в список китаизмов в Толковом словаре иноязычных слов (2005).

В данном лексикографическом источнике отмечены слова с пометой «тибетское»: *лама*, *ламаизм*, *панда*, *панчен-лама*.

Для слова *тайфун* в Толковом словаре иноязычных слов (2005) приводится производное *тайфунный*.

Многие слова китайского происхождения, зафиксированные словарями, относятся к устаревшей лексике. В основном это лексемы, которые объединяются в тематическую группу «Общественное лицо»: *гоминдан* (иногда оно фиксируется как *гоминьдан*) – реакционная националистическая помещичья буржуазная партия в Китае, власть которой была свергнута в 1949 г. Народной революцией [3, с. 167]; *мандарин* – в феодальном Китае: крупный чиновник [6, с. 341]; *тайпин* – участник крестьянской войны в Китае (1850 – 1860) против маньчжуро-китайских феодалов [5, с. 682]; *ходя* – уничижительное название китайца [6, с. 865]; *хунвейбины* – молодежные отряды, сформированные в Китае в 1966 г. для проведения так называемой «культурной революции» [5, с. 778]; *хунхуз* – участник вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до победы революции в Китае 1949 г. [5, с. 365].

Редко встречаются слова с пометой «книжное»: *бонза* – (книжн.) чванное должностное лицо, надменный, чиновник [2, с. 56].

Китаизмы – преимущественно однозначные слова, однако определённые слова могут быть полисемантическими: *чай* – 1) культивируемое вечнозеленое растение, высушенные и особо обработанные листья которого при заварке дают ароматный тонизирующий напиток; 2) высушенные измельченные и специально обработанные листья такого растения; 3) напиток, настоянный на таких листьях; 4) настой из заваренных сушеных листьев или плодов какого-нибудь растения, ягод; 5) то же, что чаепитие [5, с. 876; 6, с. 877].

Встречаются среди китаизмов также омонимы: *лама*¹, заимствованное из испанского языка – животное семейства верблюдовых, не имеющее горба; и *лама*² тибетского происхождения, пришедшее в русский язык из монгольского, обозначает «монах-священник у буддистов-ламаистов» [5, с. 424].

По данным словарей, отдельные китаизмы пришли в русский язык опосредованно: *соя*, *кетчуп*, *тайфун*, *чау-чау* – из английского языка; *сампан*, *нанка*, *теин* – из французского языка; *джонка* – из малайского языка; *бонза* – из японского языка.

Таким образом, лингвографическая характеристика китаизмов, извлечённых методом сплошной выборки из словарей иностранных слов различных лет издания, позволила сделать следующие выводы: корпус слов китайского происхождения составляет 160 слов; наибольшее коли-

чество таких слов зафиксировано в Новейшем словаре иностранных слов и выражений – 61 единица; эта цифра значительно увеличивается за счёт довольно большой в количественном отношении группы имён собственных (85 номинаций); были отмечены слова, встречающиеся в каждом словаре, отсутствующие в определённом справочнике; китаизмы входят в русский язык различными путями, заимствуются опосредованно и непосредственно; китаизмы имеют различное написание и производные слова, что связано со степенью освоенности данных слов русским языком; слова китайского происхождения различны по тематической принадлежности; китаизмы могут вступать в системные отношения (быть одно- и многозначными, являются омонимами), они имеют различную стилистическую окраску.

Список использованных источников

1. Котелова, Н. З. Предисловие // Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой / Н. З. Котелова. – М., 1984.
2. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. И. Петрова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 801 с.
3. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
4. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 976 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выраж. / Российская АН, ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.

УДК 811.161.1'373.2:664.5:811.581'373.2:664.5

А. Г. Суколен

НАЗВАНИЯ ПРИПРАВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Наиболее очевидно национальная специфика языка проявляется в слове. На примере слов, называющих приправы в русском и китайском языках, рассматривается необходимость учета при овладении иностранным языком, не только коммуникативной, но и кумулятивной функции другого языка.

Язык является неотъемлемым условием существования и развития общества, частью духовной культуры нации и ключевым средством общения между людьми. Культура, будучи комплексным опытом самопознания, самовыражения и накопления навыков и умений определённого сообщества, отражается не только в единых устоях, традициях и верованиях, объединяющих группу людей, но и непосредственно в языковых единицах, которые члены этого общества используют для общения и взаимодействия. «Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [1, с. 21].

Для носителей китайского языка, изучающих русский, и для носителей русского языка, изучающих китайский, особая сложность заключается в освоении лексики, имеющей одинаковые денотаты, но разные эмоционально-эстетические, культурно-национальные смысловые оттенки и ассоциации. Указанные маркеры, которые сопровождают слово в рамках различных этноязыковых систем, чрезвычайно важны для качественного межкультурного общения. В связи с этим обратим внимание на лексику, связанную с национальной кухней, скрывающую в себе этномаркированные характеристики культуры народа.

Традиции питания на протяжении многих веков весьма устойчивы. «В системе культурных маркеров определенного этноса кухня является естественным национальным феноменом, развивающимся стихийно, но в соответствии с внутренними закономерностями и представляет собой механизм формирования этнической идентичности на уровне повседневности» [2, с. 148].

В китайской кухне главенствующее место занимает искусство использования приправ. Без специй немислимо ни одно блюдо китайской кухни, поэтому приправы и пряности являются неотъемлемой частью повседневной жизни китайцев. Данную мысль подтверждает факт существования в китайском языке фразеологизма 油盐酱醋 (букв. масло, соль, соевый соус и уксус), употребляющегося в значении ‘повседневные мелочи, ежедневные и необходимые принадлежности, которые часто используются в быту и работе’ [3, с. 664]. Рассмотрим каждое слово, которое входит в состав данного фразеологизма, в аспекте национально-культурной коннотации в русском и в китайском языках.

Масла́ применяют в кулинарии разных стран и практически во всех видах блюд. Одни сорта масел используют для приготовления горячих блюд – жарки мяса и овощей, другими сортами заправляют салаты и маринады, а третьи сорта применяют для ароматизации десертов и для приготовления теста. Как в русском, так и в китайском языке словом *масло* / 油 называют ‘жирное вещество, получаемое из молока домашних животных, из семян, цветов или плодов некоторых растений и из веществ минерального происхождения’, а также ‘масляные краски в живописи’ [4, с. 523], [5, с. 1583]. Основанием для образования переносных значений в обоих языках является гипосема ‘жирный’, которая подразумевает наличие в околядерной зоне лексического значения семы ‘скользящий’. У носителей русского языка данная сема ассоциируется с имплицитными семами ‘гладкий’, ‘ровный’, ‘свободный’, ‘беспрепятственный’, ‘везучий’. Например: *как с масла вода* ‘о человеке, которому всё безразлично, нипочём; о человеке, которому ничего не делается, несмотря на все трудности и превратности судьбы’; *как в масле кататься* ‘о чьей-либо обеспеченной, сытой и привольной жизни’ [6, с. 337]; *жизнь как по маслу* ‘о чьей-либо легко, без затруднений текущей жизни’, *идти как по маслу* ‘о хорошо идущих, удачных делах, совершении чего-либо без трудностей и препятствий’ и др. [6, с. 338]. У носителей китайского языка сема ‘скользящий’ ассоциируется с имплицитными семами ‘ненадёжный’, ‘несерьёзный’, ‘двусмысленный’, ‘лживый’. Например, в китайском языке слово 油 (букв. *масло*) используется в значении ‘изворотливый, хитрый, пронырливый’: 这个人太油 (= этот человек слишком хитрый), 老油子 (= старый хитрец) [5, с. 1583]; 油滑 (букв. *масло и скользить*) ‘хитрый, увёртливый; лукавый, неискренний’ [5, с. 1584]; 油嘴 (букв. *масляные уста*) ‘болтливый, бойкий на язык’ [5, с. 1585]; 油嘴滑舌 (букв. *масляные уста и скользящий язык*) ‘легкомысленный, несерьёзный в речи, болтун, шутник’ [5, с. 1585]. Сравн. русск.: *На словах – как на масле, а на деле – как на прясле* ‘о красноречивом, но не обязательном в делах человеке’ [6, с. 338].

Так как маслом часто приправляют всевозможные блюда для того, чтобы улучшить их вкус, в околядерной зоне лексического значения слова 油 (букв. *масло*) реализуется сема ‘добавлять’: 添油加醋 (букв. *добавлять масло и уксус*) ‘приукрашивать факты, добавлять для красного словца, искажать действительность, преувеличивать’ [5, с. 1288].

Одной из важнейших пряностей во всём мире является соль – кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребля-

емое как приправа к пище [4, с. 1234]. Также в русском языке словом *соль* называют ‘то, что придаёт особый интерес, остроту (речи, рассказу и т. п.)’. Основанием для появления данных значений является наличие гипосем ‘острый’ и ‘пряный’ в семантической структуре слова *соль*. Сравн.: *пресный* ‘лишённый живости, остроумия, неинтересный, скучный’ [4, с. 966]. Как в славянской, так и в китайской культуре соль ассоциируется с умом, поэтому лучших представителей какой-либо общественной группы, общества и т. п. носители русского языка называют *солью земли* [4, с. 1234], а носители китайского языка – 盐梅 (букв. *соль и сливы*) [3, с. 288].

Необходимо отметить, что для русского народа соль – это не только приправа к пище, но и мощное защитное магическое средство, используемое во многих ритуалах. «В Древней Руси соль было трудно добывать, и она стала исключительно ценной пищей. Во время того, как гунны господствовали на всём евразийском континенте, Аттила, лидер гуннов, уничтожил большую часть соляных залежей на территории современной России» [7, с. 39]. Из-за своей ценности и труднодоступности соль со временем стала заветной, у неё развилось обрядовое значение. «Сакральный характер соли формируется и под влиянием библейских и апокрифических текстов. Устойчивое соединение двух самоценных по себе и собственной символике продуктов «хлеб-соль» образует единство, основополагающее для многих ритуалов» [8, с. 113]. Ритуальная соль использовалась для вызывания дождя, для ускорения и облегчения родов, для создания оберегов от насекомых гадов и диких животных, для уничтожения демонов и др. Подтверждением того, что соль также служила средством вредоносной магии, является слово *насолить*, которое в современном русском языке используется в значении ‘навредить’.

Если у славянских народов соль из-за своей труднодоступности символизировала достаток, то для китайцев она ассоциировалась с бедностью: 盐车 (букв. *повозка для соли*) ‘унизительная служба’ [3, с. 287].; 朝齋暮盐 (букв. *утром – овощи, а вечером – соль*) ‘жить очень бедно, терпеть нужду, лишения’ [9, с. 676]. Сравн. русск.: *перебиваться с хлеба на воду*.

В китайской кухне соль имеет меньшее значение, чем в других национальных кухнях, так как для приготовления множества блюд китайцы используют соевый соус, который сам по себе очень солёный. По этой причине китайцы практически не употребляют соль, в отличие от других народов мира. Для славянской традиционной кухни использование данной приправы нехарактерно. Несмотря на ши-

рокое применение соевого соуса в китайской кулинарии, а значит, и в повседневной жизни рядового китайца, слово 酱 в китайском языке имеет только прямое, номинативное значение.

В отличие от соевого соуса, уксус (ячменный, медовый, яблочный и др.) издавна использовался как китайскими, так и русскими хозяйками для консервирования, маринования. Уксус помогал обеззараживать продукты и хранить их какое-то время. Словом уксус называют жидкость с резким кислым вкусом, представляющую собой водный раствор уксусной кислоты [4, с. 1382]. Компонент уксус входит в состав устойчивых сравнений: *кислый как уксус* ‘об очень кислом напитке’, *крепкий как уксус* ‘о едком, с раздражающим запахом поте’, *разъедающий как уксус* ‘о строго логичном, безжалостном анализе’ [6, с. 705]. Данные сравнения возникли из-за переосмысления непосредственных физических свойств этой жидкости.

В китайском языке слово 醋 (букв. уксус), кроме прямого значения, имеет значение ‘ревность, ревновать’ [5, с. 226]. Например: 吃醋 (букв. *есть уксус*) ‘ревновать’, 醋意 (букв. *уксусные мысли*) ‘чувство ревности’, 醋劲儿 (букв. *уксусная сила*) ‘ревность’, 醋炒 (букв. *жарить в уксусе*) ‘ревновать’, 醋坛子 (букв. *уксусница*) ‘ревнивец, ревновать’, 醋心 (букв. *уксусное сердце*) ‘ревновать, ревность’ [5, с. 226]. Ревность – это обжигающее горячее чувство, которое разъедает изнутри, поэтому коннотативно-семантический перенос «醋 → ревность» с одной стороны связан с физическими свойствами уксусной кислоты, а с другой стороны – с китайской историей: «Фан Сюаньлин был любимым министром императора Ли Шиминя династии Тан. Благодаря Фану политика императора успешно воплощалась в жизнь. Император решил отблагодарить министра, но не деньгами, а дав в награду молодую красавицу. Ревнивая и властная жена Фана, узнав об этом, предпочла смерть и выпила данный императором сосуд с ядовитым вином. Она не умерла, и император, смеясь, сказал, что, зная её характер, дал ей сосуд с уксусом» [10, с. 13].

Таким образом, слова *масло* / 油, *соль* / 盐, *соевый соус* / 酱, *уксус* / 醋 наполнены культурно-национальными смысловыми оттенками и ассоциациями, посредством которых выполняют функцию знаков культуры. В связи с тем, что изучение культурно значимой лексики даёт необходимое взаимопонимание, при помощи которого можно более грамотно подойти к общению с представителями иных культур, при речевом взаимодействии необходимо опираться не только на соответствия, отражающие универсализм человеческого мышления, но и на закономерные расхождения, обусловленные культурной спецификой.

Список использованных источников

1. Багана, Ж. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале названий домашних животных в русском, английском и немецком языках) / Ж. Багана, Ю. С. Михайлова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3 (11). – С. 21–27.
2. Андреева, Л. А. Язык, культура, питание: национальная кухня как этномаркер в молодежной среде / Л. А. Андреева, О. А. Хопияйнен, Н. В. Филимонова, А. В. Якимчук // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – № 6 (2). – С. 147–153.
3. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – Т. 2. – 1100 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004.1 (2009.4 重印). – 1792 页.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
7. Цай, Дань. Слово «соль» в русском языке / Дань Цай // Казанский вестник молодых ученых. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 38–43.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2012. – Т. 5 : Сказка–Ящерица. – 736 с.
9. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 3. – 1104 с.
10. Ван, Хуа. Изучение национально-культурной коннотативной лексики в русском и китайском языках / Хуа Ван // Вестник томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 11–14.

УДК [821.161.1+821.581]:398.21

Сяо Кайсянь

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СКАЗКИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД

В статье устанавливаются прагматические функции прецедентных феноменов (оценочная, прагматическая, эстетическая и номинативная), которые формируют определенные культурные коннотации, отражающие национальные культурные особенности, национальную историю и национальный характер.

Язык – зеркало культуры, он отражает действительность и создает свою картину мира, уникальную для каждого языка, народа, этнической группы, пользующейся данным языком как средством общения. Национальная культура, вступая в диалог с другими национальными культурами, обнаруживает такие стороны, на которых внимание в родной культуре не акцентируется. М. М. Бахтин по этому поводу пишет: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 335]. С этой точки зрения, прецедентное имя, выступая культурным кодом определенной нации, представляет большой интерес для исследователей.

Термин *прецедентный феномен* как объект лингвокультурологического исследования попал в центр внимания русских ученых в конце 80-х годов прошлого века, однако интерес к этому языковому явлению начал проявляться лишь в начале XXI ст. Е. В. Поветьева определяет прецедентность следующим образом: «...это свойство лингвистических феноменов – прецедентного текста, ситуации, имени, высказывания, которое носит характер эталонности, порождается через культурный фонд мировой или национальной истории и узнаваем большинством членов общества на национальном и межнациональном уровне» [4, с. 14].

В. В. Красных и др. среди прецедентных феноменов выделяет *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентное имя*. Термин *прецедентный текст* впервые был предложен и теоретически обоснован Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности» на VI международном конгрессе представителей русского языка в 1986 г. [3], где отметил, что прецедентный текст является в широком смысле культурным феноменом.

И. В. Захаренко, В. В. Красных и другие исследователи, рассматривая внутреннюю структуру вербальных прецедентных феноменов, предложили термин *прецедентного имени* – это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин, Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (*Ломоносов*) или более элементов (*Куликово поле, «Летучий голландец»*), обозначая при этом одно понятие»

[2, с. 84]. Оно включает в себя не только имена людей, но и клички животных и названия предметов. Прецедентное имя представляет собой сложную многоуровневую структуру и хорошо известно национальному языковому и культурному сообществу, поскольку фиксируется в языковой и культурной картине мира народа. В процессе межкультурной коммуникации знание прецедентных имен особенно важно, так как они выполняют различные коммуникативно-прагматические функции.

Определяя функции прецедентных имен в русских сказках, ученые устанавливают следующие их типы: оценочная, прагматическая, эстетическая и номинативная функции. Прецедентное имя, прецедентный текст или прецедентное высказывание – это, прежде всего, эмоциональность и образность, т. к. прецедентный феномен имеет определенные культурные коннотации, реализуя оценочную функцию. Например, *Но ты весь такой легкий, что мне просто страшно! Ты, по-моему, не на самолете можешь в Барселону улететь, а просто так... – На помеле, – улыбнулся он. – Как Баба-Яга* (Анна Берсенева «Полет над разлукой»).

Прагматическая функция прецедентного феномена усиливает воздействие текста на адресата, например, прецедентное имя *Баба-Яга* – это концепт, который можно развернуть в текст: *это старуха, которой лет 300, у нее тонкий, горбатый длинный нос; она часто пользуется волшебством, живет в избушке на курьих ножках, летает на метле* и т. д. – и этот концепт устойчиво сформирован в сознании носителей русского лингвокультурного сообщества.

Эстетическая функция прецедентного феномена выражается в том, что прецедентное имя в народных сказках имеет воспитательную ценность. Например, прецедентное имя *Иван-дурак* – младший сын в семье, ленивый, глупый, но при этом, попадая в самые сложные ситуации и проявляя свои умственные и физические способности, всегда одерживает победу над злом. Исследователи отмечают, что в образе этого героя отражается оптимистическое отношение русских людей к жизненным обстоятельствам.

Одна из функций прецедентного имени – номинативная: имя может стать обозначением образа жизни, внешности и т. д. Например, *Золушка* – это имя девушки, которая постоянно выгребает золу из камина, выполняет непосильную домашнюю работу и поэтому всегда ходит грязная, но в душе она очень добрая и нежная. В результате добро побеждает, и Золушка выходит замуж за принца, тем самым подтверждая культурные коннотации: счастливым становится только тот, кто умеет делать счастливыми других.

В китайских народных сказках прецедентное имя выполняет

оценочную, коммуникативную и нормативную функции [5], что свидетельствует о несовпадении функций прецедентных феноменов в русских и китайских сказках. Эти несовпадения определяются разным национально-оценочным мышлением в разных культурах. Например, прецедентное имя *Лотос* – в китайских сказках имеет значение ‘благородный’, а в русских сказках *Лотос* – символ лени и отсутствия желания работать.

Прецедентное имя как своеобразный культурный код, аккумулирующий представления народа о традициях, обычаях и др., – это определенные ассоциации, связанные с социальными явлениями и закрепленные в сознании народа как коллективные, обязательные для всех членов этого сообщества представления о некоторых феноменах культуры и мира. «Эти представления хранятся в когнитивной базе данного лингвокультурного сообщества в редуцированном и минимизированном виде, к ним обращаются всякий раз, когда возникает необходимость сжато передать сложные и многозначные понятия, и они легко развертываются любыми другими членами этого сообщества» [4, с. 12]. Таким образом, существует общий для всех членов определенного лингвокультурного сообщества ассоциативный опыт, основанный на опыте предшествующих поколений.

Внешняя форма выражения прецедентного имени – это язык, отражающий национальные культурные особенности, национальную историю и национальный характер, богатые культурные коннотации, воплощенные в прецедентных феноменах – в литературных и музыкальных произведениях, легендах и мифах, устном народном творчестве, архитектуре, скульптуре и др. Прецедентное имя отражает мировоззрение нации, представления о нравственных ценностях, характеризует способ мышления – и в этом его уникальность.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство. – 1979. – 423 с.
2. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
3. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–123.

4. Поветьева, Е. В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Поветьева ; Моск. гор. пед. ун-т. – Волгоград, 2014. – 25 с.

5. 陈虹. 先例现象在言语交际中的功能[J]. 文教资料. – 2009/ –31 s. – (Чэнь Хун, Функция прецедентных феноменов в вербальной коммуникации / Чэнь Хун // Культурный педагогический материал. – 2009. – 31с.)

УДК 76.044.036(510)

У Сянь

ТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ СВАДЕБНЫХ РИТУАЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЖИВОПИСЦА ВАН ИДУНА

В данной статье дана характеристика творческих достижений современного китайского живописца Ван Идуна, авторский стиль которого отличается классическим совершенством рисунка и цвета. Его большая социо-культурная и художественно-новаторская заслуга заключается в том, что он на протяжении уже более 20 лет посвящает свои живописные произведения тематике праздничных ритуалов, тем самым укрепляя значение народных традиций для гармонического развития современного общества как в Китае, так и за его пределами.

Искусство праздников и торжественных церемоний связано в Китае с большими историческими традициями. Надо сказать, что многие современные художники отводят этой теме большое внимание. Общеизвестно, что сущность праздника принадлежит к социальным нормам и обычаям.

Художественные поиски и находки, благодаря этой обширной тематике, могут совершенствоваться в колористических, формально-пластических, идейно-содержательных аспектах. Искусство живописи в решении темы народных праздников не сталкивается с некими незыблемыми канонами, которые могут сковывать инициативу художников. Связь с жизнью и максимум фантазии и свободы – вот одна из характеристик такой живописи, что является неисчерпаемым источником вдохновения [2, с. 27]. Большое место в ритуалах занимает свадебная церемония. Она очень отличается от европейского ритуала подобного семейного торжества. Возможно, некоторые китайские свадебные традиции со-

вершенно не известны иностранным зрителям. Но современная бытовая живопись может помочь приобщиться к традициям разных провинций большой дальневосточной страны.

Очень известный в настоящее время живописец Ван Идун внес в ее образное решение свое впечатляющее творческое новаторство. Серия «Невеста, свадьба», которая берет свое начало в 1990-х гг., отражает стремление художника к созданию классической масляной живописи, в которой будут донесены национальные китайские особенности свадебной церемонии для самого широкого числа зрителей как на его родине, так и далеко за ее пределами [1, с. 15].

Буквально в начале 1990-х гг. Ван Идун искал и нашел новую тему живописи – сельскую сцену бракосочетания и создал ее многократные живописные вариации. Надо отметить при этом следующую важную особенность: китайские художники предпочитают изображать избранные сюжеты в виде серий картин, в которых тема раскрывается с многочисленными уточнениями и дополнениями основного замысла.

Ван Идун также использует такой творческий подход. Например, он многократно изображает серийный сюжет «Девушка, которая будет замужем». Он концентрирует внимание на образе молодой взволнованной невесты, которая сидит на стуле, прямо в центре композиции. Позади пожилая женщина помогает ей одевать праздничный наряд. Девушка смотрит вперед и как бы оказывается лицом к лицу со зрителем. Это добавляет живую нотку эмоционального общения с картиной, делает зрителей сопричастными с событием, изображенным на картинной плоскости. В результате возникает знакомое многим по собственному жизненному опыту взволнованное ожидание и беспокойство. Психологическое состояние девушки, которая собирается выйти замуж, передано художником очень доходчиво и впечатляюще. Простые люди из народной среды, как известно, выражают свои чувства и настроения очень искренне и естественно, без лицемерия и наигранности. Поэтому образ современной китайской невесты из провинции, несомненно, может быть близким и понятным и в далеком европейском мире, невзирая на разные этнические и этнографические особенности. В очередном многозначительном сюжете «Невеста в горах» (1996) в основном используются самые контрастные цвета: черный, белый и красный. Жених одет в черный костюм, украшенный красной лентой, невеста – в красном платье, фон – белый. В символических деталях картины очень впечатляет присутствие «старомодной» керосиновой лампы, как напоминание о тяжелых и мрачных временах, которые остались позади. Фон украшен праздничными народными вырезками из бумаги, а также большой красной декориро-

ванной тканью с набоечным орнаментом в виде золотых рыбок, что является характерным для украшения интерьеров во время свадебных ритуалов. В 1998 г. живописец начал серию картин под общим названием «Подшучивать над новобрачными». Этот сюжет легко объясняется. Вечером при зажженных свечах за праздничным столом собрались участники свадьбы. В центре молодые пьют горячительные напитки и отвечают шутками на шутки гостей. Все очень веселые и непринужденные. Благодаря приглушенным цветам, сцена выглядит очень загадочной и привлекательной. Особенно выделяется образ невесты в темно-красном платье. Она опустила глаза и немного смущена острыми шутками. Но она вполне понимает суть ритуала и не теряет свою ответственную роль невесты, которая должна быть в каждой ситуации разумной, скромной и находчивой. Здесь художник нашел свой настоящий образный идеал современной девушки, которая всегда сохраняет задумчивое спокойствие и готова к самым разным жизненным ситуациям. В 2006 году художник успешно продолжил свою серию «Подшучивание над молодыми». Возвращаясь к уже известному сюжету, он показал более динамическую композицию не с фронтальной точки зрения, а как бы сбоку. Все гости уже выпили крепкий и горячий чай и решили перекурить в присутствии молодых. Они же помогают им прикуривать от огня больших торжественных свечей. Ситуация очень заурядная, но художник сумел так выразительно передать светотень, непринужденные движения персонажей, что незаметный эпизод превратился в завораживающее зрелище, напоминающее картины великих европейских художников эпохи барокко. Такие средства выразительности характеризуют безусловного лидера современной реалистической живописи, искусство которого может поражать воображение зрителей не только в Китае, но и за его пределами [3, с. 5].

В 2005 г. Ван Идун продолжил тематику сельских праздников и обратился к образному раскрытию радостных событий из жизни молодой семьи, которые происходят в первые послесвадебные месяцы и годы. Его картина называется «Играю на зурне на Празднике весны». Главные персонажи, как актеры на импровизированной сцене играют в семейную упряжку, в которой молодому супругу уготована роль тяглого работника. А милая молодая жена умело управляет простоватым по внешнему виду мужчиной. Красный цвет «упряжки» и одежды молодой китаянки такой живой и насыщенный, что трудно не повиноваться такому «семейному солнышку». Музыка зурны здесь скорее слышится в ритмах движений, нежели в изображении самого традиционного музыкального инструмента.

Художник продемонстрировал в творческих сериях развитие своих новаторских идей. Как профессиональный мастер реалистической живописи он сумел доказать тот важный факт, что живопись не устаревает в соревновании с новыми технологиями, которые увлекают своими технологически-продвинутыми программами изображения.

Ван Идун успешно соединил средства выразительности европейской классической масляной живописи с темой китайской национальной культуры и создал свой уникальный современный художественный стиль. Но истинная ценность его творческих достижений не только в совершенном и виртуозном владении рисунком и цветом, а в искренне увлеченном обращении к образным изображениям народных праздников, среди которых очень важное место для него занимает тема традиционной китайской свадьбы и начало совместной жизни молодой семьи. В этом заключается великая идея сохранения народных традиций, а вместе с ними и краеугольных духовно-нравственных ценностей, без которых невозможен процесс гармонического развития современной культуры как в Китае, так и в других странах.

Список использованных источников

1. 钱志坚, 王沂东油画散谈, 美术, 1992 年- (Цянь Чжицзянь. Ван Идун, Живопись маслом / Цянь Чжицзянь. – Пекин : Искусство, 1992. – 258 с.)
2. 彭彤著 《全球化与中国图像 : 新时期中国油画本土化思潮成都 : 四川美术出版社, 2005 年 -376 页 (Пэн Тун. Глобализация и китайский имидж: развитие китайской живописи в новую эпоху / Пэн Тун. – Чэнду : Сычуаньское искусство, 2005. – 376 с.)
3. China realism. Wang Yidong. – Changchun: Publishing House. Fine arts Press, 2010. – 111 p. (Китайский реализм. Ван Идун. – Чаньчун : Издательство «Изобразительное искусство-Пресс», 2010. – 110 с.)

УДК 811.161.1'42:398.91:502:811.581'42:398.91:502

К. Л. Хазанова

ПРЫРОДНЫ СВЕТ У БЕЛАРУСКІХ І КІТАЙСКІХ ПАРЭМІЯХ

У артыкуле супастаўляюцца беларускія і кітайскія прыказкі і прымаўкі з вобразамі жывёл, птушак, насякомых. У падборы вобразаў дамашніх жывёл беларускія і кітайскія парэміі праяўляюць падобнасць,

а вобразы дзікіх звяроў адрозніваюцца. Зааморфныя вобразы ў парэміях канцэнтравана перадаюць складаны змест, а самі выразы становяцца больш запамінальнымі і цікавымі.

Прыказкі і прымаўкі як важны складнік духоўнай культуры народа і яскравы рэпрэзэнтант вуснай народнай творчасці адлюстроўваюць менталітэт народа. У адрозненне ад іншых фальклорных жанраў, парэміі можна назваць найбольш актыўна функцыянальнымі. Народныя выслоўі суправаджаюць чалавека штодзённа. Трапляючы ў пэўную жыццёвую сітуацыю, кожны часта міжволі прыгадвае адпаведнае народнае выслоўе, здольнае слухна і эмацыянальна ахарактарызаваць змест падзеі і адначасова выказаць адносіны да яе.

Лінгвістычную цікавасць выклікае супастаўляльнае даследаванне ўсходнеславянскіх і кітайскіх парэмій. Ва ўсходнеславянскай народнай культуры традыцыйна выдзяляюцца прымаўкі і прыказкі. Адрозненні паміж гэтымі фальклорным адзінкамі не надта вялікія, межы выдзялення даволі хісткія. Нездарма, “у ніводным парэміяграфічным зборніку прыказкі і прымаўкі асобна не змяшчаюцца” [1].

У кітайскай моўнай культуры выдзяляюцца Чэньюй (成语) [2], а таксама Суюй (俗语) [2] і Яньюй (谚语) [2]. Як заўважаюць даследчыкі кітайскай мовы, “сэнс Суюй (俗语) і Яньюй (谚语) можна адразу зразумець, але, як правіла, каб зразумець Чэньюй (成语), патрэбны спецыяльны слоўнік, які паведаміць гісторыю ўзнікнення і сэнс Чэньюя” [2].

Назіранне за беларускімі і кітайскімі прымаўкамі і прыказкамі паказвае, што ў многіх выслоўях, народжаных абедзвюма культурамі, задзейнічаны зааморфныя і арнітаморфныя вобразы.

І ў беларускіх, і ў кітайскіх выразях сустракаецца вобраз курыцы. Курыца (кура, курка) – часты персанаж беларускіх парэмій: *Дзяцей угадаваць – не курэй пераішчытаць* [3, с. 81]; *Тлустую курыцу лацвей скубсці* [3, с. 32]; *Яйцо курыцу вучыць* [3, с. 184]; *Родам і куры хахлатая, ды не ўсе чубатая* [3, с. 152]. У выслоўях адзначаецца і ўся птушыная сям’я: *З печанага яйца жывое куранё выседзеў* [3, с. 145]; *На сваім сметніку і певень гаспадар* [4, с. 336]. У кітайскіх выслоўях птушка іншасказальна называе простыя, зразумелыя і не вельмі значныя з’явы: *Рэзаць курыцу на застрашванне малпаў* – 杀鸡吓猴 [shā jī xià hóu] ‘караць кагосьці для таго, каб напужаць іншых’ [5]. Для падкрэслівання нязначнасці рэаліі, якая метафарычна схавана за

вобразам папулярнай як і ў Беларусі, так і ў Кітаі дамашняй птушкі, у выслоўях разам з вобразам курыцы прысутнічае іншы зааморфны вобраз: *У судзе лісы заўсёды вінаватыя куры* – 在狐狸的法庭, 总是有罪 [zài húli de fǎtíng jī zǒngshì yǒuzui] [2].

Некаторым кітайскім выслоўям з вобразам курыцы можна адшукаць ва ўсходнеславянскім фальклору парэмійныя адпаведнікі, у якіх таксама знаходзім прадстаўнікоў птушынага свету: *Мечом для забою буйвалаў рэзаць курыцу* – 杀鸡焉用牛刀 [shā jī yān yòng niú dāo] ‘выкарыстоўваць вялікія сродкі для невялікіх мэт’ [5] – *3 пушкі на вераб’ям страляць*.

Пры параўнанні арнітаморфных вобразаў беларускіх і кітайскіх парэмій выяўляюцца выразы з удзелам куліка. У беларускіх выразях паказваецца лакалізацыя птушкі: *Гэта кулік з вялікага балота* [3, с. 140]; *Жыве кулік, дзе прывык, і кожны роднае балота хваліць* [6]. Зусім іншы вобраз птушкі ўласцівы для кітайскіх выразай: *Пакуль кулік і бяззубка змагаліся, у выйгрышы аказаўся стары рыбак* – 鹈蚌相争, 坐收渔翁之利 [yù bàng xiāng zhēng, zuò shōu yú wēng zhī lì] ‘канфлікт двух бакоў карысны для трэцяга боку’ [5].

Драпежных птушак беларускія прыказкі і прымаўкі не ўзгадваюць, за выключэннем адзінкавых запазычанняў тыпу: *Арол мух не ловіць* [3, с. 186], што з’яўляецца перакладам лацінскага выразу: *Aquila non captat muscas*. А ў кітайскіх выразях прысутнічаюць вялікія птушкі: *Адной стралой (забіць) двух ястрабаў* – 箭双雕 [yī jiàn shuāng diāo] ‘адным дзеяннем дасягнуць некалькі мэт’ [5]. Без дадатковага параўнальнага даследавання ўспамінаецца ўсходнеславянскі адпаведнік з зааморфным вобразам: *Адным стрэлам забіць двух зайцаў*.

Вобразы рыб фіксуюцца ў беларускіх прыказках і прымаўках зрэдку: *Шчасце на дне мора рыбкаю плавае* [7, с. 242]. У кітайскіх выслоўях рыбы называюцца часта: *Вочы рыбы выдаваць за жэмчуг* – 鱼目混珠 [yú mù hùn zhū] ‘пра спробу выдаць падробку за арыгінал’ [5]; *Залазіць на дрэва ў пошуках рыбы* – 缘木求鱼 [yuán mù qiú yú] ‘пра немагчымасць дасягнуць мэты, калі абіраць няправільныя сродкі’ [5]. Між тым, для адзінкавых выразай з названым вобразам устанаўліваецца адпаведнасць: *Як рыба, што атрымала ваду* – 如鱼得水 [rú yú dé shuǐ] ‘пра чалавека, што мае ўсе ўмовы для развіцця свайго талента або дапамогу ў справе’ [5] – *Як рыба ў вадзе*.

І кітайскія, і беларускія прыказкавыя выразы заканамерна выкарыстоўваюць вобразы дамашніх жывёл, якія выкарыстоўваюцца ў

гаспадарцы. У беларускіх і кітайскіх выразх абавязкова ўспамінаецца “сябар чалавека” – сабака: *Пан суда байца, як сабака мухі* [3, с. 30]; *Ані хлеба, ні табакі – прападаем, як сабакі* [3, с. 38]; *Сабака касматы – яму цёпла, чалавек багаты – яму добра* [3, с. 32] – *Сабакі ў Сычуані брэшуць на сонца* – 蜀犬吠日 [shǔ quǎn fèi rì] ‘пра таго, хто з прычыны невуцтва здзіўляецца чамусьці натуральнаму’ [5].

У беларускіх выслоўях папулярны вобраз каня: *Галодны і каня з капытамі з’есць* [3, с. 41]; *Адным канём усё поле не аб’едзеи* [3, с. 11]; *Каб конь ведаў аб сваёй сіле, то б ніхто яго ў рукі не ўзяў* [3, с. 15]; *Сказанага ў сто коней не дагоніш*. Сустракаецца ў беларускім парэмічным фондзе вол: *Дужы вол ды волі не мае* [3, с. 14]; *З аднаго вала дзвюх скур не дзяруць* [3, с. 44]; *Сем сёл – адзін вол* [3, с. 54]. Гэтыя вобразы ў выслоўях ствараюць уяўленні сілы, трываласці, значнасці. У кітайскіх выразх такія самыя функцыі ўскладзены не толькі на каня, але на буйвала, які актыўна выкарыстоўваецца ў гаспадарцы азіяцкіх народаў: *Назваець алень канём* – 指鹿为马 [zhǐ lù wéi mǎ] ‘спрабаваць выдаць хлусню за праўду’ [5]; *Стары згубіў каня, хто ведае, бяда гэта або поспех* – 塞翁失马，焉知非福 [sài wēng shī mǎ, yān zhī fēi fú] ‘часовыя непрыемнасці могуць стаць поспехам’ [5]; *Буйвал з царства Ву цяжка задыхаў гледзячы на месяц* – 吴牛喘月 [wú niú chuǎn yuè] ‘пра чалавека, які праяўляе залішнюю нервознасць ці боязь чаго-небудзь’ [5].

Устойлівыя выразы фіксуюць у сваім складзе найменні жывёл, якія найбольш важныя і распаўсюджаныя ў народнай гаспадарцы. У беларускіх прыказках і прымаўках адзначаюцца вобразы каровы і свінні: *Было на кароўку, будзе і на вяроўку* [3, с. 40]; *Не галодная карова, калі пад носам сена* [3, с. 50]; *У каго свіння тлустая, у таго і каша густая* [3, с. 56]; *Тады гэта ўдасца, як свінні з поля будуць шагам ісці* [3, с. 54]. У кітайскіх выслоўях узгадваюцца авечкі: *Чыніць загон, (калі) авечкі ўцяклі* – 亡羊补牢 [wáng yáng bǔ láo] ‘ніколі не позна зрабіць неабходныя дзеянні, каб пазбегнуць новых памылак і страт’ [5].

Прыказкі і прымаўкі таксама ўтрымліваюць метафарычныя апавед пра дзікіх жывёл. Ва ўсходнеславянскім, і ў прыватнасці – беларускім, фальклоры сярод драпежнікаў асабліва папулярныя мядзведзь і воўк. Шматлікія беларускія прыказкі і прымаўкі выкарыстоўваюць гэтыя вобразы для іншасказання: *З мядзведзем дружы, а стрэльбу дзяржы* [3, с. 14]; *Лепей з мядзведзем навітацца, як з панам знацца* [3, с. 26]; *І мядзведзя скакаць навучаць* [3, с. 24]; *Два мядзведзі ў адной бярозе не зімуюць* [4, с. 158]; *Лепей з ваўком у лесе стрэцца, як на панскай печы*

грэца [3, с. 26]; *На воўка стрэльбу рыхтуй, а не пугу* [3, с. 15]; *Што робіць воўк, тое і ваўчаняты* [3, с. 36].

Для кітайскіх выразаў уласцівы зварот да вобраза тыгра: *Казёл у скуры тыгра* – 羊质虎皮 [yáng zhì hǔ pí] ‘пра магутнага і грознага на выгляд і баязлівага ў сапраўднасці’ [5]; *Тры чалавекі (схлусяць)* – з’яўляецца **тыгр** – 三人成虎 [sān rén chéng hǔ] ‘папярэджанне пра тое, што людзі могуць паверыць шматразова паўторанай хлусні’ [5]; *Конь конь, тыгр, тыгр* – 马马虎虎 [mǎ mǎ hǔ hǔ] ‘нехайна, нядбайна, абьякава’ [2].

І канешне, не могуць абысціся кітайскія прыказкавыя выразы без вобраза дракона: *Любоў князя Егуна да драконаў* – 叶公好龙 [yè gōng hào lóng] ‘пра дэманстрацыю хлуслівай любові да таго, каго ў сапраўднасці баішся’ [5].

Знаёмства з кітайскімі парэміійнымі выразамі сведчыць пра пашыранасць у іх вобразаў насякомых: **Багамол** ловіць цыкаду – 螳螂捕蝉 [táng láng bǔ chán] ‘пра таго, хто бачыць хуткую карысць і забывае пра магчымыя непрыемнасці ў выніку гэтага ў будучым’ [5]; **Багамол** уздумаў спыніць калёсы – 螳臂当车 [táng bì dāng chē] ‘пра спробы зрабіць штосьці большае за ўласныя магчымасці’ [5].

Параўнальнае даследаванне беларускіх і кітайскіх прыказак і прымавак паказвае, што ў абодвух культурах – і ва ўсходнеславянскай, і ў азіяцкай – парэміі надзвычай уважлівыя да свету прыроды і яе насельнікаў. Дзеючымі персанажамі парэміі становяцца блізкія і добра знаёмыя прадстаўнікам названых культур жывёлы, птушкі, насякомыя, якія водзяцца на тэрыторыі пастаяннага пражывання этнасаў і (або) з’яўляюцца ўяўнымі істотамі, уласцівымі для народнай культуры. За некаторымі зааморфнымі вобразамі ў традыцыйных культурах замацаваліся метафарычныя абазначэнні рэалій жыцця чалавека. Дзякуючы вобразам жывёл, птушак, насякомых у прыказках і прымаўках у сканцэнтраваным выглядзе перадаецца складаны змест, а самі выразы становяцца больш запамінальнымі і цікавымі. Калі ў выбары вобразаў дамашніх жывёл беларускія і кітайскія парэміі праяўляюць падобнасць (*конь, сабака, курыца*) пры некаторых адрозненнях (*буйвал* у кітайскіх выразях), то вобразы дзікіх звяроў, натуральна, адрозніваюцца (ва ўсходніх славян – *мядзведзь, воўк*, у кітайцаў – *тыгр, дракон*), што абумоўлена кліматычнымі і гістарычна сфарміраванымі культурнымі адрозненнямі ўсходнеславянскіх і кітайскага народаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Прыказкі і прымаўкі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://studfiles.net/preview/5439158/page:13/>. – Дата доступу : 14.09.2019.
2. Китайские поговорки и пословицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.waiwailaowai.com/kitaiskie-pogovorki/>. – Дата доступа : 14.09.2019.
3. Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – Выд. 2-е, дап. і перапр. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
4. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалецвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
5. Китайские пословицы и поговорки. – Режим доступа : <https://www.studychinese.ru/proverbs/>. – Дата доступа : 14.09.2019.
6. Прыказкі ды прымаўкі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.movananova.by/zaniatki/prykazki-dy-prymauki-kuryca-ne-ptushka-pyavestka-ne-dachushka.html>. – Дата доступу : 05.08.2019.
7. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : “Навука і тэхніка”, 1992. – 491 с.

УДК 811.161+811.581

Е. И. Холявко, Чжо Вэньсюань

ФИЛОНИМЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена ласковым именам, употребляемым в русской и китайской речи студентов-филологов. Современный частный выбор предпочтительного именования эмоционально значимого партнера позволяет охарактеризовать общее отношение к традиции в наиболее устойчивой сфере, подверженной неосознанной социальной регуляции.

Филоним – это ласковое имя, которым называют любимого человека. В такой функции могут использоваться узуальные или окказиональные лексемы. Состав филонимов не может претендовать на исчерпывающую полноту, завершенность из-за уникальности взаимоотношений каждой пары. Однако субъективный выбор любовного имени основан на объективной культурно значимой традиции, не совпадающей у разных народов.

Для выявления филонимов, установления особенностей их семантики, изучения функционирования и структуры ласковых обра-

щений к любимому человеку в русской и китайской речи был проведен опрос студентов-филологов, обучающихся в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины. Собранный фактический материал не позволяет сделать статистические наблюдения по причине его неравнозначности, но дает возможность качественной характеристики национально окрашенного индивидуального выбора в устойчивой среде неформального общения.

И. Б. Левонтина пишет, что в основе «большинства ласкательных обращений, причем не только в русском языке, лежат три идеи. Часть их них прямо указывает на соответствующее чувство: это такие слова, как *любимый, желанная, любовь моя, радость моя, счастье мое, ненаглядная* и т. п.» [1, с. 239–240].

Второй универсальной идеей является идея «ценности и уникальности объекта чувства: это такие слова, как *дорогой, единственная, бесценный, золотой, сокровище мое, золотце*» [1, с. 240].

Третья идея актуализирует признак приятности, симпатичности «объекта чувства. Это не только слова типа *хорошая* или *сладкий* (ср. также английские *honey* и *sweet heart*), но и множество более изысканных определений. Эта идея, кроме того, очень часто выражается через сравнение с разными симпатичными существами или предметами (отсюда всевозможные *зайки* и *киски*). С этим же, видимо, связана распространенность в разных языках ласкательных обращений типа *малыш, маленький, детка* и т. п. (конечно, прежде всего по отношению к женщинам): существо небольшого размера и юного возраста вызывает симпатию. Вообще здесь простор для фантазии наибольший, и список обращений этой группы был бы бесконечным. Некоторые из таких слов, например, *голубчик* или *лапочка*, уже практически утратили связь с тем образом, который когда-то лежал в их основе» [1, с. 240].

В ряде случаев мотивацию филонима нельзя свести к одной идее: «разные идеи совмещаются. Так, в обращении *солнышко* можно усмотреть ссылку как на приятность, так и на уникальность. В обращениях *душа моя* или *сердце мое* сочетаются идеи ценности и любви. А в слове *милый* мерцают два разных смысла: *милый* – это то ли тот, кто хорош, то ли тот, кто нравится» [1, с. 240].

Эмпирические данные подтверждают мнение И. Б. Левонтиной: чаще других в речи студентов-филологов используются позитивно маркированные субстантивированные прилагательные – 29,9% от общего числа собранных речевых единиц. Наиболее распространены обращения – *любимый, любимая* (29,5%), *дорогой* (18%), *милый*

(14,7%), *родной* (9,8%), *малая* (9,8%); более редки *очаровательная, тёплая, прекрасная, нежный, лучший, милашкин, маленький, ненаглядный*. К этой группе примыкают существительные, мотивированные прилагательными: *милашка, малютка*.

Вторую по численности группу составляют филонимы, мотивированные наименованиями животных, – 22% от общего числа речевых единиц.

В рассматриваемой группе преобладают метафорические ассоциации с образом кота: *кот, котя, котюля, котик, киса, кошашка, кошашнице, котёнок, кошечка, мура* – 37,7%.

По численности близко к вышеназванной (20%) находится подгруппа обращений с доминирующим признаком «заяц»: *зайка, зайчик, зайчонок, зая*, причем в одном случае указанный признак совмещается с наименованием по соответствующей фамилии.

В третью по количеству подгруппу входят филонимы, мотивированные словом *медведь* (6,6%), – *медвежонок, мой мишутка, медведик*. Остальные речевые единицы упоминаются респондентами реже: *жирафик, рыбка, милый жук, лемур, жабка, лось, тигрёночек, обезьянка, лисёнок*.

При характеристике зооморфных филонимов следует учитывать, что большинство номинаций адресовано лицам мужского пола, и это ограничивает круг потенциально востребованных лексем семантически. Грамматически мужской род апеллятивов, ставших основой для подобных обращений, не является препятствием для использования их по отношению к девушкам. Наиболее частотны исконные, мифологически маркированные образы, имеющие прочные традиционные связи с народной духовной культурой. Все приведенные филонимы имеют ярко выраженный метафорический характер. Зооморфные обращения обладают яркой национальной спецификой, обусловленной особенностями культурной среды, различиями в видении мира. Кроме того, в формировании социокультурной специфики обращений значимую роль играют длительно формирующиеся традиции народа.

Третью группу по частоте употребления занимают прозвища, мотивированные указанием на внешнюю или внутреннюю особенность, манеру поведения адресата и уменьшительно-ласкательные формы личных имён (по 8,3%): *пончик, бородатка, ушастик, шоколадная булочка, конфетка, ванилька, пряничек, чумазик, рыжулик, мордаха, чистюля, сладкий, дурачок, дурашка, красавчик, командир, пуся, пупсик, пупуся, чудо, пупырка, лапушка, лапочка, бука, горечко, счастейко*. Среди филонимов этой группы частотны речевые единицы, употреб-

ление которых ассоциируются с теплотой отношения, приятностью обращения, привлекательной внешностью.

Образование уменьшительно-ласкательных форм личных имён подчинено строгим языковым законам. Обращения возникают в результате усечения основы и (или) суффиксации: *Макс, Максик, Даник, Тёмочка*. Используются суффиксы субъективной оценки с модификационным ласкательным и уменьшительным значением. Полные формы личных имен, сокращенные разговорные формы не рассматриваются респондентами в качестве филонимов, что объясняется особенностью коммуникативной ситуации, требующей неформального общения. Интересно, что в этой группе встретились два мифонима (*Буся, Ляля*), возможно, под влиянием филологической образовательной среды адресантов.

Наименее частотны в роли филонимов сочетания с притяжательными местоимениями *мой, моя* (12,7%): *мой любимый, жизнь моя, любовь моя, мой родной, мой герой, мальчик мой родной, радость моя, мой ангел, дорогой мой, моя прелесть, мой хороший, моё золото, моя пупуся, мой милый, нежность моя, лучик мой, моё счастье, миг моего сердца*. Единицы этой группы указывают на предпочтительное отношение, на избранность, уникальность, ценность партнера, на право обладания.

Отсутствие обращений, созданных на основе фитонимов, в речи студентов-филологов можно объяснить тем, что обращения предназначались лицам мужского пола.

Таким образом, в русской речи преобладают узуальные ласковые обращения. Они разнообразны по своей структуре и внутренней форме, отличаются эмоциональностью в проявлении чувства по отношению к значимому партнеру.

Этнокультурные различия заметны в создании ласковых обращений представителями китайского народа.

Носителями китайской лингвокультуры при обращении выбирались общепринятые номинации: девушки адресовали мужчине: 亲爱的 (Qīn'ài de) – *любимый, милый*; 亲亲 (Qīnqīn) – *любимый, сладкий*; 宝贝 (Bǎobèi) – *драгоценный, малыш*; 宝宝 (Bǎobao) – *малыш, дорогой*; 小心肝 (Xiǎo xīngān) – *драгоценный*; молодые люди – при обращении к девушкам: 甜心 (Tiánxīn) – *любимая, сладкая*; 小宝贝 (Xiǎobǎobèi) – *драгоценная, маленькая*; 妞妞 (Niūniū) – *малышка*; 小公

主 (Xiǎogōngzhǔ) – *маленькая принцесса*. Все респонденты считают наиболее приемлемым обращение по имени. Как видим, преобладают традиционные обращения, эквивалентные русским *любимый, дорогой, сладкий, милый*.

Т. Лю считает, что «устойчивые обращения в китайском и русском романтическом общении имеют и сходство, и различие, в том числе различия больше, чем сходства» [2] и приводит в качестве примера 心肝 – *сердце-печень*, равнозначное русскому выражению *душа моя* [2]. Закономерно специфика речевой ситуации обуславливает выбор положительно маркированных имен, однако позитивная ироничная окраска может создаваться за счет контекстуальной и (или) коммуникативной среды. Например, 小笨蛋, 小傻瓜 – *дурачок, шутка* – *изящный противник*. «Такие обращения в прямом значении имеют значение «умалить человека и бросать тень на человека», но в речи влюблённых такие значения совсем не чувствуются, а наоборот, они полны привязанности и нежности» [2].

Обратим внимание также на малое сравнительно с русским материалом употребление зоонимов. Среди записанных нами обращений зоонимы отсутствуют, Т. Лю приводит два: 小豬 – *поросёнок*; 小猫咪 – *котёнок* [2]. Такие обращения в функции филонимов могут быть использованы русской лингвокультурой, правда, второе будет характеризоваться как распространенное выражение нежности, а первое – как индивидуальное, ироничное.

Различия в выборе ласкового имени эмоционально значимого партнера зависят не только от типа языковой личности, но и «влиянием разных национальных традиций, обычаев, нравов, особенностей быта людей и т. д. Поэтому можно сказать, что обращения влюблённых как своеобразное средство выражения национальной культуры обладают яркой национальной спецификой, обусловленной особенностями культуры и различиями в мировоззрении» [2].

Таким образом, современный частный выбор предпочтительного именования эмоционально значимого партнера позволяет охарактеризовать общее отношение к традиции в наиболее устойчивой сфере, подверженной неосознанной социальной регуляции; определить национальную специфику эмоционально-экспрессивных речевых единиц; исследовать соотношение традиционного и инновационного материала. Ласковое имя – немаловажный дополнительный идентификатор личности в неофициальной сфере общения, бытовой коммуникации, индивидуально характеризующий человека в малом социу-

ме. Молодые люди отказывается от использования окказиональных имен, заменяя уникальное обращение основным именем любимого человека. Окказиональные имена близких людей имеют положительно маркированную внутреннюю форму. Преобладание узуальных единиц в неформальной коммуникации свидетельствует об устойчивости этикетной традиции и регулятивном воздействии традиционной матрицы русского и китайского языкового сознания.

Список использованных источников

1. Левонтина, И. Б. Милый, дорогой, любимый... / И. Б. Левонтина // Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 238–246.
2. Лю, Т. Эмоционально-оценочное обращение в речевой ситуации в китайском и русском языках : влюбленные молодой человек и девушка / Т. Лю // Молодой ученый. – 2017. – № 13. – С. 693–696 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/147/41103>. – Дата доступа : 18.09.2019.

УДК [81'42:82-191]+[811.161.1+811.581]

Ху Вэй

БАСНЯ КАК НОСИТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье отражена история китайской басенной культуры, выявлены сходства и различия русской и китайской басни, представляющих большой интерес с точки зрения взаимодействия различных культур, наций и языков, т. к. басня – древнейший творческий жанр, имеющий большое значение для национально-литературного наследия разных народов.

Басенные тексты не раз привлекали внимание исследователей, в том числе и в плане отражения жанровых национальных особенностей (Е. М. Касьянова, Л. Н. Полуянова, О. В. Рисина, В. А. Тихомирова, В. А. Шипилов). Особенность структуры и функционирования средств передачи культурной информации басенных текстов запечатлены в рамках разных временных периодов: 1) зарождение оригинальной русской басни, ее становление и развитие

(XVII – I половина XIX вв.), 2) формирование русской басни как подлинно национального жанра в творчестве И. А. Крылова (начало XIX века), 3) кризис басенного жанра (2-я половина XIX – 1-я половина XX в.), 4) современное состояние басни (конец XX – начало XXI вв.). Всесторонняя характеристика средств передачи культурной информации в русских баснях – в их взаимосвязи с эпохой создания текстов [1, с. 127].

Национально-культурная специфика китайских ономастических единиц в сопоставлении с русскими в настоящее время изучена недостаточно. Среди выполненных в Беларуси и России работ компаративного характера, где с разной степенью полноты представлено описание китайско-русских ономастических параллелей, следует упомянуть монографическое исследование Ван Ли о русскоязычной урбанонимии Беларуси в сопоставлении с китайской (Минск, 2007). Рубеж XX–XXI вв. характеризуется всеохватывающими процессами глобализации, в условиях которых различные культуры, нации и языки интенсивно влияют друг на друга. При этом роль иностранных языков и практическая значимость их в межкультурной коммуникации не может быть преувеличена. Взаимодействие и взаимопроникновение национальных культур и языков – предпосылка их общечеловеческой значимости.

Исследование басни для понимания и познания различных культур и языков представляет большой интерес, так как она является древнейшим творческим жанром, имеющим длительную историю развития в литературном наследии разных народов. Интерпретация басни, как и любого текста, сохраняющего культурную память, в определенной степени зависит от конкретной исторической эпохи. Оставаясь всегда актуальной, она направлена на обличение социальных и нравственных пороков в общественном сознании людей.

Изучение басни как средства межкультурной коммуникации предполагает учет ключевых положений лингвокультурологии, основанной на культурных ценностях, запечатленных в единицах языковой системы, в устных и письменных текстах. Лингвистические факторы связаны с развитостью как лексической, так и грамматической семантики, в частности синтаксической приспособленностью языка к выражению тончайших оттенков мысли. Басня – один из древнейших жанров словесного искусства, раскрывающий особенности национального характера, особенности исторического развития языка. «Изучение языка во взаимосвязи с его историей позволяет окунуться в ментальную сферу представителей того или иного национального языка» [2, с. 96].

В китайском языке слово *басня* (*юй янь*) включает два компонента, где *юй* означает 'аллегория', а *янь* – 'обсуждение'. Басня – это жанр китайских литературных произведений, представляющий своего рода уроки. В основе китайской басни для выражения определенной философии лежит наставление, построенное по аналогии с историческим повествованием с использованием ярких метафорических приемов. Животные, образы которых олицетворяют людей, авторы разоблачают социальные пороки китайского феодального общества.

Китай является одной из четырех древних цивилизаций мира и одним из трех мест рождения мировой басни (Китай, Индия, Греция). Слово *басня* впервые появилось в «Баснях Чжуанцзы»: 寓言者，藉外论之 (букв. *С помощью слова другого человек произнес свою собственную мысль*); «Мир Чжуанцзы»: «以重言为真，以寓言为广» (букв. *Риторика – это правда через язык мудрецов, а басня – инструмент для передачи мудрости*). Древние китайские басни имеют долгую историю. Они были известны в уже в период ранней династии Цинь: «Чжуанцзы», «Лицзы», «Менций», «Хан Фэйцзи», «Политика враждующих государств» и т. д. Эволюцию китайской басни можно представить следующим образом:

1. Доциньская эпоха (периоды Чуньцю и Чжаньго, 221 г. до н. э.). В баснях этого периода излагаются философские и политические идеи разных школ.

2. Период династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Через басни преподносятся уроки истории.

3. Эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных Династий (общий термин для исторического периода 220–589 гг.) – переходный период китайской басни, особенность которых – высмеивание политики правящих династий.

4. Династии Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.) – второй кульминационный период в истории басни. Отличительная черта – больше иронии, чем философии. Это знаменитые басни Лю Цзунюаня «Охотник на змей», «Биография Фу Бянь», «Три завета» (осел в городе Цянь – старое название города Гуйчжоу, лось в городе Линьцзян,мышь некого Юн).

5. Династии Мин и Цин (1368–1912 гг.) характеризуются использованием в баснях юмора. И в первую очередь – это известный сборник «Юй Ли Цзы» от автора Лю Цзи.

Древние китайские басни – огромная сокровищница мысли и искусства, они имеют очень четкие национальные характеристики и занимают

важное место в истории китайской литературы как носители этнокультурной информации. Кроме того, тематика китайской басни, ее содержание отражают ценности китайской культуры, например: в баснях «Чжуан Цзы» содержатся мысли о свободе; в баснях «Ле Цзы» утверждается, что человек – часть природы; в баснях «Мэн Цзы» прославляется гуманное отношение к людям, прославляется справедливость и высмеивается алчность (как лучшие и худшие качества правителя) и т. д. То есть басня становится выражением идеологии и политики.

С другой стороны, китайские басни – это сочетание рационального духа и образного мышления как отражение национального менталитета. Например, басня «Лао Цзы обращается к врачу» из книги «Шэнь Цзы» – это диалог между Лао Цзы и его учителем Шан Жун. Однажды Шан Жун заболел, Лао Цзы посетил своего учителя и стал задавать ему вопросы. Он спросил учителя: «Учитель, вы можете меня чему-нибудь научить?». Шан Жун не стал ничего говорить, а только открыл рот. Тогда ученик спросил: «У меня есть язык?». Лао Цзы ответил: «Да, есть». Шан Жун еще спросил: «У меня есть зубы?». «Нет» – ответил Лао Цзы. Но Шан Жун ничего не понял и опять спросил: «Ты понимаешь, о чем я тебя спросил?». И тогда учитель ответил: «Ты потерял твердую вещь, а мягкую оставил себе». Эта басня отражает суть даосской философии – «противостоять твердому мягким». Основным способ выражения – «Цзинь Цюй Чжу Шэнь» (букв. *это словосочетание из книг «Чжоу И» обозначает следующее: «считывайте» информацию с изменений вашего тела и окружающей среды, это способствует рождению определенных суждений и предсказаний*).

Постоянное развитие межкультурного взаимодействия в настоящее время определяет важность изучения не только иностранных языков, но и культур. Именно поэтому в современной филологии актуальным является описание способов репрезентации в языке национально-специфичных знаний об окружающей действительности.

Древняя китайская культура оказывает большое влияние на современный литературный процесс. До европейского Ренессанса китайская культура была ведущей мировой культурой, сформировавшей восточный культурный круг в Азии, известный как конфуцианский. Однако после Ренессанса европейская культура оттеснила китайскую, и сегодня европейская культура оказывает сильное влияние на современную культуру Китая. И в то же время китайская басня как носитель национально-культурного мышления не только не забыта, но и широко распространена в Северной и Южной Корее, Японии, Вьет-

наме и в других странах Юго-Восточной Азии, образуя басенную семью Восточно-Китайской Азии [3].

Между русскими и китайскими баснями имеется много общего: одинаковая структура, нравоучительная мораль, использование иносказания, придуманный сюжет, использование образов животных для изображения человеческих пороков. Процесс изучения текстов русских басен закономерен: басня как жанр обычно строится на основе традиционных сюжетов, в связи с чем каждому басеннику для придания своему произведению индивидуально-авторского колорита было необходимо наделить его национальной спецификой.

В то же время китайские и русские басни имеют определенные различия. В языковом отношении в китайской басне используется весь арсенал изобразительно-выразительной лексики: аллегории, метафоры, гиперболы и т. д. Русская басня напоминает скорее сказку, привлекая читателей сюжетной линией. В древней китайской басне мы как бы «переживаем историю» через поведение людей. Это помогает нам понять и прочувствовать глубокую древнюю китайскую мудрость.

Культурно значимые языковые единицы выражают как временные особенности развития того или иного общества – современную автору лингвокультурную ситуацию, под которой понимается «динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах» [4, с. 18], так и фундаментальные духовные ценности народа. Поэтому рассмотрение подобных единиц является значимым не только в теоретическом, но и в практическом плане, в плане изучения языка, поскольку во взаимосвязи с культурой язык способствует проникновению в ментальную сферу представителей того или иного социума [2, с. 83]. Изучение басни как условия успешной межкультурной коммуникации помогает овладеть национально-культурными особенностями народа и его языка.

Список использованных источников

1. Покровский, В. И. А. Крылов : сборник историко-литературных статей / В. И. Покровский. – Изд. 3-е доп. – М., 1911. – 200 с.
2. Рудов, М. А. Жанр басни в русской литературе / М. А. Рудов. – Фрунзе : Мектеп, 1974. – 209 с.
3. 陈蒲清, 寓言传/陈蒲清// 岳麓书社. —2014. —150–159 (Чэнь Пуцин. Сборник басен / Чэнь Пуцин // Юэ Лу ШуШэ, 2014. – С.150–159.
4. Степанов, Н. Л. Басни Крылова / Н. Л. Степанов. – М. : Художественная литература, 1969. – 112 с..

Цао Чэнь

**КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПАРК
«ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ» И СОВРЕМЕННЫЕ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ**

曹晨

中白工业园科创中心助力白俄罗斯科技资源与中国等其他国际对接

После более чем четырехлетнего развития Индустриальный парк «Великий Камень» превратился в проект, который оказывает важное влияние на экономическое развитие Республики Беларусь, на развитие торгово-экономических обменов и сотрудничества между Китаем и Беларусью. «Великий камень» – это хорошая платформа для сближения промышленности, технологий и талантов, которая реализует долгосрочное устойчивое развитие парка. Это – база для возникновения других международных парков в будущем, это – поистине жемчужина на «поясе Шелкового пути». Для реализации демонстрационных проектов Индустриального парка Великий Камень предстоит долгий путь. Учитывая сложившуюся ситуацию в Республике Беларусь, использование китайско-белорусского индустриального парка «Великий Камень» как технологической инновационной платформы будет способствовать развитию Белорусской научно-технической инновационной деятельности.

中白工业园经过4年多的发展，已经发展成为对当地经济发展产生重要影响的项目，对促进中白两国之间的经贸交流与合作产生了积极影响，为把中白工业园建成为一个产业、技术和人才聚合的良好平台，并实现园区的长期可持续发展，为今后中国发展其他的海外园区提供借鉴，真正将中白工业园打造成“丝绸之路经济带”上的明珠项目和示范工程，中白工业园区开发股份有限公司工作任重道远。针对于白俄罗斯国家现有情况，利用好中白工业园科技创新平台将更有利于白俄罗斯科技创新事业的发展。

。

中白工业园经过4年多的发展，已经发展成为对当地经济发展产生重要影响的项目，对促进中白两国之间的经贸交流与合作产生了积极影响，为把中白工业园建成为一个产业、技术和人才聚合的良好平台，并实现园区的长期可持续发展，为今后中国发展其他的海外园区提供借鉴，真正将中白工业园打造成“丝绸之路经济带”上的明珠项目和示范工程，中白工

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР (ПОДЧЕТЕН СОВЕТУ МИНИСТРОВ)				КОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР	
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК) Экспертные советы	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ТЕХНОЛОГИЯМ (ГКНТ) Национальный центр интеллектуальной собственности Белорусский инновационный фонд Республиканская научно-техническая библиотека Научные центры, институты и технопарки	НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (НАН) Научно-производственные объединения Научно-практические центры Научные институты и центры	ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ (ГОСУДАРСТВЕННЫЕ) Научные лаборатории Институты Технопарки	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ Научные лаборатории Научно-исследовательские центры Конструкторские бюро	ЧАСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ Научные лаборатории R&D центры Конструкторские бюро

业园区开发股份有限公司工作任重道远。园区的产业导入是园区发展的重点工作之一，一方面可以通过外部导入，如引入大型龙头企业入驻等。二是内部培育，如通过建立科创中心，集聚本地及周边地区的科技人才，在园区内部对有前景的项目进行孵化培育，并使其落地中白工业园等。针对于白俄罗斯目前的科技生态情况，我们对从事研发的机构可以进行如下分类。

Year	Percentage
2014	0,50%
2015	0,50%
2016	0,51%
2017	0,59%
2018	0,61%

图B : 2018年各国科技研发支出占其国内生产总值的比重 %

可见自 2017 年增长后，白俄罗斯研发支出保持稳定水平，占国内生产总值的 0.6%（同比 2014 年增长了 11 个百分点），但与邻国相比，研发支出水平仍相当低，在波兰和俄罗斯这一指标大于 1%。同时，国家资金要支持不同领域内的大量项目，这就导致缺少扶持重点且对每个领域的扶持资金金额不多。鉴于此，利用国际商业资金，在白俄罗斯进行科研工作不仅有利

于弥补白俄罗斯在科研领域的资金不足，更有利于增加白俄罗斯本地科研人员与国际经验，国际市场的联系。

中白工业园是两国政府首脑高度重视的项目。针对于白俄罗斯现有劳动力及市场策略，从内部培育角度建立了中白工业园科创中心。中心有如下定位：

1. 项目孵化平台——

引进具有产业化前景的项目及专业服务机构，对研发项目进行孵化和培育，就地转化，进入规模化生产。

2. 产融结合平台——

引进金融投资者（风投基金、产业基金）、企业投资者、科技研发机构，搭建产融结合平台。

3. 展示交易平台——

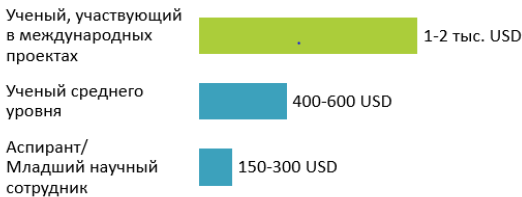
依托中白工业园在“一带一路”上的重要节点优势，设立展示交易中心，展示交易高精尖产品、研发成果、科技项目

4. 科技合作平台——

中白工业园作为高科技的研发生产制造园区，是中白两国经贸合作的重要抓手，园区面向国际，在发展中白合作的同时，积极推动第三方合作。

5. 研发项目试生产平台。

图4：不同水平学者的工资

来源：Civitta分析，2019年

图 5：从事科技研发工作的雇员数量

来源：白俄罗斯共和国国家统计局，2019年

2018年，白俄罗斯27000名科技研发员工中约有18000人从事科研工作，大约1万人属于管理和辅助人员。然而，只有大约20%的研究人员拥有学历背景（他们是各自领域内的科学副博士或博士）。可见白俄罗斯科研人员平均工资高于社会平均工资，但是相对于周边国家来讲较低。

如果白俄罗斯不能够很好的营造本国的创新环境，提高本国科研工作人员的工资待遇，可以预见会有很多科研人员外流至其他国家。白俄罗斯的发展必须坚持创新引领发展，培育壮大新动能。借助中白工业园平台把中东欧地区的科技人才创新力量与中国产业配套齐全、国内市场巨大等综合优势结合起来。在中白工业园框架下，改革本地创新科技研发和产业化应用机制，大力培育创新型项目企业，促进企业项目通过孵化落地中白工业园，加速本国的国际化进程。

利用中白工业园科创中心平台推动白俄罗斯本地传统产业改造提升。围绕本地区机械制造、生物医药、化学化工等领域企业改制升级需要，大中型企业的优势科研创新部门，在国际化园区内进行科研活动，配合本地及园区内制造业转型发展，强化园区内已经导入产业的工业基础和技术创新能力，通过建立完善法律、金融、人才市场、园区配套等要素促进先进制造业和现代服务业融合发展。围绕创新驱动生产，打造数字化科技创新中心资源集聚，搭建工业互联网平台，拓展“智能+”的相关企业，为制造业转型升级赋能。推动白俄罗斯本地标准与国际先进水平对接。

此外，还可以利用科创中心“星火计划”平台聚焦新兴产业。发展国际市场需要的大数据、人工智能等研发应用，培育新一代信息技术、高端装备、生物医药、新能源汽车、新材料等新兴产业集群，结合白俄罗斯、乌克兰及周边地区IT人才比较优势，壮大中白工业园数字经济。

紧抓“一带一路”倡议有利契机，在白俄罗斯这一欧亚经济联盟于欧盟的交界地区，实践以企业为主体的产学研一体化创新机制，为支持白俄罗斯国内龙头企业牵头实施海外布局提供支撑，利用好中国市场和制造配套资源，降低海外团队打造成本。科技创新本质上是人的创造性活动。白俄罗斯应当充分尊重和信任科研人员，赋予创新团队和领军人才更大的人财物支配权和技术路线决策权。当前科研通过在中白工业园的总统令修改，简除烦苛，做好服务，使在科创中心从业的科研人员潜心向学、创新突破。同时，加强科研伦理和学风建设，惩戒学术不端，力戒浮躁之风。中东欧地区有极大的科研人力资源潜力，结合中国的世界上最大规模的科技人才队伍，只要白俄罗斯营造良好的科研生态，就一定能够迎来各类英才竞现、创新成果泉涌的生动局面。

发挥高校、科研机构及其他社会主体创新创业，利用中白工业园，拓展经济社会发展空间，加强全方位服务。用好中白工业园针对于科技创新型企业的税收优惠政策。完善针对于小微企业的金融支持机制，帮助未来在科创中心设立对应的产权交易中心，鼓励金融债券服务机构入驻科创中

心，扩大知识产权质押融资可能，积极利用好“星火计划”。于企业和国际化工业园平台一道改革完善人才培养、使用、评价机制，优化针对于白俄罗斯本地归国留学人员和外籍人才服务。把面向市场需求和弘扬人文精神结合起来，善聚善用各类人才，中白创新一定能更好发展，为人类文明进步作出应有贡献。

参考文献

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya_stistika/publications/izdania/public. – Дата доступа : 07.10.2019.

2. Китайско-Белорусский инновационный центр коммерциализации научно-технических достижений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://industrialpark.by/nauchnyj-centr/obshhee-opisanie.html>. – Дата доступа : 10.10.2019.

УДК 392.5(=581)

Цуй Чуаньцзян, Чжао Сюецинъ

ТРАДИЦИОННЫЕ ЛЮБОВНЫЕ И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КИТАЙЦЕВ

С древних времен Китай уже назывался «государством этикета», и обрядность пронизывала все аспекты общественной жизни, включая аспекты семейной жизни. Мы выбрали эту тему для того, чтобы попытаться выявить особенности традиционной культуры. Это имеет очень важное и интересное значение в транскультурном общении.

Любовные обряды. Любовь – это самое удивительное чувство, которое может испытывать человек. Любовь может преодолеть все болезни, все преграды, все сложности. В конце концов, благодаря любви происходит рождение новой жизни. Поэтому любовь нужна каждому человеку. Но часто случается так, что человек не может найти и обрести свою любовь. В феодальном Китае брак заключался по приказу родителей и рекомендации свахи. Это значит, что до свадьбы стороны, будущие новобрачные, вообще не имели возможность видаться друг с другом. Такой брак был основан не на любви, а на

продолжении своего рода. Для сохранения потомства мужчина мог обрести несколько жен или наложниц без всяких любовных обрядов. К счастью, такому явлению с начала Сяньхайской революции (1911 г.) был положен конец.

Несмотря на то, что Китай пережил тысячелетний период феодализма, люди не прекратили искать любовь. Праздник «Двойная семёрка» (七夕节) по праву считается одним из многочисленных любовных обрядов, поскольку в настоящее время он уже установлен как День Святого Валентина в западной культуре и у восточных славян.

Праздник «Двойная семёрка» начали отмечать даже со времён династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Хотя в настоящее время его отмечают по-разному, но самый распространённый обычай седьмого дня седьмого месяца заключается в том, что женщины и девушки под вечер молятся о том, чтобы их руки стали более ловкими и умелыми. Как правило, они накрывают стол, подают чай, вино, лонганы, китайские финики и другие закуски. Молодые женщины, сидя вокруг стола, занимаются рукоделием, чтобы показать своё мастерство. В деревнях обычно в глухую полночь девушки сидели под виноградными деревьями и молча молились о хорошем муже и счастливой жизни, взирая на луну и созвездие Вега. Часто вспоминали при этом легенду о Пастухе и Ткачихе. Празднование Двойной Семёрки очень похоже на восточнославянский любовный обряд, в котором фигурирует богиня семейного очага – Макошь. Однако моление Макоши устраивается весной утром, а обряд «Двойной семёрки» проводится осенним вечером.

В китайской культуре известен интересный обряд с грушей: берётся одна груша и три щепки от ветки вишни. Затем фрукт делится пополам со словами «целое и единое развалилось на части, как и моё одиночество». Затем необходимо с помощью щепок соединить две грушевые половинки в трёх местах. Потом заворачивают грушу в натуральную ткань и кладут под какое-нибудь дерево, приносящее плоды (яблоню, вишню). Обряд выполняется в период растущей луны и основан на совпадении звукового словосочетания *деление груши* – 分梨 и слов *расставание, разлука* – 分离. Поэтому мы редко видим, что, кушая грушу, супруги делят её пополам или на несколько частей.

Восточнославянские любовные обряды проводили девушки, чтобы обрести семейное счастье. Но ждать мгновенных результатов не стоит. В любом случае, любовь обязательно найдёт каждую девушку. Различные культуры придают обрядности различные формы и значение.

Свадебные обряды. Китайская нация отличается от европейцев приверженностью к твёрдому следованию своим национальным традициям. Китайцы целеструемленны и гордятся своей древней культурой и разнообразием традиций. Хотя многие традиционные обряды в ходе «Культурной революции» забылись, время от времени они находят отражение в современной жизни. Из свадебных традиций китайцев (здесь имеется в виду прежде всего основная нация – хань) свадебные обряды, которые подверглись большому влиянию феодальной культуры, считаются самыми сложными.

В древнем Китае в комплекс свадебной церемонии входило шесть обрядов, а именно: 纳彩 (*nacai*) 问名 (*wenming*) 纳吉 (*naji*) 纳征 (*nazheng*) 请期 (*qingqi*) и 迎亲 (*yingqin*). Эти виды свадебных церемоний обязательно должны были совершать люди при заключении брака. Остановимся на их краткой характеристике.

«Нацай» – обряд получения невестой подарков, присланных со стороны жениха, и это означало, что он уже выбрал себе невесту. Обряд «Вэньмин» предполагал, что после сватовства сват спрашивал у родителей невесты ее имя, а также дату рождения. Такие сведения были нужны для астролога, который по гороскопу определял, смогут ли жених и невеста пожениться и каким будет их брак. Только после этого девушка может задуматься о подготовке к торжеству и о том, где будут присматривать свадебное платье и как она будет выглядеть в день своей свадьбы. «Нацзи» означает выбор счастливого дня и проведение церемонии помолвки, на которой молодые люди официально объявлялись женихом и невестой. В обряд «Начжэн» входила передача от жениха подарков невесте уже на свадьбе.

Приблизительно за месяц до предполагаемого переезда невесты в дом жениха родители последнего советуются с гадателем, чтобы определить даты совершения всех обрядов, связанных с подготовкой к свадьбе, с присутствием на свадьбе желательных и нежелательных с астрологической точки зрения гостей и прочее. Семья жениха посылает записку семье невесты, в которой указывается день свадьбы. Вместе с этой запиской высылаются выкуп свадебного наряда, различные свадебные принадлежности, а также ритуальные подарки, среди которых наибольшее значение имеют круглые пшеничные или рисовые лепешки. Эти лепешки семьи жениха и невесты раздавали родственникам и друзьям, что служило уведомлением о готовящейся свадьбе.

За три дня до свадьбы семья жениха вновь посылает невесте ритуальные дары к свадьбе, в свою очередь невеста посылает в дом жениха предметы своего личного и домашнего обихода, что называется

布房 – «оборудовать комнату». Оборудование комнаты позволяется выполнить только женщинам и мужчинам, у которых есть дети и которые не потеряли родителей, не были вдовыми.

Обряд «Цинци» заключается в выборе счастливого дня, когда жених готовится приехать за невестой.

Накануне свадьбы невеста совершала ритуальное омовение, произносила прощальные поклоны перед семейным алтарем и меняла свою девичью прическу на прическу замужней женщины. Аналогичные обряды совершались тем временем и в доме жениха, на которого его отец торжественно надевал шапку взрослого мужчины. В день свадьбы невеста с самого утра наряжалась для церемонии переезда в дом своего будущего мужа. Она прощалась с родителями и другими родственниками. Обычай запрещает невесте есть перед свадьбой. Жених в утренние часы съедал полную чашку мяса, что символизировало достаток в будущей семье.

В восточнославянских традициях тоже имеет место подобный обряд, накануне свадьбы, который называется «девичник и молодецкий вечер», символизирующий прощание молодых людей с прошлой жизнью.

Последний обряд – «Инцин» – посвящен встрече невесты, что являлось кульминационным моментом свадьбы, самой торжественной и радостной церемонией.

Перед уходом из дома родителей невеста ничего не должна говорить, а только плакать, так как старинная китайская поговорка определяла поведение невесты на свадьбе следующим образом: «Она уезжает, плача, а возвращается смеясь». Под оглушительные разрывы хлопушек и петард свадебный кортеж трогался в путь. Невеста в этот час была окружена различными талисманами, которые привлекали счастье и отвергали опасности.

У дома жениха паланкин невесты встречали шумным фейерверком. Во дворе возле ворот разжигали костер, через который переносили паланкин. Нередко в этот момент в огонь подливали масло, ибо масло в китайских традициях является символом богатства, а вспыхнувшее пламя символизирует процветание молодой семьи. Самый старый и удачливый в жизни человек из семьи жениха обращался к невесте с приветствиями и благожелательными фразами.

К приезду новобрачной во дворе или в доме жениха ставили столик, служивший алтарем для поклонения всем богам Неба и Земли. Перед кидом с изображением всех богов ставили по паре свечей и благовонных палочек, пять чашек мяса, двадцать лепешек, курильницу и меру зерна, наполненную зерном гаолян. В гаолян втыкали три стрелы, на которые

вешали лук. Когда паланкин с невестой выносили во двор, жених пускал в него эти стрелы, подражая божественному покровителю чадородия и браков Чжан-сяню, который поражает стрелами злых духов.

Свадебный паланкин ставили на землю. Невесте помогали выйти из паланкина две женщины: замужняя и девушка. Последняя подносила невесте блюдо, на котором лежали два вареных яйца без скорлупы, выкрашенные в красный и голубой цвета; кусочек сахара; сладкие лепешки, украшенные цветком; гребень и маленький кувшин, покрытый красным платком и перевязанный разноцветными шелковыми нитями. В кувшин клали золотые и серебряные вещицы, которые входили в число важнейших свадебных талисманов невесты. Кроме того, невесте подносили миниатюрное зеркало, отпугивавшее злых духов, и две скрещенные палочки, символизировавшие новый брачный союз. Одна из женщин проводила гребнем по волосам невесты, клала ей в рот сахар и прикладывала яйца к её щекам. У дверей дома новобрачная переступала седло (鞍), так как в китайском языке слова *седло* (鞍) и *мир, покой* 安 звучат одинаково.

Когда все эти обряды завершались, новобрачная должна сидеть на постели рядом с корзиной, в которой клали финик (枣), арахис (花生), плод лунъянь (桂圆) и семена лотоса (莲子). Это служило выражением надежды и пожелания новобрачной, потому что в китайском языке слово 枣 созвучно со словом 早 – «рано», а слово 生 имеет значение «родиться», слово 桂 созвучно со словом 贵 – «богатый», слово 子 – «сын».

Ранно утром следующего дня молодожены, принарядившись, выходили из спальни и отправлялись в дом родителей для поклонения. Хотя этот обряд ныне уже не популярен, но все-таки стихотворение Чжу Цинъюя (поэта династии Тан) помогает нам его восстановить:

洞房昨夜停红烛，待晓堂前拜舅姑。

妆罢低声问夫婿，画眉深浅入时无？

В новобрачных покоях всю ночь горят красные свечи.

Дожидаюсь рассвета, выйдем мы на поклон свекру и свекрови.

Нарядившись, тихонько я мужа спросила,

Чтобы тот оценил, модно ли накрашены мною брови.

Список использованных источников

1. 蔡利民：掀起你的红盖头-中国婚礼。上海文艺出版社，2001.
2. 叶丽娅：典妻史，南宁，广西民族出版社，2000.

3. 唐诗鉴赏辞典. 上海辞书出版社. 1983.12.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М., 1957. – 991 с.
5. Семейные традиции и обычаи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://prosto-mariya.ru/semeinye-tradicii-i-obychai_497.html. – Дата доступа: 10.09.2019.
6. Свадебные обряды [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://interpretive.ru/termin/semeinaja>. – Дата доступа: 10.09.2019.
7. Любвные и свадебные обряды в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mychina.ru/obryady-itradicii-vkitae/>. – Дата доступа: 10.09.2019.

УДК 81`37+811.161.1+811.58

А. С. Чекулаева

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОЛЕКСЕМ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье определены принципы структурной организации цветолексем в русском и китайском языках: унарность или n-арность корневой морфемы, степень семантической конденсации, возможность реконструкции двухкомпонентной структуры. Выделены три основных типа структурной организации цветолексем: унарные (свернутые), композиты и знакосочетания.

До настоящего момента в современной лингвистике не разработано единой классификации цветолексем, которые не входят в состав лексики, «хорошо поддающейся системному описанию» [1, с. 160]. В большинстве случаев ученые придерживаются интегрированного подхода в процессе классификации цветолексем, не уделяя особого внимания фактору структурной организации. Например, А. П. Василевич, анализируя наименования цвета в русском языке, предлагает выделить следующие группы: 100 наиболее употребляемых простых цветолексем, включая 12 базовых (в соответствии с теорией Берлина-Кея); приставочные слова для выражения цветовых оттенков (*светло-желтый*); основанные на цвете предмета (*абрикосовый*); в основе которых лежит рекламная функция – привлечь внимание (*непел розы*); книжные и устаревшие цветолексеми (*бурнастый*) [2, с. 114–115]. Тем не менее, ряд ученых в качестве системообразующего фактора принимают особенности структурной организации языкового знака. Так, в китайском языке О. П. Шевчук выделяет 9 ос-

новых видов цветолексем: простые, двусоставные, сравнительного типа, описательного типа, суммирующего типа, уточняющего типа, контекстуального типа, указательного типа, с модификатором [3, с. 81–84].

Мы полагаем, что в рамках исследований касательно идентификации уровня базовости знака в разноструктурных языках одну из ключевых ролей играют именно структурные особенности цветолексем. Структурные особенности цветолексем обусловлены принципами построения любого знака естественного языка. Опираясь на разработанную А. Н. Гордеем парадигму частей языка [4, с. 12], мы выделяем три основных типа цветолексем.

К первому типу относятся **унарные (свернутые) цветолексемы**, основными характеристиками которых являются:

- 1) унарность корневой морфемы;
- 2) максимальная степень семантической конденсации.

При этом свернутые цветолексемы делятся на сокращенные и сжатые цветолексемы, а также конверсивы.

Сокращенные цветолексемы представляют собой «части языка со скрытой двухкомпонентностью сочетаний связанных (усеченных) основ или корней со свернутыми в аффиксы основами или корнями» [4, с. 12]. Иными словами, сокращенные цветолексемы – это унарные языковые единицы, двухкомпонентную структуру которых можно декодировать за счет реконструкции семантики ее составных элементов.

Примерами в русском языке могут служить образованные внешним способом цветолексемы *бронзовый* (золотисто-коричневый, цвета бронзы [5, с. 62], *вишневый* (тёмно-красный с лиловатым оттенком, цвета зрелой вишни [5, с. 95]) или *бирюзовый* (зеленовато-голубой, цвета бирюзы [5, с. 45]). Реконструкция двухкомпонентной структуры подобных цветолексем возможна без первичного этимологического анализа или метаязыкового определения при обращении к данным языка, явившегося источником заимствования. Также к сокращенным цветолексемам в русском языке можно отнести языковые единицы, двухкомпонентность которых восстанавливается при метаязыковом определении через обращение к иностранному языку, породившему данный знак: *оранжевый* (цвета апельсина [5, с. 572]).

В качестве примеров в китайском языке можно привести знаки, двухкомпонентная структура которых восстанавливается за счет реконструкции семантики составляющих цветолексему логограмм:

红 «красный»⁶. Особенностью китайского языка, в отличие от русского, является наличие специфических цветолексем, таких как 晶 «молочно-белый; светлый» [6 II, с. 603] и 赫 «огненно-красный; багровый» [6 IV, с. 838], которые представляют собой результат проявления знакообразовательной активности цветолексем-ключей 白 «белый» и 赤 «красный».

Упомянутые выше иероглифические ключи 白 «белый» и 赤 «красный» можно привести в качестве примера *сжатых* цветолексем китайского языка, представляющих собой «сочетания свободных основ или корней со стертыми, но семантически реконструируемыми основами или корнями» [4, с. 12].

В русском языке к *сжатым* цветолексемам относятся знаки, для выявления двухкомпонентности которых требуется глубинный этимологический анализ и исследования на уровне языковой диахронии. Например, цветолексеммы русского языка *желтый, зеленый, золотой*, имеющие общий индоевропейский корень.

В отдельную группу цветолексем сокращенного типа можно выделить конверсивы. В двухкомпонентной структуре цветолексем подобного рода наблюдается полная свертка актуализатора 色 «цвет»: например, цветолексема китайского языка 橙 «оранжевый» представляет собой свертку номинативной единицы 橙色 «оранжевый цвет», где 色 «цвет» играет роль актуализатора, 橙 «апельсиновое дерево» – роль модификатора. Таким образом, в китайском языке цветолексеммы-конверсивы представляют собой обозначения предметов-эталонов и одновременно соответствующих цветов: 橙 «апельсин» и «оранжевый»; 棕 «пальмовое дерево» и «коричневый». В русском языке ввиду особенностей морфологической организации ЦЛ-конверсивы в основном относятся к неадаптированным к языковой системе заимствованиям: *беж, хаки, индиго*.

Ко второму структурному типу относятся цветолексеммы-композицы, отличающиеся следующими основными характеристиками:

- 1) п-арность корневой морфемы;
- 2) минимальная степень семантической конденсации.

⁶ Двухкомпонентная структура знака восстанавливается за счет реконструкции семантики составляющих цветолексему логограмм: иероглифический ключ с правой стороны (纟 «шелковая нить») имеет явное указание на то, что данный знак когда-то обозначал ткань красного цвета.

К цветолексемам-композиатам мы относим *сложные* части языка «с двухкомпонентной структурой из связанных (усеченных) основ и/или корней» [5, с. 12]. С учетом анализа внутренней формы формантов, составляющих цветолексема, композиты условно можно разделить на четыре подгруппы.

Цвето-цветовых (собственно цветовых) композитов может быть образовано неограниченное количество в пределах предметной области «цвет»: например, 靛蓝 «синее индиго» в китайском языке и *красно-белый* в русском языке. Соответственно, можно предположить, что большинство цветолексем-композиатов относятся именно к первому типу.

Свето-цветовых композитов также может быть образовано достаточно большое количество: 白晃晃 «ослепительно белый» в китайском языке и *темно-красный* в русском языке. Однако их круг уже ограничен ввиду определенного состава предметной области «свет» и относительно ограниченной комбинаторики цветолексем со знаками, в аспекте содержания которых имеется отсылка к структурным элементам предметной области «свет». Так, например, стилистическими ошибками будут признаваться такие цветолексем-оксюмороны, как 深白 «темно-белый» или 浅黑 «светло-черный».

Третий тип предметно-цветовых композитов (например, 雪白 «белоснежный» в китайском языке и *беломраморный* в русском языке) следует отличать от цветовых знакосочетаний, которые будут подробно рассмотрены ниже. Данное замечание касается аналитических изолирующих языков, например, китайского языка, в которых не всегда представляется возможным четко определить, цветолексема относится к цветовым композитам или к цветовым знакосочетаниям.

Экспрессивно-цветовые композиты обладают определенными функционально-стилистическими ограничениями: употребляются преимущественно в литературных произведениях или разговорной речи для создания необходимого эмоционального эффекта и носят окказиональный характер: 黑糊糊 «черным-черно; чернѐхонький» в китайском языке и *ядовито-зеленый* в русском языке.

Третий структурный тип – цветовые знакосочетания – представляют собой развернутые составные части языка «с явной двухкомпонентностью устойчивых сочетаний свободных (морфологически цельнооформленных) основ и/или корней» [4, с. 12], образованные внешним или сме-

шанным⁷ способами. В китайском языке примером может служить устойчивое сочетание 驼色 «цвет верблюжьей шерсти». В русском – цвета воронова крыла [5, с. 111]. Мы полагаем, что цветовых знакосочетаний, образованных внутренним способом быть не может.

Как было указано выше, в китайском языке следует отличать цветовые знакосочетания (развернутые составные) от цветолексем-композигов (развернутых сложных), что связано с ограниченными возможностями морфологической системы, с одной стороны, и более строгими правилами комбинаторики знаков, с другой.

Таким образом, в зависимости от особенностей структурной организации цветолексем китайского и русского языков можно разделить на три типа: унарные (свернутые), композиты, знакосочетания. Структурный фактор играет одну из ключевых ролей в процессе исследования уровня базовости цветолексем. Мы предполагаем, что к базовым цветолексемам можно отнести исключительно унарные (свернутые) сжатые цветолексем, образованные внешним или смешанным способами.

Список использованных источников

1. Фрумкина, Р. М. О методе изучения семантики цветообозначения / Р. М. Фрумкина // Семиотика и информатика / Всесоюзный институт науки и техн. информации. – М., 1978. – Вып. 10. – С. 142–162.
2. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
3. Шевчук, О. П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / О. П. Шевчук. – Уссурийск, 2004. – 159 л.
4. Гордей, А. Н. О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А. Н. Гордей // Научные чтения, посвященные В. В. Мартынову: сб. научн. тр. / РИВШ. – Минск, 2015. – Вып. 2. – С. 12–14.
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка имени В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
6. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983-1984. – Т. 4.
7. Чекулаева, А. С. Способы образования цветолексем в русском и китайском языках / А. С. Чекулаева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. – 2017. – № 5 (90). – С. 33–41.

⁷ Механизмы знакообразования подробно описаны в статье автора «Способы образования цветолексем в русском и китайском языках» [7].

Т. Н. Чечко

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье охарактеризованы способы отражения ведущих философско-религиозных концепций в литературе Древнего Китая (конфуцианства, даосизма) и основ православной идеологии в литературе Древней Руси. Определено, что открытие ценностей литературных первоисточников, хранящих духовно-нравственную память общества, является ведущим фактором многовекового успешного развития государства.

Китайская цивилизация – одна из самых древних. Она подарила человечеству не только шелк, бумагу, тушь и фарфор, но и оригинальные духовно-нравственные, философско-религиозные концепции – даосизм и конфуцианство, уникальное литературное наследие. Литературные традиции народа формируются длительно, начиная с истоков словесного искусства и, как любой процесс, достигают наивысших точек развития в определенные исторические периоды. Нас интересуют наиболее яркие периоды развития философско-религиозной мысли и их представленность в словесном искусстве Древнего Китая и Древней Руси.

Основные философско-религиозные системы зародились в Китае в середине I тыс. до н. э. Наиболее важными были конфуцианство и даосизм. Конфуций – основатель национальной религии Китая. Книги, составленные Конфуцием и его последователями, уже в древности считались священными и были объявлены единственным источником мудрости и знания. Человек изображался в лучших его проявлениях – идеальным воплощением всевозможных добродетелей. Идеальный человек по Конфуцию – сама мудрость, он всей душой предан науке, всегда полон набожности, искренности и смирения, кроткий и справедливый. Основопологающими добродетелями человека Конфуций считал преданность, верность, послушание и почитание старших. Не случайно главная его заповедь – «почитание родителей и уважение к старшим являются сущностью жизни» [1]. В целом учение Конфуция представляет собой свод моральных правил, основанных на преклонении перед древностью, перед

государством как высшей ценностью, а также на идее строгой обязательности. Обязательность важна в следовании устоявшимся в обществе обрядам и традициям, в выполнении ритуалов и традиционных правил человеческого общежития. А высшая цель добродетели заключается в достижении мира и счастья в стране.

Одной из основных религиозно-философских школ в Древнем Китае был даосизм, возникший на рубеже VI–V вв. до н. э. как учение Лао-цзы. «Книгу о Дао и Дэ» отличают возвышенность идей и глубина нравственных понятий. В ней представлена идея Абсолюта, раскрывающего свою таинственную природу в Боге, рациональном строении мира и моральном, добродетельном человеке. Основное слово в учении Лао-цзы – дао, что значит «путь», «правило», «порядок», «смысл», «закон». Таким образом, Дао – основной принцип всего существующего, мировой порядок, истинный метод, путь природы.

Важно отметить, что жители Древнего Китая к знанию и мудрецам относились с почтением, и под «знанием» понимались постулаты из сферы гуманитарных дисциплин. Таким образом, престижными считались гуманитарное знание, мыследеятельность, постижение высших смыслов бытия.

Древнейшие памятники китайской литературы – «Книга перемен» («И-Цзин») и «Книга песен» («Ши-Цзин»), содержащая более 300 народных песен Древнего Китая. Некоторые песни создавались придворными поэтами и предназначались для торжественных церемоний. В других же звучат мотивы недовольства политикой правителей и их приближенных. Часть песен, которые прославляют такие качества правителя, как благочестие, сила, доблесть, исполнялась в храмах. В них содержатся пожелания долголетия и здоровья справедливому правителю.

«Шу-Цзин» («Книга истории») написана ритмической прозой. В ней излагается история Китая от легендарного правителя Яо до первых правителей эпохи Чжоу. Главное место в Книге отводится беседам легендарных правителей Яо, Шуня и Юя и правителей Древнего Китая о сущности государственного управления. В уста монархов и их советников вложены мудрые речи, наставления и предписания [1].

В «Книге ритуала» («Ли-Цзы») приведены всевозможные обряды, церемонии и правила поведения. Эти правила из поколения в поколение внедрялись в сознание жителей Поднебесной. «И если знание этой книги, – писал немецкий китаевед В. Грубе, – распространено в Китае, быть может, не в такой степени, как знакомство с другими каноническими и классическими книгами, которые всякий образо-

ванный человек знает наизусть почти целиком, то она вошла в плоть и кровь китайцев больше, чем все другие». Основная часть материалов для выше охарактеризованных Книг была обработана и систематизирована Конфуцием и его учениками [2, с. 110].

«Золотым веком» древнерусской литературы и культуры в целом принято считать период Киевской Руси. Это время расцвета молодого государства с новой православной идеологией. Так, мудрость жизни была заложена уже в славянской азбуке, при её изучении ребенок постигал основы нравственности и духовной доброты (*Азъ* – Я, «начало»; *Буки* (или «Боги») – «быть», «будет»; *Веди* – «ведать», «знать», «владеть»; *Глаголь* – значит выполнять действие или произносить речь (говорить); *Добро* – «добро», «добродетель»).

Литература Киевской Руси (XI–XII вв.) базировалась на системе религиозных представлений о мире. Исходя из библейской концепции сотворения мира, древнерусский писатель воспринимал Бога как творца всего сущего, поэтому в обществе не существовало понятия «авторское право». Современному читателю важно понимать анонимность древнерусской литературы как стремление книжников придать произведению вечное и общечеловеческое значение. Древнерусские книги – *основной источник духовно-нравственного воспитания*. «Писание книг» считалось особой «святой миссией». Важно отметить, что к «сотворению книг» (человек – проводник Божьего дара) допускались духовно подготовленные, воцерковленные люди, которые были способны к видению даже частных проблем человека в широкой исторической перспективе («Сказание о Борисе и Глебе»: верность принципам братолюбия, почитание старшего, смирение как рождение к новой, духовной, вечной жизни; «Поучение Владимира Мономаха»: ответственность, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, милосердие, братолюбие, уважение старшего поколения) [3, с. 125].

Древнерусский писатель исходил в своем творчестве из понятия «литературный этикет». Это этикет миропорядка, поведения, мышления, т. е. полного соответствия человека его социальному статусу («Слово о полку Игореве»: князь Игорь не просто отправляется в поход, а вступает в златое стремя, произносит свою патриотическую речь на фоне солнечного затмения, князь Святослав роняет свое «золотое слово, со слезами смешанное»).

Для искусства Древней Руси характерно *единство этического и эстетического*: красиво то, что нравственно, что согрето любовью к Богу и милосердием к ближнему. Поэтому добро всегда божественно

прекрасно. Оно ассоциируется с понятиями «свет» и «тепло». Для литературы Киевской Руси характерен «особенно светлый взгляд на мир», вера в возможность нравственного возрождения и совершенствования человека. Первые русские книги полны восторга перед мудростью мироустройства: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои! Разум человеческий не может понять чудеса твои!...» (из Поучения Владимира Мономаха). Понятие «духовной красоты» – единства внешнего «благолепия» человека и богатства его внутреннего мира – еще одна качественная характеристика древнерусской литературы. Эта «духовная красота» являлась высшей ценностью человека и позволяла ему постичь божественную красоту мира во всем его многообразии и изобилии. Для современного читателя это значит овладение жизненной мудростью, позволяющей видеть множество жизненных дорог и возможностей, определить свое предназначение в этом мире и верно следовать ему. Древнерусскую литературу отличает высокая духовность. Как на иконе крупным планом даются «лик» и «очи», то, что отражает внутреннюю сущность святого, «свет» его души, так и в литературе изображение человека подчинено прославлению должного, идеального, вечно прекрасных нравственных качеств: милосердия, скромности, душевной щедрости, верности (художественные образы: Крестителя Руси Владимира, Владимира Мономаха, Ярославны, Февронии Муромской и др.). Так, например, мудрая дева Феврония обладает даром предвидения и исцеления. Ее чувства подчинены разуму, поэтому ее поведение характеризуется мудрой умиротворенностью, а образ в целом подобен «тихим ангелам» Андрея Рублева [4, с. 240].

Долгое время частный человек с его радостями и горестями оставался за пределами литературного интереса. Так, героями древнерусской литературы преимущественно являлись выдающиеся личности (князья, правители государства, духовное воинство – монахи), а волновали древнерусского книжника события государственного масштаба, мирового значения (борьба с внешним врагом; сохранение православной веры, политического, духовного и воинского единства Руси). По мнению Д.С. Лихачева, древнерусский книжник размышлял над глобальными вопросами («Вселенная и Человек! Макрокосм и Микромир. Все взаимосвязано, все значительно!»), а ведущими темами древнерусской литературы являются следующие метатемы: красота и величие родной земли, моральная красота человека.

Духовное единство народа, общая система нравственных ориентиров – это определяющие факторы развития, политической и экономической стабильности всякого общества независимо от его геолока-

ции. В этом контексте хотелось бы снова обратиться к идеям академика Д. С. Лихачева: «Чтобы воспринимать культурные ценности во всей их полноте, необходимо *знать* их происхождение, процесс их со-зидания и исторического изменения, заложенную в них *культурную память*. Именно память помогает человечеству преодолевать время...» [3, с. 15]. Истоками же этой культурной памяти являются литературные первоисточники народа.

Список использованных источников

1. Сидихменов, В. Я. Китай – страницы прошлого / В. Я. Сидихменов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nemaloknig.com/read-255296/?page=84>. – Дата доступа : 31.10.2019.
2. Григорьева, Т. П. Дао и лотос / Т.П. Григорьева. – М. : Наука, 1993. – 201 с.
3. Лихачёв, Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв / отв. ред. С. О. Шмидт; сост. А. В. Топычканов. – М. : Русский путь, 2004. – 340 с.
4. Рапацкая, Л. А. Русская художественная культура : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений / Л. А. Рапацкая. – М. : ВЛАДОС, 2002. – 608 с.

УДК 811.161.1'42:398.91(=161.1)

Чжан Жунсюань, Ли Цинхуа

ПОСЛОВИЦА НА СЕДЬМОМ НЕБЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

张戎萱, 李庆华

俄罗斯谚语 “在七重天上” 反映的语言世界图景

В статье на примере пословицы «на седьмом небе» анализируется культурная коннотация языковой картины мира в лингвокультурологии и делается попытка заглянуть в неповторимость славянской культуры. Русский язык понимается при этом как славянский язык, несущий в себе культуру народа, владеющего этим языком. Пословицы, занимающие важное место в русском языке, являются кристаллизацией народной мудрости, и поэтому они служат хорошей отправной точкой для изучения славянской культуры.

世界上的语言多种多样，通过研究，这些语言可被分为若干语系，如汉藏语系、印欧语系、乌拉尔语系、阿尔泰语系、闪含语系、马来-波利尼西亚语系、高加索语系及其他诸多语系。其中，印欧语系是由十九世纪的英国人威廉·琼斯提出的一个语言学概念，即认为印度和欧洲的大部分语言都是从“原始印欧语”分化出来的，这些语言彼此之间具有亲缘关系和相似性。语系之下又分语族，印欧语系就分日尔曼语族、意大利语族、凯尔特语族、波罗的语族、斯拉夫语族、印度-伊朗语族、希腊语、阿尔巴尼亚语、亚美尼亚语、安纳托利亚语族、吐火罗语族。其中的斯拉夫语族是一个大语族，分布范围很广，欧亚两洲皆有使用者。斯拉夫语族产生于斯拉夫民族，由原始的共同斯拉夫语分化出东斯拉夫语支、南斯拉夫语支及西斯拉夫语支。而东斯拉夫语支就包括俄语、乌克兰语和白俄罗斯语。

语言和文化有着密切的关系。语言不仅起着传播信息的作用，还具备记录、储存、反映信息的功能属性，这就是语言的载蓄功能。人类的文化借助语言来代代相传，因此语言还可以是民族文化信息的载体。语言和文化的关系及二者的相互作用，是语言文化学所关注的核心问题，而兴起于20世纪90年代的人类中心论范式，则推动了语言文化学中语言世界图景理论的形成和发展。语言世界图景理论重视人的认知和人的语言个性，正如中国学者吴国华、彭文钊所指出的：“语言个性研究真正找到了语言与文化之间的中介语，既完善了对语言自身的认识，又深刻揭示了操该语言民族的民族性”(吴国华、彭文钊, 2001:205)。

语言世界图景理论的起源可以追溯到19世纪初德国语言学家洪堡特(B.Гумбольдт)的“语言世界观理论”。洪堡特指出：“各式各样的语言为各民族固定下了各自的思维方式和感知方式”[1, c. 324]。根据洪堡特的说法，语言影响人们形成概念体系和价值体系。之后，德国语言学家瓦伊斯格伯尔[2]将“语言世界图景”的概念引入了科学术语系统。他认为语言世界图景受国家和民族的文化制约，可随时间的推移发生变化，并可以作为世界观、行为规则和生活方式蕴藏在语言中而传递给后代。“萨皮尔-沃尔夫假说”与瓦伊斯格伯尔的理论接近，但主要来源仍是洪堡特关于语言内部形式的论著。即在不同文化背景下，不同语言所具有的结构、意义和使用方法存在着差异，并在很大程度上影响了使用者的思维方式和世界观。

很多学者都在语言世界图景理论上颇有建树。俄罗斯学者雅科芙列娃把语言世界图景看作是记录在语言中的、对操该语言之集体来说独特的感

知现实的图式。玛斯洛娃认为，“语言世界图景是民族的共同文化遗产，它是结构化的，多层次的。正是语言世界图景决定着人的交际行为以及人对其对外部世界和内心世界的理解。它反映出具有某个时代特征的言语思维活动方式，体现该时代的精神、文化和民族价值观” [3, c. 296]。苏联学者捷利亚年提出，所谓语言的世界图景，简单来说就是语言中体现的人类对世界认识成果的总和。中国学者吴国华、杨喜昌认为：“语言世界图景是一个民族精神文化在语言中的结晶，是该语言民族对现实世界的认识在语言中的集中体现，换句话说，语言中包含了该民族成员对现实世界的认识” [5, c. 11]。

综上，语言世界图景是建立在人对世界概念化和范畴化的基础上的，是人类言语思维和认知活动的产物，是人们感知世界的方式和对待世界的态度，是反映在民族语言中的民族文化。语言世界图景源于人自身，又反过来作用于人，制约着人的思维和行动。语言世界图景的形成受语言、知识、民族传统、思维习惯、行为方式、地理环境、历史、文化等社会因素的影响，要依靠语言来表达，记录在语言系统的各个层面。

谚语是各民族世代代积累流传下来的固定语言单位，以其精炼的语句和深刻的哲理形象而生动地总结了人民生产、生活中共同的经验，是人民智慧的结晶。谚语反映了特定民族对各种事物、现象的认识和理解，折射出该民族的历史、文化、风俗、心理、世界观、价值观，进而揭示该民族的民族个性，展现出该民族语言世界图景的丰富内容。

谚语负载了大量的民族文化信息，我们认为，谚语蕴含着强烈的民族性，是语言中最能反映民族文化特点的一种单位和形式。因此本文选取俄语中广泛流传的谚语“на седьмом небе”（“在七重天上”）作为一个开启斯拉夫民族语言文化的小窗口，恐不会有蛇足之讥。

谚语“на седьмом небе”意思是最高程度的快乐、无尽的幸福、极大的满足。表达的是一种高兴、快乐及陶醉的情绪与程度。但字面上是“在第七重天上”

为什么俄语中的“天”有七重呢？这可以追溯到公元前三百多年的古希腊哲学家亚里士多德。他在《论天》（«О небе»）这部著作中解释了天体拱顶的结构。他认为，天空由七个固定的水晶球体嵌套组成，因此天分七重，在这七重天上分布着恒星和行星。虽然这个说法已被现代科学证明是

不对的，但在语言中还是保留了下来。斯拉夫人认为：第七重天正是天堂的所在地，而天堂是最美好最幸福快乐的地方，因此在第七重天上的感觉就是在天堂的感觉，也就是顶级快乐、幸福和满足的感觉。这里也可以看出，斯拉夫文化受古希腊思想的影响很大。

“天分七重”，是俄罗斯文化乃至斯拉夫文化中很有特色的一点。与之不同的是，在中国的谚语及民间俗语中，往往说“九重天”，认为天有九重。比如：北京圜丘是古时皇帝举行冬至祭天大典的场所，又称祭天坛，其结构，无论台阶、栏杆，还是各层铺设的扇面形石板，数量均为九或九的倍数，用来象征九重天。《易经》称卦的阳爻为“九”。中国人把“奇数”叫“阳数”、“偶数”叫“阴数”，而“九”被视为最大的阳数，是最为吉祥的数字。在中国文化中，“九”有至大、至高的含义。中国古代皇帝称“九五之尊”；大臣见皇帝行“三跪九叩”大礼；故宫太和殿分九间等等，无不是在彰显皇权的至高无上。同时，“九”也深入进在中国人生活的方方面面。“九州”指中国，“九鼎”是夏商周三代的传国之宝，在古代传说中是夏禹所铸，象征九州。汉语中含“九”的成语不胜枚举，如“九霄云外”、“龙生九子”、“九九归一”等等。诗词中也有“疑是银河落九天”、“可上九天揽月”等数不胜数。“九”与中国文化和民俗也有着深厚的联系，在中国的传统文化中还表示多、吉利、尊贵之意。另外“九”和“久”谐音，所以有着长久的含义。中国的神话传说、民间故事、文学作品、节庆民俗中，处处是“九”，比如，上古时期九天玄女为黄帝授兵书、九色鹿是吉祥瑞兽、《西游记》里九头虫是法力高强很难被杀死的妖精，还有传统玩具九连环等等。当今生活中，婚礼蛋糕、订婚戒指的价格喜欢个十百千万都是“9”，在新婚的时候，亲朋好友就会发 999 红包，以表达祝福。每年的九月九日，因为月、日都逢九，所以称“重阳节”。由此可见“九”在中国人心目中有着崇高的地位，“九”也就成为“吉数”，每逢大事都要凑“九”数。而在斯拉夫文化中，数字“七（Семь）”则有着举足轻重的地位，有“充盈、完满”的寓意，被认为是所有数字中最为神圣、神秘、神奇而且富有灵性的幸运数字。

“七”这个数字不止出现在“на седьмом небе”这个谚语里，在其他俄语谚语、俗语中也很常见，俯拾皆是。“七”有时也是虚数，表达“很多”的含义，比如，谚语“семеро одного не ждут”指的是少数服从多数；形容一个人经常改变主意、朝三暮四，会说：“У него семь пятниц на неделе”；如果一个人豁出去了，打算干或已经干下了不好的事，比如犯罪，汉语中他

会说：“一不做，二不休”，而俄语就是：“Семь бед – один ответ”；想表达小心谨慎、三思而后行，就可以用“Семь раз примерь, один раз отрежь”；如果好几个人被委以同一个任务，他们互相推诿，事情反而办不成，汉语叫“三个和尚没水吃”，俄语就叫“У семи нянек дитя без глазу”；如果是一个大家庭，而其中只有一个人工作来养家，就叫“Один с сошкой, семеро с ложкой”；在卫国战争期间，流行着这样一句话：“Семи смертям не бывать, а одной не миновать”意思是，“人终有一死，有什么可怕的”，在渲染出了战争之残酷惨烈的同时，表现了当时苏联人不畏牺牲、乐观豁达的精神和视死如归的与敌人战斗到底的决心。数字“七”还包含“远”的概念，例如，关系远：一位远亲被称作“Седьмая вода на киселе”，还有距离远：对于一个人从很远的地方归来却什么也没有带回来，会说：“За семь верст киселя хлебать ходил”，再比如，“семь вёрст — не околица”，“околица”是村庄遥远的边缘，所以，这句谚语的意思是，因一个心中喜爱的人，漫长的道路也显得短了，类似中国的一句古诗“海内存知己，天涯若比邻”。“七”还是一个神奇的数字，寓意超自然力量的庇佑，例如“за семью запорами”指在严格的监督下与可靠的保护下。

“七”不仅大量存在于俄语谚语中，在俄罗斯童话和民间传说故事乃至其他文学作品里也相当常见。例如，在瓦连金·卡达耶夫（Валентин Катаев）的童话《Цветик-семицветик》即《七色花》中，小姑娘热尼娅（Женя）意外得到了一朵神奇的七色花。七色花有7片不同颜色花瓣，每一片花瓣都能实现热尼娅的一个愿望。在用掉6片花瓣后，热尼娅发现自己并没有得到真正的快乐。最后，热尼娅用最后一片花瓣，即第7片花瓣让一个双腿残疾的小男孩获得了健康、站了起来，并且可以在阳光下自由地奔跑，由此热尼娅真正地体验到了快乐。这则童话表达了这样的道理：人的私欲是永无止境的，人不能只想着索取和满足自己，奉献和帮助别人才能获得真正的快乐。而这篇童话的设定中就采用了数字“七”，表达出了这个数字很神奇、能给人带来幸福。还有俄罗斯民间故事《狼和七只山羊》（«Волк и семеро козлят»）；《七个孤儿与巫婆芭芭雅嘎》（«Семь сирот и Баба-Яга»）；普希金的《沉睡的公主和七个英雄的故事》（«Сказка о спящей царевне и семи богатырях»），等等。数字“七”总是出现在含有魔幻色彩的故事中，并总能为主人公带来力量和好运。

而在小说《罪与罚》中，也用到了“七”的文化伴随意义。陀思妥耶夫斯基从章节、段落和情节都采用了作品由七个部分组成，前两个部分都各为七章。作家把拉斯科利尼科夫犯下谋杀罪的时间也安排在 7 点钟，寓意为凶手做了大逆不道的事，由此注定了这一犯罪行为注定要受到惩罚。

正如苏联著名作家肖洛霍夫所说，任何一种民间创作的形式都不能像谚语那样强烈而多方面地体现人民的智慧，透彻而深刻地反映该民族的历史、社会风貌、生活方式及世界观。总之，每个民族都有一个独特的世界观。数字不只是数量的表达，还浓缩着思想和文化，看似简单的谚语，也蕴含着瑰丽的语言世界图景。我们通过俄语谚语，就能感受到斯拉夫文化独有的魅力。

参考文献

Список использованных источников

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсбергер // Вопросы языкознания, 1993. – №2. – С. 114–124.
3. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
4. 张新卫. 俄语语言世界图景多维研究[D]. 南京师范大学, 2012.
5. 吴国华, 杨喜昌. 文化语义学[M]. 北京: 军事谊文出版社, 2000, 第 11 页。
6. 赵爱国. 语言世界图景理论及其研究[J]. 外语与外语教学, 2004(11):1-6.
7. 赵爱国. 语言文化学基本理论构架论纲[J]. 解放军外国语学院学报, 2003(04):28-31.
8. 冯未卿. 俄语谚语语言世界图景研究[D]. 南京师范大学, 2008.
9. Фич, Лени. Шары Петербурга. Были Небыли / Лени Фич. – М.: Litres, 2018. – 170 с.
10. Терентьева, О. Первая книга отличника / О. Терентьева. – М.: Litres, 2017. – 290 с.
11. Пигулевская, И. Не мудрствуя лукаво. Крылатые слова и выражения / И. Пигулевская. – Москва: Litres, 2017. – 260 с.
12. Петрова, М.В. Словарь крылатых выражений / М.В. Петрова. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 640 с.
13. Резько, И. Самая нужная книга для настоящих женщин / И, Резько. – М. АСТ, 2013. – 440 с.
14. Абабайкэжи, Г. Символика числа «семь» в русской и китайской культуре. / Г. Абабайкэжи, Г. А. Шантурова // Молодой ученый. – 2017. – №24. – С. 406–408.
15. 吴国华. 析谈俄语词的文化伴随意义特点[J]. 解放军外国语学院学报, 1991(6):28–32.

Чжан Хэ

**ОБОЗНАЧЕНИЯ КРАСНОГО ЦВЕТА
В ПЕРЕВОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР
(на материале Национального корпуса русского языка)**

В статье описывается употребление колоративов «красный» / 红 (hóng) в переводных художественных текстах русской и китайской культуры. Осуществляется семантическая классификация слов, фиксируемых в сочетании с обозначениями красного цвета. Анализируются причины актуализации символического смысла исследуемых колоративов.

Обозначения цвета (колоративы) активно изучаются лингвистами многих стран. Причина заключается в том, что восприятие цвета человеком вызывает различные ассоциации. Многие ассоциации приобретают устойчивый характер и ложатся в основу символического смысла цветообозначений. Функционирование цветовых обозначений в качестве лингвокультурных кодов определяет специфику сочетаемости колоративов в каждой из лингвокультур.

Логика подсказывает, что использование колоративов в их первичном значении в меньшей степени будет характеризоваться этнокультурной маркированностью. Однако и в этом случае влияние культуры, которая является средой для порождения текста, может обнаружить себя в выборе объектов окружающей действительности. Можем предположить, что в сочетаемостных способностях цветообозначений в первичном значении непременно проявится как общечеловеческое, так этнически маркированное. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, мы обратились к переводным художественным текстам, в структуре которых отмечается употребление обозначений красного цвета.

Как в русском, так и в китайском языке список знаковых единиц, используемых для обозначения красного цвета, содержит не один десяток единиц. Объясняется это многообразием оттенков красного цвета, получающих отдельное языковое обозначение. В данной статье мы ограничимся наблюдениями над доминантными обозначениями красного цвета в русском и китайском языках. В русском языке это слово *красный*, в китайском знаковая единица 红 (hóng).

В качестве объекта анализа были избраны художественные тексты, размещенные в Параллельном корпусе Национального русского языка [1]. Это русские художественные тексты, переведенные на китайский язык, и китайские художественные тексты, переведенные на русский язык. И в тех, и в других текстах отмечается фиксация знаковых единиц *красный* и 红 (hóng).

Прежде всего, обратим внимание на то, какие тексты с интересующим нас колоративом зафиксированы в параллельном корпусе НКРЯ. В Параллельном корпусе Национального корпуса русского языка по запросу перевода с русского на китайский было найдены семь таких произведений. Это произведения А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Горького, Н. А. Островского. Имена этих писателей известны всему миру.

По запросу перевода с китайского на русский язык найдено три произведения известнейшего китайского писателя, основоположника современной китайской литературы Лу Суня [2].

Анализ сочетаемости обозначений красного цвета позволил выявить несколько тематических групп существительных, обозначающих объекты красного цвета.

1. Наименования частей тела. Такие наименования в сочетаниях с обозначениями красного цвета встретились в русских и китайских текстах:

Приведем примеры таких употреблений:

– **красный нос**: *Истинная правда! – ввязался в разговор один сидевший рядом и дурно одетый господин, нечто вроде закорузлого в подьячестве чиновника, лет сорока, сильного сложения, с красным носом и угреватым лицом, – истинная правда-с, только все русские силы даром к себе переводят!* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868)];

– **красные пальцы**: *Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконнице, а когда я кончил, еще раз уставилась на меня* [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)].

– **красные руки**: 洗, 女人的臂膊都在水里浸得通红, 有的还带着绞丝银镯子 [鲁迅 / Lu Xun. 祝福 / Zhufu (1924)].

2. Наименования артефактов. Это самая многочисленная группа сочетаний в русских и китайских текстах:

– **красная рубашка**: *В своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними* [И. С. Тургенев. Муму (1854)];

– **красные факелы**: *Уж тут ваше дело нарисовать картину, господин поэт... только я бы хотела, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобы глаза у вакханок блестели под венками, а венки должны быть темные* [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)];

– **красный кирпич**: *Возле меня, по запыленной крапиве, лениво перепархивали белые бабочки; бойкий воробей садился недалеко на полусломанном красном кирпиче и раздражительно чирикал, беспрестанно поворачиваясь всем телом и распустив хвостик; всё еще недоверчивые вороны изредка каркали, сидя высоко, высоко на обнаженной макушке березы* [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)];

– **красный лук, красные стрелы**: 羿又在房里转了几个圈子，走到堂前，坐下，仰头看着对面壁上的彤弓，彤矢，卢弓，卢矢，弩机，长剑，短剑，想了些时，才问那呆立在下方的使女们道-太太是什么时候不见的？[鲁迅 / Lu Xun. 奔月 / Ben yue (1926)];

– **красные свадебные носилки**: 她婆婆来抓她回去的时候，是早已许给了贺家坳的贺老六的，所以 回家之后不几天，也就装在花轿里抬去了 [鲁迅 / Lu Xun. 祝福 / Zhufu (1924)];

– **красный холст**: 他们一不小心，一松手，阿呀，阿弥陀佛，她就一头撞在香案角上，头上碰了一个大窟窿，鲜血直流，用了两把香灰，包上两块红布还止不住血呢 [鲁迅 / Lu Xun. 祝福 / Zhufu (1924)].

Как видим, художники слова в этом случае чаще обращаются к обозначениям красного цвета со специальной художественной целью; к примеру, с целью передать свое отношение к герою, вызвать ту или иную эмоцию у читателя, передать колорит эпохи и др.

3. Наименования природных объектов. Отмечены в сочетаниях с обозначениями красного цвета только в русских текстах. Красный цвет в восприятии русских художников слова ассоциируется с небом, лучами, чем-то блестящим, искрящимся:

– **кроваво-красная луна**: *Луна диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своем веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой* [Максим Горький. Старуха Изергиль (1895)];

– **влажно-красные лучи**: Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его пути, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими **влажно-красными лучами** только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст... [И. С. Тургенев. Муму (1854)].

– **красные облака**: Солнце только что село: на небе высоко стояли длинные **красные облака** [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)];

– **красные искры**: Я судорожно выдернул нож из кармана, судорожно раскрыл его – какие-то **красные искры** закрутились у меня в глазах, от страха и злости на голове зашевелились волосы... [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)].

Одиночными в русских переводных текстах являются сочетания колоратива **красный** с именем собственным и с наименованием материала для приготовления изделия:

– **Варенька красная**: Идем, и вдруг, можете себе представить, катит на велосипеде Коваленко, а за ним **Варенька**, тоже на велосипеде, **красная**, заморенная, но веселая, радостная [А. П. Чехов. Человек в футляре (1898)];

– **красная шерсть**: Княжна села, достала связку **красной шерсти** и, указав мне на стул против нее, старательно развязала связку и положила мне ее на руки [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)].

Как видим, даже в достаточно ограниченном фактическом материале обнаруживаются некоторые закономерности комбинаторики обозначений красного цвета.

Антропоцентричность картины мира, создаваемой языковыми средствами в текстах художественной литературы, проявляется, во-первых, в пристальном внимании к портрету персонажей. И в русских, и в китайских переводных художественных произведениях отмечаются сочетания обозначений красного цвета с соматизмами.

Частотность сочетаний наименований артефактов с обозначениями красного цвета также может быть объяснена антропоцентрическим видением мира. Человек живет в мире вещей, создаваемых им для своих нужд. В сочетаниях обозначений красного цвета с артефактны-

ми наименованиями отмечается высокая степень вероятности проявления символического смысла цветообозначения. К примеру, красный цвет рубашки Герасима в произведении Тургенева ассоциируется с богатством и открытостью души главного героя в противоположность убогости души старой барыни; красные свадебные носилки в произведении Лу Суня напоминают нам о символике красного цвета в свадебном обряде китайской культуры.

Объекты внешнего по отношению к человеку природного мира «окрашиваются» в красный цвет в связи с беспристрастным либо, напротив, эмоционально окрашенным зрительным восприятием мира персонажами, в последнем случае обозначения красного цвета характеризуются семантическими приращениями.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 10.09.2019.
2. Лу Синь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [tps://ru.wikipedia.org/wiki](https://ru.wikipedia.org/wiki). – Дата доступа : 18.09.2019.

УДК 73 / 76.036(476:510) «2017-2018»

Чжан Юйнін

БЕЛАРУСКАЯ НАРОДНА-ПАЭТЫЧНАЯ СПАДЧЫНА Ў ПЕРАКЛАДЗЕ НА КІТАЙСКУЮ МОВУ І ЯЕ МАСТАЦКАЕ ІЛЮСТРАВАННЕ

У артыкуле ўпершыню вызначаюцца новыя навукова-даследчыя і крэатыўна-мастацкія магчымасці ў транскантынентальнай папулярызацыі беларускай народна-паэтычнай спадчыны ў сувязі з перакладам яе на кітайскую мову ў разнастайна ілюстраваных беларускіх навуковых выданнях 2017-2018 гг. Выяўляюцца тэматычныя аспекты каштоўнага фальклорнага матэрыялу, яго сувязь з выяўленчымі сродкамі графікі і ўплыў на далейшае развіццё беларуска-кітайскага культурнага супрацоўніцтва.

У 1990-х–2010-х гадах, адразу пасля ўстанаўлення дыпламатычных адносін паміж Беларуссю і Кітаем, усталяваўся прадуктыўны міждзяржаўны дыялог, чаму спрыяла зацікаўленасць кіраўніцтва абедзвюх краін у пастаянным яго развіцці. Гэта

прыўнесла ў працэс культурнага абмену шмат новага, прагрэсіўнага і перспектывнага. Безумоўным дасягненнем можна лічыць удзел Беларусі ў сусветнай выставе “ЭКСПО-2010” у Шанхаі, дзе сваім мастацкім афармленнем і змястоўнасцю экспазіцыі беларускі павільён адыграў прыкметную ролю ў шматаспектнай папулярызаванасці сваёй краіны [2, с. 248]. Будаўніцтва кітайскімі кампаніямі гасцініцы “Пекін” у Мінску, Парка высокіх тэхналогій “Вялікі Камень” у Смалявіцкім раёне і іншыя важныя грамадскія аб’екты адкрываюць прынцыпова новыя магчымасці ў дынаміцы росту міжнародных культурных сувязяў. Выключна дынамічныя тэмпы мадэрнізацыі сучаснай КНР пры захаванні старажытных традыцый, прызнаныя ў свеце, вельмі адпавядаюць тым прынцыпам усебаковага развіцця, якіх прытрымліваецца Рэспубліка Беларусь [1].

Вялікі ўклад ў стварэнне неабходных адносін для плённых творчых кантактаў уносяць дзяржаўныя і грамадскія арганізацыі, творчыя саюзы. Дзякуючы такому працэсу ўзмацняецца ўзаемная цікавасць і ўзнікаюць новыя ініцыятывы, якія дапамагаюць плённаму супрацоўніцтву Беларусі і Кітая. Такім чынам, стратэгічнае партнёрства паміж гэтымі дзяржавамі ў культуры, навуцы і мастацтве набывае значныя доўгатэрміновыя перспектывы развіцця [3]. Важным крокам у адкрыцці новых аспектаў шматбаковага ўзаемага збліжэння з’яўляецца прапанова, якая паступіла ў 2016 годзе ад Кітайскай нацыянальнай Акадэміі навук у Нацыянальную акадэмію навук Беларусі па даследаванні фальклорных традыцый беларускага народа. Кітайскі бок, які вельмі адказна ставіцца да развіцця дыялогу культур з Беларуссю – геаграфічна далёкай, але ідэйна блізкай еўрапейскай краінай, жадае больш канкрэтна ўяўляць нацыянальныя асаблівасці менталітэту беларусаў, якія склаліся на працягу стагоддзяў, каб хутчэй знайсці агульную мову і, верагодна, падобныя рысы ў сваім айчынным светаўспрыманні, у сістэме жыццёвых каштоўнасцяў і да т.п. Пачатак гэтага трэба шукаць, безумоўна, у фальклорных традыцыях. Таму выбар трапіў на выданне народных афарызмаў, якія складаюцца з кароткіх прыказак і прымавак, звязаных з самымі рознымі сферамі дзейнасці, духоўнага, грамадскага жыцця і да т.п. Беларускія навукоўцы Цэнтра даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі з вялікім энтузіязмам, выкарыстоўваючы свой вялікі даследчы і выдавецкі вопыт, прыступілі да працы над першым у сваім родзе навукова-

папулярнымі праектамі. Ужо ў 2017 г. пабачыла свет выданне «Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі (з адвечнай мудрасці народнай)» [4]. Яго складалі – вядомыя навукоўцы А. Лакотка, Т. Кухаронак, А. Алфёрова – прапанавалі для першага знаёмства з выключнымі скарбамі народнай мудрасці наступныя яе тэматычныя аспекты: прырода, гаспадарчая дзейнасць, праца, матэрыяльны побыт, духоўнае і грамадскае жыццё, чалавек і яго мараль, агульныя разважанні, розныя павучанні і назіранні.

Апроч кароткіх фальклорных тэкстаў на беларускай мове, на кожнай старонцы выдання знайшлі сваё месца неабходныя ёмістыя каментарыі, якія дазваляюць зразумець глыбокі сэнсавы падтэкст народных выказванняў. А побач – бездакорны пераклад усіх гэтых важных асноўных і дадатковых звестак на кітайскай мове (перакладчыкі Ван Цінфэн і А. Раманоўская). Напрыклад, у раздзеле «Грамадскае жыццё» сустракаецца такая шматзначная прымаўка: *Адна пчала мёду не наносіць*. Ніжэй – вельмі змястоўны каментарый: «Наш народ пакінуў нам мудрыя заветы: які б ты дужы, працавіты і разумны ні быў, адзін шмат не зробіш, толькі талакой можна выканаць любую працу, пераадолець усе перашкоды» [4, с. 45]. Ніякіх сумненняў у тым, што сэнс такой прымаўкі будзе блізкі і зразумелы кожнаму кітайскаму чытачу. У Кітаі спакон веку выкарыстоўваўся прынцып калектыўнай працы, калі працавітасць і зладжанасць дапамагаюць здзяйсняць сапраўдныя цуды ў стваральных справах. Усе іншыя прыклады ў розных тэматычных раздзелах гэтага выдання на шматлікіх старонках таксама добра прадуманы і дазваляюць прадставіць лепшыя якасці беларускага народа ў самых розных жыццёвых сітуацыях. З такім выдатным народам, несумненна, сяброўства будзе моцным, надзейным, мэтазгодным і прынясе шмат важных дасягненняў нашым краінам.

Апрача тэкстаў, кожная старонка выдання добра праілюстравана. Тут – вялікая заслуга Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў, педагогі, выпускнікі і студэнты якой таксама былі далучаны да новага і захапляльнага задання. Узначалі гэтую групу вядомы беларускі графік, загадчык кафедры графікі мастацкага факультэта БДАМ Ю. Хілька. Ён прапанаваў пятнаццаці аўтарам з самымі рознымі стылістычнымі схільнасцямі стварыць кожнаму па невяліччай серыі ілюстрацый да розных раздзелаў агульнага выдання. Гэтая ідэя сябе апраўдала. У кнізе няма манатоннасці, паўторнасці, аднастайнасці. Сумяшчаецца больш традыцыйнае і вельмі неардынарнае па стылю выкананне графічных ілюстрацый. Але ў

гэтым і заключаецца моц фальклорных народных вобразаў, што яны не абмяжоўваюць творчай свабоды мастакоў, якія звяртаюцца да іх візуалізацыі на сучасным этапе. Сярод аўтараў трэба назваць ужо вядомых майстроў беларускай графікі – Валерыя Славука, Уладзіміра Вішнеўскага, Юрыя Хілька. Разам з імі – іх маладыя калегі, студэнты акадэміі: Хрысціна Іванцова, Юлія Мацура, Дар’я Петрусевіч, Фёдар Шурмялёў і іншыя. Усе графічныя работы былі выкананы ў 2016 годзе ў тэхніцы акварэлі, малюнка пяром, алоўкам, а таксама з выкарыстаннем акрылавых фарбаў, камп’ютэрнай графікі і да т.п. Трэба сказаць, што да з’яўлення такой сучаснай кітайскай ініцыятывы гэтыя беларускія графікі ніколі сумесна не стваралі так шмат кампазіцый на фальклорную тэматыку (больш за 100 ўзораў).

У 2018 годзе ўбачыла свет наступнае выданне запланаванай пяцічасткавай серыі (з народнапэтычнай спадчыны) – «Бегла ліска каля лесу блізка» [5]. Яно стала лагічным працягам папярэдняга выдання і мае наступныя раздзелы: прырода, стыхіі і час, раслінны свет, свойскія жывёлы і птушкі, свет прыродных істот, чалавек і яго культура, гаспадарка, промыслы, рамёствы; хата і яе абсталяванне.

У складзе творчай групы ілюстратараў з’явіліся новыя ўдзельнікі з вялікім творчым вопытам: Вольга Крупянкова, Таццяна Сіплевіч, Марыя Дарожка. А сярод самых маладых ўдзельнікаў – студэнты-графікі Юрый Бобыраў, Паліна Зюсь, Вікторыя Уткіна і іншыя. Цікава, што сярод маладых аўтараў жаданне ілюстраваць беларускі фальклор праявіла першая ў гісторыі акадэміі студэнтка кафедры графікі з Даніі Мацільдэ Утсэн. Такім чынам, 110 чарговых ілюстрацый узбагацілі пошукі і знаходкі сучаснай беларускай графікі ў сферы фальклорнай спадчыны, абумоўленыя актуальным і займальным творчым заданнем. У сваю чаргу, беларускія прыказкі і прымаўкі на кожнай з 262-х старонак тэксту атрымалі не толькі бездакорны пераклад на кітайскую і англійскую мовы, але і свае блізкія аналогіі на рускай, украінскай і польскай мовах. Трэба сказаць, што нічога падобнага яшчэ не выпускалася ў Беларусі і ў суседніх краінах, дзе фальклорная спадчына вельмі багатая і ва ўсіх адносінах мудрая і выхаваўча-павучальная. Вельмі сучасны і значны прыклад такога звароту да народных традыцый самым лепшым чынам аб’ядноўвае і навукоўцаў, і мастакоў, надае іх дзейнасці вельмі адкрыўчы і мэтанакіраваны характар.

Беларуска-кітайскія навуковыя, культурныя і мастацкія сувязі перажываюць зараз вельмі значны, нават небывалы перыяд свайго ўздыму. Фальклорныя традыцыі нашых краін як ніколі раней

патрабуюць руплівага і зацікаўленага звароту да іх вечных каштоўнасцей дзеля дасягнення многіх прагрэсіўных стваральных дасягненняў, узаемаразумення і фарміравання новых перспектыв садружнасці. Народная мудрасць – вельмі важная і невычарпальная крыніца ўсіх вялікіх пачынанняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ганчев П. Возрождающийся гигант. Цивилизация и философия древнего и современного Китая / П. Ганчев. – Минск: БГУ, 2006. – 390 с.
2. Китай глазами белорусов /под общей редакцией А. А. Тозика. – Минск: БЕЛТА, 2012. – 397 с.
3. Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов. К 25-летию установления дипломатических отношений / под общей редакцией А. А. Тозика. – Минск: Звезда, 2017. – 211 с.
4. Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі (з адвечнай мудрасці народнай) / Аўтары ідэі, укладальнікі А.І. Лакотка, Т.І. Кухаронак, А.Г. Алфёрава. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 135 с.
5. “Бегла ліска каля лесу блізка..”(з напроднапаэтычнай спадчыны) / Аўтары ідэі, укладальнікі А.І. Лакотка, Т.І. Кухаронак, А.Г. Алфёрава. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – 275 с.

УДК 811.161.3'37:811.581'37:398.9

З. У. Шведава

ВОБРАЗ НЕБА Ў БЕЛАРУСКАЙ І КІТАЙСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

У артыкуле аналізуюцца фразеалагізмы беларускай і кітайскай моў, аб'яднаныя наяўнасцю ў іх лексемы-кампанента неба, што ўяўляе адзін з фрагментаў фразеалагічнай карціны свету беларусаў і кітайцаў. Акцэнтуюцца ўвага на выяўленні месца і ролі лексемы неба ў фразеалагізмах, на стварэнні вобразаў для выражэння новых значэнняў і на адлюстраванні ў вобразах фразеалагізмаў успрымання паняцця неба беларускім і кітайскім народамі.

Кожная мова свету мае сваю ўнікальную семантычную прастору, і толькі ў кантэксце гэтай прасторы можна вызначыць і зразумець спецыфіку пэўнага фрагмента мовы. Нацыянальную карціну свету можна зразумець праз ключавыя словы мовы. Да ліку такіх ключавых слоў беларускай і кітайскай моў, несумненна, можна аднесці слова

неба, якое валодае не толькі замацаванай за ім сімволікай, але называе канцэпт, пад якім разумеецца сукупнасць ведаў, уяўленняў, паняццяў, асацыяцый, вобразаў і іншых ментальных утварэнняў, што парознаму звязаны з семантычнымі катэгорыямі (лексічнае значэнне, значнасць, сэнс) і моўнымі адзінкам, якія ўдзельнічаюць у аб'ектывацыі канцэпту.

Увогуле канцэпт «неба» з'яўляецца адным з канцэптаў глабальнага зместу, які перадае ўяўленні жыхароў планеты Зямля аб засвоенай прасторы ўсяго Сусвету і, у прыватнасці, нябеснай прасторы, і гэтыя ўяўленні не былі статычнымі, яны змяняліся з цягам часу. Пытанне аб тым, як чалавекам асэнсоўваецца прастора і як яна канцэптуалізуецца ў мове, ужо з'яўлялася аб'ектам увагі вучоных. Гэтай праблематыцы прысвечаны шматлікія работы, сярод якіх найбольш працы рускіх лінгвістаў (Аруцюнава 1998, 1999; Гак 2000; Краўчанка 1996; Кобазева 2000; Кубракова 2000; Лотман 1999; Урысон 1998; Шмялёў 2001; Якаўлева 1994 і інш.). Тым не менш вывучэнне таго, як асэнсаванне прасторы – макракосмасу – звязана з асэнсаваннем мікракосмасу, яшчэ далёкае ад свайго завяршэння.

Увага да фразеалагічных адзінак акцэнтуюцца на паняцці іх культурнай канатацыі ў пэўнай мове, паколькі фразеалагічнае значэнне істотна адрозніваецца ад, напрыклад, лексічнага значэння слова сваёй ускладненасцю, якая абумоўлена не толькі своеасаблівым сімбіёзам семантычных і кагнітыўных ярусаў, але і тым, што фразеалагізмы – моўныя і культуралагічныя знакі другаснай намінацыі, роля якіх найперш у ацэньванні, у характарыстыцы і выражэнні адносін да таго, што названа. А культурная інтэрпрэтацыя фразеалагічных адзінак спалучае ў адно цэлае моўную семантыку і культурную канатацыю, утвараючы, асаблівае, фразеалагічнае, ці, паводле тэрміна рускага лінгвакультуралага М. Л. Каўшовай, культурна-моўнае, значэнне [1, с. 59].

Акрамя таго, фразеалагізмы – гэта сродак і крыніца пазнання светабачання і светаўспрымання пэўнага народа. Прапанаваны артыкул прысвечаны аналізу фразеалагізмаў, якія аб'яднаны агульным кампанентам *неба* і вытворнымі ад яго і з'яўляюцца рэпрэзэнтантамі канцэпту, вызначэнню іх ролі, усімі разам і кожным паасобку, у канцэптуалізацыі аднаго фрагмента моўнай карціны свету беларусаў і кітайцаў. Крыніцамі збору вызначанай групы фразеалагізмаў паслужыў «Слоўнік фразеалагізмаў» І. Я. Лепешава [2; 3] як самы поўны збор беларускай фразеалогіі, што адносіцца да

літаратурнага ўжытку і «Кітайска-рускі фразеалагічны слоўнік» А. М. Готліба і Му Хуаіна [4].

Дамінуючымі пры вызначэнні паняцця неба ў беларусаў з’яўляюцца дзве характэрныя, ці прыродныя, прыметы – 1) лакальна-прасторавая, г. зн. неба як прастора, якая знаходзіцца над зямлёй, але на вялікай адлегласці, і 2) тэалагічная, г. зн. тлумачэнне і ўспрыманне неба як месцазнаходжання Бога і боскіх, вышэйшых сіл.

Лінгвакультуралагічны аналіз беларускіх фразеалагізмаў з кампанентам *неба* і вытворнымі ад яго (усяго 35 адзінак) паказвае, што найбольш актуальнай сферай, якая адлюстроўвае розныя карэляцыі неба, з’яўляецца ў першую чаргу лакальна-прасторавая парадыгма.

Неба як прастора характарызуецца найперш паводле сваёй аддаленасці, яно далёкае ад зямлі, што і знайшло адлюстраванне ў фразеалагізмах, з якіх выдзелім *сем вёрст да нябёс і ўсё лесам*; быць, адчуваць сябе *на сёмым (дзясятым) небе*; як *неба ад зямлі і між (паміж) небам і зямлёй*, у аснову якіх пакладзена прымета ўсведамлення чалавекам пра аддаленасць неба ад зямлі. Аднак кожны з гэтых фразеалагізмаў прызваны называць новае паняцце, як правіла, абстрактнага характару, выражаць адносіны чалавека да яго і даваць ацэнку.

Напрыклад, фразеалагізмы *сем вёрст да нябёс і ўсё лесам* ‘вельмі многа і абы-чаго (нагаварыць, наплесці і пад.)’ і *быць, адчуваць сябе на сёмым (дзясятым) небе* ‘бязмерна шчаслівым, вельмі задаволеным (быць)’ характарызуюцца агульным матывам вялікай аддаленасці, адлегласці ад неба, наяўнасцю агульнага лічэбнікавага кампанента і выразнай вобразнасцю, але называюць розныя паняцці, даюць ім розныя характарыстыкі, што выяўляюць тое каштоўнаснае, вартаснае, дзеля чаго і ўтвораны гэтыя адзінкі. Першы вызначае вялікую колькасць нагаворанага, сказанага кім-небудзь, а другі – прымету радаснага псіхалагічнага стану чалавека. Розныя ў іх вобразы, характарыстыка і ацэнка, якую нясуць фразеалагізмы: першы, нягледзячы на наяўныя семы ‘вельмі’ і ‘многа’, што матывавана першай часткай новага наймення – *сем вёрст да нябёс* (праз кампанент *сем* фразеалагізм суадносіцца з лічбавым, праз кампанент *вярста* як старажытную меру даўжыні і словаспалучэнне *да нябёс* – з прасторавым і касмічным кодам культуры), характарызуецца адмоўнай канатацыяй – сема ‘абы-чаго’ нагаварыць (параўн. *Меней гавары, болей пачуеш; Менш слоў, болей справы*), якая асабліва выяўляецца праз вобраз другой часткі – *і ўсё лесам*. Другі фразеалагізм – поўная процілегласць першаму, паколькі яму ўласціва

высокая станоўчая канатацыя: ён сімвалізуе стан самага высокага ўзроўню адчування шчасця і радасці чалавека.

Заўважым пра невыпадковасць выбару лічбы *сем* (адпаведна ў складзе фразеалагізмаў кампаненты *сем* і *сёмым*), якая з’яўляецца адным з асноўных лічбавых параметраў сусвету, што сімвалізуе паўнату і сукупнасць, дасканаласць, лічыцца асаблівай адзінкай у магаў, філосафаў, займае цэнтральнае месца ў рэлігіях розных народаў.

Так, паводле міфалагічных дадзеных, неба мае сем ярусаў ці цэнтраў, Бог жыве на самым аддаленым, сёмым ярусе, дзе знаходзіцца рай. Па народных уяўленнях, “святасць (святло) вышэйшага, сёмага, неба дасяжная толькі праведным людзям” [5, с. 328]. Вось і атрымліваецца, што сем вёрст – гэта вельмі шмат, і гэта як бы добра, але выкарыстанне супрацьлеглага *ды ўсё лесам* (праз кампанент *лесам* фразеалагізм суадносіцца з прыродным і раслінным кодам культуры), дзе *лес* выяўляе замацаванае за ім сімвальнае значэнне ‘цёмната, незразумеласць, бяссэнсіца’ (параўн. *цёмны лес; як у лесе; у лесе гадаваўся*). І такі вобраз з дапамогай асацыяцый, што ўзнікаюць пры гэтым, рэалізуе новае значэнне і даводзіць, што шмат сказаць, але без толку, не да месца – гэта нядобра.

А вось быць на сёмым небе – гэта адчуваць радасць, бо стаць, паводле свайго адчування, эмацыянальнага стану набліжаным да радаснага і шчаслівага знаходжання на сёмым небе, дзе жыве Бог, дзе пануе радасць і прыгажосць, у адрозненне ад звычайнага эмацыянальнага стану чалавека, што знаходзіцца на зямлі і які заняты вечнай працай, абцяжараны клопатам і мукамі.

Неба як верх, як аддалены нябесны купал, які пакрывае зямлю і знаходзіцца ад яе на адлегласці, на аснове асацыяцыі з дахам дома, хаты ўспрымаецца як дах, страх, што і пакладзена ў аснову метафарычных вобразаў фразеалагізмаў *небам крыты* ‘з дзіравым дахам’; *пад адкрытым небам* ‘на вуліцы, не ў памяшканні’; *пад голым небам* ‘на вуліцы, не ў памяшканні’, якія перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра знаходжанне чалавека ў памяшканні, дзе дзіравы дах, ці ўвогуле не ў памяшканні.

Найбольш выразна тэалагічная сфера прымет неба выяўляецца ў вобразах групы фразеалагізмаў, зыходнай крыніцай якіх з’яўляецца тэкст Бібліі, у прыватнасці, звесткі пра манну нябесную як дар Бога яўрэям у час іх саракадовага блукання па пустыні да сваёй «зямлі абяцанай».

Манна нябесная, якая штодзённа падала з неба разам з расой, набыла сакральны сэнс, а ў метафарычных вобразах фразеалагізмаў яна прыпадабняецца да жаданага, асабліва важнага ў жыцці чалавека

ці багацця падазронага характару (*манна нябесная; чакаць манны з неба* ці *чакаць манны нябеснай* ‘(чакаць) малаверагоднай дапамогі, падтрымкі, вынікаў’), да ўяўлення аб лёгкасці здабывання неабходнага (*манна з неба сыплецца (падае)* і *манна нябесная сыплецца (падае)* ‘каму-н. вельмі лёгка, само сабой дастаюцца сродкі для пражыцця, набытак і пад.’) ці перадачы высокай ступені інтэнсіўнасці жадання цуда (*чакаць як манны нябеснай* ‘з вялікім нецярпеннем, вельмі моцна’).

Прыземлена на фоне папярэдніх, асабліва фразеалагізмаў з кампанентам *нябесны* гучыць беларускі фразеалагізм *ва́ліцца (падае) з неба* ‘лёгка дастаецца каму-н.’, дзе вобраз створаны на аснове алюзіі з біблейскім аповедам і вобразамі папярэдніх фразеалагізмаў, але на аснове абранай метафары ў яго вобразе даводзіць, што ўсё тое, што чалавеку дастаецца без намаганняў, без прыкладання розуму і працы, прыпадабняецца да таго, што звалілася яму з неба. І фразеалагізм *ва́ліцца (падае) з неба* перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра бесклапотнае набывцё матэрыяльных выгод, само сабой прыходзячых удачы і выгады.

Калі ў фразеалагізмах *чакаць манны з неба* ці *чакаць манны нябеснай*, альбо *манна з неба сыплецца (падае)* і *манна нябесная сыплецца (падае)* скарыстоўваюцца варыянты з *неба*, ці *нябесны*, тым самым вызначаючы прыналежнасць да прасторава-лакальнага, ці рэлігійнага, біблейскага, аспекта ў характарыстыцы чалавекам неба, то яшчэ ў некалькіх новых адзінках ужыты кампанент *нябесны*, і яны выразна актуалізуюць тэалагічную прымету і характарызуюцца святасцю і велічнасцю, да іх у першую чаргу адносіцца назоўнікавы фразеалагізм *царства нябеснае* ‘рай, замагільнае жыццё ў раі’. Дзеяслоўны фразеалагізм *пускаць у царства нябеснае* ‘забіваць, знішчаць’, служыць для вобразнага наймення дзеяння з тым шкадаваннем і вызначэннем забітаму царства нябеснага, г. зн. паслясмяротнага месца ў раі праведных, бо чалавек не памёр сваёй смерцю, а забіты. Адметны вобраз ілюструе фразеалагізм *нябесная канцылярыя* ‘неба як месца фарміравання надвор’я’, які паводле кампанента *нябесны* далучаецца да другой групы адзінак, а паводле вобраза і семантыкі знаходзіцца на мяжы прасторавай і тэалагічнай парадыгмы. У фразеалагізме паводле падабенства канцылярыі як дзяржаўнай установы з яе службовымі асобамі, што вызначаюць справы людскія, прадстаўлена нябесная канцылярыя, дзе ўсе праявы атмасферных ападкаў, тэмпературы, увагуле надвор’я на зямлі вызначаюць непадуладныя людзям вышэйшыя сілы. У аснове вобразе

ляжыць метафара, што прыпадабняе месца дзеянняў багоў да нябеснай канцылярыі, і фразеалагізм служыць для жартоўнага абазначэння залежнасці надвор'я ад вышэйшых сіл, неба і разам з тым прызнання сілы і ўлады багоў.

У кітайскай мове неба (天 *цянь*) нельга суадносіць з паняццем Бога, бо Бог з'яўляецца асобай, а неба – сіла безасабовая (цянь – гэта вышэйшая светабудаўнічая сіла, дзякуючы якой змяняюцца поры года, дзень і ноч, спее ўраджай і інш.). У старажытнакітайскіх тэкстах слова *цянь* 天 трактавалася па-рознаму: 1) вярхоўнае бажаство, вышэйшая сіла; 2) вышэйшы прыродны пачатак, член Вялікай Трыяды «Неба-Зямля-Чалавек»; 3) прырода; 4) прыродны пачатак у чалавеку і інш. [6].

Кітайскі этнас стварыў адмысловы тып культуры, які адрознівае яго ад культуры іншых народаў. І адной з істотных дыферэнцыруючых прыкмет з'яўляецца вобраз Неба, які вызначыў назву краіны як Паднябеснай. Характэрнай асаблівасцю кітайскай культуры з'яўляецца яе асаблівая даверлівасць у адносінах да свету прыроды. На ёй узрос даасізм. Інтуітыўная адкрытасць людзей да мудрасці прыроды дазволіла кітайцам стварыць арыгінальную карціну свету, дзе не было месца ні варожасці, ні недасканаласці, ні дысгармоніі. Згодна даасізму, Неба і Зямля даўгавечныя, таму што яны існуюць не для сябе; Неба і Зямля не валодаюць чалавекалюбствам і прадастаўляюць ўсім істотам жыццё ўласным жыццём.

Кітайскія фразеалагізмы з кампанентам *неба* (усяго 66 адзінак) таксама адлюстроўваюць неба як прастору бязмежную, напрыклад: «*Море широко, небо необъятно*» – безграничный, беспредельный; вольный простор; беспредметный разговор; разговаривать обо всем на свете» [4, с. 170]; «*До пределов неба, до пределов земли*» – огромный, громадный; безграничный» [4, с. 202]; далёкую, супрацьлеглую зямлі, напрыклад: «*Два шага, (но как) до края неба*» – хоть и близко, но никак не сойтись; хоть и близко, да словно на краю света; словно стена отгораживает, отделяет» [4, с. 566]; «*Различие между небом и землей*» – как небо и земля; огромная разница; резко отличаться» [4, с. 415]. Бязмежнасць неба параўноўваецца з бацькоўскай любоўю: «*Великое небо не знает пределов, беспредельность мира*» – бесконечность родительской любви, родительского добра» [4, с. 175].

Але ў большасці кітайскіх фразеалагізмаў неба выступае вышэйшай сілай, уладаром прыроды, напрыклад: «*Совершенно потеряют доброту Неба*» – ни капли доброты не осталось; озлобится до крайности; потеряют человеческий облик» [4, с. 373]; «*Стремиться к*

заслугам Неба» — присваивать себе чужие заслуги; стремиться заполучить Богом данное; все заслуги приписывать исключительно себе одному; пожинать чужие лавры; пожинать плоды чужих трудов» [4, с. 407]; «Быть вместе по воле Неба» — браки заключаются на небесах; найти свою половину; Бог дал случайное совпадение; как раз; в самый раз; как нельзя кстати; удачно» [4, с. 416]; законам, напрыклад: «Закон неба и принцип земли» — непреложная истина; незыблемый закон; само собой разумеется; аксиома; соответствовать всем законам; вполне закономерный» [4, с. 414]; увасабляе бездакорнасць, напрыклад: «У небесных одежд нет швов» — совершенный; идеальный; без малейшего изъяна; комар носа не подточит; не к чему придраться; безукоризненность» [4, с. 416]; гармонію, напрыклад: «Создано небом, устроено землей» — гармоничное создание природы, не требующее доработки человеком; идеальный от природы» [4, с. 416]; праўду і справядлівасць, напрыклад: «Прозрачный и чистый, как синее небо» — правда и справедливость» [4, с. 547]; «Доброму человеку небо помогает» — все будет хорошо (слова утешения)» [4, с. 201].

Неба прадвызначае лёс чалавека, што фіксуюць наступныя фразеалагізмы: «Благодарить Небо, зная свою судьбу» — быть довольным своей судьбой; быть благодарным своей судьбе» [4, с. 253]; «Человеческая судьба связана с Небом» — все мы под Богом ходим; от судьбы не уйдешь; вопрос идет о жизни человека» [4, с. 357].

З небама ў кітайскай фразеалогіі звязаны дзяржаўны лад і палітыка дзяржавы, напрыклад: «Белое солнце в синем небе» — ясный, светлый; добродетельный; середь бела дня; светлая среда и справедливая политика» [4, с. 343]; «На небе нет двух солнц» — в государстве не может быть двух правителей (хозяев); стремление к единовластию» [4, с. 415].

Такім чынам, вобраз неба ў беларускай фразеалогіі паўстае перад намі як прастора без межаў, аддаленая і супрацьлеглая зямлі, як чужая і недасяжная, і разам з тым як месца багоў, райскага жыцця. У кітайскай фразеалогіі неба таксама ўяўляе сабой бязмежную прастору, аддаленую і супрацьлеглую зямлі, але, у першую чаргу, неба ў кітайскай фразеалогіі — уладар прыроды, вышэйшая сіла, дзякуючы якой дасягаецца гармонія і суладдзе, якая прадвызначае лёс людзей.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. — М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. — 456 с.
2. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. — Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. — Т. 1. А—Л.— 672 с.

3. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2. М–Я. – 704 с.

4. Готлиб О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.

5. Міфалогія беларусаў : энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

6. Китайская философия : Энциклопедический словарь. – М. : Мысль, 1994. – 573 с.

УДК 811.581'25:821.581-1:811.161.1:811.161.3:75.04(510)

Е. Ф. Шунейко

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕЛИКИМ КИТАЙСКИМ ПОЭТАМ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДАХ И СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ

В статье выявляются примеры современного обращения к классической китайской поэзии, осуществленные в Минске в переводах на русский и белорусский язык Ли Дзо и Н. Метлицким. Дается характеристика живописным произведениям китайского художника Сянь Сяоцяня, который впервые создал образы великих поэтов прошлого в реалистическом стиле. Эти достижения являются выдающимся культурным началом, способствующим широкому приобщению современного общества к великим гуманистическим ценностям.

Китайская поэзия, насчитывающая уже 25 столетий своего развития, является одной из древнейших в истории мировой литературы. Она стала доступной в большом географически-культурном пространстве в разное время, благодаря многочисленным переводам на многие языки. В современную эпоху глобального диалога культур, который с начала 2010-х гг. приобретает все более активный характер, вновь заметно возрастает интерес к китайской поэзии, как носительнице высоких гуманистических идеалов, которые сейчас очень актуальны и жизненно необходимы в нашем столетии.

Минск стал в настоящее время одним из центров обращения к классической поэзии Китая в переводах на русский и белорусский язык. Среди лидеров этого творческого диалога необходимо назвать педагога БГУ Ли Цзо, который в 2015 году перевел на русский язык и

издал сборник поэзии Ли Бо [1]. Наряду с ним в эту ответственную работу включился и известный поэт Н. Метлицкий, который является автором переводов на белорусский язык стихотворений 200 поэтов Китая [2]. В результате такого значительного открытия литературных произведений возрос и общественный интерес к самим личностям дальневосточных поэтов, к их сложным судьбам, неординарной артистической внешности. Но очень сложно было представить не только белорусским читателям, но и художникам, как могли выглядеть эти выдающиеся личности, чье слово и через столетия обладает неукротимой и вдохновляющей силой воздействия. Традиционная восточная живопись, как правило, лишь в лаконично-условных и предельно-обобщенных формах доносит образы поэтов из прошлого.

Иными возможностями обладает масляная живопись, которая в Китае успешно развивается уже более столетия. Необходимо было найти примеры того, как решают, прежде всего, современные китайские живописцы эту важную художественную задачу. Одним из выдающихся китайских мастеров портрета реалистического стиля был Сянь Сяоцян (1955–2005). На его творчество следует обратить особое внимание в связи с большими творческими заслугами этого современного художника. Ничто уже не мешало мастеру передать свое увлечение к великим личностям в области литературы. Он начал создавать настоящую энциклопедию личностей, которые являются гордостью китайской нации [3, с. 257].

Поэт Цюй Юань (340–78 до н. э.) – из эпохи Воюющих Царств. Он является самым первым литератором древнекитайской литературы на заре ее возникновения. Как страстный патриот своей родины он не выдержал ее захвата могущественными соседями и покончил с собой, бросился в реку. С тех пор китайцы отмечают праздник на водах Хуанхэ в честь поэта-героя, проводят состязания в гребле и т.п. Здесь у художника была не самая легкая задача воскресить личность, которая овеяна многовековыми легендами и сказаниями. Цюй Юань изображен на портрете во фронтальной позиции. Он смотрит прямо на зрителя. Его лицо освещено отблесками наступающего вечера, и можно видеть черты его лица до мельчайших подробностей. Такое решение редко можно встретить в портретной живописи, когда картина рассчитана на очень доверительный и близкий диалог со зрителем. Поэт облачен в старый коричневого цвета халат с широким боковым запахом. Такая традиционная одежда не дает представления о его социальном положении, хотя он был из очень состоятельной семьи. Но в портрете художника меньше всего волнует социальная ди-

станция, которая может создать ненужный барьер между зрителем и портретируемым (илл. 1). Поэт из очень далекого прошлого воспринимается нашим современником, которому близки все проблемы начала нового века. Лишь специфическая шапочка литератора, украшающая его чело, говорит о его связи с теми временами, когда Китай пребывал в раздробленности и страдал от войн, распрей, жестокостей и насилия. А поэт – всегда против такого антигуманного состояния общества и готов пойти на крайние меры самопожертвования, чтобы прекратить вакханалию бесчеловечности. За фигурой Цюй Юаня – бескрайние дали реки и неба, озаренные тревожным вечерним светом. Состояние природных стихий соответствует тревоге и печали его души. Но чувствуется и мощная неукротимая воля к преодолению всех жизненных невзгод. Ибо поэзия – это всегда сила убеждения и любовь к жизни, даже ценою самых больших жертв.

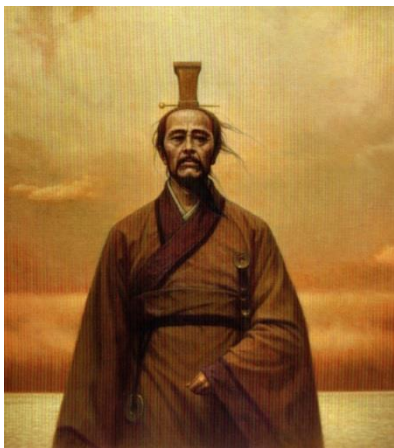
Поэта-классика Ли Бай (701–763), самого почитаемого среди китайских литераторов прошлого, он показал ранним утром, когда он вышел на прогулку и вслушивался в тишину природы. Ничего лишнего нет за его портретной полуфигурой. Лишь небо и ранние облака. Художник мастерски приблизил поэта классической для культуры династии Тан к зрителю. Можно внимательно всматриваться в черты его лица. Он еще молод. Многие его поэтические шедевры будут еще рождены. Ибо он – в начале пути. На нем традиционный наряд того времени: конусоподобная шапочка, синий халат (илл. 2). Для создания этого портрета трудно было найти в качестве документального материала изображение поэта в традиционной или масляной живописи. В основном всех удовлетворяли старые-престарые копии с древних живописных свитков. Современный художник решил сделать образ поэта более реалистичным и смог убедительно донести его личностные характеристики в своем произведении. Здесь его стиль лаконичного изображения и концентрации внимания на главном себя оправдали. Поэт-классик обрел свое современное лицо. Оно вполне сопоставимо с его произведениями, в которых высокие устремления всегда побеждают слабость и сомнения. Не случайно, что его лицо на портрете обращено ввысь, словно он прислушивается к шуму ветра или пению утренних птиц. Возможно, он уловил некое особое настроение в природе, которое можно передать только лаконичными строчками поэзии? В таком ключе выявлены и другие творческие личности. Они как бы заново воскрешены силой портретного искусства для нашей современной жизни.

Ду Фу (712–770) – один из величайших поэтов Китая, особенно ценимый за те стихи, где он отождествляет свою горькую судьбу со

страданиями всего китайского народа. Он был связан долгой и теплой дружбой с Ли Бай. Их часто упоминают рядом как двух величайших гениев всей китайской поэзии. Также очень выразительный образ этого поэта-классика создал художник в своей портретной серии. Даже без таких атрибутов, как рукопись текста в руках литератора, можно проникнуть в мир его поэзии. В этом портрете нет ничего лишнего. Как и сама китайская поэзия, где много лаконичности и метафорической глубины в тонкой недосказанности, так и портретная живопись, посвященная поэтам, не может быть перегруженной и поверхностной.

Ду Фу сидит скромно у левого края картины на большом валуне. За его фигурой – белое условное пространство, ничем не заполненное. Лишь в правом нижнем уголке картины, как росчерк пера – тонкая контурная веточка без единого листочка. Лицо поэта-странника как зеркало его страстной души. Он пережил многие невзгоды, но остался верным своему призванию. У него нет особых богатств, кроме свитка с поэтическими текстами в правой руке. Но это – бесценные письма, которые и через столетия будут жить среди людей. Художник работал в своем образном и лаконичном стиле над этой уникальной серией на протяжении пяти лет (1999–2004), уединившись в одном из садов родного города Гуанчжоу. Затем к художнику пришел успех и широкое признание. И тогда появился еще один очень романтический и тонкий образ поэтессы Ли Тинджао периода Тан (лл. 3). Пожалуй, раньше не было даже самых скромных попыток написать портрет поэтессы как незаурядной творческой личности. В данном произведении создан ее художественный идеал. Поэтесса изображена за таинственной балюстрадой в позднее время осени, когда уже опадают листья и созревают в садах плоды разного цвета и вкуса. Ветвь одного такого диковинного растения украшает фон портретной композиции и подчеркивает затаенную грусть Ли Тинджао. Она нарядно одета, у нее в руках свиток с поэтическими строчками. Но ее тяготит мир общепринятых правил и законов. Свои мечты о свободе она доверяет лишь перу и бумаге.

В целом все портреты Сянь Сяоцзяня воспринимаются одной большой поэтической серией, которая могла бы продолжаться долгие годы. Но жизнь художника оказалась не самой долговечной. Тем не менее, это очень важное начало для многих поколений художников нового столетия. Поэтические образы великих классиков литературы – еще не до конца «спетая» живописная песня в честь их великих достижений. И, несомненно, эта тема может стать для белорусского изобразительного искусства очень плодотворной и актуальной.

1. Цюй Юань

2. Ли Бай

3. Ли Тинджао

Список использованных источников

1. Ли Бай. Сто избранных лирик / перевод с китайского и составление Ли Цзо. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2012. – 134 с.
2. Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая / укладанне і пераклад на беларускую мову М. Мятліцкага. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2014. – 278 с.
3. 潘天寿著. 中国绘画史. 北京 : 中国文史出版社, 2015 年 -282 页
(Пань Тяньшоу. История китайской живописи / Пань Тяньшоу. – Пекин : Издательство китайской литературы и истории, 2015. – 282 с.).

УДК 398.33(=161):398.33(=581)

Ян Чжифэн

ТРАДИЦИИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КИТАЙЦЕВ

杨志丰

中国和东斯拉夫人民的传统历法

В статье рассматриваются традиционные обычаи восточнославянских и китайского народов, относящиеся к календарной обрядности. Подчеркивается, что небесные светила – Солнце, Луна и звезды – восприни-

маются разными народами по-разному, но в тесной связи с их повседневной хозяйственной жизнью. Народные календари восточных славян и китайцев ориентированы на смену не только дня и ночи, но и пор года: весны и лета, осени и зимы. Отмечаются различие и сходство в традициях календарной обрядности восточных славян и китайцев.

太阳直射点的回归周期是 365 天 5 小时 48 分 45.9747 秒，这是在现代科技的帮助下人类测算的准确结果。但在科技尚未如此发达的时候，世界各地人民对一年长度的测算方法各有不同，结果也不尽相同。

公元前 2697 年，华夏始祖轩辕黄帝登基，并颁布新的历法：农历，民间又称阴历。以公历（格里历）2019 年为例，自 2019 年 2 月 5 日至 2020 年 1 月 24 日，为农历开元 4716 己亥猪年。

民间所称的“阴历”其实并不准确。阴历以月亮的变化周期，即朔望月为参考，不考虑太阳公转周期，满月为月中，残月为月初月末。目前只按照阴历的伊斯兰历，十二个朔望月为一年，平年 354 天，闰年 355 天，且不置闰月，每一伊斯兰历年都会与公历相差 11 天左右，这样一来，穆斯林的封斋和朝觐日期，在伊斯兰教历是固定的，但在阳历中，每 32.6 年，就每个月都轮了一次，依人的一般寿命，一生中，春夏秋冬四个季节甚至每一个月，都有可能体会封斋和朝觐的不同感受。与阴历相对应的还有阳历。

公元前 48 年，罗马统帅凯撒大帝（Юлий Цезарь）征服埃及，带回了埃及的阳历。即地球绕太阳一周为一年，每个阳历年的平均天数为 365.25 天，其中平年（Обычный год）365 天，闰年（Високосный год）366 天，一年分 12 个月。因为凯撒的生日在 7 月，他要求这个月必须为大月，于是天文学家将奇数月份为大月 31 天，偶数月份为小月 30 天，但这样平年便有了 366 天，当时罗马的死刑都在 2 月执行，便从这不吉利的月份中扣除 1 天，平年 29 天，闰年 30 天。

凯撒去世后，他的外侄孙屋大维继位，而屋大维的生日在八月，他也为了体现自己的崇高地位，下令将 8 月也定为大月，9 月 11 月改为小月，10 月 12 月改为大月，8 月多出来的一天又从 2 月扣除 1 天，平年 28 天，闰年 29 天。

公元 882 年，东斯拉夫的第一个早期封建国家——基辅罗斯（Киевская Русь）建立。当时，还是原始氏族公社的古罗斯信仰多

神教（Язычество），生产力低下，面对广袤的土地、平原、森林、沼泽，人类自身显得如此渺小，便开始将希望寄托于超自然的力量，保佑人类生存发展。人们认为万事万物皆有神灵，如雷神佩伦（Перун）、教化人类的天火之神斯瓦罗格（Сварог）以及他的两个儿子：给予人类财富的太阳神达日博格（Дажьбог）、地火神斯瓦罗日奇（Сварожиг）。

但随着社会的发展、早期封建统治的巩固，混乱的多神教已经无法履行宗教在政治活动中的精神领导作用，无法维护和巩固封建统治，当时的统治者弗拉基米尔大公开始试图改变这种局面，从多神教众多神灵中选出六位，作为多神教的代表性神灵，以此来统一各个部族信仰的多神教，但效果并不理想，弗拉基米尔大公只得另寻方法。

弗拉基米尔大公的另一个选择，是基督教。在基辅罗斯，除了信徒众多的多神教，还有小部分人信仰基督教，且基督教体系较为系统，其教义能很好地为国家统治服务，基督教国家在当时国际舞台上政治地位稳固。

公元 987 年，基辅罗斯帮助拜占庭（东罗马 Византия）平定了小亚细亚地区的叛乱，弗拉基米尔迎娶了拜占庭皇帝巴西尔二世之妹，公主安娜。婚后，安娜率领拜占庭神父前往基辅，为罗斯人进行入教洗礼。

基督教成为了基辅罗斯的国教，儒略历也成为教历，民历也按照当时周边邻国的习俗将阴历改为创世（Сотворение мира）纪年历，即以基督教传说中上帝创造人类始祖亚当那一年（5508）为元年，3 月 1 日为新年第一天。基辅罗斯形成了教历与民历两种历法共存的局面。

文艺复兴时期，波兰天文学家尼古拉·哥白尼（Николай Коперник）提出日心说（Гелиоцентризм）。不久，天文学家们又计算出太阳回归年（Тропический год）的准确时间为 365.2425 日。以太阳回归年的准确时间为标准，儒略历平均一年比一个太阳回归年长 11 分 14 秒，从基督教第一次大公会议——尼西亚会议（Нике́йский собо́р，公元 325 年）到罗马教皇格里高利十三世（Папа Григорий XIII）时期，儒略历比太阳回归年共晚了 10 天。1583 年，格里高利十三世将儒略历向前移动 10 天，并规定把未来各世纪的最后一个闰年改为平年，宣布欧洲天主教世界实行欧洲纪元，即以耶稣基督（Иисус Христос）降生那一年为元年，这便是如今世界上使用范围最广的格里高利历法，即公历。

有趣的是，格里戈利历规定：虽然四年一闰，但是逢百年而不能

用 400 整除者不闰，所以儒略历在 16、17 世纪比公历早 10 天、18 世纪早 11 天、19 世纪 12 天、21 世纪 13 天，这也是东正教的圣诞节（Рождество Христово 1 月 7 日）比基督教的圣诞节（12 月 25 日）晚 13 天的原因。如果我们能活到 22 世纪，便可以在 1 月 8 日过东正教的圣诞节了。

阴历和阳历，中国传统纪年法属于哪种呢？答案是两种都属于，又两种都不属于。阴历可指导渔民了解潮汐的时间，利于渔业发展。可阴历无法反应一年四季的变化，对于传统农耕社会的中国，没有太大的指导作用，例如春种秋收，中原大地四、五月芒种播种，九、十月收获。如果只按照阴历，十五年之后就变成了九、十月份播种，来年四、五月份收获。为了克服这个缺点古代的劳动人民制定了新的立法一阴阳合历。

以阴历朔望月为一个月，以阳历地球绕太阳公转一圈为一年，又以北斗星斗柄顺时针转 15 度（地球在黄道上每运行 15 度）为一节气，共 24 节气（春雨惊春清谷天，夏满芒夏暑相连。秋处露秋寒霜降，冬雪雪冬小大寒）。指导农业生产、影响衣食住行。阴阳历的平年有 6 个 30 天的月，6 个 29 天的月，加起来是 354 日，与一年的长度 365 日差 11 天。如果总是这样安排的话，那么，每三年就会差出一个多月。于是每三年加一个月，这个多加的月就叫做闰月。但是，后来人们发现三年加一个月太少，不能补上三年差出的 33 天；五年加两个闰月太多，又超出了五年差出的 55 天，如果在 19 年中加上 7 个闰月就能得到满意的结果。19 个回归年是 6939.75 日。19 年有 228 月加 7 个闰月是 235 个月，235 个月合计是 6939.55 日，与 19 个回归年的日数 6939.75 只差 0.2 天，也就是差不到 5 个小时。这就是了“十九年七闰法”。

参考文献

Список использованных источников

- 1.戴桂菊.《俄罗斯历法沿革史略》
- 2.乐峰.《俄国宗教史》.社会科学文献出版社.
- 3.中国传统历法—农历.

Содержание

<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Отражение оппозиции «муж – жена» в китайской и белорусской фразеологии.....	3
<i>Аксёничков-Бирюков С. Ю.</i> Традиции чаепития в Китае, России и Англии.....	7
<i>Асенчик Е. Ф., Шарникова А. В.</i> Образ луны в русской и китайской лингвокультурах (на материале поэтических произведений).....	11
<i>Ахраменко П. Е.</i> Культурологический аспект безличности и особенности передачи различных состояний в русском и китайском языках.....	16
<i>Бабкина П. С.</i> Эвфемизация общественных явлений в китайском языке.....	19
<i>Белодед В. А.</i> Зоометафора <i>серая мышь</i> в русском и китайском языках: семантика и этнокультурные коннотации.....	24
<i>Ван Имин.</i> Современный праздник урожая в Беларуси и Китае: сопоставительный аспект.....	29
<i>Воінава-Страха М. М.</i> Адметнасці беларуска-кітайскіх культурна-моўных узаемазвязей у кантэксце глабалізацыі (з вопыту Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта).....	33
<i>Головня А. И., Ду Бикунь.</i> Общность и специфика репрезентации антонимических концептов «жизнь» и «смерть» в русской и китайской наивных картинах мира.....	38
<i>Гомонова И. Г.</i> Китайские и квазикитайские поговорки в русскоязычном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка).....	43
<i>Горленко В. П.</i> Цикл обрядов рождения ребенка в белорусской и китайской семье... ..	48
<i>Дакукін А. Д.</i> Традыцыйная культура беларускага і кітайскага народаў як адметны аб’ект для навукова-даследчай дзейнасці вучняў.....	54
<i>Дин Ицзя.</i> Особенности датирования новогодних праздников в Китае и в славянских странах.....	59
<i>Дун Цзюньфэй.</i> Сравнительный анализ эмоциональных глаголов в русском и китайском языках.....	64
<i>Евтухова И. Г.</i> Символика цветообозначения <i>красный</i> в русском и китайском языках.....	68
<i>Жишкевич А. И., Юань Сунь.</i> Эмоционально-оценочные субстантивы с частично разными национально-культурными коннотативными значениями в русском и китайском языках.....	73
<i>Жуковец В.В.</i> Сборник переводов китайской прозы Г. Кашубы «Жизнь после смерти» в белорусском культурном пространстве.....	77
<i>Зубкова К. В.</i> Мотив оборотничества в европейской и китайской традициях в сопоставительном аспекте.....	83
<i>Инь Дунь.</i> Вторичные номинации жанров литературы и искусства в русском и китайском языках.....	87
<i>Исаченкова М. А.</i> Формирование понятий 神 <i>шэнь</i> и 鬼 <i>гуи</i> в свете бинарных представлений древних китайцев.....	91
<i>Кадол Ф. В.</i> Методические условия нравственного саморазвития обучающихся из категорий социального риска в Китае и Республике Беларусь..	97
<i>Капылоў І. Л., Кошчанка У. А.</i> Роля перакладной лексікаграфіі ў кітайска-беларускім дыялогу.....	101
<i>Касюк Н. С., Цзян Цюнь.</i> О методах перевода китайских устойчивых выражений на русский язык (на материале текста социополитической и экономической проблематики).....	108

<i>Ковалевич И. О., Федорова М. А.</i> Коммуникативные особенности русского и китайского интернет-дискурсов.....	113
<i>Коваль В. И.</i> Обряды вызывания дождя в традиционной культуре восточных славян и китайцев.....	120
<i>Коваль В. И., Левая С. А.</i> Восточнославянский «скотий бог» <i>Власий</i> и китайские 牛王 <i>Ню Ван</i> «князь волов», 馬王 <i>Ма Ван</i> «бог лошадей».....	125
<i>Кураш С. Б., Юденкова А. В.</i> Речевой образ китайца в русскоязычном коммуникативном пространстве (по материалам интернет-источников).....	130
<i>Кутузава С. С.</i> Падабенства і адрозненні сюжэтаў і матываў беларускага і кітайскага эпасаў.....	135
<i>Лапицкая Н. И., Чжан Ливэнь.</i> Идеи китайской и восточнославянской народных педагогик в преподавании РКИ для китайских студентов.....	138
<i>Лобанова А. Я.</i> Сон и сновидения в белорусской и китайской культурах.....	141
<i>Лобанович А. В.</i> Отражение особенностей национальной культуры в названиях белорусских и китайских брендов.....	146
<i>Лукашанец А. А., Ван Вэньцзюань.</i> Лексическая вариативность в разноструктурных белорусском и китайском языках.....	151
<i>Мельникова О. Н., Хуан Вэйвэй.</i> Паремии о счастье в русском и китайском языках.....	159
<i>Михалькова Н. В.</i> Специфика языковой концептуализации семейных ценностей в русской, английской и китайской картинах мира.....	164
<i>Морозов А. В.</i> Роль межкультурного диалога в процессе сохранения, преумножения и взаимообогащения духовно-нравственных ценностей восточнославянских и китайского народов.....	169
<i>Олейников Т. В.</i> Языковые особенности youtube-комментария (на материале русского и китайского языков).....	174
<i>Осипова Т. А.</i> Китайские пословицы и поговорки с компонентами-названиями животных.....	178
<i>Палуян А. М.</i> Звычaй і павер'і дародавага і родавага цыклаў у беларусаў і кітайцаў... ..	182
<i>Романенко Д. Ю.</i> Идеино-творческие созвучия в белорусской и китайской живописи 1960–2010-х годов, посвященные провинциальной тематике.....	186
<i>Рубаник Т. В.</i> Знакомство китайских студентов с легендами и мифологическими персонажами белорусов в процессе работы с аутентичными публицистическими текстами.....	190
<i>Себик А. А.</i> Отношения между китайскими иероглифами и иероглифическими ключами.....	195
<i>Серета Л. М., Игнатьева Е. А.</i> Аксиологические аспекты белорусской и китайской культур (на материале паремий).....	200
<i>Серикова И. В., Агаев Д. А.</i> Концепт «Великий шёлковый путь» в русском, китайском и туркменском языках.....	205
<i>Серикова И. В., Юлдашев Ф. К.</i> Китаизмы в современном русском языке.....	209
<i>Суколен А. Г.</i> Названия приправ в русском и китайском языках.....	213
<i>Сяо Кайсянь.</i> Прецедентное имя русской и китайской сказки как лингвокультурный код.....	218
<i>У Сянь.</i> Тема традиционных свадебных ритуалов в творчестве современного китайского живописца Ван Идуна.....	222
<i>Хазанова К. Л.</i> Прыродны свет у беларускіх і кітайскіх парэміях.....	225
<i>Холявко Е. И., Чжоу Вэньсюань.</i> Филонимы в русской и китайской речи.....	230

<i>Ху Вэй.</i> Басня как носитель этнокультурной информации в русском и китайском языках.....	235
<i>Цао Чэнь.</i> Китайско-белорусский Индустриальный парк «Великий Камень» и современные научно-технические инновации.....	240
<i>Цуй Чуаньцзян, Чжао Сюецинь.</i> Традиционные любовные и свадебные обряды китайцев.....	244
<i>Чекулаева А. С.</i> Структурные особенности цветолексем в русском и китайском языках.....	249
<i>Чечко Т. Н.</i> Особенности отражения духовно-нравственных ценностей в литературных традициях Древнего Китая и Древней Руси.....	254
<i>Чжан Жунсюань, Ли Цинхуа.</i> Пословица на седьмом небе как отражение языковой картины мира.....	258
<i>Чжан Хэ.</i> Обозначения красного цвета в переводных художественных текстах русской и китайской культур (на материале Национального корпуса русского языка).....	264
<i>Чжан Юйнін.</i> Беларуская народна-паэтычная спадчына ў перакладзе на кітайскую мову і яе мастацкае ілюстраванне.....	268
<i>Шведава З. У.</i> Вобраз неба ў беларускай і кітайскай фразеалогіі.....	272
<i>Шунейко Е. Ф.</i> Обращение к великим китайским поэтам в современных литературных переводах и станковой живописи	279
<i>Ян Чжифэн.</i> Традиции календарной обрядности восточных славян и китайцев.....	283

Научное издание

ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ

Сборник научных статей

Основан в 2017 году

Выпуск 2

Подписано в печать 09.12.2019. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 16,97.
Уч.-изд. л. 18,56. Тираж 90 экз. Заказ 793.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

